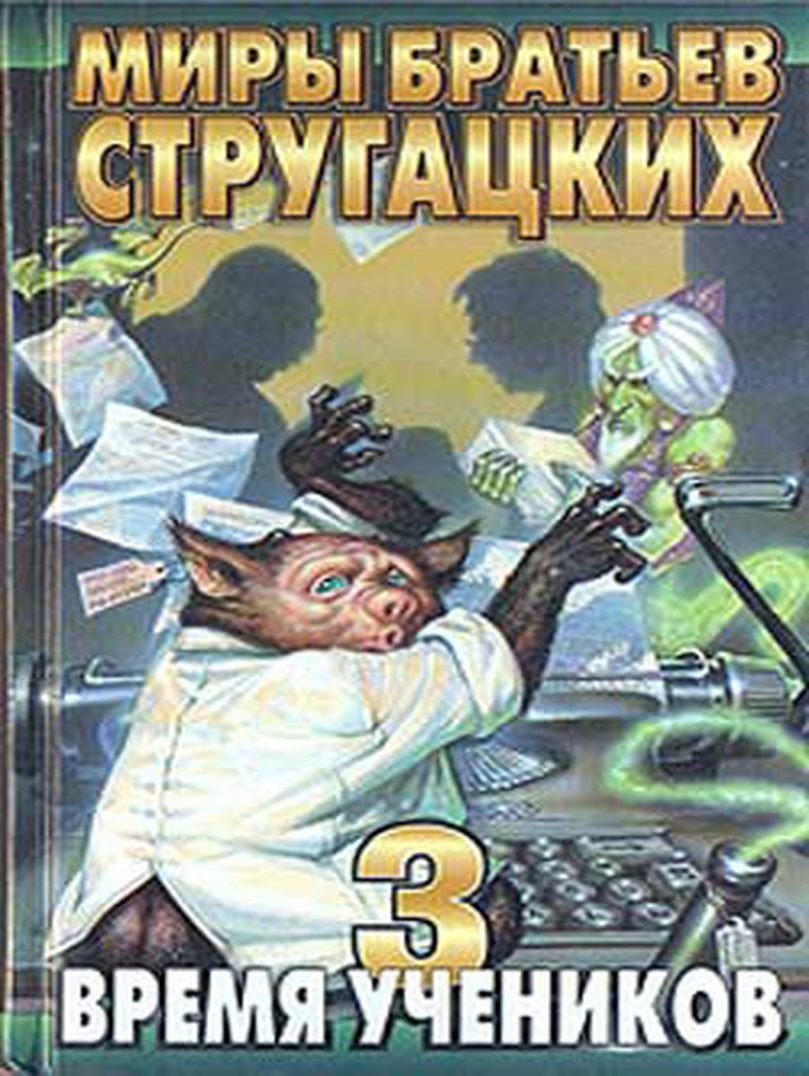
МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ



3

ВРЕМЯ УЧЕНИКОВ

Агент Иван Жилин

Александр Геннадьевич Щёголев

Аннотация
Александр Щёголев. Агент Иван Жилин. Вселенная братьев Стругацких
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Эпилог

Аннотация

Этот сокращенный БОЛЕЕ ЧЕМ ВДВОЕ роман ранее издавался в виде повести «Пик Жилина» в проекте «Миры братьев Стругацких. Время учеников».

Здесь впервые выложен полный его вариант, ранее не публиковавшийся.

Александр Щёголев
Агент Иван Жилин
Вселенная братьев Стругацких

Прощальные стихи
на веере хотел я написать, –
в руке сломался он.
Басё, сын самурая.

Глава первая

— Консервы, — с сожалением констатировал таможенник. — Зачем они вам?

— Странный вопрос, — улыбнулся я. — Угадайте с трех раз.

— Вы употребляете в пищу мясные консервы?

— Угадали.

Он укоризненно взглянул мне в глаза, вздохнул и ничего не ответил. Мой чемодан лежал перед ним на столе. Крышка чемодана была откинута, незамысловатый багаж одинокого путешественника выставлен напоказ. Я ощутил легкое раздражение.

— Надеюсь, мясопродукты не подлежат у вас изъятию?

— Нет, конечно, — снова вздохнул таможенник, взял тонкими длинными пальцами одну из пластиковых банок и принялся ее брезгливо разглядывать. — Вам, наверное, опытные люди посоветовали взять это с собой?

Я развернулся на сто восемьдесят градусов и огляделся. Другие пассажиры, прибывшие тем же рейсом, свободно проходили через турникеты, не

задерживаясь возле барьеров дольше обычного. Предъявить вещи к досмотру попросили меня одного.

— Вы тот самый Иван Жилин? — спросил он тогда меня в спину.

— В каком смысле «тот самый»?

— Вы указали в анкете, что по профессии писатель.

— Ах, вот из-за чего по отношению ко мне проявлена такая строгость.

— Я почему-то подумал, — смутился таможенник на секунду, — что вы — тот самый Жилин. Простите, если ошибся.

Понять, шутит он или нет, было непросто, поскольку взгляд его сосредоточенно шарил по моему чемодану, не участвуя в разговоре. Нормальный с виду парень, лет двадцати пяти. Форма очень шла его честному лицу, как и этот белый барьер, как и вся эта ситуация. Некоторые люди рождаются, чтобы быть стражниками, и ничего тут не поделаешь. Закончил училище, конечно, с отличием, и конечно же, не пьет и не курит, и с девушками, надо полагать, у него тоже все в порядке. Вот только мясные консервы почему-то невзлюбил. Или вдруг заподозрил, что в банках на самом деле что-то спрятано, и

теперь заговаривает мне зубы, незаметно орудуя зашитым в манжетах томографом?

— Что же вы памятку невнимательно прочитали? — укоризненно спросил он, не поднимая глаз. — Алкоголь ввозить запрещено. Мне очень жаль.

— Здесь что, сухой закон? — вновь повернулся я к нему, пытаясь показать, что эта новость ничуть меня не потрясла.

— Нет, спиртные напитки разрешено продавать и даже производить. И, тем более, их можно употреблять.

— Еще бы! Что же тогда нельзя?

— Только ввозить.

— Какая чушь, — сказал я.

Его губы тронула улыбка, но он промолчал.

— Всего две бутылки, — подмигнул я ему. — Лучшему другу. Он на меня обидится, если я заявлюсь просто так, можно сказать, без повода, особенно когда у него день рождения. Ну, так как?

Парень придвинул ко мне чемодан и произнес, испытывая явную неловкость:

— Можете сдать водку на хранение, а на обратном пути получите ее в целости. Прошу вас, товарищ Жилин. Вы только не волнуйтесь…

Волноваться не было причин, ведь порядок — он порядок и есть. Я собственноручно вытащил несчастные бутылки «Скифской» и поставил их перед суровым таможенником. Стас, конечно, не обидится, озабоченно думал я, даже полвопроса не задаст, тут я перегнул палку, Стасу достаточно меня самого, что с подарком, что без. И ребята будут рады, и малыш ректор, но… Черт вас всех забери! «Скифская» — любимый сорт Стаса, я специально искал в магазинах. У него ведь и правда завтра день рождения, удачно я подгадал с поездкой. Если не ошибаюсь, завтра ему ударит полста. Это, знаете ли, дата. Ей-богу, обидно: я ведь этой водкой просто хотел сделать ребятам приятное, показать, что до сих пор помню их вкусы. Семь лет мы не виделись, а семь лет назад, когда заварушка закончилась нашей общей победой, мы пили именно «Скифскую», именно Курского розлива, и даже Татьяна с Анджеем, хоть и были принципиально непьющие, нагрузились до полного непотребства…

— Дарю, — сказал я таможеннику. — На обратном пути мне это уже не понадобится.

— Сейчас, — засуетился он, — я выпишу вам квитанцию.

— Лучше выпей за мое здоровье, дружок. Со

своей подружкой, если она у тебя есть. Как я догадываюсь, ничего кроме здоровья ты в этой жизни не ценишь.

— И еще я обязан предупредить вас о том, что в анкете следует указать истинную цель визита, а также истинный род занятий. — Таможенник оправил форму, хотя, оправлять там было решительно нечего, он стряхнул с себя неловкость, как стряхивают прилипшую к пальцам паутину, и объявил: — У нас не лгут. Любая ложь в анкете — это основание для высылки, — и вдруг улыбнулся. — Если вы, к примеру, шпион, так и напишите — шпион. Если вы приехали сюда с целью совершить кражу, не стесняйтесь сознаться, что вы вор…

Мы оба посмеялись.

— Не беспокойтесь, — стал он серьезным, — дальше таможенного поста бумаги не уходят. Пока, разумеется, вы не нарушите закон.

— Я не нарушу закон, — сказал я. — И я действительно приехал навестить друзей. А вы, значит, никогда не врёте? Вы лично?

— Даже по долгу службы.

— Как интересно. Сами не врёте, а другим не доверяете.

Я взял чемодан под мышку и пошел в коридор,

а он с улыбкой произнес мне вслед:

— И все-таки вы похожи на скульптунру, товарищ Иван Жилин.

— Что? — я приостановился.

— Я уверен, что вы захотите жить иначе. Желаю вам здоровья.

— Что ты сказал насчет скульптуры, дружок?

— На площади есть скульптурное сооружение. Вы его обязательно увидите.

Не люблю таможенников, думал я, преодолевая кондиционированное пространство вокзала. С их внешней правильностью, которая, как правило, только внешняя. Хотя, здоровья он мне пожелал, по-моему, искренне. Какая сказочная наивность, думал я, проходя сквозь аркаду на привокзальную площадь. Нормальный человек не может всерьез воспринять обещание, будто бы за правду ничего не будет, какая бы она ни была, так на кого же они тут рассчитывают? Или сюда теперь ездят только ненормальные? А может, этот суровый вегетарианец валял дурака, не в силах побороть свою странную нелюбовь к писателям? Поистине здешний рай для туристов сильно изменился, думал я, вдруг ощутив себя старым и даже устаревшим…

Пахло морем. Невероятно пахло морем — как

только и может пахнуть на привокзальной площади курортного города, продуваемого всеми ветрами, и запах этот есть первое, что обнаруживает путник, вернувшийся сюда после многих лет разлуки. В запахе этом — долгожданная свобода. Уже к вечеру я перестану его замечать, но сейчас, вытряхнутый из комфортабельной клетки скоростного поезда, я был именно таким путником. И еще пахло пылью… Некоторое время я тупо принюхивался. Кому и зачем понадобилось портить воздух столь неудачным ароматизатором? Или это уличные фонары вдруг разладились? Я удивлялся, пока не сообразил, что пыль-то настоящая, и тогда я удивился еще больше. Просто каменная мозаика пешеходной зоны, равно как и асфальт в центральной части площади, почему-то не были покрыты статиком. Южное солнце свирепело с каждой минутой, нагревая Землю, и пыль устремлялась с потоками воздуха вверх, в сторону Космоса… Прошла поливальная машина, освежая асфальт водичкой. Пробежал сосредоточенный молодой человек, мерно работая конечностями и шумно дыша носом, за ним — девушка. Красивые загорелые тела, широкие шорты и майки. Пробежала спортивного вида дамочка — еще одна любительница здорового

образа жизни. Роскошный старик, обнаженный по пояс, делал на газоне гимнастику. Кроме этих чудаков народу было мало. Город еще просыпался, пестрые группы людей наблюдались только возле стоянки кибер-такси и вертолетной площадки. Мои попутчики успели разбрестись кто куда. Жизнь вокруг была вялой, блеклой, совсем не такой, как потоки бриллиантовых брызг из кранов поливальной машины.

Я осматривался, тщетно пытаясь разжечь в себе хоть искру сентиментальности. На крышах домов в противоположных концах площади имели место две гигантские надписи, которые, надо полагать, по вечерам горели огнем, и которых, разумеется, раньше не было и не могло быть. Одна гласила: «ЦЕНА ЗДОРОВЬЯ — ЖИЗНЬ. ВСЯ ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ», другая: «МЫ — ДЕТИ ПРИРОДЫ». Над домами торчала игла нового телецентра, который семь лет назад лишь начинали строить. Как прежде, радовал глаз неугомонный фонтан, в изобилии стояли пальмы, цветастые тенты и павильоны. Скучали без дела механические носильщики. И не было никакой скульптуры. Где же скульптура, призвал я к ответу всех таможенников разом, но не было мне ответа…

Таможенный офис также оказался на прежнем месте, и вот это как раз было самым удивительным, если вспомнить, какая участь его постигла. Я мстительно повспоминал. Стас ударил ракетой точно в сейсмический шов, в первый этаж, с расстояния не больше ста метров, и железобетонная коробка начала складываться внутрь себя, дома-то в городе ставят без нормального фундамента, кому охота забивать сваи в скальную породу, но Стас не пожалел вторую ракету, добив ненавистный символ прежнего порядка. Сотрудников в здании давно уже не было, люди из этого района разбежались сразу, едва мэрия огласила список объектов с особым порядком управления, куда конечно же попал и вокзал… Ректор сгоряча предлагал отдать сорвавшегося бойца под трибунал, но дело ограничилось временным выводом его из состава Совета. В тот день зверски зарезали сестру Стаса. Сделал это один из слегачей, перепутавших свой грязный сон с реальностью, и когда безумца скрутили, им неожиданно оказался начальник таможни. Случилось это уже после бунта слегачей. Психоз, незримо тлевший в голове чиновника, вспыхнул адским пламенем, вырвался на волю, и человек пошел развлекаться на улицу, одолжив у своего

садовника секатор для подрезания ветвей…

Вот оно, передо мной, уничтоженное таможенное управление. Восстало из бетонного крошева, напомнив умным людям, что свобода — это только иллюзия. Неужели Страна Дураков все-таки победила, неужели она всегда побеждает? Три этажа бетона, металла и стекла; широкий козырек под крышей, предохранявший окна начальников от прямого солнечного света. Словно дубликат здания привезли со склада. Или нет, не так — рухлядь торжественно достали из захламленного чулана и, наспех сдув пыль, объявили ее чистой, а пыль повисла над городом, медленно отравляя воздух… Ага, у писателя заработала фантазия, мысленно усмехнулся я. Включился генератор пафоса. Это не страшно, это мы выключим. Просто ребята из местного Совета всерьез верили, что настало время жить без границ и таможен, без запрета на иммиграцию и так далее. Планировали, что разместят здесь электронную библиотеку, в которой под патронажем Университета откроется международная школа юных программистов, чтобы родители везли сюда детишек со всего света. Где они, эти мечты?

Я развернулся, потому что за моей спиной кто-то стоял.

Не люблю, когда ко мне молча подходят со спины — у меня начинает чесаться между лопатками и хочется сделать что-нибудь резкое. Привычка, выработанная годами бурной жизни.

— Здравствуйте, Ваня, — сказал человек тихим голосом, и сказал он это на чистейшем русском языке. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Очевидно, он ждал, что я его узнаю. Я его не узнавал, и тогда человек с явным облегчением улыбнулся:

— Вы не меняетесь, Ваня. Такой же громадный, такой же жуткий, как и были. Где ваша знаменитая клетчатая рубашка?

— Привет, — откликнулся я. — Рубашку я не надел, потому что прибыл инкогнито. Мы что, знакомы?

— Это я вас вызвал.

— Вот как? — я вежливо удивился. — А я, наоборот, никого не вызывал. Вы, надо полагать, гид? Обслуживаете туристов?

— Я всех обслуживаю, даже тех, кто об этом не просит.

— Нетрадиционный подход. Но мне, большое спасибо, провожатые не нужны. Только не обижайтесь. Еще раз спасибо.

Я поднял с земли чемодан, решая, куда двинуть-

ся. Собеседник меня не заинтересовал, как бы обидно ему ни было. Что-то знакомое и вправду чудилось в его простоватом лице, что-то крепко забытое, какие-то запахи, голоса, и теснота, и жара, и холод, но прошлая жизнь давно уже не вызывала во мне никаких чувств, кроме досады. Никаких чувств. Пробудить мое любопытство способно было одно лишь будущее и, в некоторой степени, настоящее.

Сразу отправиться к Дим Димычу, в Строгий Дом, размышлял я. Исполнить то, ради чего, собственно, весь сыр-бор… Или начать следовало с другого? Можно было пойти в отель и разыскать кого-нибудь из наших. Можно было с ходу, не сходя с этого места, позвонить местным, тому же Анджею Горбовски с его великолепной Татьяной. Или усесться вот здесь, под тентом крохотного уличного ресторанчика, и позавтракать, жуя вместе с вегетарианским шницелем столь же нелепые воспоминания? Больше всего мне хотелось вернуться в здание вокзала и уехать обратно.

— Не хотите отойти? — предложил незнакомец, обогнув меня сбоку. Незнакомый знакомец. Почему-то он был еще здесь, никуда он не делся, настырный малый.

— Зачем?

— На нас смотрят.

На нас действительно смотрели, я и сам это уже заметил. Вернее, заметил не я, а тот мнительный и крайне неприятный во всех отношениях человечек, который поселился в моей голове как раз со времен славного боевого прошлого. Уличный ресторан, рядом с которым я остановился, не был пуст. Под широким полотняным навесом возле входа, почти касаясь затылком зеркальной витрины, сидел единственный клиент. Судя по всему, он сидел здесь прочно и долго. У мужчины было широкое скуластое лицо, широкий приплюснутый нос и характерный цвет кожи. Очевидно, выходец из Латинской Америки — метис, а то и чистокровный индеец. Мексиканец, каких обычно рисуют на карикатурах. Впрочем, почему бы ему не быть мексиканцем? Ау, мистер Джек Лондон, не ваш ли это герой? Он потягивал что-то безалкогольное и делал вид, будто вовсе на нас не смотрит, будто не нужны мы ему вовсе. Кого он хотел обмануть? Человечка, прогрызшего дырки в моей голове?

Чистейшая паранойя. Профессиональная болезнь всех бывших агентов, ушедших на пенсию писать мемуары. Я пошел по аллее, а знакомый

незнакомец зашагал рядом.

— Вы про того индейца? — спросил я шепотом.

— Это нак***О***м, — так же шепотом откликнулся гид. — Нет, я не его имел в виду.

— Наком?

— Не настоящий, конечно, — поморщился он. — Дело совсем не в нем… и не в них…

Я осторожно осматривался. Паранойя, уговаривал я себя. Что ж ты не угомонишься никак, старый вояка, стыдил я себя… В густой тени таможенного офиса пряталась сувенирная лавка. Покупательницей была пожилая дама, которая, присев прямо на прилавок, рассеянно перебирала подушки со значками. Симпатичная такая старушка, крохотная, но довольно пышных форм, в вязаной панаме кораллового цвета, прикрывающей жидкие седые кудри, в льняных брючках и парусиновых туфлях. Не о ней ли говорил мой спутник, намекая на слежку? Она-то как раз и смотрела на меня — в открытую разглядывала, вполне бесцеремонно. Или я заинтересовал пожилую даму просто как мужчина?

— Так в чем же дело, дружок?

— Я не гид, Ваня, — застенчиво признался странный человек. — Вы, наверное, не поняли. Это ведь я во всем виноват.

— В чем?

— Хотя бы в том, что вы приехали в эту страну. Это я вас сюда вызвал.

Сумасшедший? Или они здесь так развлекаются? Я посмотрел на него внимательно. Я плохо на него посмотрел, не лучше того профессионального наблюдателя, который позаимствовал у Джека Лондона авторские права на свою национальность. Даже переложил на всякий случай чемодан из правой руки в левую: правая у меня ударная.

— Разумеется, — приветливо кивнул я ему. — Все в порядке, дружок, я же не против.

Он избегал моего взгляда.

— Смеетесь, Ваня. Правильно, я бы тоже на вашем месте смеялся. Жаль, что у нас почти не осталось времени поговорить… — Собеседник внезапно прервался и остро взглянул вверх. — Те, кто на нас смотрит, спустятся на вертолете, — он показал пальцем. — Оттуда.

— Вертолет тоже вы вызвали?

— Нет, вертолет вызвали те, кто нас сейчас подслушивает.

Ого, подумал я. Мания преследования. Забавно началось утро, нельзя не признать. Впрочем, этому человеку, вероятно, нужна помощь, а я

тут шутки шучу вместо того, чтобы снять с пояса радиофон и срочно позвать более компетентных собеседников…

— Да вы не волнуйтесь, — сказал он, — все кончится хорошо. Запомните, пожалуйста, главное. То, что предназначено для вас, находится в камере хранения. Пароль ячейки совпадает с названием бара, в котором мы с вами когда-то познакомились, а номер ячейки — это номер в гостинице, куда вы меня тем же вечером отправили. Ну как, припоминаете что-нибудь? Только не произносите, пожалуйста, ничего вслух.

Ничего я не припоминал, хотя, его лицо и было мне знакомо. Если человек с тобой здоровается, а ты не можешь понять, кто он такой, значит, он в твоей жизни не значил ровным счетом ничего. В твоей прошлой жизни…

— Кто вы такой? — спросил я.

— Надо же, как сильно я изменился. Это хорошо. Когда вы меня вспомните, Ваня, прошу вас, не бегите сразу в камеру хранения, дождитесь момента истины. Вы межпланетник, вы все поймете правильно. То, что предназначено для вас — ваше и только ваше, но я хочу, чтобы вы не торопились. Не торопитесь, Ваня.

Он странно улыбнулся. И наши взгляды нако-

нец встретились. В глазах его была смертельная тоска.

— Вы все поймете правильно... — успел повторить он, прежде чем разговор кончился.

Звук возник резко, внезапно, заполнив собой мир, и пришел этот звук с неба. И еще — ураганный ветер. Рев двигателя. Я поднял голову — на аллею, едва не срезая лопастями пальмы, опускался могучий штурмовой «Альбатрос». На пятнистом корпусе не было ни опознавательных знаков, ни номера, была только невразумительная буква «L». Очевидно, геликоптер подкрался, используя новейшую акустическую и оптическую защиту. А потом что-то произошло, словно искра соскочила со лба винтокрылой машины, оставив в воздухе невесомую паучью ниточку, и земля под ногами дрогнула, и стало невероятно свежо, именно так, как всем хотелось в это насыщенное солнцем утро, порыв ветра сделал изображение расфокусированным, плоским, свет разъедал глаза, как кислота, но не нашлось сил, чтобы просто прикрыть веки, зато звуки приобрели очерченность, контрастность, и еще было странное ощущение в горле и в груди, потому что вдруг оказалось, что я перестал дышать, и тогда я вспомнил, что все это со мной уже случалось,

когда в Маниле наша группа поймала импульс диверсионного парализатора. Мысли текли медленно, как клей из опрокинутой банки. Эти тоже сбросили парализатор, медленно подумал я. Кто «эти»? С борта геликоптера один за другим спрыгивали безликие пятнистые фигуры, их прыжки были такими же тягучими, как мои мысли, как все вокруг. А потом я упал.

Мир повернулся набок, и стал виден гарпун антенны, воткнувшийся в газон — между киоском мороженщика и цветочными часами. Ага, вот откуда в пространство ушли вибрации, заморозившие любое живое движение в радиусе десяти метров! Мороженщик лежал, вывалившись из двери своего киоска. Лежал старик, занимавшийся на газоне физкультурой. И только мой знакомый параноик, которого я не успел сдать дежурным психиатрам, удирал прочь. Он бежал нестерпимо медленно, высоко задирая локти. Неужели есть люди, неторопливо размышлял я, на которых парализатор не действует? Чудеса. Такому бы в антитеррористических отрядах служить, а не развлекать туристов в этом провинциальном рае… Одна из безликих фигур отработано присела на колено, прицеливаясь из вакуум-арбалета. Сверкающая черта бесшумно пронзила воздух.

Бегущий по площади человек взмахнул руками и опрокинулся на спину.

Движение еще замедлилось, хотя, казалось бы, куда уж больше. Кто-то уносил подстреленное тело с асфальта и затем грузил его за руки за ноги в геликоптер. Кто-то вынимал из земли антенну, кто-то обыскивал, переговариваясь по радиофону, лежащего на земле свидетеля и его багаж (свидетелем был я), наконец — прощально взревели моторы, и все звуки разом стихли, как будто штепсель из розетки выдернули. И все вокруг остановилось. Не осталось ничего, кроме моих слабо шевелящихся мыслей, а потом остановились и они.

Глава вторая

— Я читал роман одного русского, по фамилии Жилин, — сказал лейтенант. — Он над нами немножко посмеялся. Вы имеете к этому писателю какое-то отношение?

— А вы подозреваете всех русских, — уточнил я, заставив деревянные губы двигаться, — или только тех, кто с фамилией Жилин?

— Ну что вы! — расцвел он улыбкой. — Русских я обожаю, сумасшедшая нация. Когда ООН сняла блокаду, к нам приехало много добровольцев из Советского Союза, и большинство здесь осело. И, между прочим, не одна молодежь. Вы читали Строгова?

— Да как вам сказать…

— А я, знаете, люблю его книги, жаль только, ничего нового он давно не издавал. Так вот, старик теперь живет у нас. Вы знали об этом? Поселился основательно, купил дом, и, по-моему, этот факт знаменует собой некую глобальную закономерность… Нет, нет, сумасшедшая нация! И Жилин ваш был сумасшедший, я о романисте, иначе не принял бы участие в нашей революции.

Вы помните, как он описал наш город?

— Я не читаю путеводителей.

— Путеводитель! — хохотнул полицейский. — Это вы хорошо выразились, надо будет рассказать ребятам на активе…

В боксе я лежал один, да и во всем госпитале, насколько я понял, больных было мало. В этом городе не любили болеть. Я тоже терпеть не мог болеть, но мне сказали: «Лежите», и я выполнял. Спазмов больше не было, разговаривать и даже мыслить я мог уже вполне свободно. Слух, нюх и прочие чувства вернулись, и вместе с ними вернулось чувство полной ненужности происходящего. Время текло мимо распластавшегося на простыне тела… Не знаю, кто допрашивал остальных свидетелей. Меня развлекал вот этот вот начитанный толстяк. Или, наоборот, я его развлекал?

— Хорошо, что вы не читали ту книжку, — продолжал лейтенант. — Я говорю о «Кругах рая». Иначе у вас сложилось бы неправильное мнение о работе местной полиции, вернее, сложилось бы мнение, что никакой полиции здесь не было вообще. И не помогли бы никакие ссылки на то, что дело было до революции. Просто у полиции рук на все безобразия не хватало.

— Вредная книжка, — согласился я. — Мне становится стыдно, что я тоже Жилин.

Он опять хохотнул.

— Шутите? Это признак здоровья. Русские умеют по-настоящему шутить над собой.

В дверь просунулось маленькое веснушчатое лицо, утонувшее в красно-зеленой форменной панаме, и сообщило неожиданным басом:

— Товарищ лейтенант, сюда едет Бэла. Только что был звонок.

— Спасибо, Лесо.

— Бэла передает привет Ивану. Иван — это он?

— Это он, — откликнулся я.

Мой офицер привстал и поправил форму.

— Вот и начальство проснулось. Вы что, знакомы с Бэлой?

— С кем только я не знаком на этой планете.

— Тогда, не сочтите за бестактность… — несмело проговорил он. — Думаю, что вы имеете прямое отношение к упомянутому мной человеку, который столько сделал для нашей страны.

— А сам вы, кстати, не имеете отношения к одному знаменитому авиатору? — поинтересовался я у него, нахально меняя тему. — Ваш тезка. Тоже был русский, правда, давно умер.

— Какому авиатору?

— Который, помимо прочего, изобрел вертолеты. Хищную птичку по имени «Альбатрос» как раз его фирма сделала. Вашего прапрадедушку случайно не Игорем звали?

Лейтенант носил звучную фамилию Сикорски и был, вероятно, неплохим мужиком, хоть и не знал ничего про своего знаменитого тезку Игоря Ивановича, создателя вертолетов. Был он лет сорока, и еще был он упитанным, улыбчивым и разговорчивым. Но главной его достопримечательностью были круглые большие уши, торчавшие в разные стороны — как ручки у сахарницы.

— Мои прапрадедушки выращивали маслины, — с сожалением ответил он. — И сам я выращивал маслины, пока друзья не уговорили меня стать полицейским…

Наша беседа началась уже давно, и довольно любопытным образом. Я с такой тактикой ведения допроса до сих пор не встречался. Вместо того, чтобы пугать свидетеля нечеловеческой проницательностью или агрессивной тупостью, лейтенант Сикорски принялся делиться воспоминаниями о своих болячках. Возможно, решил, что психологическая поддержка прежде всего, а может, просто человек был такой. Оказывается,

лейтенант всю жизнь чем-нибудь болел и к тридцати годам приобрел полный джентльменский набор — остеохондроз, гипертония, гастроэнтероколит, холецистит и что-то еще, во что мне вникать решительно не захотелось. Куда смотрят врачи, с ужасом спросил я, не понимая, к чему он клонит. Как вас вообще в инспектора-то взяли с таким послужным списком? В том-то и штука, торжествующе объявил полицейский, что теперь я здоров! Я научился жить иначе, сказал он, и в этом мое счастье. Мы все научились жить иначе. Вы все дружно стали вегетарианцами, поддержал я по мере сил эту неловкую беседу. Он отмахнулся. Вегетерианство — только шаг, только декорация. Кто-то считает, что вегетарианство по сути грех, гордыня в чистом виде, и тем оправдывает свои маленькие слабости, кто-то, наоборот, находит свой покой в самоограничении. Лично я, признался лейтенант Сикорски, в этом смысле совершенно безыдейный, я просто придерживаюсь рационального питания. Секрет в другом, сказал он мне, и вот это уже не декорация. Здоровыми становятся не постепенно, а в один миг, в один счастливый миг. Секунду назад ты был болен, а через секунду уже здоров. Понимаете? Нет, ничего я не понимал, и тогда мой гость посове-

товал: отправляйтесь на холм, спросите у любого дорогу, вам покажут, а то давайте патрульную машину вызовем, пусть довезет вас до места. Зачем? Он удивился: ну так вы же хотели понять? Все в ваших руках, и нечего, нечего раскисать. Сам ты раскис, подумал я. Что ты можешь знать о том, как люди раскисают, что нового ты можешь рассказать об этом бывшему межпланетнику и бывшему шпиону, но вслух произнес только одно: к чему вся эта преамбула? А к тому, объяснил он мне, что если кто-то начал жить иначе, невозможно представить, чтобы он пожертвовал тем счастьем, которое имеет. Захотев дурного, человек нарушает гармонию своего же мира. Жители этого города увидели зависимость того, что они получили, от собственных ощущений и, тем более, от поступков. Вот почему в этом городе почти не совершается преступлений. В самом деле, получив однажды здоровье и ощущение счастья, узнав разницу между здоровьем и нездоровьем, кто захочет променять их, к примеру, на какие-то там деньги? Нет, невозможно представить… «Я к тому вам это рассказываю, — терпеливо вдалбливал мне страж порядка, — что у нас здесь давно не случалось ничего похожего, и мы думали, что ничего похожего у нас теперь быть

не может. Так что погодите с преждевременными выводами, ведь нападение было совершено явно не местными жителями…» «…а такими же туристами, как и ты, бывший шпион Жилин», — мысленно закончил я невысказанный упрек. Меня разбирал смех. Неужели они боялись, что без этакого душераздирающего вступления я не стану помогать расследованию? Невроз, принявший эзотерические формы. И они еще называют себя здоровыми? «Дело было так, — ответил я офицеру, — записывайте мои показания», — и он послушно включил диктофон на запись…

— Значит, все ваши предки были крестьянами? — спросил я. — А вы, получается, сломали вековую традицию. Не является ли это вопиющим нарушением гармонии вашего мира?

Он встрепенулся.

— Типичное заблуждение новичка. Гармония вовсе не во внешних обстоятельствах жизни, а в том, как эти обстоятельства воспринимаются человеком. Гармония — она в состоянии души. Мой вам совет, Иван — разрешите мне вас так называть? — побывайте хоть раз на холме.

— А как мне вас называть, лейтенант Сикорски?

— Рудольф. Руди.

— Я обязательно побываю на холме, Руди, — пообещал я. — Я даже готов под землю спуститься. Однако признаюсь вам, что не вижу связи между здоровым образом жизни и отсутствием в городе преступлений. У вас тут, кстати, в самом деле такая идиллия или вы мне изложили официальную точку зрения властей?

— Вы подозреваете, что я солгал? — искренне удивился полицейский. — Может быть, вы назовете цель, которую я при этом преследовал?

Некоторое время мы оба молчали.

— Конечно, работа в полиции невозможна без определенного рода компромиссов, — он поморщился. — Поэтому я вам отвечу так, Иван: хочешь жить иначе, начни с малого.

— Разве не лгать — это малое? Некоторые всю жизнь пытаются жить не по лжи, а подыхают по уши в дерьме.

— И все-таки приходится с чего-то начинать. Есть задачи, для решения которых главное — начать.

Я попробовал поднять руку и посмотреть на часы. Получилось. Жизнь возвратилась в обездвиженное тело.

— Впрочем, я не ответил на ваш предыдущий вопрос, — спохватился лейтенант. — Вы путаете

здоровый образ жизни и здоровый образ мыслей. А связь между здоровым образом мыслей и здоровой криминогенной обстановкой, согласитесь, очевидна. Порядка в нашей стране действительно прибавилось, если сравнивать, скажем, с тем, что описано в ваших мемуарах. Единственный вид нарушений, который остался — это, пожалуй…

— Нарушение правил полетов? — предположил я. — Штурмовыми геликоптерами?

Лейтенант засмеялся навзрыд, трясясь вместе со стулом. Странный он был полицейский, этот лопоухий толстяк Сикорски, похожий на кого угодно, только не на полицейского. Он безнадежно махнул на меня рукой:

— Тяжело с вами разговаривать на серьезные темы, Иван. Надеюсь, в своих показаниях вы были серьезны хотя бы процентов на пятьдесят. Я пытался всего лишь сказать, что б***О***льшая часть нарушений, которыми грешит местная публика, не выходит за рамки Естественного Кодекса. Вы читали памятку?

— Не сморкаться, не плеваться, не чихать в общественных местах, — покивал я. — Мусорить и гадить только в специально отведенных местах. Не ручаюсь за точность цитаты.

— Да нет, все правильно. Настоящие эксцессы, к сожалению, тоже иногда случаются, но если кто-то и накуролесит в нашем маленьком королевстве, то потом обязательно выясняется, что несчастный пребывал в состоянии аффекта. Например, на почве ревности. Ревность, это такой бес, которого так просто не изгнать из человеческой души, и особенно страшно, когда ревность имеет основания. Супружеская неверность разрушает все, потому что разрушает прежде всего гармонию. Рвется ниточка, соединяющая нас с природой, с Богом.

Неужели все это было сказано сотрудником полиции? Сыщиком?

На секунду я потерял чувство реальности. Таких сыщиков не бывает. Человек, философствующий возле моей кровати, был ненастоящим, неправильным, он и не мог быть иным, потому что в мире, который он вокруг себя творил, отсутствовала гармония. Я должен добиться соответствия, понял я, иначе… Что — иначе? Иначе мне опять станет плохо…

— Продолжайте, — прошептал я, закрывая глаза. — Слушаю вас очень внимательно.

Ты должен быть другим, думал я, и ты будешь другим. Я исправлю тебя, я сделаю из тебя героя,

достойного твоей великой фамилии… Привычно включился мозг, возникла картинка. Герой был поджарым и сухим — никакой вам полноты! — выбритый череп, растопыренные уши, маленькие злые глаза. Ни капли обаяния, лишь фанатичная нацеленность на результат. И чтобы никогда не улыбался. И чтобы мало говорил. Хищник, профессионал, щука… Лабиринт мертвых коридоров, думал я, черные стены и душная тьма. Вот тебе гармония, сыщик Сикорски, вот оно, соответствие, наслаждайся. Теснятся анфилады бесформенных залов, мелькают зыбкие контуры каких-то предметов, вздыхает паркет под ногами. Ты — в этих роскошных декорациях, неслышными прыжками мчишься вперед, отыскивая путь во мраке. Угловатый, нескладный, согнутый и вместе с тем стремительный, неудержимый, страшный, горят глаза, нос к полу, огромные уши стелятся по комнатам — что еще? — ага, любимый десятизарядный «дюк» в руке, чудовищное оружие профессионалов, начиненное смертью пятьдесят второго калибра. Никогда ты не достаешь оружие, чтобы напугать, только чтобы убивать. Сегодня как раз тот случай. Реликвия, способная погубить человечество, спрятана в подземелье древнего замка, но враг знает об этом,

нелюдь поганая, и нужно опередить Зло, пока не пробил час истины, пока когтистая лапа не коснулась платка на крышке саркофага… Боже, какая пошлость, думал я. Почему мне опять плохо? Неужели я захочу когда-нибудь изобразить такого героя на бумаге? Где же врач?

— …В конце концов человек теряет то, что заслужил всей предыдущей жизнью, — втолковывал мне неправильный полицейский. — Он теряет свои ночи, перестает видеть сны. Попробуйте представить себе этот позор — человек разучился видеть сны…

— Сны? — вяло переспросил я его. — Причем тут сны?

Говорить было трудно, во рту скопилась слюна. Много-много слюны, имевшей подозрительно гадкий вкус.

И в этот момент вошел врач. Лейтенант Руди Сикорски вскочил со стула. А следом вошел Бэла Барабаш, начальник полицейского управления, обмахиваясь форменной панамой.

Врач был совсем еще молоденькой девушкой — она и заговорила первой:

— Ну вот и все. Что-нибудь почувствовали?

Я приподнялся на локте.

— Вы меня спрашиваете, целительница?

— А разве здесь есть еще кто-то, кто нуждается в моей помощи? — Она почему-то посмотрела на лейтенанта Сикорски. Тот стоял с каменным лицом, уже не улыбаясь. Бэла тоже посмотрел на лейтенанта и неожиданно подмигнул ему. Затем Бэла подмигнул мне:

— Привет, бортинженер.

— Комиссар, — обрадовано сказал я. — Хорошо, что ты пришел. Они меня подозревают в нездоровом образе мыслей.

Девушка подошла к кровати, на которой я лежал, и отключила оба генератора — в изголовье и в ногах.

— Так вы что-нибудь чувствовали? — повторила она вопрос. — Несколько минут назад.

Я чувствовал себя, как никогда хорошо — стих гул в ушах, и странной дурноты, вдруг навалившейся на меня, в помине не было. Наваждение прошло.

— Несколько минут назад? — наконец-то догадался я. — Значит, это было ваших рук дело? Товарищ комиссар, я выражаю официальный протест. Тайные эксперименты на людях запретили еще в прошлом тысячелетии.

— Я проверяла вашу эндокринную систему, — строго возразила девушка. Серьезный она была

человек, полная противоположность здешним полицейским.

— А я решил, что меня отравили, — сообщил я ей. — Очень было похоже. Даже испугался чуть-чуть.

— У вас проблемы с поджелудочной железой. Приходите завтра, когда рефлексограмма будет расшифрована, и мы займемся вами вплотную.

Тут она наконец улыбнулась. Улыбка у девушки-врача была плотоядной, совсем не вегетарианской. Я бы спрятался от такой улыбки под кроватью, будь помоложе годов на сорок пять.

— Наш гость попал в опытные руки, — произнес со странной интонацией лейтенант Сикорски. — Думаю, я ему больше не нужен. Я подожду тебя в коридоре, Бэла, хорошо?

— Да, Руди, нам нужно кое-что обсудить, — откликнулся начальник полиции.

— Присядьте, — скомандовала девушка, придирчиво рассматривая меня. — Не бойтесь, нарушенный ритм дыхания и сердечный ритм полностью восстановились. Хорошо, а теперь погримасничайте.

— Что? — не понял я.

— Попробуйте меня напугать или рассмешить. Разиньте рот, выпучите глаза, высуньте язык. Не

стесняйтесь, я и не такое в жизни видела.

Я постарался не стесняться.

— Вы уверены, что реабилитация прошла, как надо? — озабоченно спросил Бэла, понаблюдав секунду-другую за моим лицом. — Меня тревожит состояние его психики, доктор. Психика тоже должна восстановиться?

— Я сейчас удалю отсюда всех весельчаков, — предупредила девушка. — А вы, Жилин, не отвлекайтесь, работайте. Сделайте, пожалуйста, несколько круговых движений головой, медленно.

— А меня тревожит жара, — сказал я, осторожно ворочая шейными позвонками. — Молоко скиснет. Или что вы там едите вместо мяса.

— Вместо мяса употребляют сою, — откликнулся лейтенант Сикорски уже от двери. — Молочные продукты мы редко едим. Желаю вам здоровья, Иван, еще встретимся.

— Ты не волнуйся, — бодро сказал мне Бэла, — Твои консервы положили в холодильник, употреблять сою от тебя не потребуют.

— Нет, я теперь буду есть только сою, — капризно возразил я. — Товарищ лейтенант убедил меня, что больным быть вредно для здоровья.

— У вас отличное здоровье, — вдруг сказала

врач. — Для вашего возраста, конечно.

Она присела на стул, на котором раньше сидел лейтенант Сикорски, и смахнула со лба прядь волос. С исчезновением одного из мужчин девушка необъяснимым образом изменилась — словно стальной стержень из нее выдернули, словно ослабло поле, защищавшее ее от неблагоприятных условий среды. И стало заметно, что красавица гораздо взрослей, чем была мгновение назад. Что никакая она не девушка, а взрослая, много повидавшая женщина. Ведьма, потерявшая свою гипнотическую силу…

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — смущенно призналась хозяйка кабинета, по-прежнему обращаясь ко мне. — Даже не столько лицо, сколько… Не поймите неправильно, это чисто профессиональный интерес. У вас замечательное тренированное тело… Вы у нас случайно не лечились?

Бэла предположил, отвернувшись к окну:

— Возможно, ты видела его на площади? Он там частенько стоит.

Она помолчала, рассеянно глядя на мой шрам.

— На площади? На какой площади, Бэла? Честное слово, эту из твоих шуток я не поняла.

— К сожалению, я не шутил.

Женщина измученно вздохнула:

— Я сегодня очень мало спала и плохо соображаю. Сейчас наш уважаемый больной попробует пройтись от кровати до стены, а мы посмотрим, что получится.

Я взял с тумбочки свои шорты.

— Опять она плохо спала… — задумчиво продекламировал Бэла. — Опять ее предали сны…

Ведьма-целительница внезапно встала, закусив губу, сделала два легких шага и закатила начальнику полиции хлесткую пощечину.

Глава третья

Терраса закончилась спуском к бульвару, и вот тут-то, перед самыми ступеньками, расположились эти чудаки. Мужчина и женщина, оба седоватые, оба дрябловатые, они стояли, подставив солнцу свои лица, и размашисто поворачивались — влево, вправо, влево, вправо. Туловище поворачивалось вместе с головой. Один глаз был прикрыт ладонью, а второй — бесстрашно открыт. Эти двое смотрели на солнце, ловили единственным открытым глазом прямые солнечные лучи (глаз часто-часто моргал), но как бы украдкой, лишь на мгновение погружаясь в море слепящего пламени. Мы молча проследовали мимо, только потом я полюбопытствовал:

— Их что, тоже из какой-нибудь больницы отпустили? Не поторопились ли?

— Это вампиры, — пояснил мой собеседник.

— Настоящие? — обрадовался я.

— Боюсь, что нет. Приклеилось к этой группе такое название, я уж и не помню, из-за чего.

— А зачем они смотрят на солнце?

— Расслабляются. Ритуал называется «соляри-

зация».

Было одиннадцать с чем-то утра, но пекло так, будто пробило уже все двенадцать. Мы спустились по ступенькам и вновь оказались в тени. Идти налегке, без вечного чемодана, было как-то непривычно. Я оглянулся. Мужчина-вампир остановил свое движение, чтобы сменить руку и закрыть другой глаз. Локоть его воинственно оттопыривался. Нас он, по-моему, просто не заметил.

— Черт знает что, — сказал я. — Не думал, что здесь все так переменится. Надеюсь, хотя бы море осталось прежним.

Прежним, конечно, осталось не только море, зря я ворчал. Вокруг было много цвета, много пространства и мало шума, бесчисленные пальмы и живые изгороди, и почти никаких автомобилей. Пестрые беззаботные люди ходили по праздничным улицам — в точности, как раньше. Но люди эти неуловимым образом изменились. Были они теперь спортивными, бодрыми, они именно ходили, а не бродили, смотрели на солнце живыми блестящими глазами, почти никто не носил очков, и трудно было понять, кто турист и кто местный. Они беспрерывно улыбались друг другу, потому что у них все было хорошо.

Возникали и исчезали безликие фигуры бегунов, прочие физкультурники безо всякого стеснения упражнялись на газонах. На глаза постоянно попадались лозунги, установленные на домах, на щитах, висящие поперек улиц:

«РАЗРУШИЛ? ВОССТАНОВИ»,
«СЧАСТЬЕ ВСЕГДА С ТОБОЙ»,
«ЛЕКАРСТВО ОТ НОЧИ – СОН».

Столь оригинальные образцы социальной рекламы, витавшие над этим красивым миром, заставляли размышлять не только об их содержании, но и о созидательной силе печатного слова в целом. Я приехал сюда вволю потосковать, а мне предлагали начать жить иначе. Почему бы нет?

— Мне у вас нравится, — твердо сообщил я Бэле. — Вот только пыль… Я понимаю, что вы привыкли к этой вечной тяжести в воздухе, но я предпочитаю чистоту. Почему бы не покрыть асфальт статиком? Или у Совета денег хватает на одни плакаты?

— Состав воздуха контролируется, и довольно жестко, — возразил он. — Ты отвык от природных запахов, Иван. Правда, если бортинженеры под чистотой понимают абсолютный вакуум…

— Бортинженеры ненавидят вакуум ничуть

не меньше, чем бывшие комиссары МУКСа, зато очень любят здравый смысл. Где смысл, комиссар? Ау?

— Смысл в том, — равнодушно объяснил Бэла, — что Естественный Кодекс — это закон. Никаких статиков, антивлагов, летучих абсорбентов или растворителей, а также всяких там ароматических бензинов.

— Может у вас и фоноры запрещены? — сострил я.

— Нет, кое-какие модели пока разрешены. В зависимости от типа наполнителей.

— Ну, не знаю… — сказал я. — Это еще вопрос, что вреднее — пыль в воздухе или статик на асфальте…

Двенадцатый круг рая, пройденный мной семь лет назад, явно оказался не последним, и оттого мне становилось все веселее. Вот только слегка покачивало, и пока еще слезились глаза, мешая принять старт в круге тринадцатом. Интересно, разрешены ли Естественным Кодексом отрицательные эмоции?

А ведь товарищ Барабаш тратит на меня свое рабочее время, неожиданно подумал я. У него дел других нет? Начальник полицейского ведомства, даже в таком маленьком государстве — это хло-

потная, суетливая должность. Тем более, когда случаются подобные ЧП. Или я как раз и был его делом, только он умело это скрывал? Поганый человечек, живущий в моей голове, с готовностью высунулся наружу, анализируя обстановку. Нет, никто за мной не подглядывал, ни мексиканцы, ни старушки, и вертолеты в небе были сплошь мирные. Не сходи с ума, бодро сказал я себе. Здесь люди живут иначе, что ты в этом понимаешь? Начальник, возможно, заподозрил, что отставной агент все-таки наврал в их анкете, и теперь намерен проверить «легенду» гостя на прочность…

Мы ведь, к сожалению, не были с Бэлой друзьями. Бывшие соратники, бывшие товарищи. Давным-давно, в одной из прошлых жизней, когда я еще бортинженерил на межпланетных грузовиках, комиссар Барабаш в эти же годы следил за порядком на астероиде Бамберга, получив полномочия от МУКСа, Международного Управления Космических Сообщений. Космос маленький, там все друг друга знают, но по-настоящему мы познакомились, только удрав из Космоса. Бэла Барабаш пришел в контролирующие структуры Совета Безопасности позже меня, когда рудники на Бамберге наконец отобрали у «Спейс Перл Лимитед», преобразовав этот

объект в каторжную тюрьму, — первое, между прочим, исправительно-трудовое учреждение в космическом пространстве, — и таким образом должность комиссара была упразднена. За порядком на астероиде стали следить другие, а ему предложили новую интересную должность. Однако он предпочел вовсе уйти из МУКСа, решив продолжить борьбу за полное закрытие рудников. Он полагал Бамбергу самой страшной язвой на теле Солнечной системы (и совершенно справедливо), писал разнообразные рапорты и открытые письма, в которых доказывал как дважды два, что если заменить наемных рабочих заключенными, то станет только хуже. Ему неизменно отвечали, что все наоборот, ведь рабочий день заключенных ограничен не беззубым законом о труде, а внутренним распорядком зоны, да и условия их содержания теперь обеспечивает не частная компания, а все мировое сообщество. Барабаш не сдавался, упрямая душа, этим и привлек внимание наших кадровиков. Таким он пришел к нам в отдел — бьющий копытами землю, непримиримый в своей ненависти к МУКСу. Здесь ему в конце концов объяснили, почему рудник на Бамберге не может быть закрыт ни при каких условиях, и только тогда, узнав всю правду, про-

пустив эту горечь сквозь свое сердце, коммунист Барабаш стал истинным оперативником — холодным, циничным, веселым. Последний раз мы с ним виделись, кажется, в Ленинграде, уже после того, как меня вышибли из Службы контроля при Совете безопасности. Меня вышибали с треском, со снопами красивых искр, и даже заступничество Марии не помогло. Барабаш ушел из отдела сам, посчитав, как и я, что настало время в очередной раз заменить одну жизнь другой. Он собирался ехать в эту страну добровольцем, готов был служить рядовым инспектором, и вот теперь оказалось, что мой бывший коллега сделал здесь сказочную карьеру.

— Как тебя угораздило попасть в начальники? — спросил я его.

Он пожал плечами.

— Никто из местных семь лет назад не хотел занимать такие должности. То ли боялись, то ли из-за лени. Налоговую службу, например, тоже возглавил приезжий. Ты не представляешь, какая здесь поначалу была апатия.

— Как раз это — очень хорошо представляю, — сказал я. — Все-таки не зря я тот самый Жилин. В каком ты звании?

— Штатский. Подчинен непосредственно Со-

вету.

— Через голову правительства, — покивал я. — Мечта любого отставника. Быть главным полицейским в раю и при этом никому не подчиняться, кроме Святого Духа. Знай себе следи, чтобы яблоки кто попало не срывал.

— Что ж ты сам здесь не остался? — вспыхнул Бэла. Он приостановился и коротко взглянул на меня. — Был бы сейчас главой Совета. Тебе предлагали, я знаю, тебя даже просили.

— У меня были другие планы, — ответил я.

Не было у меня тогда никаких особенных планов. Было одно желание, одна маниакальная цель — поскорее разнести служебную тайну по всему свету, сорвать фиговый листок секретности с той беды, которая касалась всех и каждого. Жаль, что этого не поняли мои же товарищи.

— Если ты действительно тот самый Жилин, — сказал Бэла, сжав кулаки, — то должен помнить, что здесь творилось в первые месяцы после переворота! Райские яблочки, говоришь? А самосуды над менялами помнишь? А кровавые гулянья, которые устраивали мутировавшие меценаты?

— Мы что, ссоримся? — на всякий случай уточнил я. — Прекрасно. Хоть что-то человеческое в этом цветочном царстве.

Бэла искренне и с удовольствием рассмеялся.

— Человеческое, оно же животное… Вот ты, Иван, удивляешься, почему в нашей стране так остро реагируют на простую русскую фамилию Жилин. — Но может, это и есть слава? Разве не этого ты хотел, когда писал свою книгу?

— Слава не такая, мне кто-то рассказывал.

Он возразил:

— Когда стены сортиров оклеивают голограммами с твоей рожей — это тоже слава. Я хотел вот что сказать. Ты, Иван, стал писателем…

— Именно писателем! — обрадовался я. — Спасибо, начальник. Теперь, когда мой литературный дар подтверждается изданиями и переизданиями, никто не сомневается, что я всего лишь шпион. Обидно, ей-богу.

— Не перебивай. Конечно, ты писатель, и еще какой, ведь ты создал культовую книгу. Не спорь, не спорь, спрячь скромность в кобуру. Но, видишь ли, в чем неувязка. Ты думал, что пишешь обо всем человечестве, а написал на самом деле вот о них, — Бэла обвел широким жестом ослепительное пространство, заполненное движущимися тенями. — О них, о конкретных живых людях. Мало того, ты написал об их родине, а это понятие, как неожиданно выяснилось, для них не

пустой звук. Ты был первый, кто написал об их родине с такой пронзительной достоверностью, но теперь, когда здешняя жизнь совершенно переменилась, твоим героям стало казаться, будто раньше все было не так. И сами они якобы были совсем не такими. Отсюда — реакция отторжения. А я думаю вот о чем — может, правы они, а не ты? Что, если писатель Жилин ошибся, отказав этим людям в наличии души, и мир его целиком придуманный?

— Ну, ты загнул, — восхитился я. — Литературовед в штатском. Речь обо мне, да?

— Конечно, трудно согласиться, — спокойно сказал Бэла. — Но ведь это они, парикмахеры, разносчики пиццы и лоточники кормили осажденный Университет, прятали во время погромов семьи любимых тобой интелей, а потом, когда ситуация начала стабилизироваться, поддержали Революционный Совет в борьбе против бандитов, нанятых мэрией.

Я поднял вверх руки, показывая, что сдаюсь:

— Вы, ребята, в самом деле молодцы, чего уж там. Мне до сих пор непонятно, как эту чертову ситуацию вообще удалось стабилизировать, да еще так радикально.

Начальник полиции ответил не сразу. Молча

шел рядом, подлаживаясь под мой шаг. Но все-таки ответил:

— Если честно, сам я тоже мало что понимаю. С определенностью могу сказать одно — ни я, ни мои подчиненные, ни даже министр не имеют к этому чуду никакого отношения. Спокойствие и порядок настали как бы сами собой, без видимого участия правоохранительных структур. Вскоре после того, как был организован Национальный Банк и проведена денежная реформа.

— Подожди, подожди. Не вижу связи.

— Были выпущены банкноты нового образца, — неохотно сказал Бэла. — Был принят закон о денежном обращении… Знаешь, Иван, это долгий разговор. Надо пожить у нас, чтобы привыкнуть, и твои вопросы исчезнут. Вот, кстати, здание Госсовета.

Крытая часть бульвара закончилась широким перекрестком, и вновь мы оказались на солнце.

— Нам направо, — щурясь, сказал Бэла. — Сюда, по проспекту Ленина.

— Разве Совет находится не в бывшей мэрии? — спросил я, притормозив.

— В кабинетах мэрии осталось слишком много темных воспоминаний, мешающих людям работать.

Здание походило скорее на санаторий, чем на главное государственное учреждение, и было ниже остальных окружавших его строений. Впрочем, может так и надо? В карликовом государстве и цель, которую ставили перед собой руководящие органы, была соответствующего масштаба… Пять этажей. Стены, отделанные каменными плитами нежного розоватого цвета, со вставками из ослепительно белого ракушечника. Сложная многоскатная крыша, и не какая-нибудь, а черепичная. Светозащитные окна-хамелеоны, отбрасывающие розовые блики — в тон стенам. Красиво, было просто красиво…

— Красиво, — признал я вслух. — Люблю розовое, о маме почему-то вспоминаю.

— Ереванский туф, — сразу же откликнулся мой спутник. — Так называется материал, из которого сделаны плиты. Особенно устойчив к нашему влажному климату. Над проектом работала группа архитекторов из Ленинграда, а там, насколько мне известно, дома этим камнем облицованы. Ты ведь родом из Ленинграда?

— Кажется, да. Впрочем, можно посмотреть анкету.

Здание Госсовета гармонично включало в себя ротонду с источником. Люди входили в нее, на-

полняли чашки и медленно пили. Людей было много. Таким образом, сходство с санаторием принимало поистине карикатурные формы. Дальнейший путь этой воды был бережно, с любовью выложен необработанными камнями: ручеек утекал в сторону моря, наискосок пересекая проспект, а для транспорта были предусмотрены специальные мостики с пылеуловителями. Идиллия…

И еще здание Совета, как и все в этом городе, украшало мудрое изречение. Неброская гранитная табличка крепилась непосредственно возле главного входа, по левую руку, и выбито на ней было: «Я — не Я, пока Я без покаяния…» Слово «покаяния» было написано так: «пока-Я-ни-Я». То ли призыв ко всем горожанам, то ли вечное напоминание сотрудникам, работающим в этом учреждении. И почему-то на русском языке.

— Цитата? — спросил я. — Этот стишок к вам русские эмигранты завезли? Признаться, я плохо разбираюсь в литературе, в отличие от вас, полицейских.

— Я — не я, пока я без покаяния, — сказал Бэла со странной интонацией. Голос его дрогнул. — Этот «стишок», как ты выражаешься, людей с четвереньек на ноги ставит… Пойдем? — толкнул

он меня.

— Подожди, — сказал я, — хочу местную прессу взять. Газетку какую-нибудь… — я двинулся к торговому мини-комплексу.

За одним из столиком уличного кафе расположилась украинская семья. Роскошная женщина кормила двух своих детей, и еще мужа, очевидно, тоже своего. Еда была явно не вегетарианская и вынималась она из большой сумки, стоящей тут же на стуле. Ага, тоже туристы, братья по несчастью. Хорошо, что я не люблю роскошных женщин, подумал я, а то мне стало бы за нее обидно. Я люблю тоненьких и стройных, чтобы доставали мне только до плеча. Как, например, вот эта… туристочка? Или местная?

Возле киоска с кристаллофонами стояла в одиночестве красивая девушка. Очень красивая. Безжалостно красивая, как говорил один мой опытный приятель (рано состарившийся). Струилась медленная музыка, на крыше киоска рождались объемные движущиеся картины, зазывая меломанов. Девушка делала вид, будто изучает обложки кристаллов, на самом же деле она поглядывала на меня. Безжалостно красивая… Спокойно, Жилин, остановился я, береги себя. Психика твоя изменена нейроволновым

взрывом, так что не верь глазам своим. Какая же это девушка? Такая же ведьма без возраста, как и врач в больнице. Наверное, ей показалось, что она тоже меня откуда-то знает, как и все прочие в этом городе. Терпи, Жилин, это ведь и есть слава… Красавица неожиданно подмигнула мне — едва поймала мой взгляд. Я подмигнул ей в ответ. Мальчишество, конечно.

Прилавок с печатной продукцией ломился от книг, журналов, газет, плакатов, этикеток, открыток, наклеек и тому подобное. Я выбрал солидную ежедневную газету с характерным названием: «ХРОНИКИ ДОБРА» и пошел обратно к Бэле.

— А вы, это… — оторопело позвал меня парень, стоящий по ту сторону прилавка. — А деньги?

— Деньги? — Я посмотрел на Бэлу. — Разве это не бесплатно?

Тот промолчал, тщетно пряча гадкую улыбочку.

— Вот тебе и обеспечение минимума потребностей, — сказал я, возвращаясь. — Вот тебе, бабушка, и новый круг рая… Сколько с меня?

— Двадцать сантимов, — виновато ответил продавец. — Простите, я не хотел вас обидеть.

Я пошарил по карманам.

— Знаешь, дружок, тут такое дело… Сколько это

будет в копейках? Я, признаться, не разбираюсь в ваших сантимах.

— У вас нет при себе денег?

— Копейки — это не деньги? — озадачился я. — Тогда как насчет центов? Или счет идет на рубли и доллары?

Он брезгливо покрутил в руках предложенные ему монеты. Было ясно, что нормальных денег среди них не обнаружилось.

— Ну, ладно, — легко решил продавец, — берите так. Ерунда все это. Желаю вам здоровья.

— Межпланетники помнят свои долги, — успокоил я его. — Даже став культовыми писателями.

Прежде чем покинуть это место, мне вздумалось попрощаться еще и с девушкой-меломаном, на которую моя внешность произвела столь сильное впечатление — а может, наоборот, я хотел с ней поздороваться? — но той возле музыкального киоска уже не было. Жаль.

Свернув с бульвара, мы продолжили путь. Проспект Ленина, бывший когда-то тесной, заполненной транспортом улицей, и называвшийся, если не ошибаюсь, Веселым проездом, оказался решительно преображенным. Теперь он был на удивление широк, тих и зелен. Проспект

был достоин своего имени.

— Как устроишься, зайди в отделение Национального Банка, — посоветовал Бэла. — Не откладывай в долгий ящик. Никто здесь не возьмет у тебя денег, если они не местные, имей это в виду.

— Ох, куда только мне не надо зайти! — простонал я.

— Что, большие планы?

— Прежде всего — к Строгову. Ради этого, собственно, я и приехал. Как там Дим Димыч, что слышно?

— Говорят, плох. Я, к сожалению, с ним лично не знаком.

— Что плох — и без того известно. — Я вздохнул.

— Много вас, писателей, понаехало, — пихнул меня Бэла в бок. — И все — к Строгову. Вы что, сговорились?

— Разумеется. Операция под кодовым названием «Время учеников». Послушай, я не хочу это обсуждать. Тебе случайно не знаком человек по фамилии Скребутан?

— Кто?

— Стас по прозвищу Бляха. Бывший рыбарь. Неужели ты не слышал, как он тут в свое время

куролесил, ставил на рога всю полицию? В заварушку был в группе ректора. Я пытался с ним связаться из Ленинграда, но… Даже не знаю, жив ли он. Семь лет не виделись.

— Станислав Скребутан? — мой спутник чуть не поперхнулся собственным удивлением. — Ого!

— Что-то не так?

— Это нынешний председатель совета директоров Национального Банка. Один из тех, кто оказался не против, чтобы революция вынесла его на самый гребень волны. Вот пусть он и объяснит тебе про денежную реформу. Я пришлю ведомственный справочник с телефонами, сможешь связываться со своим Бляхой, сколько душе угодно.

— Спасибо, комиссар, — сказал я, не испытывая почему-то благодарности. Наверное, потому, что в разговоре не было больше искренности. Я чувствую такие вещи, как замужняя баба — ценное качество для профессионального шпиона. Бэла Барабаш давно и прочно думал о чем-то, о чем не решался или не желал заговорить вслух, он смотрел на меня и видел вместо бывшего соратника всего лишь источник информации. Теперь я в этом не сомневался.

— Долго нам идти? — непринужденно поинте-

ресовался я.

— Вон, отель уже виден.

— Так ты ведешь меня в гостиницу?

— А куда же еще?

Я смерил взглядом оставшееся расстояние и засомневался:

— А ты успеешь?

— Что?

— Рассказать, о чем вы с лейтенантом Сикорски шептались в коридоре, пока девчонка проверяла мои рефлексы?

Он не сбился с ноги, не изменился лицом, не задышал прерывисто. Прекрасная выдержка у человека. А может, просто реакция замедленная. Он улыбнулся краешками губ:

— Нашел девчонку! По моим сведениям, Рафе тридцать семь. Хотя, кое-кто уверен, что ей только тридцать пять, я имею в виду, конечно, ее мужа.

— Рудольфа Сикорски?

— Ага, догадался! Да, это несчастный Руди. У них с Рафой довольно сложные отошения, я стараюсь в эти дела не вмешиваться… — Бэла потер щеку. Ту самую, которая, возможно, до сих пор побаливала. — Ты прав, тебя мои проблемы тоже касаются. В конце концов, человека похитили на твоих глазах.

— Похитили? — удивился я. — В парня стреляли из вакуум-арбалета. И попали, между прочим.

А еще он получил точно такую же порцию нейро-волнового излучения, как и его ни в чем не повинный собеседник, подумал я. Как и шестеро других свидетелей. Все свидетели дружно упали, но ему хоть бы что. Черепная коробка, надо полагать, у него свинцовая. Или под черепной коробкой нет ничего, что можно было бы возбуждать и тормозить.

— Есть основания надеяться, что похищенный жив, — веско произнес Бэла. — Это было похищение, Иван, а не убийство. Поэтому постарайся понять мой следующий вопрос правильно: все ли ты рассказал лейтенанту Сикорски?

Я прикрыл глаза. Я мысленно застонал. Спокойно, сказал я себе, есть люди, которые не лгут, и есть люди, которые следят, чтобы другие не лгали. Я открыл глаза и постарался быть очень терпеливым.

— Мой контакт с этим парнем, конечно, мог кому-то показаться продолжительнее, чем он был на самом деле. Какому-нибудь мороженщику, у которого от скуки жизненные процессы замедлены и без парализатора. Или у тебя есть основания подозревать, что меня действительно забросило

сюда волей психически нездорового человека?

— Боже упаси, — ответил Бэла. Кажется, искренне. — Ну, так как? Тебе удалось вспомнить, где и когда состоялось ваше с ним знакомство?

Я напрягся. Поганый червяк в моей голове опять заворочался, выдавливая наружу всякую мерзость. Сейчас меня спросят про номер в гостинице, где, по мнению сумасшедшего незнакомца, мы провели наш первый вечер, а потом меня спросят про название бара, где мы с ним якобы познакомились, и таким незамысловатым способом будет определен номер и пароль ячейки в некой камере хранения…

— Когда же вы все поверите, — рассердился я, — что Жилин только литератор, дорогие вы мои современники?

— Похищенный подошел именно к тебе. Это не может быть случайностью.

— В нашем мире все может быть случайностью, — возразил я. — Общались мы с ним, помнится, без переводчика. Один русский обнаружил на привокзальной площади чужой страны другого русского — вот тебе и причина для начала разговора. Кстати, каким образом вообще была установлена личность похищенного?

— Ты дал очень хорошее описание, — сказал

Бэла задумчиво. — А другие очевидцы добавили штрихов к портрету, так что сомнений у нас вроде бы нет. Хотя, я попрошу тебя зайти в в наш офис для составления голопортрета. Что касается личности этого человека… Личность его, Иван, за прошедшие годы так и не установлена. Тайна, покрытая мраком.

Я осведомился:

— Это шутка?

— Если бы. Никто не знает ни имени его, ни фамилии, только кличку, которую дали ему еще интели в Унивеситете. Мы рассчитывали, что ты поможешь с этим делом разобраться, но…

— И какая кличка?

— Странник.

— Ага, — сказал я, — понимаю. Теперь понимаю…

Проспект закончился, плавно трансформировавшись в площадь, и вместе с проспектом подошла к концу наша прогулка. Наконец я хоть что-то понимал. Воспоминания вспухали в моей голове и лопались, как мыльные пузыри, покрывая Будущее скользкой пленкой, потому что все меньше оставалось надежд, что чужие тайны меня не коснутся.

Площадь перед отелем была такая же про-

сторная, как и прежде, но теперь она вовсе не напоминала аэродром. Та ее половина, которая примыкала к отелю и где раньше была гигантская автостоянка, превратилась в «парт*Е*рный парк», то есть в систему газонов, изрезанных пешеходными дорожками. В центре пешеходной зоны размещался бассейн, в котором купались. На бортиках бассейна сидели в обнимку влюбленные парочки и болтали в воде ногами, а над всем этим возвышалась пятнадцатиэтажная громада «Олимпика» — красное с голубым. Ленточная галерея спиралью закрутилась вокруг здания, позволяя всем желающим подняться с земли до самой крыши, не заходя внутрь. Над входом сверкала надпись: «С ДОБРЫМ УТРОМ!»

И еще на площади был памятник…

Памятник стоял на привычном месте — по другую сторону парка, как бы в противовес зданию гостиницы, — но изображал он, разумеется не Владимира Юрковского, планетолога. Мраморного Юрковского меценаты взорвали еще при мне, пользуясь неразберихой и безвластием — взорвали торжественно, средь бела дня, под выстрелы шампанского, оставив потомкам лишь изуродованный постамент. Чуть позже меценатами занялись студенты исторического факультета,

вычислили и выловили их идеологов, а боевиков перестреляли. Нынешняя скульптура, в отличие от прежней, была цветной, телесного цвета, и являла собой парафраз на тему знаменитого «Давида» Микеланджело. Мускулистый здоровяк стоял в характерной позе, повесив на плечо клетчатую рубашку — вместо пращи. Совершенно голый. Обнаженный, как принято выражаться.

— Вот это мне и хотелось показать, — сказал сбоку Бэла. — А ты думал, чего ради я провожал тебя, как любимую девушку?

Я пошел, стараясь не сорваться на бег, прямо через площадь и возле монумента остановился. Меня больше не качало, потому что настоящее искусство с людьми чудеса делает. На восстановленном постаменте стоял, демонстрируя миру величие собственного торса, не кто-нибудь, а я, Иван Жилин. Каменный атлет имел поразительное со мною сходство, не только портретное, но и анатомическое, вплоть до некоторых интимных мелочей. Вплоть до особых примет вроде шрамов и родинок. Подпись на постаменте гласила: «ИДЕАЛ. Автор — В.Бриг. Год Змееносца». Бывают в жизни моменты, когда смеяться над шутками не хочется, и это был именно такой момент, именно такая шутка.

— Что за В.Бриг? — спросил я подошедшего Бэлу. — Он что, в бане со мной мылся? Хоть бы портупею мне оставил, подлец, хоть бы листик березовый.

— Подожди, тебе что, не нравится? Гляди, какой красавец!

— Нет, название хорошо смотрится. Просто хотелось бы понять, каким макаром все это здесь воздвиглось?

Товарищ Барабаш на секунду потерял уверенность.

— Врать не буду… — многообещающе начал он, но дальше дело не пошло. — Точно помню, что автор — дама. Да какая тебе разница?

И тогда я повернулся, твердо намереваясь поставить точку в разговоре. Даже шаг успел сделать, однако разговор, оказывается, еще не закончился.

Товарищ Барабаш ровным голосом произнес мне в спину:

— Сегодня утром на взморье был сбит вертолет. Штурмовик класса «Альбатрос» без опознавательных знаков, если не считать литеры «L» на брюхе. Тебе это интересно?

Он обошел меня кругом и посмотрел снизу вверх.

— Продолжай, — сказал я. — Долго же ты рожал эту новость, комиссар.

— Вертолет был атакован из плазменного сгущателя «Шаровая молния», какие уже лет двадцать не производятся. Оружие, запрещенное Цугской конвенцией. Кем атакован — неизвестно. Летательный аппарат упал в море. Все, кто находился на борту, вероятно, погибли.

— Почему «вероятно»? Есть сомнения?

— Когда водолазы обследовали вертолет, то выяснилось, что корпус уже кем-то вскрыт. При помощи молекулярного резака. Кто-то успел поработать до нас. Внутри, само собой, было месиво трупов, но нашего Странника среди них не обнаружилось. Присядем, поговорим?

— Не уверен, что все это меня касается, — осторожно возразил я.

— Почему он подошел на вокзале именно к тебе? — спросил Бэла. — Думай. Вот главный вопрос, который касается тебя и прежде всего тебя (он усмехнулся), как литератора.

Мы вошли в тень, отбрасываемую зданием, и на душе сразу посвежело. Пожелание доброго утра над входом в гостиницу неуловимым образом сменилось новой красочной надписью «УДАЧНОГО ДНЯ!», что соответствовало, по-види-

мому, двенадцати часам.

Полдень.

Глава четвертая

Чемодан стоял в прихожей, возле двери, опередив мое появление на пару часов — его доставили из больницы прямо в номер отеля. К ручке чемодана была привязана какая-то бирка, на которую я не обратил поначалу внимания, и только перенеся его в гостиную, я обнаружил, что это, оказывается, не простая бирка. Глянцевый картонный ромб, изображавший герб города (золотая ветвь омелы на красно-голубом фоне), имел на обороте текст: «*В четыре часа на взморье. Поможем друг другу проснуться*».

Записка.

— Кретины, — сказал я в сердцах. — Развлекаются.

Текст был написан не от руки, а оттиснут клишеграфом — стеснительный попался автор, побоялся оставить образец своего почерка. Я сорвал картонку с нити и бросил ее на ковер. Потом отключил оконные фильтры, впуская в полутемный зал настоящий свет, и прошелся по другим помещениям номера, активизируя автоматику. Слева была спальня с библиоте-

кой и ванной, справа — спортивная комната с тренажерами и сауной. Туалеты были в обеих половинах. Прекрасное жилище для холостого межпланетника, ненавидящего тесноту и искусственный свет, уставшего от людей, но при том имеющего здоровую половую ориентацию. Я немного поразмышлял о том о сем, глядя на город под моими ногами, и открыл стеклянную стену вовсе, впуская настоящий воздух. Теперь-то я знал, что воздух здесь пахнет не пылью, а полон природных запахов, тщательно проверенных властями.

С запиской что-то происходило. Мой мозг, натасканный замечать любые изменения в пространстве и времени, выдал сигнал, тело присело и подняло картонный ромбик с ковра. Прежние слова исчезли, зато на их месте появились новые: «*И пусть Эмми не ревнует*». Я перечитывал фразу до тех пор, пока не исчезла и она, и мне было ужасно обидно, потому что теперь сомнений не было — записка оказалась в моем номере не случайно и, вероятно, не шутки ради. Хорошо они тут развлекаются, любители всего естественного — с использованием гелиочувствительных чернил, а также новейших достижений в области фотохромного программирования… Распаковы-

вать багаж или продолжать осмотр номера не было желания. Думай, просил меня Бэла Барабаш, но думать тем более не хотелось. О чем тут, черт побери, было думать? О том, знакомо ли мне имя Эмми? Знакомо, черт побери, глупо отказываться. А может, о том, какому времени суток соответствуют «четыре часа»? Или о том, что взморье тянется на добрых два десятка километров?

Хотелось взять телефон, набрать некий известный мне номер и выдать в эфир все, я думаю. Но делать это, судя по всему, было преждевременно. А также неосмотрительно. Человек возле вокзала опасался, что за ним прилетит вертолет, и вертолет-таки прилетел; он же был уверен, что наш разговор прослушивается. Каков печальный вывод?.. Больше всего хотелось немедленно выписаться из гостиницы, забыв про уплаченные вперед деньги, и уносить отсюда ноги.

Семь лет назад было гораздо проще. Во лбу горел приказ, в спину дышала команда соратников с Марией на капитанском мостике. До Службы контроля дошли слухи о новом разрушительном наркотике, объявившемся в одном из карликовых государств Средиземноморья. Наркоманы пачками мрут в ванных, раскричались аналитики. И послали в карликовую страну агента

Жилина — искать тайные лаборатории, разоблачать подонков и вскрывать гнойники. А Жилин нашел слег. Уникальное по своей простоте психоволновое устройство, которое может собрать у себя дома любой желающий. Сверхнаркотик, который не нуждается ни в чьей корысти — только в вечном нашем стремлении сбежать куда-нибудь, плюнув на все. Слег — это благословенное местечко, созданное специально и единственно для тебя. Попав туда, захочешь ли ты вернуться в свой мир? Человек и искушение — один на один. Никаких вам преступных организаций, никаких посредников и распространителей. Счастливый слегач сутками грезит в своей ванной — под оглушительное шипение якобы неисправного приемника, в теплой водичке, послащенной невинным репеллентом «Девон», — и нет силы, которая вытащила бы его оттуда. Роковая случайность родила слег, а человеческая природа превратила техническую новинку в чудовище… Однако все это в прошлом Тогда у меня было ДЕЛО и была ЦЕЛЬ, особенно после того, как я нарушил приказ и остался в этой стране. А сейчас? Зачем я приехал?

Я взял с тумбочки радиофон, приладил его к правому уху и упал спиной на кровать. Воло-

конные держатели нежно обхватили ушную раковину. Пультик с цифровым десятиугольником я оставил у себя на ладони…

Итак, звонить по тому номеру, по которому больше всего хотелось позвонить, было ни в коем случае нельзя. Тогда Строгову?.. Нет, к Дим Димычу следовало являться без звонка, чтобы старик не смог увильнуть от встречи. Поэтому для начала я выставил номер справочного и узнал нынешние координаты Анджея Горбовски. Координаты, как выяснилось, не изменились, тогда я позвонил ему домой и застал Татьяну. Сам Анджей был на работе. Покачавшись минуту-другую на волнах искренней женской радости, я испросил разрешения нанести дружеский визит сегодня же вечером и попрощался. Люблю все искреннее. У ребят, похоже, дела шли прекрасно. Затем я переключился на гостиничную линию и вызвал Славина: «Привет, это я». «Приехал?» — спросил он меня. «Да». «Тогда заходи, мы оставим специально для тебя на донышке…» Славин был на удивление трезв и про донышко, по-моему, здорово прихвастнул. Надо вставать и идти, сказал я себе, закрывая глаза. Вставать не хотелось еще больше, чем думать, и я вдруг поймал себя на том, что пытаюсь вспомнить, откуда мне

знаком чудак с привокзальной площади. Чудак, которого то ли убили, то ли варварски похитили другие чудаки. Которых, в свою очередь, сожгли из «шаровой молнии» третьи… И я вдруг понял, что ни на мгновение не прекращал этих тщетных попыток, едва местные целители вернули мне возможность мыслить, что я только тем и занимал свой мозг последние несколько часов — вспоминал, вспоминал, вспоминал…

Человек, безусловно, был прав, удивляясь моим реакциям. Я должен был в первую же секунду нашей встречи воскликнуть: «Ба, кого я вижу! Ба, так это же!..» Что-то мешало. Дерево, упавшее поперек дороги. Театральный занавес, застрявший на раздвижных тросах. Профессиональная память странным образом отказала бравому агенту, оставив мучительное чувство старческой несостоятельности. Но если предположить (ха-ха), что я прибыл сюда по чьей-то высшей воле, так, может, и печать на мою память была наложена не случайно? Неприлично тужась, я вытягивал из дыры прошлого ответ на вопрос, и получал в награду размытые кадры из фильма, в которых, к сожалению, не было смысла. Возникал почему-то мальчик, старающийся выглядеть солидным, взрослым мужчиной. Очень правильный маль-

чик — с обостренным чувством справедливости, непримиримый к фальши и безделью, не признающий полутонов. Черно-белый герой. Кто он? Нить воспоминаний раз за разом натягивалась и рвалась.

Мало того, Бэла Барабаш назвал его Странником. Это уж точно ни в какие ворота не лезло… Я рывком встал.

Картонная бирка с гербом города упала с кровати — я поймал ее на лету. На оборотной стороне вместо бредовой записки была теперь рекламная надпись: «*Бог — это счастье. Транспортное агентство „Наш Путь“*». Отлично! Воистину, святое дело рекламой не испортишь. Я покинул свои покои, оставив радиофон у себя на ухе, а цифровой пультик сунув в нагрудный карман…

Коридор упирался в просторный зал с лифтами. Здесь же был выход на внутреннюю лестницу, а также на ленточную галерею, под открытое небо. За стеклянной стеной был спортзал: в углу на матах кто-то отрабатывал задние кувырки, кто-то стоял на борцовском мосту, и даже на игровой площадке один-единственный чудак кидал мячики в баскетбольную корзину. А на скамеечке, увлеченно наблюдая за юными атлетами, сидела давешняя старушка с вокзала — та самая, кото-

рую я чуть было не записал в службу наружного наблюдения. Блуза с попугаями, брючки, седые кудри — не спутаешь. Любительница сувениров и высоких мужчин. Вот только на ногах у нее теперь были кружевные тапочки, созвучные вязаной панаме. Ага, сказал я себе, повеселев. Случайная встреча. Люблю случайности, именно они не позволяют умным людям почувствовать себя умнее Господа Бога.

Коридорный сидел на стуле, положив ногу на ногу, и читал книгу. Он был одет в форменные красно-голубые одежды и был молод, потрясающе молод. Розовощекий, с юношескими усиками, коротко стриженый. Когда я подошел к нему, он с достоинством встал и первым сказал мне: «Здравствуйте!», и тут выяснилось, что коридорный к тому же высоченного роста, почти с меня, да еще прекрасно развит физически. Любопытно, что может читать этакий боец? Приключения? Космические ужасы?

— Здравствуй, дружок, — сказал я ему. — Тут такое дело… Кто доставил багаж в мой номер? В двенадцатый-эф?

— Я, — скромно ответил он.

— Прямо из больницы?

— Из какой больницы? Нет, я только поднял

чемодан снизу. В отель его доставило агентство «Наш Путь».

— К чемодану было что-нибудь привязано? Что-нибудь необычное?

— По-моему, нет. Только путевка.

— Что такое путевка?

— Ну, бирка с номером. Ее внизу выписывают. А что случилось, товарищ Жилин?

Он захлопнул свою книгу и положил ее на стул, готовясь немедленно принимать меры. На обложке значилось: «Шпенглер. Закат Европы. Том 2».

— Ничего серьезного, дружок, кто-то глупо пошутил. Откуда ты знаешь, как меня зовут? Мой портрет был на бирке?

Парень улыбнулся.

— Вы меня не узнаете?

Второй раз за день мне задали этот вопрос, и снова я ничего не мог ответить. Взглянув на розовощекого красавца повнимательнее, я понял, что его лицо и в самом деле кажется мне знакомым. Второй раз!.. Плохой признак, подумал я. А может, уже симптом?

— Сколько тебе лет? — спросил я.

— Восемнадцать.

— Ого, что ты читаешь! Шпенглер, Фукуяма, Ницше… Я в детстве, помню, читал что угодно,

только не философские монографии. Первый том, очевидно, ты уже одолел?

— Я в детстве тоже читал что попроще, — возразил он. — Агриппу, Анкосса, доктора Нэфа и так далее. Пока не понял, что книги по оккультизму очень вредны. Не только тексты, но и сами книги, из бумаги и картона. Их создатели вовсе не делились своими знаниями с людьми, а преследовали иные цели.

— И тогда ты начал употреблять в пищу здоровые книги? Похвально. Закат Европы, говоришь…

Коридорный потянулся, легонько хрустнув суставами.

— Шпенглер, конечно, ошибался, утверждая, что роль европейской цивилизации в истории человечества полностью исчерпана, — сообщил мне этот милый мальчик. — Он забыл, к примеру, что Россия — тоже почти Европа, он не учел такую глобализацию всех процессов, при которой роль любого отдельно взятого континента становится ничтожной, он не мог предвидеть появление на карте Европы такого государства, как наше.

— Да, забавно, — покивал я ему. — Можно полюбопытствовать, что ты еще читаешь, кроме Шпенглера?

Он пожал плечами.

— Джойса, Строгова, Жилина…

— Достаточно, — сказал я. — Поразительный литературный вкус, даже оторопь берет. И какие произведения последнего из названных авторов ты успел освоить?

— Да все, наверное. «Круги рая», конечно. Потом — «Генеральный инспектор», «Главное — на Земле»… Вы ведь приехали Строгова навестить, правда?

— Тебе и это про романиста Жилина известно? Еще немного, и я начну бояться здешних коридорных.

— Я просто с вашими друзьями случайно разговорился. С учениками Дмитрия Дмитриевича, вы понимаете? Они уже побывали в Строгом Доме, как вы, русские, любите шутить, так что я не рискнул их попросить кое о чем…

— У меня много друзей, — согласился я. — И все, как на подбор, ученики Строгова. Итак, ты о чем-то хотел попросить меня?

Мальчик помялся секунду-другую, зачем-то оглянувшись на свою книгу, смирно лежащую на стуле, и сказал:

— Простите, но я, пожалуй… В общем, ерунда все это.

— Ну, тогда расскажи мне, кто вон та пухлая пенсионерка в кружевных тапочках, которая перепутала спортзал с клубом для одиноких дам?

Он посмотрел.

— Честно говоря, не знаю, как ее зовут.

— Боюсь, конфуз может получиться, потому что мы с ней где-то уже встречались, — объяснил я ситуацию. — Пожилые дамы так обидчивы. Она кто, местная?

— Она, кажется, из Австрии, — сказал коридорный. — С дочерью здесь отдыхает.

— С дочерью! — обрадовался я. — Надеюсь, мы соседи? Они тоже с двенадцатого?

Мальчик остро взглянул на меня и сразу отвел взгляд. Наверное, заподозрил вдруг, что мои расспросы имеют другую, неназванную цель. И, наверное, с ужасом подумал, как и все они тут, правдивые и правильные, что писатель Жилин — отнюдь не только писатель. Ну и пусть его.

— Я не знаю, с какого они этажа, — вежливо ответил он.

Двери лифта, всхлипнув, раскрылись. Выкатилась кругленькая женщина, затянутая в красно-голубую гостиничную униформу. В руках ее был роскошный букет желтых лилий. Окинув меня взглядом, полным кокетливого интереса,

она неожиданно остановилась.

— Это вы? — восторженно спросила она.

— А как бы вам хотелось? — не сплоховал я.

— Вас показывали в новостях.

Я повернулся к коридорному.

— Спасибо за все, дружок, но мне пора. Ты уж извини, что я так и не вспомнил, где мы с тобой раньше встречались.

Он промолчал, ничего не ответил, он подождал, пока я войду в кабину лифта, и только потом уселся на свой стул, положив на колени Шпенглера, том номер два.

— Меня зовут Кони, — успела сообщить женщина, прежде чем двери сомкнулись.

Я вознесся на два этажа выше, в номер Славина…

Братья-писатели, похоже, не скучали. На журнальном столике, и под столиком, и на подоконнике, и на ковре под ногами теснились бутылки разных форм, размеров и расцветок. Кремлевская стена. Великая китайская стена. И все были откупорены, опробованы, но ни одна не допита даже до половины. Пахло кислым — в гостиной явно что-то проливали. Еще пахло консервированной ветчиной. Вскрытая банка стояла здесь же, на столике, выставив напоказ

аппетитные розовые внутренности, с воткнутой в самое сердце пластиковой ложечкой. Одна из разинутых дверей вела в спальню — к несобранной постели, к мятым простыням и раскиданной одежде… Неряшливость как известно, это признак постоянной концентрации на чем-то гораздо более существенном, чем ничтожные подробности окружающего мира. Евгений Славин в этом смысле приближался к просветленным йогам. В смысле концентрации, естественно. И я с сожалением подумал, стараясь не озираться, что никогда мне не быть похожим на настоящего писателя. По крайней мере в быту. Потому что привычки бывшего межпланетника — они как животные рефлексы, не дающие особи погибнуть, с ними не поспоришь. Никакой алкоголь не поможет, сколько ни пей.

— О, еще один классик, — сказал Славин, подняв на меня тусклый взгляд. Похоже, хозяин номера был и в самом деле трезв, несмотря на бутылки. Чудеса.

— Здравствуйте, — встал Банев, приветливо улыбаясь. Болгарин был высок, черен и носат — настоящий южный красавец.

— Общий привет, — сказал я. — Где бы мне разместиться, чтобы ничего не пролить?

Это я опрометчиво спросил, и Славин не упустил случая ответить.

— Сильное все-таки у тебя воображение, — позавидовал я. — Чтобы я, с моими габаритами… Как ты себе представляешь этот процесс?

Он перегнулся через подлокотник, едва не выпав из кресла, и принялся сосредоточенно рассматривать этикетки, что-то выискивая.

— Не обращайте внимания, — посоветовал мне Банев, усаживаясь обратно. — На вопросы «где» и «куда» он всегда реагирует одинаково, особенно если трезвый.

— Я тоже, когда вижу Славина, всегда реагирую одинаково, — по секрету сообщил я ему. — Мне хочется немедленно написать правдивую книгу о писателях. Волна вдохновения накатывает.

Мы с гостем поулыбались друг другу. Очевидно, к атмосфере, царящей в номере, назовем это так, опрятный и гладкий Банев был непричастен, поскольку до него здесь побывало некоторое количество других гостей. Славин отвлекся, ткнув в его сторону пальцем:

— Если ищешь источник вдохновения, классик, хватай лучше этого чистюлю, не упусти шанс. Эпицентр.

— Он же не пьет. Какой из него источник вдох-

новения?

— Зато жадный, как габровец. Тебе нужна правдивая книга? Слушай. Товарищ Банев сумел протащить через таможню бутылку ракии — настоящей, не то что местное дерьмо! — и теперь прячет ее где-то в своих чемоданах, среди манжет и галстуков.

Евгений с ненавистью толкнул ногой столик. Оглушительно зазвенело, стеклянный строй распался, нечто пахучее выплеснулось из горлышка на ковер.

— Что ж ты делаешь, свинья? — спросил я его.

— Не слушайте его, Ваня, — сказал Банев спокойно. — Нет у меня в чемоданах ни ракии, ни манжет.

— А почему он, кстати, не пьет? — продолжал Славин. — Да только потому, что печень у него начала пошаливать, вот тебе и вся мораль.

— Я приехал сюда в том числе с надеждой подлечиться, — грустно сознался гость. — Чего уж скрывать. Ходят слухи, будто здесь все выздоравливают.

— Немые начинают ходить, — процитировал Славин себе в нос. — И даже писать правдивые романы… В самом деле, классик, почему бы тебе не обессмертить кого-нибудь из нас? Мне понрави-

лась эта идея. Самого себя сделал литературным персонажем — позаботься о товарище.

— Беру вас обоих, — принял я решение. — Одного поместим в светлое будущее — пусть они там знают, что алкоголики неистребимы, а другого в мрачное прошлое, чтобы было из кого выбивать проклятую интеллигентность.

— Где же ситро? — с отчаянием в голосе сказал Евгений. — Куда же я его сунул?..

В номере ненавязчиво работал телевизор — на пониженных тонах. Горел стереоэкран, из фонора выползал запах нагретого асфальта, по комнате метались сюрреалистические краски. Шел экстренный выпуск новостей, прямо с улицы, с места событий. Кто-то солидный, потеющий от ответственности, торжественно обещал, что нанесенный ущерб будет возмещен всем пострадавшим; кто-то рангом пониже едва не бился в истерике, доказывая, что такого безобразия в здешнем раю просто быть не может, ибо даже в досоветские времена, во времена животной анархии, подобных издевательств над здравым смыслом не случалось! Сначала — откровенно бандитская вылазка на вокзальной площади, от которой общественность до сих пор не успела оправиться, и вот теперь нападению подверга-

ется уже сам вокзал! Заколдованное место. Как хрупок, оказывается, сложившийся порядок вещей — нам всем ни на секунду нельзя об этом забывать…

— Тебя на таможне тоже потрошили? — вдруг спохватился Славин, вывернув на меня бледное лицо. — Водку отняли?

— Подожди, дай послушать, — попросил я его.

Послушать было что. В самом деле, редкостный выдался денек. Снова вертолет упал с небес — огромный, десантный, жуткий. Ровно в полдень. Высадилась свора неопознанных подонков, одетых в форму местной полиции, оцепила вокзал, ворвалась в камеры хранения, — пришельцев-оборотней, похоже, интересовали именно вокзальные камеры хранения, и ничто другое, вот такой странный объект для атаки, — багажные ячейки были вскрыты все до единой, а хранившиеся в них вещи изъяты и погружены в вертолет, попросту говоря, украдены. Грубо и нагло.

— Они тут все утро твоей мордой телевизор украшали, — позлорадствовал Славин, обнаружив наконец свое ситро (бутылка закатилась под кресло). –Свинья грязь найдет. Кстати, хочу тебя обрадовать, Жилин, из твоей затеи может выйти толк.

— Из которой?

— Чтобы написать правдивую книгу о писателях, надо стать, во-первых, старым, во-вторых, занудой. Как ты.

Очевидно, он уже понял, что вожделенной водки от меня тоже не дождется, и оттого был желчен. Человек потерял всякую надежду. Жалкое зрелище.

— Бога ради, Виктор, объясните, — обратился я к Баневу, — почему этот урод трезвый? При таком-то изобилии?

— «Бога ради»… — скривился Славин. — Лексикон. Коммунисты хреновы… Межпланетники…

Виктор Банев ответил:

— Все алкогольные напитки местного производства в обязательном порядке содержат аналептические нейтрализаторы. Обратите внимание на рекламу на этикетках… — Он взял первую попавшуюся бутылку и отчеркнул что-то пальцем. — Угнетающее действие на центральную нервную систему значительно ослаблено. Кроме того, присутствует целый букет ферментоидных присадок, специальным образом корректирующих обменные процессы.

— Специальным образом? — спросил я.

— Метаболизируется до девяносто восьми

процентов этанола, а не девяносто, как обычно. Неокисленные метаболиты выводятся практически полностью, в мозг не попадают. Вы, конечно, знаете, что эта пакость откладывается именно в мозг и держится там до двух-трех недель, загромождая сознание…

Я опять спросил:

— А зачем в таком случае надо было загромождать помещение?

— Он не успокоился, пока все не перепробовал, — улыбнулся мне Банев.

— Профессора, — с отвращением сказал Евгений. — Всё знают. Ненавижу.

Я подошел к окну и выглянул. Вид отсюда был ничуть не хуже, чем из моих апартаментов. Фантастическое нагромождение цветных пятен — точно, как на картинах экспрессионистов.

— К Дим-Димычу торопишься? — подал голос Славин. — К нему сегодня Сорокин пошел, имей в виду.

— Нет, в банк, — сообщил я в стекло.

— Ага, денежки менять, — обрадовался он. — Могу дать один адресок. Там, в отличие от ихнего банка, тебе обменяют на рубли столько местных денег, сколько унести сможешь.

— Правда, по полуторному курсу, — с сожале-

нием добавил Банев. — За все надо платить.

Я повернулся к ним.

— Зачем? — удивился я.

Они переглянулись.

— Он еще ничего не знает, — сказал Банев Славину.

— Теленок.

— Невинный младенец.

— Ты думаешь, не стоит лишать его невинности? — Евгений откинулся на спинку кресла (нога на ногу, руки за голову) и оценивающе оглядел меня сверху донизу. Долгий это был процесс, я даже заскучал. — Я все-таки скажу, — решил он. — Когда вам, классикам, захочется насовать себе под подушку мятых банкнот местного образца и вкусить свою порцию кайфа, бегите в район площади Красной Звезды. В одном из тамошних переулков прячется штаб-квартира партии Единого Сна. Адрес я не помню, но ищущий да найдет. Обратитесь непосредственно к председателю по фамилии Шершень, и вам помогут обрести долгожданное счастье…

Приятно было наблюдать, как в человеке прорастает интерес к жизни. А то ведь совсем было человек зачах. Я вопросительно посмотрел на Банева, но тот лишь подмигнул мне в ответ.

— Владислав Шершень? — спросил я их обоих.

— Какая разница? — фыркнул Славин, потягиваясь. — Мы ходили к нему не по имени-отчеству величать, а незаконную финансовую сделку совершать.

— Русский?

— Да, конечно, — сказал Банев со странной интонацией. — Помогает землякам, чем может.

Непонятно было, шутят они или нет. А если шутят, то почему мне не смешно. Со Славина что взять — он самого себя в перьях вываляет на потеху благодарной публики… Владислав Шершень, подумал я. Еще один знакомый в этой сказочной стране. Еще один призрак, явившийся из прошлой жизни, чтобы в который раз напомнить о неразрывной связи мертвого и живого…

— Боюсь, счастье мне не поможет обрести даже Единый Сон, — я вздохнул. — Даже вечный.

Очень не хотелось покидать эту академическую компанию, но пора было и честь знать. Прежде чем пуститься в обратный путь по ковру (как бы чего не обрушить!), я снова выглянул в окно. Взгляд мой случайно упал вниз, на площадь перед отелем. И я вдруг с удивлением обнаружил, что дорожки и газончики, если посмотреть на них сверху, складываются во фразы.

НЕ МОЖЕШЬ КУПИТЬ – ПОПРОСИ. НЕ МОЖЕШЬ ПРОДАТЬ – ПОДАРИ.

Вот что там было написано.

Глава пятая

Филиал Национального банка занимал отдельное помещение на первом этаже, рядом с лифтами. Войти можно было как с улицы, так и прямо из гостиничного холла. Если не ошибаюсь, именно здесь располагалась когда-то парикмахерская, которую я почтил много лет назад своим присутствием. Или воспоминания лгали? Как бы там ни было, но офис оказался закрыт на проветривание, о чем извещала вежливая табличка на стеклянных дверях, и я решил подождать.

Здесь было где ждать. Холл впечатлял. Живая изгородь высотой в половину моего роста разделяла пространство на многочисленные зоны отдыха, а также указывала путникам кратчайшие проходы — к лифтам, к стойкам администрации, к бару, — превращая таким образом первый этаж в странное подобие лабиринта. Центральную часть украшал компактный водоем — с фонтаном и кувшинками (очевидно, выполнял функцию увлажнителя). Плетеная мебель причудливых форм подчеркивала растительный характер дизайна. Пол был уложен метлахской плиткой,

какую еще в Древней Греции использовали при возведении дворцов и храмов, причем, мозаичный узор был настолько тонок, что вставший на пороге гость замирал на мгновение, полагая, что под ногами расстилаются гигантские роскошные ковры…

Насчет метлахской плитки мне все разъяснил менеджер, которому Бэла сдал меня с рук на руки. Этот улыбчивый клерк, по-детски гордившийся местом своей службы, ввел невежественного дикаря в курс дела, прежде чем расстаться с ключами от номера. Упросил, чтобы я самолично потрогал плитки, даже присел на корточки рядом, завершая краткую лекцию: «…Очень прочный материал, но главное, очень гигиеничный, это ведь главное, согласитесь…»

Менеджер и сейчас находился на посту, излучая готовность решать любые проблемы. Я посмотрел на него, размышляя о том, кто выписывает бирки к чемоданам постояльцев. А также о том, кто отправляет чемоданы по номерам. Спросить? Из грузового лифта как раз вышли два носильщика с бэджами «Наш Путь» на груди — загорелые, молодые, в ослепительно белых одеждах. Через плечо переброшены ремни, на которых закреплен многочисленный багаж, и еще в руках по

сумке. Рождественские елки, а не люди.

— Ты сегодня опять к хрусташам в гости? — интересовался один.

— Энергетика должна быть энергичной, — отвечал второй, посмеиваясь.

— Почему на своем горбу, парни? — послал я носильщикам в спину. — А как же средства малой механизации? Где пневмотележки, где треножники?

Они остановились на минутку.

— Зачем тележки? — оглянулся один. — Вяло. Без пользы.

Второй был более многословен:

— Вы не беспокойтесь, мы дозируем нагрузку. Желаем вам здоровья.

Они пошли дальше, сосредоточенно дыша через нос, с каждым шагом, очевидно, набираясь все большего и большего здоровья, и мне вдруг стало завидно, ведь это так удобно: ты укрепляешь свой дух и тело, а тебе еще и деньги за это платят (или они корячились бесплатно?), и вдруг тоже захотелось навесить на себя целебный груз, чтобы иметь право шагать с ними рядом, но тут меня отвлек бар…

Ниша бара располагалась в центральной части холла, чуть дальше фонтана, напротив тумбы

стереовизора. Что за фильм крутили, не имело значения, потому что внимание мое сконцентрировалось на одном из зрителей. Человек был слишком увлечен своим бокалом, чтобы проявлять хоть какой-то интерес к происходящему в холле, да и передача, как видно, мало его занимала, потому что едва я взглянул в его сторону, он крутанулся на табурете и принялся что-то обсуждать с барменом. Однако успел все-таки показать мне свое лицо.

Это был метис-мексиканец, персонаж Джека Лондона, который торчал ранним утром на вокзальной площади, выбрав в качестве наблюдательного пункта уличное кафе. Опять, надо полагать, случайная встреча. За кем этот человек наблюдал сейчас?

Менеджер вдруг заметил меня и помахал мне рукой, выбираясь из-за стойки.

— Как кстати, — подбежал он в полном восторге. — Вам только что прислали. Вот… — Он протянул заклеенный пакет и неожиданно козырнул.

Кто же козыряет с непокрытой головой, мысленно ответил я ему. Хотя бы казенную панаму надел, дружок, хотя бы чепчик у мамы попросил… Он собрался исчезнуть, не дожидаясь благодар-

ности, но я остановил его:

— Милейший, не сочтите за труд. Видите — вон там, в баре? Роскошный индеец, который не дает бармену заснуть на рабочем месте…

— Господин Паниагуа? — заулыбался менеджер.

— Хочу с ним познакомиться, — сказал я по секрету. — Он ужасно похож на моего друга из Аризоны, недавно погибшего.

— Дон Феликс прибыл к нам из Гватемалы, — мягко возразил менеджер. — Ученый-этнограф.

— Этнограф — это великолепно, — согласился я. — Решил изучить закат европейской цивилизации, пока есть что изучать?

— По моим сведениям господин Паниагуа специализируется на индейских культурах, — сказал он значительно. — Вы удивитесь, но у нас здесь существует научно-просветительский клуб под названием «Новый Теотиуакан», который организовали выходцы из Центральной Америки. Я бывал на их лекциях, любопытства ради.

— И что?

— Любопытство удовлетворил. Говорят, у них самая богатая кристаллотека в городе, уникальная коллекция. Рекомендую записаться. Вы, простите, знаете, что такое Теотиуакан?

— Древний город, гнездо Пернатого Змея, — ответил я и протянул ему десятку. Увы, других чаевых, кроме как в рублях, давать я пока не мог.

— Ну что вы! — смутился клерк, зыркнув по сторонам глазами. — Бога ради, оставьте. Мне приятно беседовать с образованным человеком, просто беседовать… — восторг его превратился в ликование. — Так пойдемте, я вас познакомлю.

— Обязательно, — с энтузиазмом сказал я. — Только, знаете, сначала я навещу отделение вашего банка, а то, как видите, кроме рублей у меня ничего нет. Какое нынче знакомство без денег? — Я подмигнул ему, он подмигнул мне, и мы стали друзьями. — Я к вам еще подойду, — пообещал я. — Дон Феликс ведь в нашем отеле проживает?

— Господин Паниагуа живет не в отеле, — сказал мой новый друг с сожалением. — Наша кастелянша — его племянница, поэтому он здесь часто бывает, пользуется бесплатными услугами. Или вот, как сейчас, употребляет наш фирменный кислородный коктейль. Кстати, имейте в виду, в этом скромном с виду баре готовят лучший в городе кислородный коктейль…

На том мы и расстались.

Я неспешно двинулся по холлу, разглядывая

переданную менеджером почту. На пакете ничего не было написано, ни сзади, ни спереди, ни сбоку. Ни даже снизу. Я вскрыл пергамент, но обнаружил внутри только брошюру без названия, с тисненым на обложке государственным гербом. Это был ведомственный телефонный справочник, обещанный мне Бэлой.

— Комиссары не лгут, — сказал я, листая голубого колера страницы. Телефон Стаса нашелся легко, именно в той графе, где следовало искать. Председатель Совета директоров Национального банка. Рыбарь по имени Бляха. Надо же. Стас, который пил чистый спирт, не разбавляя, не закусывая и не пьянея, который в аптеке спрашивал предохранители с усиками, а в радиомагазине — презервативы на 5 миллиампер, который, прежде чем сделать из наглеца отбивную, всегда успевал снять очки и сказать: «Я без очков плохо слышу…»

Я вытащил из нагрудного кармана пульт радиофона, подключился к городской линии и набрал номер.

— Пожалуйста, господина Скребутана.

— Кто его спрашивает? — поинтересовались на том конце. Приятным женским голосом.

— Иван из Ленинграда. Так и передайте, он

поймет.

— Председатель сегодня болен, — виновато ответила она. — У вас срочное дело?

— Мое дело до завтра подождет, — сказал я беззаботно. — Если не ошибаюсь, день рождения у председателя завтра, а не сегодня.

Разговор иссяк. Болен, подумал я. Хоть кто-то плохо себя чувствует в этом царстве эталонов, хоть кто-то с отклонениями отыскался, а впрочем, жаль, что этим несчастливцем оказался именно мой Стас.

Носильщики возвращались от лифтов за новой порцией багажа. Я отошел в сторону, чтобы не стоять на пути «Нашего Пути», и сел на один из плетеных диванов. Сиденье, как ни странно, было упругим, удобным.

— Вы знаете, что сегодняшней ночью опять намечается шествие бодрецов, — отчетливо произнесли за моей спиной. Я оглянулся. Сзади как раз была живая изгородь, разрезавшая холл на правильные геометрические фигуры.

— Когда же примут закон о тишине? — горестно вопросил второй голос.

И я перестал прислушиваться. Наверное, там был точно такой же диванчик, что и здесь. Наверное, люди отдыхали, скрашивая минуты светской

беседой.

Помимо рабочих телефонов в справочнике были и домашние. Старательно разогревая в себе сочувствие (человек болен как-никак), я выставил на пульте новые цифры, но весь мой огонь ушел в дым. Дома у Стаса не ответили. Космическая пустота. Я — бывший межпланетник, пустоты не боюсь, тем более, космической, я не поленился повторить вызов, но — в дым, в дым мои горячие порывы!

Невидимые отдыхающие по ту сторону кустов продолжали вполголоса общаться:

— …Слышали, что сюда Жилин приехал?

— Который всю эту кашу заварил?

— Он, он. В новостях показывали.

— Воистину, нет предела человеческой наглости…

Мне отчего-то захотелось привстать. Или, к примеру, раздвинуть кустики и посмотреть в щелочку. Простое любопытство, ничего личного. К счастью, меня отвлекли, а то бы не выдержал, ей-богу.

Кругленькая пухленькая симпатяшка в комбинезоне красно-голубых тонов подкатила к дивану.

— Я — Кони, — заговорщически сообщила она

и присела рядом. — Помните меня?

Я помнил, но скорее не ее, а букет желтых лилий. Это была та самая сотрудница отеля, с которой я столкнулся полчаса назад у лифта, только сейчас женщина несла не лилии — что-то иное, что-то совершенно удивительное. Тоненькие изломанные стебли были усыпаны нежными белыми цветочками в столь большом количестве, что растение в ее руках походило на облако, на кружевную дымку, на воздушное платье невесты.

— Вы, пожалуйста, не сердитесь, — попросила она. — Я, наверно, помешала? Понимаете, около часа назад я услышала… Случайно, когда в оранжерее была. Оранжерея — это на крыше. Жаль, я сразу не сообразила с вами поговорить, а тут увидела, что вы отдыхаете, и подумала: если не сейчас, то когда?

Слова сыпались из нее, как фасоль из дырявого пакета — неудержимо и звонко.

— Что вы делали в оранжерее? Загорали, конечно?

— Загорать вредно, — машинально возразила она.

— Тогда гадали на ромашке?

Женщина улыбнулась. Хорошая у нее была

улыбка, искренняя.

— Я работаю аранжировщицей цветов, — объяснила она. — Должность такая.

— Вот оно что, — произнес я, наклонился и понюхал чудо природы в ее руках. Пахло свежескошенной травой, а вернее сказать, ничем особенным букет не пах. — Красивая у вас работа, Кони. Как вы сами.

Она покраснела и затеребила рукой кулончик на своей шее. Это была Молящаяся Дева, вырезанная из черного дерева и подвешенная на тонких кожаных тесемках.

— Спасибо. Так вот, насчет тех двоих сеньоров. Понимаете, я была не в самой оранжерее, а в кондиционерной…

— Вы аранжируете цветы в кондиционерной? — догадался я.

— Нет, там я… — Она потупила взор, отчего-то засмущавшись. — Вы никому не скажете?

— Смотря что. Если, например, речь о тайном изготовлении самогона из лепестков черных орхидей, то ничего не могу обещать. Грех скрывать хорошие новости от друзей.

На этот раз улыбнулся я один.

— Никак не получается бросить курить, — шепотом призналась толстушка. — Глупо, правда?

Прячусь в своей норе, чтоб никто не видел. Хорошо хоть, эта дурная привычка не мешает мне… ну, вы понимаете, о чем я…

Разумеется, я понимал с трудом. Я просто ждал. Упоминание о «двоих сеньорах» мгновенно разбудило омерзительного человечка в моей голове, задремавшего было от райской скуки, но я пока не давал ему слова. На что я надеялся, затягивая разговор?

— А как насчет других вредных привычек? — с ответной доверительностью сказал я. — Видите ли, я новичок. Боюсь, в повседневной жизни я позволяю себе некоторые излишества…

Она печально покивала.

— Да, излишества — это проблема. Удержать здоровье позволяет только норма, спасительная норма. Но то, о чем мы с вами сейчас заговорили, не имеет прямого отношения к образу жизни. Гораздо важнее готовность человека. — Она постучала пальчиком по своему лбу. — Вот здесь. Если человек готов, у него получится.

— И у вас… — я задохнулся от восхищения. — Получилось?

— Посмотрите на меня, — сказала она, заложила руки за голову и выгнула спину на манер профессиональных фотомоделей. — Вы не пове-

рите, но за последние годы я невероятно похудела. Страшно рассказывать, какая была раньше. А теперь обмен веществ полностью восстановился, лишние углеводы в организме не задерживаются и в жиры не превращаются, никакие диеты давно уже не требуются. Что меня спасло? — Женщина перекрестилась ладонью — слева направо, как истинная католичка. — Благодарение Богу, у меня получилось.

В голосе моей собеседницы на миг вспыхнуло и погасло ликование. Что именно у нее получилось? Я поостерегся уточнять. Не люблю, когда мне дают пощечины, даже если это от чистого сердца. «Опять она плохо спала, опять ее предали сны…» Профессиональный нейрофизиолог, коим является супруга лейтенанта Сикорски, всего лишь услышала глупый стишок… и чем закончилось?

— Стало быть, в кондиционерной курить не возбраняется, — вернул я разговор в исходную точку.

И женщина вспомнила, что подошла ко мне неспроста. И лицо ее, освещенное внутренним светом, сразу погасло. Она тихо сказала:

— Я, когда курю, отключаю аппаратуру, а дым выпускаю прямо в фильтровочную камеру. Если

бы я вентиляторы не обесточила, то ничего бы не услышала… А эта парочка, наверное, выбрала оранжерею, потому что днем у нас никого не бывает. Встали за стойкой с клематисами, чтобы их не видно было. Там как раз одно из окон воздуховода спрятано, они этого не знали…

— Вот что, милая, давайте-ка мы с вами тоже встанем, — прервал я ее.

Цветочница послушно поднялась следом за мной. Встав, я посмотрел назад — все-таки не отказал себе в удовольствии, — как бы ненароком заглянул за растительную изгородь и обнаружил по ту сторону кустов двух старичков в форме национальной гвардии, смирно лежащих на топчанах. Форма была устаревшего образца. Поймав мой взгляд, ветераны дружно улыбнулись мне в ответ. Выдержка старых вояк не подвела. Очень доброжелательные такие старички, как и все в этом сказочном мире — доброжелательные в квадрате, чуткие в кубе. Но были ли они искренни? И что является б***О***льшим насилием над человеком, показная воспитанность или искренняя неприязнь?

А потом я заметил Марию.

Мой бывший начальник спускался по главной лестнице, напряженно глядя себе под ноги

сквозь толстые стекла очков. Мария Ведовато собственной персоной, директор Юго-Западного отделения, служебный позывной «Дуче». Вечная трость, вечная седина. Живот, едва не выпадающий из брюк. Двигался он так, будто боялся упасть, и вообще, был он какой-то придавленный, сгорбленный, нездоровый, никак не вписывался он в общую идиллическую картину. Эк его согнуло, моего несгибаемого шефа, с жалостью подумал я. Да, сильно он постарел. Вот самое точное слово — постарел… Итак, Мария тоже оказался здесь. Это было потрясающе. Человек, стоящий на краю отставки, приезжает в рай за утешением. Или у него командировка? Опять Планета проявляет интерес к этому оазису, бывшему когда-то Страной Дураков и перепаханному под новые посевы? И где в таком случае Оскар, где их вездесущая тень, накрывшая с некоторого времени весь оперсостав Совета безопасности? Нет, потрясающим было не это, это как раз было банальным — сплетение интересов, подлый расчет, благородное недомыслие, — не то, не то. Но что тогда?

Было ощущение, будто кто-то выдернул всех моих прошлых знакомых за шкирку и нарочно закинул сюда, чтобы меня потешить. Вот и Стро-

гов сюда переселился. Зачем? Бред, как известно, заразен, переносчиками являются простые человеческие слова. Тот сумасшедший возле вокзала, который тоже был моим знакомым, сказал: «Я во всем виноват», — тем самым втянув меня в этот спектакль, ибо чужую вину я принимаю только в доказанном виде; он же сказал мне: «Вы межпланетник, вы все поймете правильно», но пока я понимал лишь то, что всякая потеха имеет свои границы, и что теперь я не смогу успокоиться, пока не выйду за эти границы…

А потом Мария увидел меня.

И ничего не произошло. Он направлялся в ресторан, поэтому наши пути никак не могли пересечься. Мы не подошли друг к другу, не пожали друг другу руки, не пожелали здоровья. Обменялись короткими взглядами — и все. Он был из тех, кто пытался оставить меня в Службе контроля, вернее сказать, он был единственным, рискнувшим вступиться за предателя. Не знаю, чего это ему стоило. Да вот хотя бы того, что начальником над ним сделался Оскар, а не кто-то другой. Мария, как передали мне позже, считал меня лучшим своим сотрудником, хотя, никогда не говорил мне этого в глаза. И вот теперь мы даже кивка друг друга не удостоили. Очевидно,

старик так и не смог мне простить, что я оказался не таким, каким он меня придумал. А я? Чего я не мог им всем простить?

— Посидим в рекреации? — спросила Кони, тревожно заглянув мне в глаза.

— Где-где? — испугался я.

Она показала на ближайшую зону отдыха, которая была свободна.

— Так в Университете говорят, — пояснила она. — Много словечек оттуда гуляет.

— Гуляет — это прекрасно, — сказал я и взял женщину под локоток. — Но мы пойдем своим путем…

Я повел спутницу в направлении стереовизора, двигаясь так медленно, как это возможно, и ловко превратил беседу в скрытый опрос. Впрочем, я давно это сделал — незаметно для самого себя. Кого обманываю? Давно уже разговаривал не я, а мой изголодавшийся напарник, прогрызший лабиринты у меня в голове. Голова была подземельем, из которого тянуло сыростью и смрадом, там жил уродливый карлик, имя которому — навыки оперативно-розыскной деятельности. Это маленькое коварное существо функционировало по своим правилам, независимо от воли и желаний большого Жилина, поэтому еще вопрос,

кто из нас был большим, а кто маленьким. Пока он работал за меня языком, сам я осматривался, придирчиво изучая обстановку. Других моих знакомых, к счастью, поблизости не наблюдалось, никто и ничто не мешало опросу в форме беседы…

— Они что-то против вас замышляют, — совсем неслышно сказала Кони, чуть не подпрыгивая от важности момента. — Что-то очень плохое.

— Почему вы так решили? — спросил я.

Цветочница на секунду потерялась.

— А зачем было прятаться? — прошептала она с возмущением. — Сначала всю оранжерею осмотрели, даже в подсобку заглянули! Что им в подсобке было нужно? Ящики, горшки, садовый инвентарь?

— Может, это любители особых запахов? — предположил я. — Бывают и такие.

Она тихонько хмыкнула.

— Это точно, там еще коробки с удобрением хранятся… В кондиционерную, кстати, тоже подергались. Я, когда курю, всегда запираюсь, а они подумали — никого нет. Ругались шепотом, торговались о чем-то. Очень плохо было слышно… — Женщина вдруг зажмурилась от ужаса. — По-моему, они хотят вас похитить.

— Кто — они? — спокойно сказал я.

— Сеньор Ангуло.

— А второй?

— Не знаю, — огорчилась она.

— Сеньор Ангуло — это кто?

— Какой-то военный.

— Если можно, — попросил я, — расскажите подробнее о том, что вас так встревожило…

Мы неумолимо приближались к бару с отдыхающим там господином Паниагуа. Не знаю, нервировало ли гватемальца наше перемещение по холлу, но затылок его ничего не выражал. «Итак?» — крепче прижал я свою спутницу к себе. Что ее встревожило? Например, такое редкое слово, как «Жилин»! Как ни переводи, на любом языке все равно получишь «Жилин», не правда ли? Сеньоры вставляли эту русскую фамилию едва ли не в каждую фразу. А как расценить яростный стон «¡Solo de vivo!», который господин Ангуло вколотил в своего приятеля? Это по-испански, означает — «только живым». Поймав кусочек испанской речи, Кони чуть сигаретный дым не проглотила, настолько странным ей показалось услышанное. Или еще: «Cambiamo el carro», то есть «автомобиль мы заменим»… Разве могла она, ответственная во всех отношениях женщина,

не подойти и не поделиться с Жилиным своими сомнениями? Особенно после репортажей о происшествии на вокзальной площади, которые произвели на нее сильное впечатление…

— Мой отец увлекается вашими книгами, — добавила Кони так, будто это оправдывало ее поступок. — Сама-то я, к сожалению, не люблю читать.

— Сколько лет вашему отцу? — поинтересовался я.

— Семьдесят три.

Ничего себе, подумал я. А тебе тогда сколько, пышечка? Я посмотрел на собеседницу гораздо более внимательно, чем того требовали приличия. Выглядела она на двадцать пять, никак не старше. Очередная ведьма без возраста? Я бросил наугад:

— ¿Comprende usted el español?[1]

— Olvidar la lengua materna es un pecado[2], — несколько обиженно ответила она. — Мои родители из Картахены, а фамилия наша Вардас.

Паниагуа на пару со своим соседом по стойке, между тем, одновременно снялись с насиженно-

---

[1] Примечания: 1

— Вы понимаете по-испански? (исп.)

[2] Примечания: 2

— Забыть родной язык — это грех (исп.)

го места и пошли к выходу из отеля. Траектория их пути на мгновение пересеклась с нашим. Моя спутница примолкла, умница, зато дон Феликс, наоборот, и не подумал уменьшить мощь своего баритона. Он вещал хорошо поставленным учительским голосом:

— …Из испанцев только Кристобаль де Олид серьезно воспринял россказни насчет чудодейственной реликвии, потому и сбежал от Кортеса. А вовсе не потому, что он был свидетелем резни в Темпло-Майор. Реликвию Кристобаль не нашел, был пойман и казнен Кортесом за измену, а свиток его отправился кочевать по рукам…

Когда они удалились, я сказал:

— Вторым был случайно не этот господин?

— Какой? — не поняла Кони.

— Тот, который мимо нас прошел. У которого здесь племянница работает кастеляншей.

Она фыркнула.

— Феликс? Нашли племянницу! Феликс — видный мужчина, так зачем же, прости Господи, скрывать то, что всем в гостинице известно? Племянница!

— Короче, не он, — подытожил я. — А жуткий сеньор Ангуло? Тоже здесь племянницу имеет?

Опять она сильно разволновалась.

— Как вы думаете, мне заявить в полицию?

— Я заявлю сам, не волнуйтесь, — сказал я ей. — Все будет хорошо, chiquita[3]. Когда вы заканчиваете работу?

— Оранжерея закрывается в восемь.

— Того, второго, сможете узнать в лицо? Или по фото?

Она молча кивнула. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Наши головы находились на разных этажах: женщина еле-еле доставала мне до груди. Ей было очень жалко уходить.

— Последний вопрос, — сказал тогда я. — Что это такое у вас в руках?

— Гипсофилы, — сказала она кокетливо. — Никогда не видели таких цветочков? Идеальный компоновочный материал. Это у меня однолетние, а бывают еще многолетние, цветочки у них помельче и ворсинками покрыты, как будто махровые… Вы точно обратитесь в полицию?

Я тяжело вздохнул.

— А куда денешься? Иначе, я подозреваю, вы поднимите на ноги и Мировой Совет, и ООН.

По-моему, она была удовлетворена, если позволено так выразиться. Она ушла, не оглядываясь,

---

[3] Примечания: 3
девочка (исп.)

бережно неся свои гипсофилы. Я проводил взглядом аппетитную фигурку, затянутую в красно-голубую униформу. Посмотреть женщине вслед — хороший способ проконтролировать окружающую обстановку, однако ничто не изменилось в холле, не сместилось как бы случайно с мест. Не дрогнули ничьи головы, не задвигались ничьи губы. Если за мной и следили, то делали это на высоком техническом уровне, в чем лично я не видел никакого смысла.

* * *

Банковское отделение давно уже открылось, внутри был народ. Проветривание помещений благополучно закончилось, как и вентиляция моих мозгов. Я прошел сквозь вертушку внутрь…

Офис ничем не отличался от тысяч похожих заведений, разбросанных по всему свету. В одном из окошечек я получил документ, озаглавленный: «Закон о денежном обращении», — вместе с просьбой ознакомиться и подписать, — а также совет изучить материалы на стендах. Я начал со стендов, в результате чего выяснил, что денежная единица, имеющая хождение в данной стране, называется динаром (это я знал и раньше) и что один динар равен ста сантимам (об этом я дога-

дывался). Но вот о чем я не знал и не догадывался, так это о том, что суммы, подлежащие обмену, строго ограничены. Причем, все зависит от статуса клиента. Судя по специальной таблице, я подходил под определение «турист первого дня». Подобная практика была по меньшей мере странной, ибо каким образом, черт возьми, они тут добиваются устойчивости собственной валюты, если ограничивают ввоз чужой? Впрочем, сумма, на которую я мог претендовать, полностью меня устраивала, тем более, что через пару дней я переходил в следующую категорию клиентов. Любопытно, что наивысшим приоритетом при обмене наличных денег пользовались инвалиды, а также лица, страдающие тем или иным хроническим заболеванием, чей недуг был подтвержден соответствующим документом.

— Справочку и купить можно, — пробормотал я. — На что они рассчитывают?

— Не всякая справочка годится, — тут же последовал отклик. Я посмотрел через плечо. Сзади пристроился некто, сосредоточенно дыша мне в рубашку. Плюгавый мужичок в гавайке и шортах — он выписывал что-то из таблиц себе в блокнот.

— Да? — вежливо спросил я.

— Вы новенький, — сказал он, не глядя на меня. — Еще полны надежд. Это очень трогательно, поэтому я объясню. Законную силу имеет только справка, подтвержденная в одном из местных лечебных учреждений. Никакую другую банк не примет.

— И что это меняет? Купим у местных.

— Когда врачи избегают врать даже по долгу службы, даже из чувства сострадания к пациенту, неужели вы думаете, есть шанс, что они сделают это за мзду?

— Спасибо, — сказал я ему. — Надеюсь, у вас с надеждами тоже все в порядке.

Он промолчал. Взгляд на меня он так и не поднял. Я отошел, уселся за столик и положил перед собой «Закон о денежном обращении».

Возле окошка с надписью «Кассир» разгорался маленький скандал. Клиент требовал, чтобы ему выдали положенную сумму (отнюдь не скромную по моим меркам) непременно мелкими купюрами. «Имею право», — тупо повторял он. Очевидно, это был турист НЕ первого дня. Нужного количества мелких денег в кассе не оказалось, так что клерк с позором удалился в сокровищницу за пополнением, а все прочие вынуждены были ждать.

Борцовского вида крепыш, расположившийся за столиком напротив меня, оторвался от созерцания своей чековой книжки.

— Глупец, — меланхолично произнес он. — Думает, чем больше бумажек под подушку положит, тем красивее сны увидит.

— А на самом деле… — подбодрил я его.

— На самом деле, сэр, количество не переходит в качество, и не надейтесь. Все наоборот. Хочешь хапнуть больше — значит, алчный, значит, ничего у тебя не получится… — Глаза собеседника гневно сверкнули, выдав истинные его чувства.

Ага, подумал я, в их рай, оказывается, не только лжецам путь заказан.

— Почему? — наивно спросил я.

— Алчность, сэр, ничем не исправишь. Хотите знать первое имя дьявола? Алчность.

Но где он находится, их нынешний рай, продолжал я размышлять, кто бы показал туда дорогу? И при чем здесь красивые сны? И, в особенности, при чем здесь деньги под подушкой?

Я прилежно прочитал выданную мне бумажку. Закон о денежном обращении, как выяснилось, сводился к одному-единственному требованию: местные деньги в наличной форме нельзя было вывозить из страны. Причем, за нарушение на-

ступала не административная ответственность, а уголовная, высылкой дело не ограничивалось. Это ограничение показалось мне еще более нелепым, чем трудности с обменом валюты. К чему такая искусственная замкнутость? Как они торгуют с соседями по планете, как, наконец, строят отношения с космическими коммунами? Или здесь благополучно сосуществуют два динара: явный и тайный?

Я, конечно, расписался в графе «ознакомлен», не стал капризничать. После чего вернулся к окошку. Там уже стоял посетитель, брезгливо обмахиваясь точно такой же подписанной грамотой. Он проворчал, легко распознав во мне товарища по несчастью:

— Они тут сумасшедшие.

— Я обратил внимание, — нейтрально сказал я.

— Ввели свои деньги, — воодушевился он. — Какого черта? Вот раньше, до заварушки — плати, чем хочешь. Вы бывали здесь раньше? Хоть драхмами плати, хоть крузадо. Райское было местечко. Но теперь мне выбирать не приходится, полиартрит совсем замучил, засыпаю, вы не поверите, только с грезогенератором в люстре. А здесь, говорят, просто чудеса творятся. Ни одного чуда,

правда, я пока не видел, если не считать того, что доллары наши им почему-то не нравятся…

— Рубли тоже, — вставил я.

Он изменился в лице.

— Вы русский?

— Если в роддоме не наврали.

Он отвернулся.

— Кругом русские, куда ни плюнь, — сказал он как бы сам себе, но так, чтобы все услышали. — Что ж они всюду лезут? Уже превратили свой Верховный Совет в Мировой, и все мало. Мир спасают, просто мания какая-то, от них бы кто спас. Такое место изгадили… — Он сунулся головой в окошко и спросил у операторши: — Вы не обидитесь, мэм? Я пережду где-нибудь в уголке, пока помещение не очистится от свиней.

Некоторое время этот несчастный, переполненный злостью человек пребывал в сладком ожидании ответных чувств с моей стороны. Когда он удалился, со скрипом волоча свои плохо гнущиеся мощи, я обратился к барышне по ту сторону стекла:

— Просветите новичка, добрая фея. Почему на улицах нельзя расплачиваться долларами или рублями, если в ваших магических правилах нет на это запрета?

— Пожалуйста, расплачивайтесь, — ослепили меня улыбкой. — Если кто-то согласится, никаких проблем. Ваш паспорт и гостевую карту, пожалуйста…

Если кто-то согласится, мысленно повторил я. Поистине, их Национальный Банк сотворил чудо, и не видно ни одного разумного объяснения, каким образом это сделано. Правильно подметил мой разговорчивый русофоб: здешние финансы нынче — совсем не то убожество, которое было раньше. И во главе всего — Стас-Бляха, служивший когда-то простым бухгалтером при Университете. Встретиться бы нам, озабоченно подумал я. Не упустить бы случай, а то когда еще занесет меня на эту благословенную землю, изгаженную вездесущими русскими волонтерами…

Формальности не отняли много времени. У кассира народ уже рассосался, и я сменил одно окошко на другое. Девчушка, только что отошедшая от кассы, бегом торопилась к выходу, открыто целуя зажатую в пальцах купюру.

— У детей тихий час, — отчетливо произнес кто-то.

Очевидно, это было весьма остроумно, потому что компания из трех молодых людей (два парня и девушка), вошедшая в банк со стороны площа-

ди, хором засмеялась, дав бегунье дорогу.

— Смотри под ноги, хрустяшка! — послали ей вслед.

— Совсем стыда не осталось, — сердито сказал пожилой охранник, прогуливающийся вдоль стоек. — Хрусташи, отбросы помойные. Скоро начнут прямо под дверями укладываться.

Я быстро получил свою порцию денежных знаков и сунул пачку в карман, не пересчитывая. В этот момент радиофон запищал у меня в ухе.

Звонил Бэла.

— Подожди, — сказал я ему. — Сейчас на улицу выйду…

Возле охранника я ненадолго притормозил.

— У вас что, не получается? — спросил я со значением.

Тот вдруг застыл. Не найдя, что ответить, он нервно сморгнул; тогда я предположил сочувственно:

— Может, не так питаетесь?.. Да не с тобой я говорю, комиссар, спокойно.

Не люблю, когда детей обижают, есть у меня такое уязвимое место. Собственными детьми за полвека не обзавелся, оттого, наверно, и переживаю за чужих. Я пошел себе дальше — к солнцу, к пальмам, к открытому настежь городу, — а

задетый мною старый дурак послал мне в спину с неожиданной тоской:

— Не говорите ерунду! Ну причем здесь питание-то?

Двери вывели меня, по счастью, с противоположной от памятника стороны. Здесь было море — наконец-то я его увидел. Город спускался к морю широкими террасами, лежал под ногами, как макет, и, казалось, достаточно шагнуть, чтобы раздавить гигантской сандалией этот игрушечный мир. Отель стоял в изумительно красивом месте, как раз на границе равнинной и прибрежной частей… Оказавшись снаружи, вне зоны действия любопытных ушей, я сказал Бэле напрямик:

— У меня алиби, имей в виду. В момент нападения на камеры хранения я гулял с тобой по проспекту Ленина.

— Остришь, — неодобрительно сказал он. — Рад за тебя. Тут такой вопрос, Иван. Тебе знакомо имя Рэй?

— Кто это?

— Значит, опять я зря на тебя понадеялся… Странная история, бортинженер. Мне передали анкету. Ту, которую при въезде в страну заполняют, помнишь? Она пришла не совсем

обычным путем, ее подбросили. Украли где-то бланк строгой отчетности… но это не важно. Там было написано имя: Рэй. В графе «профессия» значилось: шпион Совета безопасности, а цель приезда указана следующая: перестать лгать. И приписка: «Надо с чего-то начинать, не так ли, агент Жилин?» Про агента Жилина — это не мои слова, это было в анкете.

— В вашей уютной стране есть сумасшедшие, — сдержанно отозвался я. — Ты не замечал? Почему-то их особенно много среди поклонников литератора Жилина. Не знаю, что тебе ответить, Бэла. У тебя в городе такие дела творятся, а ты, по-моему, из-за явной шалости переполох поднял.

Я не знал, что ответить, поскольку имя Рэй и вправду было мне знакомо. Если, конечно, речь шла о том человеке, о котором я подумал. Начальник полиции помолчал.

— Никаких «дел» у меня больше нет, — устало сообщил он. — Раскрою тебе служебную тайну, Иван. Из упавшего в бухту вертолета мы вытащили кое-какие документы, но даже не успели их восстановить. Дело опечатано и увезено представителями Управления внутренних расследований при Совете безопасности. Зеленые галстуки все изъяли, подчистую. Так что шалость

с анкетой не кажется мне смешной и, тем более, случайной. И вот еще что…

Бэла был очень зол. Не мог просто взять и утереться.

— Знаешь, что означает буква «L» на борту? — сменил он тему.

— «Light Forces», — сказал я. — Их татуировочка.

— Я думал, это легенды.

— Может, провокация? — спросил я с сомнением. — Кто-то камни по кустам кидает, чтоб все в сторону побежали.

— Камни по кустам… — сказал он. — Красиво звучит. Сразу видно, что ты писатель.

— Ваши камеры хранения тоже буква «L» ограбила? — поинтересовался я у него.

— Да. Знаешь, Иван, от такой наглости остается только зубами скрежетать. Теперь они были одеты в форму нашей полиции. Успели подготовиться, не то, что утром. Правда, они ведь не знали, в каком номере и в какой гостинице агент Жилин имел несчастье познакомиться с неким существом по кличке Странник, поэтому ячейки были вскрыты все до единой…

Он сказал все это со скрытым смыслом, который вовсе не собирался скрывать, и у меня

пропала охота изображать из себя постаревшего весельчака, готового язвить по любому поводу. И я начал всерьез подумывать, не закатить ли мне в качестве ответа показательную истерику, но решил повременить, пока не исчерпаю собственные вопросы, например, такой: проходит ли Феликс Паниагуа свидетелем по делу об утреннем похищении?

— Феликс Паниагуа? — удивился Бэла, — С чего вдруг? Этот господин в столь ранний час, вероятно, еще сны свои просматривал.

— А как насчет некоего сеньора по фамилии Ангуло? — задал я второй вопрос. — Известен этот человек полиции?

Секунду-другую радиофон молчал.

— Мигель Ангуло? Почему ты спрашиваешь?

— Он курит в оранжереях и путает многолетние гипсофилы с однолетними.

— Мне не до шуток, Жилин, — раздраженно сказал Бэла. — Полковник Ангуло — это крупный чин в Бюро антиволнового контроля. Есть в стране такая спецслужба, оставшаяся со времен борьбы со слегом.

— Можно еще вопрос? — сказал я. — Чем занимается клуб «Новый Теотиуакан» НА САМОМ ДЕЛЕ?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — заявил он. — Не понимаю смысла твоих расспросов. Новый Теотика… Теуака… тьфу! Таких общин у нас десяток, ничего противозаконного. Эти чудики озабочены только поисками своего небесного черепа, и ничем другим… Короче, если у тебя есть информация, советую поделиться.

— Погоди, чем озабочены? — встрепенулся я.

— В наших водах якобы затонула реликвия древних ацтеков, ты не слышал эту легенду? С одним из английских транспортов. А может, их священный череп затонул с одной из каравелл Педро де Альварадо, я точно не помню. В общем, уже лет пять, как латиносы морское дно у нас утюжат. Ну, так ведь каждый сходит с ума по-своему…

Насчет того, что у каждого свои тараканы в мозгах — это он верно подметил. Чем я мог с ним поделиться, какой информацией?

— Реликвия! — значительно произнес я. — Нет ли тут связи со вскрытыми камерами хранения?

Он сердито хрюкнул, не имея больше желания отвечать на мои насмешки, и я понял, что сейчас контакт прервется.

— Минуту, комиссар, — попросил я. — Открой последний секрет. Что в ваших краях делает Ма-

рия? Тоже турист?

— Ты про бывшего шефа? — не сразу догадался он. — Никаких секретов. Мария разыскивает своего ребенка, так честно и указал в анкете. Мол, чадо удрало от папаши и скрылось где-то здесь.

— И вы ему поверили, — констатировал я.

— Как и тебе. А что? Кстати, раз уж ты заговорил, — добавил Бэла странным голосом. — Твой Мария написал в анкете, что его ребенка зовут Рэй. Рэй Ведовато. Тебе в самом деле нечего мне сообщить?

Печальная история, подумал я. «Ведовато» в переводе — что-то вроде «вдовца». Вдовец Мария, оказывается, имел отпрыска, которого Господь не наделил родовой дисциплинированностью и ответственностью. Несчастная фамилия. Отцы и дети. Шум и ярость, жизнь и судьба…

— Пошел к черту, — сказал я начальнику полиции.

И потерял к разговору интерес.

Я с изумлением смотрел вниз. На одной из террас, раскинувшихся под моими ногами, давно уже наблюдалось малопонятное движение. Суетились игрушечные автомобили, суетились кукольные фигурки людей. И вдруг я услышал выстрелы — далекие, ненастоящие. А потом я

заметил и вовсе нечто невероятное: над кварталами вставало веселое северное сияние, какое я видел только на Таймыре. И еще я видел подобное в Париже, над Лувром, когда жандармерия ради спасения коллекции применила уникальную техническую новинку. Вот и сейчас солнце над одной из крыш преломлялось совершенно особенным образом, прозрачные капли света устраивали ведьмовские пляски, и я понял, что один из трехэтажных каменных домов накрыт мобильным блокирующим колпаком. «Чалмой джинна» на нашем языке. И вдруг ударила пневматическая базука: этот оглушительный вздох ни с чем не спутаешь. Очевидно, какой-то чудак попытался таким образом пробиться к дому. А потом здание, накрытое силовым шатром, взорвалось изнутри — бесшумно и потому особенно жутко, провалилось внутрь себя, как в жерло маленького вулкана. Пламя свирепо толкнулось в невидимые стены, не в силах вырваться на волю, и закрутились, закатались под куполом огромные огненные колеса…

А потом из подземного гостиничного гаража выскочила семисотая «Волга» с открытым верхом, цвета морской волны, ведомая белым от напряжения сеньором Паниагуа. Автомобиль с ходу

зарулил на Приморский спуск и стремительно помчался вниз, отчаянно петляя на поворотах.

Глава шестая

Кто-то совершил нападение на культурно-просветительский центр «Новый Теотиуакан». Атаку организовали настолько профессионально, словно внутри не мирные книжники штаны протирали, а точила ножи стая натасканных головорезов. Впрочем, судя по всему, так оно и было, и неведомый «кто-то» был об этом хорошо осведомлен. Сначала в противомоскитную систему здания (три этажа, лекционный зал, кафе) запустили гипнодел широкого спектра, в результате чего каждое окно превратилось в мощный психорезонатор. Каким образом это удалось проделать, история умалчивает, но хозяева и гости Центра, все поголовно, превратились в послушный безмозглый скот. И тогда во дворик, увитый хмелем, въехал невзрачный автобус. Что происходило внутри, свидетели из соседних домов не видели, а непосредственные участники (из тех, которые остались живы), ясное дело, не запомнили. Иначе говоря, какова была цель этой акции, осталось неизвестным. Известно одно: налетчики быстро и безошибочно разделили всех находившихся в

здании людей — на случайных и неслучайных. Первых они милосердно вывели за пределы периметра, вторых оставили внутри. Затем выкатили из дворика свой автобус и включили (ими же и установленный на крыше) генератор блок-поля, накрыв общину «чалмой джинна» — чтоб никто и не думал выйти вон. Мало того, эти странные ребята даже в полицию позвонили, отчитались о проделанной работе. Они настоятельно посоветовали обыскать «Новый Теотиуакан», а также принадлежащую общине виллу на побережье, и заодно подарили полицейским «волосок из бороды», то есть сообщили волновой код, нейтрализующий «чалму джинна». После чего автобус покатил в неизвестном направлении. Так бы все и закончилось мирно да тихо, если бы в помощь ученым этнографам не подоспели их товарищи, которые, мгновенно разобравшись в ситуации, попытались организовать погоню. Однако нападавшие были готовы и к такому варианту. Оставленное на улице прикрытие в виде двух легковых бронеавтомобилей встретило противника огнем, и тот отступил, поскольку у него-то машины были обычными, серийными. А потом внутри блокирующего колпака кто-то очухался. Свидетели видели, как вновь прибывшие знака-

ми переговаривались с этим человеком. Почему он пришел в чувство раньше времени? Возможно, употреблял волновые стимуляторы, поэтому действие гипнодела оказалось ослабленным, возможно, по какой-то иной причине. Теперь это не выяснишь, да и не так это важно в свете того, что произошло дальше. Единственный очнувшийся член общины, приняв решение за всех пленников, выволок из подвала термическую мину и запалил ее прямо на глазах у молящихся на свободе соратников. Очевидно, им было что скрывать от мира, поклонникам «Нового Теотиуакана». Акт самосожжения привел к уничтожению всех, кто мог бы проявить слабость в неизбежном общении с властями, а также уничтожил б***О***льшую часть возможных улик. Фанатик полагал, что совершает подвиг. Наверное, так оно и было.

К приезду полиции и пожарных все непосредственные участники, конечно, испарились с места происшествия. Случайные люди разбежались еще до взрыва. Стражей порядка встретили только светящиеся от жара руины и обезумевшие от ужаса соседи. В пыли ползали невменяемые, ничего не понимающие «очевидцы». Раненых и убитых, если они и были с чьей-либо стороны, боевики увезли с собой. Благодаря любезности на-

падавших, полицейские легко установили связь с генератором блок-поля (выдернули волосок из бороды) — и злой джинн послушно вернулся в бутылку.

К счастью, несмотря на катастрофу, кое-какие улики сохранились. Ибо ничто не сгорает бесследно, если оно сделано из металла и мезовещества. Например, накопительная камера от «шаровой молнии». Или останки трейлера с раздвижной крышей и специальной станиной внутри, приспособленной как раз для транспортировки и наведения плазменных сгущателей. Все перечисленное было обнаружено тут же, не отходя от руин. А под руинами спасатели нашли огромный подвал, разделенный надвое. В одной половине были остатки знаменитой кристаллотеки (коллекция, разумеется, не подлежала восстановлению), другая половина представляла собой настоящий бункер: мощный экранирующий слой под панелями обшивки, непростые двери… впрочем, двери как раз были беспощадно вскрыты. И железная цепь, словно из средневековья пришедшая, с разодранным в клочья ошейником на одном конце, насажанная другим концом на скобу в стене…

Прочие занятные вещицы нашлись уже на

вилле, которую новые ацтеки, или кто они там на самом деле, арендовали у городского Департамента собственности. Вилла стояла далеко на взморье и была в спешке покинута арендаторами, однако им не хватило времени, чтобы вывезти все. Зато хватило разума не осквернять гостеприимную землю вторым взрывом. Так что Z-локатор, установленный на крыше и культурно замаскированный под башенку обсерватории, уцелел. Осталась и карта слежения, привязанная по времени точно к утреннему рейду штурмового «Альбатроса». И даже программа асимметричного наведения не была стерта. Участок вокруг виллы был оборудован системой рассеивателей, защищавших локатор от обнаружения (в качестве ложного ориентира выдавались координаты диспетчерского пункта аэропорта). А в ангаре, среди всевозможного подводного снаряжения, обнаружился молекулярный резак с полностью разряженной батареей. Этакий консервный нож в кармане любого уважающего себя диверсанта, которым очень удобно, скажем, вскрывать рухнувшие на морское дно вертолеты…

Впрочем, все эти подробности я узнал позже.

Пожелав Бэле творческих успехов, я быстренько поднялся к себе в номер. Я вернулся в отель

специально и только для того, чтобы положить радиофон обратно на тумбочку, лишая себя связи с миром. Мне вдруг перестали нравиться блага цивилизации, дающие кому-то возможность в любую минуту призвать меня к ответу. Я почему-то подозревал, что вопросы к моим ответам будут возникать снова и снова. И я отправился, черт побери, гулять, ибо, черт побери, я был свободным, одиноким, при деньгах.

В городе чувствовалась суета. Мелькали пожарные машины, роились в небе служебные вертолеты, на улицах было как никогда много полицейских. Похоже, город наконец-то пронялo… Откровенно говоря, мне тоже было не по себе: давненько я не видел такого. Десантные операции среди шезлонгов и минеральных источников, думал я. Похищения людей, расстрелы вертолетов, нападения на вокзалы, взрывы термических мин. «Шаровые молнии», генераторы блок-полей и прочие изыски. Ясно, что власти были растеряны от такого нагромождения событий, посыпавшихся в один день — в день моего приезда. К хорошему привыкаешь быстро, а местные правоохранительные органы, как я понял, вот уже несколько лет сидели без дела. Угораздило же меня, думал я, испытывая острое чувство

досады. Я был просто туристом, и вмешиваться в происходящее никак не входило в мои планы. В городе и стране насчитывалось не так уж много полицейских, но это было их делом — разгадывать криминальные кроссворды. «Ну и что с того, что в день моего приезда… — спорил я непонятно с кем. — Положительно не вижу связи…»

Стасу я позвонил из уличного телефона. Дома у него опять не ответили, зато на работе голос секретарши уже не был таким безмятежно учтивым. На мой бесхитростный вопрос: «Где же его все-таки найти?» меня попросили оставить свои координаты, что я и сделал. Похоже, они там сами не знали, где босс. «Он, случаем, не ранен? — наконец забеспокоился я. — Уполз куда-нибудь умирать?» «Да что вы такое говорите!» — перепугались на том конце. Вот будет смешно, если мы разминемся, подумал я. В прошлый приезд я не знал, что Стас здесь обосновался, только после переворота мы с ним встретились, и то случайно. Не хотелось бы опять полагаться на милость случайностей… Или он вправду тяжело заболел? Но ведь оторванные, оттянутые рыбари не болеют! Бляха, которого я знал, обожал, чтобы было много огня, шума и красивых, звучных речей, ради этого он готов был и в ящик сыграть (как выражаемся

мы), ради этого он согласился бы и на редиску снизу посмотреть (как выражаются немцы), но если такие люди предпочитают встречу с лечащим врачом встрече с другом детства — ох, какая скука ждет нас в будущем…

Некоторое время я размышлял о будущем.

В том смысле, конечно, куда мне теперь направиться. Я люблю размышлять о будущем, обманывая себя тем, что в этом и состоит работа писателя. И я понял, что должен немедленно идти к Строгову, поскольку если не сейчас, то когда? Славин, правда, предупреждал, что кто-то из наших сегодня к нему уже намылился, но, в конце концов, никакой очереди мы не устанавливали. Зачем, спрашивается, я сюда приехал? Я приехал проститься с Учителем, который умирает, который умирает вовсе не от старости или болезней, и никто не вправе откладывать нашу встречу, водя указующим пальцем по клеточкам невидимого плана-графика.

Принявши решение, я пошел к Строгову.

Если ты Учитель, у тебя обязательно должен быть Ученик, думал я, спускаясь по бесконечной лестнице к набережной. Иначе какой же ты Учитель? Именно наличие Ученика делает из незаурядного человека нечто большее. Если

продолжить эту мысль, то неизбежно получишь следующую: эстафетная палочка передается из рук в руки только кому-то одному. Иначе говоря, свой Дух ты вряд ли сможешь поделить между всеми желающими. (И это слова межпланетника, скривился бы Славин. Позор коммунисту, атеисту Жилину!) К чему сводятся мои патетические размахивания руками? К тому, к тому! Хоть и не мной придумана операция под полусерьезным названием «Время учеников», призванная спасти нашего Дим-Димыча (а кто ее, кстати, придумал?), я с готовностью принял эту безумную идею. Хоть и прибыл я в этот город, откликнувшись на зов своих друзей по писательскому цеху, в окончательный успех дела мне все равно не верилось. Хоть и не верилось мне в возможность вернуть Строгова к жизни, но, похоже, на что-то я еще надеялся…

Вот и набережная, а лестница все текла и текла вниз по склону, увлекая меня к морю. Это была центральная пляжная лестница — мраморная, с башенками. Невозможно было представить, чтобы взять и сойти с нее в сторону.

Мы спасали Учителя, забыв, что спасти сначала нужно себя. Мы все поголовно назвались его учениками, не понимая, что ему нужен только

один — Ученик. Нет, каждый из нас в глубине души это понимал, но опять же каждый втайне надеялся, мол, я — тот самый и есть. А кто-то был в этом уверен. Тогда как настоящий Ученик, вполне возможно, пропадал где-нибудь в Пырловке и был со Строговым не знаком, потому что ложный стыд мешал ему высунуть голову, и нам бы взять да разыскать этого парня, да привести его к Дим-Димычу за ручку, вместо того, чтобы дружно слетаться сюда со всех концов Ойкумены. А может, настоящий Ученик еще только учился читать по слогам? А может, Строгов вообще не хотел быть ничьим Учителем? И, кстати, насчет стыда, который на самом деле не бывает ложным. Интересно, кто-нибудь из нас испытает ли потом это чувство? Например, беллетрист Жилин?

Бриз, вдруг задувший с моря, очень вовремя проветрил мою голову. Сандалии увязли в песке, и я их снял. Я с изумлением обнаружил, что мраморная лестница давно закончилась, а передо мной — пространство без конца и без края. Дом Строгова остался где-то наверху и гораздо правее. «Строгий Дом». «Дом На Набережной»… Вокруг кипела жизнь. Веселые голые люди азартно играли в пляжный волейбол, другие голые люди зарывались в песок, ласточкой бросались в на-

бегавшую волну, перекрикивались, общались, не обращая внимания на различия полов, и я понял, что попал на пляж натуристов. Это в исторической-то части города? Остроумно. Никто ни с кем не целовался, здесь были настоящие натуристы. Что ж, я люблю все настоящее, поэтому я закатал штаны, разделся до пояса, поддал ногой откатившийся ко мне мяч, а затем побрел кромкой прибоя, останавливаясь и с наслаждением наблюдая, как волны слизывают оставленные мною следы.

Неужели мне не хочется к Строгову, спросил я себя. Неужели я боюсь? Тогда какого рожна я сюда притащился? Повидаться с алкоголиком Славиным я мог и в Ленинграде, заглянув как-нибудь вечерком в ресторан Дома писателя, а мрачного, болезненно серьезного Сорокина я мог легко отловить в его роскошном рабочем кабинете.

Раскинув руки, я подставил грудь морскому бризу.

— Моя любовь? Она седа, — нежно пропел кто-то, — глуха, слепа и безобразна…

Я на всякий случай оглянулся. Одна из валявшихся на песочке девушек, сняв с головы солнцезащитный шлем, помахала мне рукой и вспорхнула с места.

— Ты сегодня точен, — сказала она нормальным голосом.

Это была та самая безжалостная красавица, которую я видел утром возле киоска с кристаллофонами, это была та самая любительница музыки, которая с первого взгляда запала в мое подержанное сердце. Увы, она была в купальнике. Зато улыбалась — персонально мне.

— Я просто вежлив, — возразил я. — Как король.

— Я тебя знаю, — сказала она, — ты король из моего сна. Я позвала, и ты пришел.

Я посмотрел почему-то на часы. Меня позвали, и я пришел, мысленно согласился я, вспомнив записку на рукоятке чемодана. Шутки шутками, но было как раз четыре пополудни. Вернее, без пяти, но это дела не меняло. Мне назначили свидание на взморье, и вот я здесь. Я был сегодня точен. Случайно ли ноги принесли меня на центральную лестницу и заставили спуститься до самого дна? Кто руководил движением моих ног?

— Поможем друг другу проснуться, — пробормотал я. — Бог — это счастье. Носильщики хреновы…

— Ты веришь в Бога? — тут же спросила девушка.

— Скорее нет, чем да. Впрочем, в какого?

— Он — один. Не понимаю, как писатели могут не верить в Бога, просто болезнь какая-то, особенно среди фантастов. Надеюсь, ты не фантаст?

— Как можно, — укоризненно сказал я.

Она долго смеялась, кокетливо грозя мне пальцем, и тогда я повернулся и побрел дальше, поддевая пену ногами. Я решил проверить ситуацию на прочность, и красавица не обманула моих надежд, легко и естественно присоединившись ко мне, а может, она подтвердила тем самым худшие мои подозрения, — просчитывать варианты мне пока не хотелось. Похоже, она в самом деле знала, кто я такой, оттого и веселилась. Ну, Жилин, держись, сказал я себе, молоденькие поклонницы тебя все-таки зацапали. Дождался на старости лет. Впрочем, молоденькие ли?

— Хорошая у тебя легенда, — заговорила она, отсмеявшись. — Нет, я серьезно! К ребятам из Советского Союза здесь по-разному относятся, но писатель Жилин — это имя. Жаль, конечно, что ты не веришь в Бога, есть тут какое-то несоответствие, это сразу настораживает.

— Имя, а также фамилия, — ответил я. — Но я никогда не говорил, что не верю в Бога.

— Значит, веришь?

— Этого я тоже не говорил.

Девушка закатила глаза и глухо молвила:

— Он спросил страшным голосом: водку пьешь? Нет. В Бога веруешь? Нет. Истинно межпланетная душа!

Это была цитата. Из меня цитата, из кого же еще.

— Все очень мило, — строго сказал я ей. — И ты очень мила. Вот только насчет «легенды» я не понял. Легенд я не пишу, не тот жанр.

Или не тот возраст, подумал я. Не тот азарт, не те зубы. Самое время было спросить у прелестницы, кто она такая, этак невзначай перевести стрелку разговора с моих анкетных данных на ее, самое время было разобраться в правилах игры, которую со мной затеяли, но…

— Легенду про слег создал ты. — Она чувственно провела пальцем по моему животу, дойдя до шрама и остановившись. — А сам-то знаешь, что такое слег? Наплел в своих мемуарах про волновую психотехнику, про воздействие на центры наслаждений в крысиных мозгах… Причем здесь, вообще, мозг? Странно, что ты — ТЫ! — в этом не разобрался.

— Я разобрался, — обиделся я. — Может, мы сначала познакомимся, а уже потом поссоримся?

Вы кто будете, прелестное дитя?

Незнакомка вела себя так, будто мы были с ней давно и хорошо знакомы, будто мы были близко знакомы. Нет, не так. Будто нас связывало нечто большее, чем близкое знакомство. Это немного шокировало.

Она пропустила мой вопрос мимо ушей.

— Ты хорошо помнишь свое последнее задание? — неожиданно спросила она.

— Которое? — Я напрягся.

— В этой стране. Под кодовым названием «Круги рая».

Я расслабился.

— А ты много читаешь, девочка. И что я, по-твоему, не понял про слег?

— Говоря о бездуховности, ты не признаешь наличие души, и в этом все дело. Слег заталкивает душу человека в мир, созданный его подсознанием, делает этот мир реальным — для него одного, конечно. Бессмертная душа сворачивается до размеров смертного мозга, а настоящая, Богом данная реальность сменяется ложной, в которой Бог — ты сам. Назови это энергетическим коконом, если терминология не нравится. Осознал ли ты тогда, что достаточно всего лишь раз дернуть за веревочку, чтобы дверь в истинную реаль-

ность закрылась навсегда? Всего один раз!

— Смотри, какое море, — восхитился я, положил руку девушке на плечо и притянул ее к себе. — Смотри, какое небо. А ты мне тут о слеге. Сколько тебе лет?

В ответ она обняла меня за талию.

— Я половозрелая и совершеннолетняя.

— Спасибо за предупреждение. А что за песенка у тебя была? «Моя любовь седа…»

Она послушно спела:

Моя любовь? Она седа,
глуха, слепа и безобразна.
Как счастье – несуразна.
Не оттого ль, что навсегда…[4]

Спев один куплет, она объяснила:

— Это Володя Гончар сочинил, лучший в городе инструктор.

— Инструктор чего?

— Ты еще не был на холме, — поняла она. — Обязательно сходи…

Некоторое время мы молчали. Было просто хорошо, и ни о чем не хотелось говорить, не хотелось также думать и что-то там анализировать.

---

[4] Примечания: 4
Здесь и далее — стихи Владимира Гончара.

Да, я вел себя безобразно. Потому что девчонка мне безобразно нравилась, и если она предпочитала напустить таинственности, так и пусть ее, всему свое время, к тому же на нас поглядывали, я ловил заинтересованные взгляды других пляжных мальчиков и девочек, что, в общем-то, было мне привычно, ведь за свои полвека я отлично сохранился, никакой «Идеал» работы скульптора В.Бриг не мог тягаться со мною, сделанным из плоти и крови, а божественное создание, прижимавшееся сбоку, было полно искренности, так какого черта, спрашивал я себя, какого черта я должен быть не тем, кто я есть? А потом моя безымянная подруга решительным образом заявила:

— Так вот, о слеге. Помнишь ли ты, как семь лет назад, решив испытать все на себе, ты погрузил свое тело в ванну и включил эту чертову штуку, стоявшую на полочке? Возникает естественный вопрос. Уверен ли ты, что проснулся тогда? Не плод ли твоего подсознания все то, что ты с тех пор видел и испытал?

Я даже споткнулся. Как выяснилось, рано я расслаблялся.

— Ложная реальность тоже дана нам в ощущениях, — заключила она. — Ты хотел поприжать тупиц и карьеристов из Службы контроля, ты

очень хотел предупредить человечество о слеге, чтобы спасти мир в целом и эту страну в частности. И ты победил, ты ведь очень волевой человек. В мечтах! Ну что, нравится тебе такая версия?.. — Опять она захохотала. — Памятник самому себе придумал! Блеск!

Как реагировать, было непонятно. Как достойно отреагировать. Есть все-таки на свете страшные вещи, которые в первые мгновения могут вывести из равновесия даже самых устойчивых и крепких. Я снял руку с плеча спутницы, она также отпустила меня, отстранилась, и нашей красивой пары не стало.

— Семь лет назад я, КОНЕЧНО, проснулся, — максимально спокойно ответил я. — И уж, КОНЕЧНО, ты — не продукт моего воображения.

Мы остановились. Она смотрела на меня, не мигая.

— Я сказала не «воображения», а «подсознания». Предположим, после первого раза ты проснулся, но неужели успел забыть, как вместо честного и профессионального рапорта ты отправил своему начальнику небылицу и снова залез в ванну, на этот раз включив подогрев воды? И сразу все стало, как надо. Ты героически сражался со слегом, а твой начальник не мог простить тебе, что в

известной книге ты раскрыл публике его имя. Но существует ли эта книга где-нибудь еще, кроме как внутри твоего кокона? Уверен, что ты и во второй раз проснулся?

Это было слишком.

— Хватит, — сказал я. — Уже не смешно.

Очевидно, я рассвирепел отнюдь не понарошку, что случается нечасто.

— Не было второго раза, — произнес я с расстановкой и вдруг осознал, где мы, кто мы и о чем говорим.

Наваждение прошло! Нужно было брать чертовку за ноги, переворачивать вниз головой и вытряхивать из нее правду.

— Но если ты сейчас бодр, психически здоров, трезв и все такое, — терпеливо сказала она, — почему тогда ты потерял способность чувствовать боль?

Я замер. О чем она опять?

— Хочешь проверить? Подержи, пожалуйста.

Красавица напялила на меня солнцезащитный шлем. Затем, не спрашивая разрешения, захватила мою левую руку, оттянула пальцами кожу в районе предплечья и медленно, с усилием проткнула это место… спицей.

Спицей? Откуда взялась спица, что за фокусы?!

Инструмент прошил мне кожу насквозь, как в цирках показывают, затем был рывком выдернут. Боли не было. Крови тоже. Рука двигалась… Все это происходило как будто не со мной.

— Вот видишь, — сказала ведьма голосом, полным материнской заботы. — Реальность дает сбои. От скуки ты придумал себе новое задание и очень хочешь его выполнить, но ведь теперь ты еще кое-что захотел. Ты ждешь, когда я разденусь, правда? Мне раздеться?

Я молчал и рассматривал свою руку. Ранки были, а боли не было. Совсем.

— Пойдем вон туда, для двоих там хватит места. — Она показала на одичавший парк, раскинувшийся по прибрежным склонам. — И дружинников там не бывает.

Заросли акации начинались сразу, где кончался пляж. Далее шли магнолии, каштаны, дикие смоковницы и прочая зелень. Помимо растительности, в парке имелось множество романтических гротов, в которых легко и приятно было прятаться от посторонних глаз.

— В мире, где ты Бог, исполняется даже то, о чем ты не просишь, — кивнула мне незнакомка.

Она развернулась и пошла к зарослям, вылезая на ходу из купальника. Она не сомневалась, что я,

как голодный зверь, поползу следом. Я сделал за ней шаг, еще шаг, и заставил себя остановиться.

— Как насчет Эмми? — позвал я ее. — Эмми не будет ревновать?

Она не обернулась. Лифчик она взяла в одну руку, в другую — трусики, и принялась крутить эти предметы над своей головой, изображая винт взлетающего геликоптера.

Глава седьмая

Пространство вокруг Государственного Совета нисколько не изменилось. Тот же перекресток, та же система крытых аллей; ротонда с минеральным источником, киоски, лотки и закусочные. Ноги принесли меня сюда без участия воли, дав отставному агенту время прийти в себя.

Дурацкий солнцезащитный шлем, оставшийся мне от сгинувшей ведьмы, я сообразил наконец сунуть в один из уличных утилизаторов, после чего направился к лотку с прессой.

— Здравия желаю, дружок, — сказал я давешнему продавцу, отвлекая его от процесса чтения. — За мной долг, если вы не забыли. Сколько вот эта газетка стоила? — Я ткнул пальцем в «Хроники добра» и насыпал на стол горстку мелочи. — Примите мои извинения.

Честь межпланетника была восстановлена. Когда с расчетами покончили, я спросил:

— Не подскажете, как отсюда попасть на холм?

Парень оживился.

— Вы правильно решили, — сказал он.

— Что я решил?

— В первый же день — на холм.

— Это за меня решили, — вздохнул я. — Ну, так как?

— Вам надо в Университет. Знаете, где Университет?

Я знал, где Университет. Мне бы не знать этого! Впрочем, насколько я помнил, рельеф там был ровный, как блин, никаких вам холмов, курганов или горных кряжей.

— С какой стороны от замка?

— Придете и сразу увидите, — успокоил меня продавец. — Это перед главным корпусом… — Он со значением заглянул мне в глаза. — Я рад, что вы будете с нами.

Я придвинулся к нему поближе и спросил вполголоса:

— А кто еще с нами? Если не секрет, конечно.

Парень задумался, как будто здесь было над чем думать. Очень серьезный человек, трудно с такими разговаривать.

— Все население, — ответил он с плохо скрываемой гордостью. — Так что трагедия Ташлинска у нас не повторится.

— Население чего?

— Пока страны. Но, я уверен, проблем не возникнет и за ее пределами. Кому не хочется быть

здоровым, жить фантастически долго и всю счастливую жизнь видеть… не сны, нет! Не поворачивается язык назвать это снами.

— Новая реальность, — подсказал я, вспомнив почему-то о слеге.

— Вот именно, очень точно вы сказали! А цена так мала. Чуть-чуть изменись, пойми, что преграда — это твоя алчность и твоя агрессивность…

— Значит, трагедия не повторится? — прервал я его. — Отлично, я больше люблю комедии.

— Ах, вряд ли вы слышали, — спохватился он. — Ташлинск — это городок в России, далеко отсюда. Однажды люди там пытались зажить по-новому, слиться с природой. Они приняли мученическую смерть. Дикая страна. Ошибка была в том, что они с самого начала противопоставили себя всему остальному миру.

Под Ольденбургом, мысленно добавил я, перетряхнув в голове архивы. Начало века. Материалы следствия, оставленные потомкам, рассказывали о ничем не мотивированных погромах, спровоцированных сбрендившими лицеистами. О провокаторе в лице директора лицея, которого потом судили и расстреляли… Что тут было возвышенного?

— Ничего-то у вас не выйдет, друзья, — до-

верительно сообщил я этому симпатичному пареньку. — Сколько таких было до вас, которые собирались человека менять! Но я — с вами. Я с вами, честное скаутское.

Возможно, я бы еще что-то сказал, прежде чем удалиться, возможно, мне что-то ответили бы, но тут с неба слаженно упали микролеты класса «колибри» — три аппарата, три точки, образовавшие равносторонний треугольник, — и в центре этой фигуры оказался наш лоток. С кожаных сидений поспрыгивали пилоты в костюмах и галстуках. Не теряя темпа, они двинулись упругим шагом к нам, а чуть поодаль сел четырехместный «кузнечик», из которого почему-то никто не вылез. Судя по звукам, где-то кто-то продолжал садиться, но другие летательные аппараты были мне не видны.

— Это за мной, — всхлипнул продавец, посерев лицом. Он схватил со стола электронный блокнот и выдрал дрожащими пальцами кристалл из гнезда. Блокнот умер мгновенно, без мучений. Кристалл был брошен на асфальт и раздавлен каблуком — в крошево: мальчик наивно полагал, будто этаким образом что-то уничтожает. Не подозревал, бедняга, что опытный эксперт прочтет всю его информацию не то что с осколков

— с пыли.

Когда к нам подошли, он торопливо собирался, бросая газеты и журналы на пневмотележку. Однако ему сказали: «Да вы не волнуйтесь», а мне сказали: «Ну ты, спокойно!», а потом ему сказали: «Счастливо оставаться», а мне сказали: «Добро пожаловать», и я понял, что впервые за несколько минувших часов у меня есть хоть какой-то план действий.

Подошедшие, увы, не представились.

— Не могу идти, сандалий порвался, — поспешил я заговорить — прежде, чем в воздухе мелькнут наручники.

Один непроизвольно посмотрел вниз, и этого было достаточно, чтобы я его выключил. С двумя другими дело обстояло сложнее, они сразу отскочили — зубы стиснуты, разрядники наизготовку, — но из «кузнечика» высунулся некто и каркнул что было сил: «Не стрелять!» Очевидно, это был старший, ответственный за операцию. Я и сам догадывался, что стрелять они не станут ни при каком раскладе, разве что ампулой со слонобоем, да и то сомнительно, ибо номер ячейки в неведомой камере хранения был только в моей голове. Как моя драгоценная голова отреагирует на слонобой, особенно после утренней нейро-

волновой атаки? Рисковать они не могли, вряд ли им годился для беседы клинический идиот. И я пошел.

Это была непростая работа, но все же легче, чем в Маниле. После Манилы никакая работа не покажется трудной. Было даже любопытно, каким образом эти двое меня остановят, и вскоре ответ был получен — в виде разодранной на мне рубашки. Одному я сломал руку, второй поймал зубами собственный разрядник, а слева набегал еще кто-то, и справа — еще кто-то, и оба неудачно упали, и потом, уже за моей спиной, долго пытались подняться. Меня трудно остановить, если я куда-то иду. Сандалии мешали: их я сбросил; лохмотья, оставшиеся от рубашки, осыпались сами. Сказать, что план действий был прост, значит ничего не сказать — он был единственно возможен. Знал я их методы, сам не раз брал таких мерзавцев, какого сделали нынче из меня. Бежать куда-либо в сторону, прорываться, прятаться было глупо, кольцо вокруг уже замкнулось. Интересно, думал я, нашли они что-нибудь в вокзальных камерах хранения? Или это вовсе не ОНИ вздумали сейчас меня похитить? Тогда кто?

Сзади и сбоку мчалось подкрепление, которое явно запаздывало. Я двигался прямо на «куз-

нечик», одолевая плотный, как стена, воздух. Вертолет крутил лопастями с видимой неохотой, однако эта вялость была обманчива: аппарат с импульсным взлетом исчезает с места практически мгновенно. Лишь бы пилот не ударился в панику, молил я, лишь бы не нажал на кнопочку. Навстречу мне вылезал старший, надсаживая голосовые связки: «Стой, дурак, полиция!» Он был такая же полиция, как я — культовый писатель, поэтому я не стал вступать с ним в прения, я дернул его за галстук вниз, себе под ноги, и, удобно оттолкнувшись от его спины, как от трамплина, запрыгнул в салон вертолета. «Ты сам или помочь?» — поинтересовался я у пилота. Тот оказался сообразительным малым, а может, человека просто напугали мои шрамы вкупе с босыми ногами, — он канул из кабины прочь, и больше мне никто не мешал.

Управляться с разными типами летательных аппаратов нас учили еще на первом курсе разведшколы. Мне, бывшему космопроходцу, было это не сложнее, чем отфокусировать фотонный реактор. Я включил пневмоускоритель и взял рычаг на себя. Небо резко придвинулось, уши заложило, город остался глубоко внизу. Мгновенно сориентировавшись, я пошел обратно к

земле, превращая параболу в спираль. Вряд ли кто-то успел полюбоваться моим полетом и, тем более, «схватить за хвост» траекторию посадки. К Университету, безмятежно мыслилось мне, куда же еще. Что за холм образовался на ровном месте, что за кочка такая?..

Я сел на набережной, возле конечной станции фуникулера. Дом Строгова прятался метрах в тридцати — среди шелковицы и диких абрикосов. Видна была только стеклянная башенка, откуда старец любил смотреть на звезды, и был виден фрагмент высокого крыльца, ступеньки которого спускались прямо к мозаичной мостовой. Смелее, это же Учитель, подбадривал я сам себя. Если не сейчас, то когда? Дадут ли мне такую возможность позже?

Я спрыгнул на мостовую и сразу увидел Славина с Баневым. Братья-писатели стояли у парапета, опираясь локтями о гранит, и смотрели вниз, на купающихся. Меня они не замечали. Я подошел, промокая носовым платком ссадину на плече (один из падающих бойцов проехался по мне своей кобурой). Ссадина слегка кровоточила.

— А я просто хотел его навестить, — цедил сквозь зубы трезвый Славин. — И всё, понимаешь? Всё! Не прощаться, не салютовать у гроба!

Или ты тоже думаешь, как и эти ваши классики с современниками, что русский медведь уполз в берлогу умирать?

— Ты прекрасно знаешь, во что я ставлю мнение генералов от литературы, — отвечал Банев напряженным голосом. — Но ты никогда не задавал себе вопрос, зачем он здесь?

Судя по всему, сложный был у них разговор.

— Избушка, избушка, — позвал я, — повернись к морю задом, ко мне передом.

Они мельком глянули на меня.

— Откуда ты такой? — равнодушно спросил Славин.

— Из морской пены.

— Я же тебя просил, не надо к нему сегодня.

— Не было такого, — возразил я. — Открою страшную тайну. В этом мире вообще ничего не было и нет, кроме моих больных фантазий.

Виктор Банев молчал. Теперь он смотрел не на море, а на крыльцо, ведущее в дом Строгова.

— Ты от местного психиатра, что ли? — посочувствовал мне Евгений.

— Нет, одна знакомая богиня рассказала.

— Все мираж, в том числе одежда, — задумчиво произнес Банев. Очевидно, он имел в виду мой внешний вид. — Послушай, Эвгениус, мы не до-

говорили. Так почему, по-твоему, Дим-Дим здесь поселился?

— Дим-Дим — в Дим-Доме… — усмехнулся Славин. — Не надо усложнять, Виктуар. Во-первых, Строгов привык жить вне России, вернее, успел за долгие годы отвыкнуть от России, во-вторых, ответ ясен. Он спрятался от мира. В том числе от нас, между прочим. Написал все, что мог и что хотел, и теперь думает, что сказать людям ему больше нечего. Разве не для того мы здесь, чтобы переубедить его?

— Только кретин может стараться переубедить писателя, который все написал, — с неожиданной резкостью отозвался Банев. — Писательская жизнь, как известно, редко совпадает с человеческой, потому что гораздо короче. Лет десять, пятнадцать, от силы двадцать, в течение которых пишутся основные книги. Ты что, не понял вопрос?

— Не глупее некоторых, — обиделся Славин. — Я тебе, Банев, вот что скажу. Строгов полсотни лет выстраивал нового человека, Хомо Футуруса своего, представлял, каким человек будет и каким должен быть. И разочаровался. Посчитал, что все зря, что человек будущего — это фантастика. Он ведь не фантаст, наш Димыч…

Друзья сцепились крепко, забыв о моем существовании.

Хорошие они были ребята, я любил их обоих. И дружили они хорошо, на зависть. Литераторы по призванию, а не по обстоятельствам, в отличие от меня. Как и все остальные птенцы литературного Питомника, организованного и брошенного Строговым, они были всерьез озабочены проблемой Будущего. Я вошел в их круг позже всех, когда Питомника, собственно, уже не стало, но я был озабочен тем же.

— Ошибаешься, — сказал Банев. — Именно как фантаст он и почувствовал, что отсюда, из этой маленькой страны все начнется. Он должен был увидеть это собственными глазами, потому и приехал. Вот что я пытаюсь вам втолковать. Неужели ты сам не чувствуешь того же?

— «Чуйствуешь», — передразнил Славин. — А может, как раз отсюда все кончится? Почему наш затворник никогда не покидает свой дом, если нашел в этой стране смысл жизни? Чувства часто выдают желаемое за действительное, превращают минус в плюс, о чем, по-моему, писатель Строгов знает куда лучше бывшего врача Банева…

И мучались они, как видно, тем же, чем я — от-

того и спорили, пытаясь убедить не друг друга, а самих себя. Ведь что, собственно, происходило? Благодарные ученики, сговорившись, осадили крепость, в которой их Учитель спрятался от мира. Птенцы по очереди залетали в священное гнездо с единственной целью — зацепить уставшего от жизни старца, дать погибающему заряд злости. Спасительной злости. И тем самым ученики опровергали Учителя по-настоящему, ибо его мечты об изменении мотивационных сил общества, его психологические модели нового человека разбивались в щепки об этот простенький рецепт, имя которому «спасительная злость»… Кто-то убеждал Строгова, что воспитать Homo Futürus, Человека Будущего, можно только с помощью гипнотронного излучения, кто-то доказывал как дважды два, что его знаменитая формула радости: «Друг-Любовь-Работа» является на деле формулой горя и подлости… Был ли в этом хоть какой-то смысл?

— …О будущем известно только одно: оно окажется абсолютно не таким, каким мы его представляем, вот главное его свойство, — вещал Славин. — Ты помнишь, чья это цитата, или напомнить? Нет никаких оснований видеть в здешних диковинах ростки чего-то там зеленого

и раскидистого, потому что в конце концов все это может оказаться… ну, скажем, неизвестной формой наркомании.

— Тебе просто нажраться не дали, ты и кривишь морду, — отвечал культурный, изысканный Банев. — Что ты можешь знать о наркомании, бывший историк?.. Кстати, он бросил пить, — по секрету объяснил мне Банев. — Когда выяснил, что пустые бутылки обратно не принимают, а за их утилизацию нужно заплатить отдельной строкой в счете, потому что они не влезают в гостиничные утилизаторы.

— Врешь, как габровец! — вспыхнул Славин.

Я люблю вас обоих, думал я, наслаждаясь своим молчанием. Дикости и странности прошедшего дня временно отпускали разум. Возможность просто стоять и смотреть на живых, увлеченных друг другом людей, возвращала покой в мою душу, — в душу, существование которой и впрямь вызывало у меня серьезные сомнения, права ты была, девочка. Какие же вы у меня разные, умилялся я, и какие вы при том одинаково прекрасные. Два лебедя, вылетевшие из Питомника. Ты, Славин, очень хороший писатель, без дураков, романтик, оттого и пьяница, оттого и прикидываешься циником, а ты, популярный Банев, гораздо менее

мне понятен, хотя бы потому, что на дух не переносишь спиртное, и это даже интересно, потому что я возьму и поменяю вас местами, герои. Я отберу у тебя национальность, Виктуар, вместе с твоей вежливостью и жесткостью, ты станешь у меня веселым хамом, пропойцей с горячим сердцем поэта; тебя же, эстетствующий Славин, мы выбросим с земли в космос, и окажешься ты в обществе новых людей, где все как один будут Хомо Футурусы, так что развлекаться тебе не дадут, ибо сказано преподобным Жилиным: «Межпланетники не пьют ни капли», конец цитаты…

Когда я всплыл, моих друзей совсем своротило набок. Оказалось, они уже обсуждали проблемы наркомании, легкомысленно перепрыгнув с темы на тему.

…Пусть наркоманами не становятся, а рождаются, азартно соглашался Славин, пусть каждый десятый — генетически предрасположен к нейрохимической зависимости. Это, конечно, большой процент, но речь-то о другом… (Забавно было слышать подобное от шалопая, который зависел от алкоголя напоказ, не скрываясь по подсобкам.) …Речь о том, что внутренняя тяга, потребность бежать из реальности есть у каждого человека! И заглушается она чаще всего страхом. Если зе-

лье дает желаемый кайф, но при этом наносит непоправимый вред организму, то применение его связано с неизбежным стрессом, поскольку человек, в отличие от подопытных крыс, знает о последствиях. А теперь представим, что наркотик перешел в своем развитии на следующую ступень: стал почти безвреден и не вызывает никакого иного привыкания, кроме психологического. Это, дорогие товарищи, нынешний этап, гвоздил он. Психоволновая техника и все такое… Не так уж грезогенераторы безвредны, как кому-то хотелось бы, квалифицированно возражал Банев, потому что никакое излучение не бывает безвредным, и не знают об этом разве что спившиеся историки… Ну пусть, пусть, отмахивался Славин. Теперь представим, что найдено средство, которое не просто дарит кайф, но при этом оздоравливает организм. Осознали, представили? Это будет третий и последний этап — наркотик, который продлевает жизнь. В условиях, когда сдерживающий страх превращается в свою противоположность, что может остановить подсознательное стремление к кайфу? Человек с нормальной эндокринной системой тоже хочет прожить долгую здоровую жизнь. А то, что платой будет наша осточертевшая реальность

— разве это плата, разве это не дополнительный приз? Разум, увы, проголосует «за» и, тем более, инстинкт самосохранения…

— Ты сгущаешь краски, — спокойно сказал Банев. — Игра ума, не имеющая отношения к здешним странностям. Ты ведь про этот город говорил, правда? Кстати, Ваня, вам хочется снова испытать слег? — неожиданно обратился он ко мне. — Простите, конечно, за глупый вопрос.

Они оба посмотрели на меня.

— Почему глупый? — сказал я. — Поначалу хотелось несперпимо.

— А если бы слег продлевал твою бесценную жизнь? — тут же кинул Славин.

Я пожал плечами. В чем-то он был прав, по крайней мере, в отношении сдерживающего страха. К счастью, миф о том, что слег можно сделать безвредным, не подтвердился. И к той, без ложной скромности, панике, которую мне удалось вызвать своей книгой среди обычных людей (по Славину — людей со здоровой эндокринной системой), быстро добавилось вполне рациональное отторжение чисто медицинского свойства. А если бы нечем было подкрепить взошедшие в обществе побеги страха?

Думать на эти темы мне давно уже не хоте-

лось.

— Отстаньте, — сказал я. — Вот вам один из способов борьбы, патентуйте. На ваш супернаркотик клиенту должно хватать зарплаты, иначе инстинкт самосохранения обязательно проголосует против. Взвинтите цены на жратву и получите вместо всеобщего кайфа голодные бунты.

— Ты валюту обменял? — спросил меня Славин.

— Да.

Он подмигнул Баневу этак хитро:

— Тогда пожелаем товарищу хороших снов.

Тот не отреагировал. Виктуар опять смотрел на дом Строгова, и во взгляде его было что-то больное, жалкое. Я тоже посмотрел. Некто в белом костюме медленно спускался по ступенькам крыльца; шляпа на тесемках потерянно болталась за спиной. Ноги человека словно веревкой были опутаны, и словно тяжеленное бревно тянуло его плечи к земле, и держался он руками за щеки, а щеки-то пылали, украшая мраморное, лишенное загара лицо… Я не сразу его узнал. Это был Сорокин, председатель европейского Союза Писателей. Добрел до мостовой, постоял, раскачиваясь, и двинулся прямо на нас, никого вокруг не замечая.

Мы тактично отвернулись. Славин чуть слышно пробормотал:

— Если тебе делают клизму — расслабься и постарайся получить удовольствие. Советуют психологи…

Веселиться было не над чем, впрочем, Славин и не веселился. Не знаю, о чем в эти неловкие минуты думали мои братья-писатели, я же думал о том, каково оно — спускаться по этой лестнице. Жалко было Сорокина, жалко было Строгова, но больше всего — себя; и я отчетливо понял, что сегодня туда не пойду. Завтра. Сделаем это завтра… Сорокин проследовал мимо, однако дружеская болтовня больше не возобновлялась. Бессмысленная пауза тянулась бы вечно, если бы с неба не явился характерный звук, а на набережную не опустился бы полицейский вертолет, распугав дружную компанию чаек. Из кабины выбрался лейтенант Сикорски.

Целебная улыбка, которой этот добряк скрашивал мое пребывание в больнице, куда-то подевалась. И на потомственного торговца маслинами он больше не походил. Офицер увидел «кузнечик», брошенный под финиковой пальмой, и потемнел лицом. Потом он обнаружил меня. Его роскошные уши встали торчком, как

у кота. Он приблизился враскачку и спросил, показывая на «кузнечика»:

— Чей это аппарат?

— Откуда нам знать? — на редкость честно удивился Банев. — По-моему, эта штука давно тут стоит.

Не поверить Баневу было невозможно. Сикорски расстегнул ворот форменной рубашки и вытер ладонью взмокшую холку.

— Я был почти уверен, что найду вас, Иван, — сказал мне лейтенант. — Мы вас повсюду ищем. А я им говорю: он у Строгова, у кого же еще…

Это был конец. Я мысленно застонал, потому что сомневаться не приходилось: именно здесь, именно сейчас мой незадавшийся отпуск развалился окончательно.

— Что случилось, Руди? — кротко поинтересовался я.

Он осмотрел меня с ног до головы, обратив особое внимание на разбитые костяшки пальцев:

— Я вижу, вы спорили о литературе. О, это небезопасно.

Мы отошли в сторону.

— Итак, — напомнил я.

— Не поймите превратно, — сказал он, — но мы снова вынуждены снять с вас показания.

Половина «Олимпика» видела, как вы разговаривали с Кони Вардас. Это сотрудница отеля, припоминаете?

— Ну и что с того? — возразил я.

— Мы ведь не спрашиваем вас ни о чем другом, Иван, — сказал он с упреком. — В конце концов, это ваше дело, какими приключениями скрашивать свой досуг. Проблема в том, что вы, вероятно, были последним, с кем разговаривала цветочница.

Я молча ждал. В груди у меня вдруг что-то разболелось.

— Сеньорита Вардас убита, — объяснил лейтенант Сикорски, испытующе глядя мне в глаза. — Зарезана в массажном кабинете. Пройдемте, пожалуйста, в вертолет.

Он жестом указал путь и через силу улыбнулся.

Глава восьмая

Надпись над входом в гостиницу опять сменилась. Теперь там горело: «ПРИЯТНЫЙ ВЕЧЕР!», для того, видимо, чтобы никто не перепутал. Бассейн, подсвеченный изнутри, сверкал, как гигантский бриллиант; воздушные светильники, удерживаемые невидимыми нитями, парили над головами; и по углам фасада, во всю высоту здания, переливались жемчугом вертикально размещенные лозунги, «СПОКОЙСТВИЕ» — справа, «УВЕРЕННОСТЬ» — слева... Я уселся в парке на площади, неподалеку от памятника, и принялся ждать. Было у меня ощущение, что мне есть чего ждать, и я решил перестать прятаться. Если Жилин все еще кому-то нужен, этот кто-то обязательно появится, потому что лучшее место для свиданий трудно подыскать. Если же этот демарш ничем не закончится — тоже неплохо, скоротаем время. С Татьяной Горбовски я договорился на девять вечера. Принято ли здесь являться в гости раньше срока? Что теперь здесь, вообще, принято и что не принято?

Изменения, произошедшие с этой карликовой

страной, потрясали. Не то чтобы она стала еще более цветущей (я знал чертову уйму мест на планете, где комфорт был несравнимо выше). Странным образом изменились люди. Конечно, попадались и привычные, назовем их так, экземпляры, но погоды они не делали. Слова «ложь», «алчность», «агрессивность» в самом деле превратились в худшие из ругательств, причем, подшучивать над этим мне больше не хотелось, потому что я наконец понял — это не поза. Люди желали добра каждому встречному вовсе не по принципу «турист всегда прав, лишь бы платил». Они не притворялись, вот что было самым странным. Они были довольны жизнью самой по себе, и жизнь их проходила в нескончаемом поиске невидимой глазу гармонии. Или я ошибался? Одно не вызывало сомнений: «общественная мораль» семь минувших лет неведомыми путями трансформировалась в нравственность, спустившись с ханжеских высот до уровня отдельно взятой личности. И не было этому никаких разумных объяснений… Кто же вас подменил, удивлялся я, устраиваясь поудобнее на парковой скамейке, что за эксперимент по выведению нового человека? Может, и впрямь мудрый Строгов что-то увидел в местных метаморфозах? Тогда

почему ему так плохо?

Отвечать мне никто не торопился.

Все бы ничего, но при чем здесь, собственно, деньги? Я вытащил из кармана смявшуюся пачку и нашел один динар. Купюры имели несколько необычный цвет: соломенный с зеленоватым отливом. Это был цвет золота — настоящего, без примесей, в котором отсутствует какая-либо рыжеватость. И точно такую же окраску принимает омела, когда высыхает (оттого, кстати, эти шары и зовутся золотыми). Символ города в виде высохшей омелы плюс золотой динар — они удачно дополняли друг друга. Что это, совпадение или тонкий художественный расчет? На обратной стороне купюры в диаметрально противоположных углах размещались стилизованные рисунки двух молекул, словно взятые из школьного учебника: одну я узнал сразу, аш-два-о, вода. Вторую узнал тоже, напрягши воображение и эрудицию — углекислый газ, це-о-два. А на лицевой стороне, в центре композиции, было голографическое изображение хрустального шара с загадочной дымкой внутри, сквозь которую угадывалась человеческая ладонь. Нестандартный набор символов. Ну и что с того? Нормально. На долларе — усеченная пирамида и масонский глаз, стран-

ным образом сочетающиеся с надписью насчет Бога, которому они верны, и это жлобство сходит американцам с рук уже не первый век. Что ж, у авторов местных денег амбиций было не меньше, чем у поселенцев Нового Света…

* * *

Полицейское управление, откуда меня недавно выпустили, больше напоминало обитель добродетели, чем суровое силовое ведомство. Никакой вам жесткости, сплошное пожелание здоровья всем и каждому. Одежду мне доставили прямо туда, взяв ее из моего гостиничного номера (я разрешил полисменам разобрать свой багаж), там же, в кабинете, я переоделся и переобулся, опять став импозантным красавцем средних лет. Как выяснилось, философствующий лейтенант Сикорски был не уникален, а был он нормой, типичным представителем выведенной здесь породы. Сотрудники, едва поймав мой взгляд, вымученно улыбались мне в ответ. Говорили там, не повышая голоса, слушали там участливо, о правонарушителях там заботились, полагая их больными людьми. Невозможно было представить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь совершил резкое движение. И практически все были подав-

лены, просто-таки контужены взрывом, стершим общину «Нового Теотиуакана» с лица их города. «То ли пять человек, то ли десять, теперь уже не подсчитаешь… — ловили мои уши обрывки разговоров. — Какие костяки! Белковые остатки, и те из бетона никак не выскрести… Все сгорело, все! И кристаллотека твоя любимая сгорела! Копоть эта страшная… А тень на полу осталась, будто в Хиросиме…» Да, это была трагедия, и не только их трагедия. Представляю, какой ураган бушевал во всех европейских каналах новостей…

Иначе говоря, к инциденту на площади перед Госсоветом полиция была непричастна.

Правда ли, что криминальная обстановка у вас такая, что ее как бы нет, поинтересовался я у следователя, на которого свалилось дело об убийстве в отеле, когда мы с ним закончили о грустном. До сегодняшнего дня — да, ответил он. «Знаете, — признался офицер юстиции, — даже я избегаю делать некоторые вещи, хоть их и требует специфика службы. Какой безумец станет, простите, нарушать Богом установленный закон, если той же ночью все потеряет?» Вот такая лексика была у здешних полицейских. Попытавшись встретиться с Бэлой Барабашем, я услышал, что шеф еще не вернулся из костела. А что случилось

в костеле, испугался я. Нет, ничего. В костеле — месса, что же еще. Шеф старается не пропускать такие вещи… Отягощенный другими мыслями, я тогда не осознал этот удивительный факт, но теперь, сидя на скамейке возле памятника самому себе, я горестно вопросил у сверкающего огнями Неба: неужели коммунист Барабаш, неужели межпланетчик Барабаш стал верующим? Какова причина столь масштабных превращений?

Что-то мешало мне сидеть. Я сунул руку и обнаружил торчащую из заднего кармана газету, которую купил еще утром. Обрадовавшись находке, я расправил бумажные «Хроники добра» на своих коленях, демонстрируя всем, кого это могло задеть: вы Жилину безразличны, господа.

Кто-то спускался по ленточной галерее, опоясывающей тело гостиницы. Я заметил этого человека с минуту примерно назад, пока он еще не скрылся на той стороне здания. Другие люди стояли, наслаждаясь городскими видами, или весело бродили по этажам, ведя себя непринужденно и шумно, этот же целенаправленно и быстро шел вниз. Был он в строгом темном костюме, что тоже выглядело нетипично, но рассмотреть какие-либо иные детали не представлялось возможным. Вы мне безразличны,

напомнил я себе, утыкая взгляд в газету… Снизу к заголовку прилепился девиз: «*Жизнь человеку даётся. Николай Островский*». Очевидно, газету издавал кто-то из русских эмигрантов, но это не имело никакого значения, потому что дальше девиза я читать не смог.

Кому-то дается, у кого-то отнимается. Кони Вардас была найдена в массажном кабинете, который она любовно обставляла цветами. Именно туда, как оказалось, женщина несла букет нежных гипсофил. Она работала одна, без помощников, поэтому хватились ее не сразу, и по той же причине защитить ее никто не мог. Непосредственно перед смертью она пыталась позвонить по телефону, — оттуда же, из кабинета, — однако не успела. Остался только набранный ею номер, и был это номер полиции… Разве моя в том вина, уговаривал я себя, что волей обстоятельств, а больше из-за собственного неравнодушия женщина оказалась втянута в грязные игры, правил которых не понимаю я сам? Разве не предупредил я, что звонить в полицию — это мой, а не ее священный долг? Нет, не помогало. «Вы были последним, с кем она разговаривала», — с легкостью бросил мне лейтенант Сикорски, упустив из виду, насколько тяжело эти слова носить… Возможно,

Кони Вардас кричала, но в подобных помещениях очень хорошая акустическая защита. Кто-то зажал ей рот салфеткой, взятой рядом из стопки, и всадил нож точно под левую грудь, а потом аккуратно уложил умирающую на массажный стол. Преступление выглядело по меньшей мере странно. Если аранжировщица цветов встала поперек дороги кому-то большому и страшному, если в игру вступили профессионалы с отбитой совестью, зачем было убивать так сложно, так необычно — ножом? Орудие убийства осталось в теле. Нож был из тех, которые продаются в любом хозяйственном супермаркете, то есть никакой зацепки. Одежда на жертве была цела, признаков насилия не замечено. Равно как не замечено и выделений физиологического свойства, какие в подобных случаях можно обнаружить либо на жертве, либо где-нибудь поблизости. С шеи исчез кулон, изображающий Молящуюся Деву, зато на безымянном пальце левой руки появилось кольцо — дешевка, эрзац-золото. Впрочем, с кольцом ясности не было: то ли женщина сама его купила, то ли преступник надел в знак уважения. Погибшая была не замужем, жила с родителями, жениха или постоянного друга не имела, даже ухажеров не держала. Сыщики активно рыли

землю в поисках сексуальных мотивов (ревность, как источник вселенского зла — ау, лопоухий Руди, привет супруге!) и, по-моему, зря теряли время. Имитация, ложный след…

Очень жалко было ее родителей. Этим людям я не смог бы посмотреть в глаза.

Что касается содержания нашей с Кони беседы, то я поделился с полицией всей информацией, однако мое заявление не приняли всерьез. Эти бараны тут же связались с полковником Ангуло — при мне. Наверное для того, чтобы я не подумал чего плохого. Тот выразил удивление и встревоженность, затем он выразил озабоченность состоянием дел в стране, а затем выяснилось, что в момент убийства он присутствовал на оперативном совещании в Бюро антиволнового контроля. Это алиби, товарищи. Дон Мигель был черноволосым красавцем с крашеной косичкой; косичка была цвета красного дерева. Я видел по селектору его лицо, оно производило очень благоприятное впечатление. В «Олимпик» полковник Ангуло сегодня, да, заходил, но в свой законный перерыв и только для того, чтобы выкушать в баре кислородный коктейль. В оранжерею, разумеется, не поднимался, здесь какая-то ошибка, недоразумение, глупая шутка… Ситуация с Пани-

агуа была проще, учитывая его прямое участие в делах «Нового Теотиуакана». Правда, этнографа не могли найти, пропал человек, оставив за полицией решение вопроса: террорист он или все-таки ученый? У меня же стояла перед глазами картина, как бледный дон Феликс мчится на своей «Волге» прочь от гостиницы, демонстрируя чудеса пилотажа. Куда он бежал? Или вернее будет спросить, откуда он бежал, какой огонь жег ему пятки?

Путник на галерее, между тем, спустился до второго этажа, все ниже был, все ближе. Краем глаза я следил за его движением, одновременно просматривая прессу на своих коленях. Я уже понял, кто это, да и кем еще, собственно, он мог быть?.. Фразочка насчет того, что жизнь человеку дается, напоминала читателям о высшей предопределенности в их судьбе, с чем можно и должно было спорить. Но не сейчас, не сейчас. Местными ароматами дышала каждая строка газеты. Доктор Опир начинал новый цикл лекций по теме: «Макробиотика на современном этапе». Партия Единого Сна в лице ее председателя Шершня решительно требовала пересмотра закона о денежном обращении. Статья под названием: «Как смотреть стереовизор» разъясняла, что дело это

небезопасное: перед включением следовало проветрить помещение, расположиться от экрана на грани четкости, причем, не сидя на ковре и не лежа, чтобы голова не запрокидывалась вверх, рекомендовалось также часто моргать и отводить взгляд в те моменты, когда изображение на экране не вызывает интереса. В криминальном уголке с возмущением сообщалось о разгоне очередного сборища Юных Натуралистов, презрительно именуемых в народе «хрусташами», которые, прикрываясь издевательским лозунгом «Энергетика должна быть энергичной» извращают саму идею спасительного счастья.

Человек, спускавшийся с гостиничных высот, в последний раз обогнул здание и вскоре должен был появиться на площади.

Мысли сбивались в кучу. У киосков перед Госсоветом меня хотели похитить. Спасибо за предупреждение, милая Кони… Или я преувеличиваю собственную значимость? Дело было, конечно, не во мне, а в том типе возле вокзала, которого чуть раньше умыкнули по-настоящему. На него бросили куда более мощные силы, чем на отставного агента Жилина, было даже как-то обидно. А результат? Похитили его или все-таки нет? Хищная птичка «Альбатрос» — на дне морском, а

жертва? И похитителей номер два, выскочивших из ларца с надписью «Новый Теотиуакан», их-то кто к ногтю прижал? Третья сила или все та же, первая? Мой неузнанный друг пользовался популярностью, нельзя не признать… Я разозлился. Мало ли сумасшедших бродит по этому городу, специально существующему, чтобы напоминать всем желающим об иррациональности бытия; разговаривать с каждым серьезно — не хватит ни души, ни простого терпения. С другой стороны, не каждый сумасшедший выживает после атаки из вакуум-арбалета и вдобавок не-горит-не-тонет в подбитом геликоптере. Впрочем, можно ли верить полиции, пусть даже в стране, где лгать — вредно для здоровья? Ясно было одно: я так и не мог вспомнить, кто он такой. Не мог, и все тут. Более того, в полиции меня попросили составить голопортрет этого парня, и я опозорился, как котенок в теплых руках. Ни одного образа, ни единой детали! Меня успокаивали: мол, обычное дело, с этим Странником всё всегда не по-людски… Я прекрасно понимал Бэлу. Герой местного масштаба Жилин, стоявший у истоков революции 27-го июня, обязан был опознать своего соратника, ибо невозможно представить, чтобы два героя не встречались во время заварушки. И попробуй,

объясни им, что с интелем по кличке Странник попросту невозможно было встретиться, что сию удивительную личность берегли, как святыню, как главную ценность революции. Само его существование было тайной, в которую сотрудники электродинамической лаборатории посвятили только высшее руководство Совета. И такие меры предосторожности были оправданы, ведь именно этот гениальный ученый догадался глушить слег с помощью радиопомех, именно он разработал фильтр «бурого шума» и предложил накрыть этим сигналом территорию города, что впоследствии заговорщики и сделали. Всем известно, каков был эффект. Говорили, что он погиб, когда диверсанты взорвали старый телецентр. Странник, как и я, не был интелем в общепринятом смысле этого слова, и сотрудником Университета не являлся. Он пришел в организацию со стороны, как раз когда высоколобые умники творили от отчаяния всяческие глупости, оттого и получил свое романтическое прозвище. Вообще, нельзя с уверенностью сказать, кто на самом деле нашел методику нейтрализации слега, ведь она появилась сразу в готовом виде! Причем, как позже выяснилось, загадочный чужак все делал сам, никого не посвящая в подробности,

круглые сутки просиживал в передающем центре Университета, а потом, когда Университет разбомбили, его перебросили в телецентр. И о том, что он погиб, говорили далеко не единожды, он много раз якобы погибал, прямо-таки дурная привычка какая-то… Да что там, до сегодняшнего дня я не подозревал даже, что Странник — русский по национальности! Какие могут быть ко мне претензии?

Хватит бить себя в грудь. На последней странице газеты — подборка стихов. Чем, как не поэзией, заполняются обычно провалы в памяти? Автор — Гончар. Это что, псевдоним? Гончар, Гефест, Кузнец, Плотник, Птах, Ткач, Хнум. Он же, надо полагать, лучший в городе инструктор.

…Во мне добро не борется со злом,

И совесть не воинствует с бесстыдством,

И цельность духа подчеркнул излом,

И сытость не мешает мне поститься…

Ух ты! Непростые были стихи, их стоило почитать отдельно и внимательно. Не сейчас, увы, не сейчас…

…И все же я своей судьбы сильней.
Старея, опускаясь и сивея,
Уж тем не по зубам судьбе своей я,
Что не пытаюсь властвовать над ней…

Я перескочил взглядом на другую колонку. Комментировался приезд известного беллетриста Жилина, а далее шёл очередной издевательский памфлет по следам «Кругов рая». Честность моей книги нередко ставилась под сомнение, однако оппоненты были в большинстве пешками, двигаемыми злобой или собственным косноязычием; я не обращал внимания ни на их писания, ни на них самих…

…В мешок дырявый ночи
Сквозь дыры льется мрак.
Решить в том мраке хочет
Загадку звезд дурак…

Отлично сказано, как будто специально для ребятишек с бойкими перьями, — успел подумать я, прежде чем тень легла на прочитанные страницы.

* * *

Возле скамейки стоял сам Оскар Пеблбридж. Неформальный глава Службы контроля, начальник Управления внутренних расследований. Костюм цвета старой сковородки плюс кислотно-зеленый галстук. Изумрудные запонки и лиловые манжеты. Торчащий из нагрудного кармана блокнот.

— Только побеседовать, — обезоруживающе улыбнулся Оскар, подняв кверху лапы. — Пожалуйста, не надо меня калечить.

— И сошел Владыка на землю с гор, и протрубил Владыка общий сбор, — сочинил я с ходу экспромт. — Почему пешком, почему не на лифте, босс? Плоскостопие лечите?

Навстречу ему я не встал, не дождется. И на «ты» общаться не собирался, прошли те времена. Он присел на краешке скамейки.

— В холле слишком много людей, моих в том числе. Не хотелось привлекать внимание.

— Внимание — к кому? — саркастически сказал я. — Или это не вы послали своих левреток на площадь Совета? Только побеседовать, да?

— Я сожалею, — сдержанно сказал он. — Ребята сорвались, кретины чертовы. Нервы сдали.

— Каюсь, я был невежлив, — подмигнул я

ему, — но ведь и они не назвали себя.

Оскар дернул щекой.

— Капитана я уволю, без пенсии останется, убожество. Конечно, мне надо было просто к вам подойти, именно мне и никому другому. Как в старые добрые времена… Иван, я сейчас дам весь расклад, чтобы больше к этому не возвращаться, и на том покончим. О'кей?

— Меня что, вели? — спросил я.

— Вас вели еще от больницы, с утра и весь день. А на пляже случилось кое-что странное. Судя по всему, к вам кто-то подошел… — Он выждал, наблюдая мою реакцию. Таковой не было. — Или их было несколько человек? — Он требовательно смотрел.

— Я внимательно слушаю, — сказал я.

— И вы тут же оказались накрыты «зонтиком».

— Зонтиком? От дождя?

— Не знали? — удивился он. — Малоформатный квантовый рассеиватель, новейшая разработка, не вышедшая за пределы наших лабораторий. Наблюдателям невозможно получить ни картинку, ни звук. Что скажете?

— У меня было любовное свидание, — пожал я плечами. — Никаких зонтиков над собой не заметил.

— Ладно, не хотите говорить, кто это был, не надо. Я и сам догадываюсь. Просто мы на пляже вас надолго потеряли, а снова обнаружили уже возле здания Совета. Ну и решили сразу брать, пока горячо. Маскировочное устройство было обнаружено в уличном утилизаторе неподалеку, вернее сказать, то, что от устройства осталось. Однако я не об этом хотел поговорить.

Солнцезащитный шлем, вспомнил я. Вот так девочка, вот так ведьмочка. Всех обвела вокруг пальца. Меня — ладно, я лопух, писатель, голубоглазый атлет со стограммовыми мозгами. Но — Оскара, всесильного интригана, стоящего над Службой Контроля! Один его галстук кого хочешь напугает, не говоря уже о должности. Бывший мальчик с вечным блокнотом, педантичный, основательный и очень ответственный, не пропускающий мимо себя никакую мелочь. («Но ведь таких не ставят боссами», — пожаловался мне как-то Рэбия, зять генерального секретаря ООН. «Значит, он на самом деле не такой», — ответил я тогда.) Спору нет, мистер Пеблбридж сделал фантастическую карьеру, ибо какой бы маской он не прикрывался, у него на лбу было отпечатано: я иду, а вы тут толпитесь. Но сегодня он лопухнулся, и сознавать свою причастность к

этому событию было дьявольски приятно.

— Я хотел поговорить о более важных вещах, — продолжал Оскар. — Прекрасно зная о ваших отношениях с Эммой…

— Наши отношения чисто платонические, — вставил я.

— Тем не менее. Вы не можете не видеть сложностей, которые возникли вместе с объединением всех парламентов в Мировой Совет. Социалисты с пеной у рта кричат, что Совет — он и есть Совет, то есть орган, не предназначенный управлять, однако ваши друзья именно в решении текущих задач раз за разом подменяют исполнительные органы ООН. А Эмма на своем посту делает все, чтобы усилить эти тенденции.

— Для того Эмму в кресло Генерального секретаря и посадили.

— Это путь к двоевластию, Иван, — сказал Оскар с неожиданной горячностью. — Забыли, чем заканчиваются такие сюжеты?

Я улыбнулся:

— По-моему, прецедент, на который вы намекаете, как раз в пользу двоевластия. Побеждает не просто сильнейший, но и тот, за кем историческая правда.

— Вы шутите, Жилин, — содрогнулся он. — Вы

не можете так думать.

— Мне кажется, Пеблбридж, это вы шутите, — ответил я. — Сначала администрация вашего Совета Безопасности обзавелась собственной, никому не подотчетной бухгалтерией, потом собственной армией, потом тайной полицией в нашем с вами лице. Мировой Совет в этих условиях просто не мог не возникнуть, потому что пустота враждебна человеку. Заявляю вам, как космолетчик.

— В очередной раз сталкивать человечество лбами — аморально, — упрямо произнес Оскар. — Я мягко выражаюсь.

— Кто-то здесь заговорил о морали? — осведомился я, даже оглянулся на всякий случай. — О морали это вы сказали?

— А в чем проблема? — встревожился он.

— Да уж не в том, конечно, что меня ни с того ни с сего посадили под колпак. Проблема в букве «L». В безобидной буковке «L» на бортах некоторых летательных аппаратов.

— Мы здесь в том числе из-за этого, — быстро ответил он. — Не надо фантазий, Иван. С буквой «L» мы разберемся.

Может, и фантазии, подумал я. Оскар Пеблбридж лично докладывал первым лицам в

администрации совбеза, что организации под названием «Light Forces» в природе не существует, а существуют только легенды о ее подвигах, большая часть которых основана на вылазках тех или иных сект. Легенды же гласили, будто некоторые из отставных и даже штатных сотрудников всевозможных земных спецслужб, включая оперативные подразделения Совета Безопасности, основали тайное братство по защите Земли от нашествия космических бесов. Отсюда якобы — теракты на кораблях, которые показались кому-то охваченными тьмой, отсюда — необъяснимые исчезновения грузов, космолетчиков и их детей, и так далее. Проблема была не в том, кто сегодня намалевал устрашающий знак на борту геликоптеров, истинные защитники Света или провокаторы; и не в том, какими словами Оскар утвердит передо мной свою непричастность к событиям на вокзале; а в том, что мне осточертела ложь — вообще. Под видом борьбы с терроризмом они создают разветвленные агентурные сети, непонятно кем руководимые и какими целями питаемые, а потом они просят не фантазировать и вдобавок вспоминают о морали. Мне понадобились десять лет работы на них, чтобы прозреть, и еще семь лет, чтобы попытаться забыть об этом.

Старый слепой дурак.

— С цветочницей уже разобрались, — покивал я.

— Как вам не стыдно, — скривился Оскар, будто в зубе у него стрельнуло. — Связывать нас с убийством Кони Вардас — просто глупо. Жаль, что ваша личная неприязнь ко мне принимает такие уродливые формы.

— Вы о чем-то собирались поговорить, — напомнил я ему. — Публика ждет.

— Разумеется. Возможно, я совершаю ошибку… — Он собрал в кучу реденькие белесые брови, сосредотачиваясь. — Вот вы, Иван, столько сил потратили на борьбу со слегом, сломали себе карьеру, приобрели известность в качестве писателя, и неужели все это зря? Как же вы допустили, что слег благополучно сменился суперслегом?

— Что? — спросил я. — Что ты сказал?

Мой голос стал чужим. В груди затрепетала вдруг ржавая струна, натянутая между скрипучими колк*А*ми. Струна вошла в резонанс с прозвучавшим словом.

— Суперслег, — повторил Оскар без улыбки. Оскар никогда не улыбался. Слово прозвучало, жестко поделив разговор на то, что было до, и то, что будет отныне…

Только не надо прикидываться барашком, сказал Жилину Оскар. Все о чем-то догадываются, но никто не говорит вслух. Иначе зачем бы ты сюда ехал, Жилин. Нам известно, что непосредственно перед отбытием ты встречался с Эммой, значит, ты ищешь то же, что и мы. Разве не показалось тебе, что с этой страной не все в порядке? Разве не знаешь, что Мировой Совет хочет распространить здешний опыт на всю планету? Умница ваша Эмма, гениальный ваш стратег. Вы там у себя первыми поняли уникальность того, что здесь происходит, первыми заметили, что вместо жалкого слега наконец родилось нечто настоящее. А мы, к сожалению, опоздали. Вечно мы опаздываем, Жилин, с горечью признался Оскар, и собеседник попытался его утешить: может, вы у себя в в Службе просто дураки? Может, дураки, легко согласился он. Столько лет тупо наблюдать, как местная валюта вытесняет в этой стране все прочие, и не насторожиться, не заняться делом. Лишь совсем недавно сообразили вывезти отсюда образцы банкнот и подвергнуть их лабораторным исследованиям. Никаких результатов, увы, кроме одного — при пересечении границы деньги напрочь теряют свои биокорректирующие свойства, так что пытаемся теперь организовать

исследования здесь же, на месте… Мы отвлеклись, встряхнулся Оскар. Нет, Жилин, речь вовсе не о новом наркотике. Полезный наркотик, дающий кроме кайфа еще и долгую жизнь? Занятная идея, но, хочется надеяться, без практического воплощения. Ах, отголоски дружеской болтовни? Нет, речь о другом. Есть сведения, что найдено устройство, созданное внеземной цивилизацией, и это устройство сейчас пытаются привести в действие. Кто пытается? Коллега Жилин знает этого, с позволения сказать, человека. Некто Странник. Знакомый позывной? Увы, до сих пор не удалось его сфотографировать или получить изображение иным способом, аппаратура как бы не видит эту тварь. Но, кстати, благодаря самой возможности подобных чудес спецы Службы контроля и смогли распространить эффект квантового рассеивания на весь спектр излучения. В результате получился… да, именно «зонтик». Но мы отвлеклись, вспомнил Оскар. Итак, нельзя допустить, чтобы подарок от, прямо скажем, сверхразума прибрал к рукам какой-нибудь фанатик, будь он хоть трижды гениальным стратегом и умницей. Потому что с более сильным средством влиять на земную историю человечество еще не сталкивалось. Если слег позволял челове-

ку уйти в мир, придуманный им самим, и там же сдохнуть, то суперслег, подброшенный нам черт знает кем, воздействует уже на реальный мир, делая его придуманным, подвластным фантазии одного человека. Ты понял, Жилин? Поменялся объект воздействия: не твое сознание, а весь окружающий тебя мир. Это не наркотик, Жилин, это прежде всего оружие…

— Странник выбрал именно тебя, — доверительно сказал Оскар, почти дословно повторив мысль Бэлы. — Большая удача. Впервые есть кто-то, на кого всерьез можно рассчитывать. Несмотря на наши прошлые разногласия…

Он уже не сидел на краешке скамейки. Оказалось, он придвинулся ко мне на расстояние пощечины, и тогда я стряхнул с себя очарование чужого бреда. Видеть себя в третьем лице, думать о себе в третьем лице — привилегия вождей и шизофреников.

— Во-первых, не «ты», а «вы», — напомнил я, восстанавливая дистанцию. (Он тут же отодвинулся). — Во-вторых, откуда вам все это известно?

— Данные точны, — ответил Оскар уклончиво. — Тебе что… Вам что, имена и псевдонимы агентов назвать?

— Боже упаси, — сказал я. — Просто суперслег внеземного происхождения — это как-то непривычно. Я, собственно, спросил не о том, каким образом вы узнали о его существовании. Если машинка еще не собрана, с чего вы взяли, что обязательно получится суперслег, а не, положим, стереопроектор?

Оскар пригладил жидкие рыжие волосенки на голове. Веснушчатое лицо его стало абсолютно непроницаемым.

— Значит, вы все-таки знаете, — произнес он с без выражения.

— Что я знаю?

Он погрозил пальцем.

— «Машинка не собрана». Проговорились. Да, надеюсь, эта дьявольская штука и вправду еще не собрана, потому что когда они найдут третье звено, будет поздно.

Ага, подумал я. Раз, два, три, солнышко гори. До трех мы считать умеем. Нечто, состоящее из трех (или более?) деталей, в настоящий момент расчленено и закопано в райских кущах, и злые дяди носятся по саду с лопатами, мечтая сложить эту головоломку, а другие злые дяди пытаются схватить и допросить главного змия-хранителя, прибывшего с далеких звезд, и попутно все

крушат друг друга. Увлекательный роман. Третья деталь не найдена, но где в таком случае остальные две? И что в действительности зарыто в камерах хранения? И причем здесь турист Жилин, который ничего толком не знает? И что нужно было от Жилина тому русскоязычному чудотворцу, который умолял: «Пойди и возьми»?

Какая дичь, говорил в таких случаях один охотник.

Напарник, запертый в моем черепе, исступленно колотил ногами в кость: нельзя верить! Это же Оскар, вопил он. Нельзя верить им всем, прилизанным и опрятным. И холодным, как межпланетное пространство. Хотя, зачем обижать космос такими сопоставлениями? Я бросил наугад:

— А что у вас с Рэй? Опять у кого-то нервы сдали?

Оскар неловко взмахнул ресницами. По лицу его скользнула досада — словно юркая змейка проползла.

— В каком смысле?

— Я не знал, что Мария — счастливый отец. Потому и спросил.

Оскар закаменел.

— Счастливый отец, — повторил он. — Когда

лучший сотрудник оказывается предателем, не хочется вспоминать про его отца. Скорее про мать.

Наверное, метил он в том числе и в меня. Измена, как известно, не имеет срока давности. Мне были безразличны кипящие в нем чувства, которым не дозволялось выплескиваться наружу (впрочем, в ипостаси большого начальника Оскар растерял изрядную часть своей выдержки), но зато мне не было безразлично все, что касалось Рэй. Личность известная в определенных кругах, почти легендарная, хоть и очень, очень молодая. Вундеркинд, можно сказать. Именно усилиями этого агента, на тот момент стажера Службы контроля, была остановлена крупная контрабанда сингонических метаморфоров из каторжной тюрьмы на Бамберге. Преступная группа состояла из офицеров надзорсостава и их жен. Космический жемчуг, который добывали на астероиде Бамберга, был вовсе не тем, из-за чего рудники не могли быть закрыты ни при каких условиях. Все дело было в так называемой пустой породе, содержащей астроуглерод. Этот уникальный минерал легко изменял свою кристаллическую модификацию в зависимости от плотности окружающей среды — от графита (слоеная форма решетки) или

лонсдейлита (гексагональные сингонии), до совершенно немыслимых образцов. Его открытие позволило не только перевернуть лазерные технологии, создав первые образцы промышленных скорчеров, но и, что было главным, измельченный астроуглерод резко замедлял разрушение и деформацию кристаллической решетки мезовещества в фотонных реакторах. А без фотонных реакторов, сами понимаете, по космосу не полетаешь. Иначе говоря, закрытие копей означало для человечества уход из межпланетного пространства, потому что Бамберга оставалась пока единственным местом в Солнечной системе, где обнаружились подобные метаморфоры. Компания «Спейс Перл Лимитед» была в свое время только ширмой, которую сменили затем другой ширмой, и все — ради поддержания жесточайшего режима секретности. Так что мириться с контрабандой и прочими шалостями деловых мерзавцев было никак невозможно… После той истории, насколько я знаю, вундеркинда-стажера внедрили уже непосредственно в МУКС, в результате чего было предотвращено покушение на директора, вызревшее, как ни странно, в недрах службы личной охраны, а нашего героя вынесло в число самых приближенных к директору лиц.

Я много чего знал про агента по имени Рэй, за исключением того факта, увы, что Рэй — это подлинное имя…

— Отчего ж сразу предатель-то? — вознегодовал я. — Может, человек просто захотел жить иначе. Перестать лгать.

Оскар сказал ровным голосом:

— Это вы для Марии оставьте, утешьте старика. Совершена кража. Из подземного хранилища МУКСа, подчиненного лично директору, исчез экспонат, назначение которого долгое время оставалось загадкой. Лет пятнадцать назад этот предмет был обнаружен на одном из астероидов небезызвестным вам Пеком Зенаем и доставлен им же на Землю. Но теперь мы знаем, что это такое. Это была одна из частей суперслега. Улыбаетесь? Зря. (Я вовсе не улыбался.) Украденный экспонат привезли сюда — специально для вашего друга Странника, так что два звена от машинки ими уже собраны. И все благодаря Рэй. Не понимаю…

Вновь что-то человеческое, что-то мелкое проступило в лице большого босса Пеблбриджа (обида? растерянность? страх?), но лишь на мгновение, на короткое мгновение слабости.

— Что это, если не предательство? — поинтере-

совался он. — Так и передайте Рэй. Кстати, Иван, я даю вам столько закрытой информации, что хочется самого себя под трибунал отдать.

Мне не понравились его намеки. Мне вообще не нравится, когда делают вид, что играют в открытую, держа в каждом из карманов по запасной колоде, поэтому я глянул на часы и встал, решительно сказавши: мне пора, мне еще переодеться надо успеть. Оскар тоже встал. Еще пару минут, попросил он, никуда ваши Горбовски не денутся. Ему было отлично известно, где и во сколько меня ждут — это мне уже совсем не понравилось. Он застегнулся на все пуговицы, тщательно уложив зеленый галстук под пиджак, и произнес завершающий спич. Мы не призываем вас занять нашу сторону, сказал он, очаровывая меня тусклыми бесцветными глазками, мы вообще не хотим, чтобы вы занимали чью-нибудь сторону. Оставайтесь таким же независимым и самостоятельным, каким вы стали в пору борьбы со слегом. Эмма рвется к власти: мы это знаем, и вы это знаете. Нам вы не доверяете — это ваше право. Поэтому мы просим: если вы всех опередите, что вполне вероятно, то подумайте десять раз, прежде чем мчаться с находкой к Эмме. Отдайте ЭТО — нет, не Совету Безопасности! — всему чело-

вечеству. В любой приемлемой для вас форме…

— Перестаньте за мной подглядывать, — зло сказал я. — И подслушивать. Я не кинозвезда, на «Оскар» не претендую.

— Оскар? — не понял он.

— Премия такая была. Вас разве не в память о ней назвали?

— Наблюдение снято, — тут же и очень убежденно сказал он. — Слово офицера.

Оскар Пеблбридж всегда был уверен в том, что говорит, даже если через минуту менял свое решение.

Глава девятая

Коттедж был оформлен в скандинавском стиле, ничего лишнего. Стены, покрытые тонированной штукатуркой цвета топленого молока. Настоящая деревянная мебель, не какая-то там. Пол и потолок обшиты мореным дубом (красивое дерево, с зеленоватым отливом). По словам хозяев, этот материал специально заказали из Союза, с родины Татьяны.

Ровно в девять включили стереовизор, так уж было заведено в этой семье. Святое время, время открывать окно в большой мир. Одна из привычек, складывающихся годами. Чета Горбовских была из истинных интеллигентов, за что я и любил их. Включили новости, наивно полагая, что сдобренный картинками бубнеж не слишком обременит наше общение. О, sancta simplicitas![5] Интели мои милые…

— Ну и дела, — оторопело сказал Анджей после минуты общего молчания.

Новости были сплошь местными. Одновременно в двух точках, в аэропорту и на морском

---

[5] Примечания: 5
Святая простота (лат.)

вокзале, неизвестные злоумышленники совершили на редкость дерзкую акцию. Устройства управления камерами хранения были переключены в режим «Аварийный сброс». Мало кто знает, что такой режим существует, и уж, тем более, им никогда здесь не приходилось пользоваться. Эта возможность в обязательном порядке закладывалась в программы еще со времен борьбы с терроризмом, из соображений безопасности, когда экстремисты представляли серьезную угрозу, но с тех пор минуло слишком много лет. Обслуживающий персонал размяк, раздобрел и потерял память. Грустно было слышать детский лепет этих оболтусов, смотреть на их слюни и сопли. Программная имитация чрезвычайных обстоятельств привела к тому, что все до единого боксы в камерах хранения раскрылись, наплевав на всякие там права личной собственности, после чего шустрые ребята, очень кстати оказавшиеся поблизости, без лишнего шума собрали урожай, погрузились и разъехались в разные стороны. Эта схема действий сработала безотказно — и в аэропорту, и на морском вокзале. Одновременно. Полиция, судя по ее заверениям, была готова к нападению, но внешнему — с воздуха, с моря, из-под земли. Увы, вместо наглой атаки был пред-

ложен мягкий, культурный вариант. Свидетелей не тронули, пострадала только негласная охрана в залах с боксами, в количестве шести агентов. Их безошибочно вычислили и усыпили… Жалко было Бэлу, не везет ему сегодня.

В комнату вплыла Татьяна, заняв своими габаритами половину помещения (первую половину занимали мы с Анджеем). Стенка, разделявшая коттедж надвое, имела сквозное отверстие, этакое окошко, в котором и размещался стереовизор, так что наблюдать за раскрывающими рты кукольными головами можно было и отсюда, и оттуда. Хозяйка поставила на стол кувшин с чем-то прозрачным, искрящимся, и подсела к нам.

— Черте что на свете творится, — тихо произнесла она. — Еще и Стас пропал.

У нее был низкий голос, под стать ей самой. Когда она говорила громко, дребезжали стаканы на столе.

— Как это — пропал? — не понял я.

— Мы пытались позвать его в гости, — сказал Анджей, — сюрприз тебе хотели сделать. Целый день разыскивали…

— Всем спокойно, — объявил я. — С большими людьми это бывает.

Мне вовсе не было спокойно, и напоминание

о Стасе только всколыхнуло муть, осевшую на дне сознания. Мой друг занимал такое положение, которое просто не могло не вовлечь его в события. А события, судя по новостям, не стояли на месте. Единственное, что если не радовало в этой ситуации, то хотя бы вызывало пошлого злорадства, было вот что: в камерах хранения железнодорожного вокзала явно ничего не нашли, раз уж пошли на новое нападение.

— Что сидишь? — толкнула Татьяна мужа. — Разливай.

Жидкость из графина переместилась в рюмки.

— Что это? — нехорошо возбудился я, распробовав.

— Капо, самогон из фиников, — подмигнул мне Анджей. — Домашний, без аналептических нейтрализаторов.

— Финиковая водка — это арака, — сказал я, блаженствуя. — Не путайте меня.

— Это на Востоке арака, — обиделся Анджей. — А у нас — капо.

Я вспомнил про Славина.

— А на вынос можно?

— Дадим, дадим, не ерзай.

— Я вез вам всем «Скифскую», — признался я, — но таможня лютует. Что же вы, ребята? Говорили,

никаких таможен. Говорили, весь мир должен быть открыт, говорили, что страна с охраняемыми границами — тюрьма…

— Остров, — подсказал Анджей.

— Ну, остров. Обитаемый. Быстро же вам надоела свобода.

— Главным препятствием была не таможня, а закон о запрете иммиграции, — возразил он. — Ты же знаешь, эти правила мы первым делом спустили в утилизатор. Причина вырождения была в обособленности. Чтобы страна перестала гнить, понадобилась новая кровь, новые люди, и они сюда приехали. А вы всё набрасываетесь да набрасываетесь на бедного господина Брига.

— Кто таков?

— Начальник таможенного управления. По имени Пети Бриг. Нормальный дядька, честно делает свое дело.

Фамилия показалась мне знакомой.

— По-моему, мы отвлеклись, — строго сказала Татьяна, звякнув ложечкой о рюмку. — Давайте-ка за встречу.

— Некая В.Бриг случаем не его родственница? — спросил я. — Ваятельница.

Анджей затруднился с ответом, и тогда я опрокинул в себя обжигающее нутро зелье, а потом

схватил что-то с ближайшей тарелки. Это оказался кусок фасолевого торта.

— Почему в вашем городе не разрешают пить капо? Хмельной-то сон лучше, чем никакой, — блеснул я остроумием. — А утром опохмелиться для гармонии.

Супруги Горбовски переглянулись. Очевидно, я выразился неуклюже. Русский медведь, тоже мне. Алкоголь стремительно всасывался в кровь, наполняя жизнь иллюзией смысла.

— Раз в год все можно, Ванюша — сказала Татьяна, будто тяжелобольного утешала. — Норму свою только знай. В конце концов, постоянно сдерживаться тоже вредно для здоровья. Попробуй, пожалуйста, вот этот пирог.

Я попробовал. Чтобы понять, из чего это сделано, одного куска оказалось мало. Хозяйка довольно улыбнулась.

— Мука из морской капусты, — открыла она страшную тайну. — Внутри — одуванчики на меду.

— Запить, — простонал я, хватая воздух пальцами. — Отравили.

Странный шум раздался за спиной, и я оглянулся. Из соседней комнаты задом выползал некто в коротких штанишках и фланелевой маечке,

сосредоточенно таща за собой на редкость диковинное сооружение.

— Леонид Андреевич Горбовский, — с гордостью представила Татьяна третьего члена семьи, сделав это на русский манер.

Мальчик, впрочем, не обратил на нас никакого внимания, поскольку был чрезвычайно занят. Улегшись на бок, он подправлял что-то в своей игрушке, напоминающей то ли монорельс, то ли жуткую кибернетическую змею. Монорельс медленно и беззвучно перемещался по полу, а другой его конец (хвост? голова?) тянулся в соседнюю комнату, понимался по лестнице на второй этаж и там терялся. Мальчику было лет шесть-семь на вид. Надо полагать, ровесник революции. Что ж, мои поздравления, хоть и сильно запоздавшие.

— Почему Андреевич? — поинтересовался я.

— Не «Анджеевич» же! — фыркнула Татьяна.

— А что муж? Не обижается?

Она по-матерински обняла меня за плечи и поднесла к моему лицу огромный натруженный кулак.

— Мужья у нас вот где, — по секрету сообщила она. — Я, кстати, рожала в Торжке, когда мы с Анджеем к моему отцу ездили. Леню в честь отца и назвали…

Кулак ее мог потягаться размерами с моим, будто и вправду там внутри кто-то находился. Анджей только улыбался, поглядывая на супругу; был он очень спокойным, медитативным человеком.

— Андрюша, зайчик, — сказала она вдруг совершенно другим тоном. — Спустись в погреб, достань Ванюше бутыль, пока помним.

Тот послушно встал. «Зайчик». Анджей не был компактным мужчиной, скорее наоборот, но рядом с женой не мог казаться иным. Татьяна разжала хватку, выпустив меня из рук, и я смог снова оглянуться на мальчика.

— Пан Леонид, — позвал я — Что мы такое строим?

— Это самодвижущаяся дорога, — оскорбился он, так и не повернувшись. — Сама себя строит, разве не видно?

— Ух ты, — сказал я.

— Квазиживая система, — откликнулся он после паузы. Очень увлечен был делом, некогда ему было языком молоть. Но я не отставал:

— А как насчет безопасности для землян?

— Это же фитопластик, — объяснил он мне, несмышленышу. — Насыщает воздух отрицательно заряженными ионами и поддерживает

баланс углекислого газа. Большая польза.

Нешуточный попался собеседник.

— Кто делал экспертизу? — осведомился я с максимальной солидностью.

— Мастер Будах.

— Это один из студентов Анджея, — сказала мне Татьяна. — Агасфер Будах, иранец. Веселый парень, детишек любит… Прекрати валяться на полу! — вдруг прикрикнула она на сына. — Сколько можно просить! Вечно он валяется, — пожаловалась женщина. — Нет, чтобы вел себя, как человек. Либо носится, либо лежит задницей в небо.

Вернулся Анджей, прижимая к груди стеклянную емкость внушительных размеров. Очевидно, подарок для гостя. В глазах его светилась гордая уверенность, что по крайней мере до завтра гостю этого хватит. Татьяна посмотрела на часы и решила:

— Пора в кровать. Ты не против, Леонид Андреевич?

Она встала и легко вскинула детеныша себе на плечо (тот укоризненно вякнул: «Ну, мама!»). Самодвижущаяся дорога, оставшись без хозяина, тут же замерла…

Было хорошо, тепло, спокойно. То ли обстанов-

ка тому способствовала, то ли финиковая водка, просочившаяся агенту Жилину в мозги. Что говорят в Университете о сегодняшних событиях, вполголоса спросил я Анджея, пользуясь моментом. В Университете не до разговоров, невесело усмехнулся он, потому что ректор объявил мобилизацию. Мобилизацию? — не понял я. В каком смысле — мобилизацию? В прямом смысле, как в старые добрые времена. Уже сформированы бригады добровольцев, уже составлен график круглосуточных дежурств, уже готовятся разнообразные сюрпризы для незваных гостей — и по периметру, и в воздухе над Университетом. Оружие? Тоже есть. Из домов несем, у каждого что-то осталось. А моя смена, тяжело вздохнул Анджей, с шести утра. Ясно было, что ему до смерти не хочется снова превращаться из солдата науки просто в солдата. От кого защищаемся, братцы, спросил я, потрясенный до глубины души. От всей Земли, конечно, пошутил он. Бог вам в помощь, пошутил я в ответ, одолеваемый мрачными подозрениями, что насчет всей Земли — сказано всерьез. Значит, на холм ваш знаменитый путь теперь закрыт, вдруг сообразил я, бесконечно огорчившись. Анджей ужаснулся. Разве можно не пустить кого-то на холм?! Святые места на то

и святые, что людям без них никак. Ты пей, пей, напомнил он, подливая мне еще, бери от жизни все, друг, пока здоровым не стал — как в старые добрые времена…

Под спаржу с сухарями молча помянули старые добрые времена. Ручеек воспоминаний юркнул под воротник рубашки (или это капелька пота была?), вызвав секундный озноб. События семилетней давности начались двадцать седьмого, а не двадцать восьмого, как ожидали полумертвые, ни во что не верящие горожане. Совет решил ударить ночью, с упреждением на сутки, обведя вокруг пальца шпиков мэрии. Стас, помнится, сказал, гордясь удачно найденной формулой: «Вчера было бы рано, а завтра — поздно», а я жестоко разочаровал его: «Где-то мы это уже слышали, дружок». Интели не хотели стычек и крови, даже революции, собственно, не хотели, их единственной мишенью был слег. Через антенны Университета (мощная всеволновая станция) запустили генератор «бурого» шума, который подавил проклятые приемники, завывающие возле ванн с бесчувственными телами. И никакой репеллент марки «Девон», растворенный в теплой водичке, не способен был отныне вернуть слегачам утраченные фантазии.

Приемник со вставленным в него слегом — это ведь все равно приемник, просто усилитель высокой частоты приобретал несвойственные ему функции дешифратора. Откуда слег принимал передачи, осталось неизвестным (принимал, это было доказано). Дело оказалось непростым, функция смены частот была третьего порядка, но появился загадочный некто и принес функцию в готовом виде. Некто, получивший за свою общую странность романтическое прозвище — Странник, естественно, какое же еще… Когда включили глушилку, тут-то все и закрутилось. «Ломка» у слегачей протекала в форме психозов с бредовыми состояниями, которые сопровождались жутким двигательным возбуждением. Миры, в которых они прятались, вторглись в реальную жизнь, безумцы вышли на улицы, и обнаружилось среди них большое количество родственников местного начальства, да и само начальство было представлено, как говорится, в полный рост, и ситуация мгновенно вышла из-под контроля… Причину всех бед мэрия нашла без труда. Осадили Университет, разбомбили передающую антенну. Тогда интели захватили телецентр. Воевать, как выяснилось, они умели и ничего больше не боялись. К ним присоедини-

лись все рыбари, что, конечно, не удивительно, однако самым неожиданным итогом противостояния было то, что интелей поддержали многие другие, казалось бы, субтильные общества и клубы — Трезвости, Нравственности, Общество Знатоков и Ценителей, За Старую Добрую Родину, и даже, что особенно странно, яростно соперничавшие меж собой спортивные сообщества «Быков» и «Носорогов». Как ни назови эту ситуацию: бунт, переворот, революция, результат был один — страна разделилась. Одни взяли верх над другими. Но после этого — что случилось после? Каким образом удалось за столь короткий срок преодолеть глубокий общественный раскол? И какова роль Национального банка, вытеснившего с местного финансового рынка всех мировых конкурентов? Загадки… Да и со слегом не все обстояло просто. Едва настал хрупкий мир, страну захлестнул наплыв туристов — не иммигрантов, рвущихся строить новую жизнь, а именно туристов, желающих хорошенько отдохнуть, — несмотря на возможные беспорядки, несмотря на вопиющий развал системы обслуживания. В чем дело, разобрались не сразу и, тем более, не воспрепятствовали процессу. «Туристы — это наше всё», как сказал кто-то из местных

любителей поэзии, читавший, видимо, Аполлона Григорьева в подлиннике. При чем здесь слег? А притом, что совершенно неожиданно открылось одно любопытное свойство этого зелья. Во всех других городах и странах классическая схема слега (обычный приемник плюс вспомогательный генератор, вытащенный из фонора) работала как высокочастотный психоделик. И не больше того! Пусть чудовищно сильный, вызывающий почти мгновенную зависимость, но все-таки обычный психоделик. И только в одном месте планеты наркотический сон взлетал до божественных высот. Только находясь в этом городе ты мог погрузить ненужное тебе тело в ванную и отправиться во Вторую Реальность, ставшую для тебя единственной. Реальность, в которой ты Бог. Только в этом городе… Вот чем объяснялось нашествие любителей острых ощущений, торопившихся попробовать настоящий слег до того, как его задавят окончательно. Еще одна загадка в ряду прочих. Или Оскар Пеблбридж с товарищами сумели разгадать ее? Не зря же он упоминал про деньги, которые теряют некие свойства при пересечении границ — в точности, как семь лет назад это было со слегом…

Соленые капли воспоминаний высохли, оста-

вив на душе едкий след. Я неожиданно для себя расчихался — верный симптом того, что с рюмками на сегодня пора кончать, иначе следующими симптомами вполне могли стать фортеля со зрением, с ногами, с желудком.

— Аполлон Григорьев — красивое имя, — сказал я, уткнув нос в платок. — Ахиллес, Харон, Артемида…

Анджей оторвал голову от стола и глянул на меня одним глазом. Сидел он сгорбленный, обмякший, положивши голову на локти; вспоминал что-то свое, что-то невозвратимо хорошее.

— Предположим, назовем мы этаким заковыристым именем обычного, ничем не примечательного работягу, каких тысячи вокруг нас, — продолжил я, увлекаясь. — Аполлон Иванов. Нет, не надо фамилий, просто — Аполлон. Просто — Феб. Станет ли он после этого античным героем? Или хотя бы героем романа?

Если кто-то с моими физическими данными начинает заговариваться и вести себя неадекватно выпитому — это страшно. Но вдруг оказалось, что Татьяна уже вернулась, уложив ребенка спать, что она плотно сидит сбоку от меня, подперев подбородок кулаком, сочувственно заглядывает мне в лицо, и я пояснил обоим хозяевам свою

мысль:

— Я, собственно, о том, что туристы — это ваше всё. Не спорю, раньше так и было. А что есть «ваше всё» теперь, горожане?

Анджея, похоже, тоже повело. Он заявил, поблескивая учеными глазками:

— Исправлять взаимоотношения человека с мирозданием! Потому что это главное, отцы, без этого невозможно не только вернуть здоровье, но и сохранить его. Если ты отвергаешь мировой порядок вещей, то и мироздание неизбежно отвергнет тебя, мало того, чем искреннее ты недоволен своей жизнью, тем нездоровее будет твоя жизнь, это ведь спираль, по которой наше подсознание гоняет нас до самой могилы. И вот тут-то отчаявшемуся, глупому или просто ленивому человеку приходят на помощь психокорректоры. Не какие-то там вульгарные гипноделы, производимые на уральском гиганте «Дриммаш», а тончайшие, естественные средства, не лекарства, упаси Боже, а система, смысл которой в том, чтобы приоткрыть разум…

— Снизить критику? — удачно поддел я оратора. Он отмахнулся:

— …и тогда в образовавшуюся щелочку войдут специальные тексты, примеры которых повсюду

— в виде лозунгов, газет, случайных разговоров, — таким образом, весь город приобретает свойства огромного психокорректора, и качество туризма теперь совершенно иное, это ведь невооруженным глазом видно, отцы…

А потом Татьяна, как главный из присутствующих отцов, вставила Анджею в зубы сочный плод нектарина, заткнув брызжущий умом гейзер, и с грустью сказала мне, что счастье не бывает долгим, что все хорошее когда-нибудь кончается, и я ей сказал, что она единственная поняла, о чем был мой вопрос… а потом я спросил, оттолкнувшись от темы: на кой ляд нужно по ночам класть деньги под подушку? Что за безумие постигло вменяемых с виду бюргеров? И друзья мои почему-то замялись, спрятали глаза, и повисла над столом тягостная пауза… и тогда я спросил, забодай их комар, чего они все стыдятся?! Что позорного сокрыто в простом слове «сон»?!

— У кого не получается, пусть тот и стыдится, — сказала Татьяна, поправляя вазочки с десертом. Она делала при этом слишком много лишних движений.

— А те, у кого получается, — сказал Анджей, сосредоточенно вглядываясь в темный сад за окном, — боятся выглядеть счастливее других,

потому что…

Он не договорил. Я тоже молчал, быстро трезвея. Посиделки, так складно начавшиеся, достигли точки, когда гости встают, внезапно вспомнив про улетающий через полчаса самолет, а хозяева провожают их до такси, держа на лицах положенное по случаю огорчение… Татьяна переключила каналы стереовизора, торопясь найти что-нибудь бодрящее, а муж ее спокойно повернулся ко мне:

— Ты не думай, Ваня, — сказал он, словно извиняясь, — никаких табу. Ну, просто какой же герой, даже с именем Аполлон, готовый умереть за святое дело или, там, за счастье всего человечества, признается, что сны его убоги и серы. Что же ты хочешь от обычного, скучного бюргера?

«Готовый умереть… — эхом отозвалось у меня в голове. — За счастье всего человечества…» Как скаут. Готов? Всегда готов. Красиво умереть. Готов красиво умереть… Что?! О чем я сейчас подумал?

О ЧЕМ Я СЕЙЧАС ПОДУМАЛ?!

Все было чудесно, все было как прежде. Я находился среди друзей, стол ломился от экзотической, непривычной советскому человеку еды, какой-то умник излагал по стереовизору два универсальных правила здоровья (первое: «Не Нервничать Из-за Пустяков»; второе: «Все

— Пустяки»), и я захохотал, как ребенок, и все подумали — над передачей, но я не стал их разубеждать; просто голова моя отныне принадлежала мне и только мне. Лопнул громадный радужный пузырь, разлетевшись тысячей шикарных брызг. Я вспомнил! Это было, как сладкий опийный толчок, как горячий укол в вену. Я вспомнил того человека, который остановил меня утром возле вокзала. Я вспомнил…

Но ведь он, кажется, погиб? Я ведь своими глазами читал отчеты по той катастрофе! Что за сказки?

А потом вечер встречи закончился.

Я шел по залитому искусственным светом переулку, сжимая в руках бутыль с финиковой водкой. Друзья вывели меня за ворота и долго смотрели мне вслед; я часто оглядывался и махал свободной рукой, чтобы сделать им приятное, ведь крутосваренная Татьяна на деле была очень сентиментальна. Я отказался от кибер-такси, и также не стал вызывать вертолет, решив совершить пешую прогулку. Писателю Жилину срочно нужно было охватить мыслью новые обстоятельства, а думал он обычно ногами. Где-то неподалеку рвалась пиротехника, нестройно звучали какие-то музыкальные инструменты, слышалось то ли

пение, то ли вопли, иначе говоря, население безудержно веселилось, звуки приходили волнами и отступали, не мешая моим раздумьям… Итак, человек на вокзале и впрямь был мне знаком, хоть и порядком подзабыт за давностью лет, однако какой из него, к черту, Странник? Что за остряк сделал из наивного русского мальчика, готового красиво умереть, настоящего Героя, ломающего зубы силам света и тьмы? Который к тому же и впрямь давным-давно умер, если есть хоть какая-то правда в похоронках. Наконец что за шалун, безнаказанно играющий людскими судьбами, помешал нам встретиться во времена моих «Кругов…»? А кто вылепил героя из тупого и одичавшего межпланетника, то есть из меня самого, резонно возразил я себе. Кто заставил меня спрыгнуть с небес на землю? Правильный вопрос был не «кто виноват», а «что делать»…

Все-таки подумать писателю Жилину не дали. Переулок вывел меня на улицу, полную людей. Очевидно, здесь что-то праздновали, во всяком случае, происходящее сильно смахивало на карнавальное шествие, только без масок и без живых кукол. Колонна двигалась параллельно моему курсу, и я вынужден был присоединиться. Шум стоял страшный: кто-то самозабвенно

лупил в медные тарелки, кто-то трубил в трубы, кто-то бухал в барабаны, и все это несинхронно, вне мелодий и ритмов. Запускались ракеты, с душераздирающим воем улетавшие в небо, швырялись петарды на газоны. Демонстранты откровенно хулиганили. У многих в руках были пустые жестяные ведра и черпаки, которыми они дружно громыхали, перемигиваясь и перекрикиваясь, некоторые шли с детьми, и дети не отставали от взрослых, вовсю пользуясь дудками, свистульками, пищалками, гармошками. Одеты все были обыкновенно, и только на голове у каждого был напялен ночной колпак — вот такой потешный опознавательный знак.

Сонные лица выглядывали из окон домов. Случайные прохожие с одинаково каменными лицами шагали вдоль заборов и стен. Я приостановился, чтобы окликнуть одного из таких полуночников:

— Эй, друг, кто эти весельчаки?

— Бодрецы, — гадливо сказал он, словно червивое яблоко надкусил.

В голове колонны медленно полз электромобиль с открытой площадкой вместо кузова. На площадке стояла женщина, царственно возвышаясь над всеми — спиной к движению, лицом

к толпе. Она делала руками движения, будто дирижировала, а к одному из ее запястий был пристегнут гигафон. Женщину я, безусловно, знал: это была утренняя врачиха из больницы, приводившая в порядок мои рефлексы. Она же — супруга лейтенанта Сикорски.

Повинуясь команде прелестной дирижёрши, электромобиль остановился, и вместе с ним остановилась толпа. Очевидно, место было выбрано неслучайно. Мадам Сикорски развернулась к трехэтажному особняку, на котором помаргивала изумрудная надпись: «Узел Мировых Линий», и поднесла гигафон к губам. Страшный нечеловеческий голос потряс воздух: «Сон — лучшее лекарство! Покупайте в аптеках города!» Неужели это произнесла моя милая целительница? Кто-то запрыгнул к ней на электромобиль с собственным гигафоном в руках и вдохновенно проревел: «Летаргический!!!» Толпа вдохновенно заревела в ответ. Люди в ночных колпаках рассредоточились, обступили особняк и принялись колотить в неприступный камень своими ведрами. Несколько полицейских стояло поодаль, но они ни во что не вмешивались.

— Разбудим гадов! — толкнул кто-то меня локтем, обратив ко мне искаженное восторгом

лицо.

— Выкурим! — ликующе сказали с другого боку.

— Осиновый кол им в узел!

Бедный Рудольф, подумал я вдруг о нашем лейтенанте. Хороший ведь парень, и так влип с женой. Понятно теперь, почему он любит философствовать, а учитывая, что его всерьез тревожат проблемы ревности, за человека становится просто страшно…

Выспрашивать, кого здесь намеревались будить при помощи осинового кола, было, на мой взгляд, небезопасно. Если уж угораздило тебя очутиться в подобной компании — притворись своим, а если ты принципиально не такой — не будь дураком, держись подальше от барабанов и гигафонов. Вот главное правило здоровья, номер ноль. И я, не будь дураком, пошел себе дальше, и только отдалившись метров на пятьсот, только вытряхнув из ушей этот звуковой мусор, я почувствовал облегчение, и я почувствовал, что сильно напряжен, а также готов — к чему? Да ко всему! — как скаут, как добрый знакомый по кличке Странник… в общем, заряд этой напряженной готовности и спас меня.

Я находился возле большого школьного ком-

плекса. Район был на удивление темным (здесь люди учились, а не жили), что, вероятно, также не позволило моему подсознанию расслабиться. Натренированный организм все сделал сам, без участия разума. Шерсть на загривке почувствовала постороннее движение за спиной, уши уловили едва слышный металлический звук, и ноги тут же увели тело вбок и вниз, с возможной линии огня. Как выяснилось, не зря: хлопнула боевая пружина, капля отраженного света неуловимо мелькнула мимо. Удар приняло на себя дерево, стоявшее прямо по курсу; что-то звучно воткнулось в ствол. Это был карпульный шприц. Если бы не мои рефлексы, влепили бы мне иглу между лопаток. Я обернулся, успев пожалеть о том, что писателям оружие не полагается.

Сзади, за полосой подстриженного кустарника идеальных прямоугольных форм, прятался стрелок. Вот вам асимметричный ответ, получите! — с холодной яростью подумал я и вытолкнул бутыль самогона — с разворота, как ядро. Попытка была удачной. Олимпийский рекорд не был побит, но сегодня от меня требовалась не дальность, а точность. Снаряд попал в подставленное лицо, опрокинув врага на землю, тот не ожидал ничего подобного, даже не вскрикнул,

но еще две темные фигуры маячили возле въезда на школьный плац, поэтому оставаться на месте было нельзя, равно как и просто бежать, петляя среди уличных скамеек и утилизаторов: на это, возможно, и рассчитывали. В два прыжка я одолел расстояние до кустов и продрался на ту сторону. Человек корчился на траве, держась руками за голову. Разлитый алкоголь восхитительно пах. Впрочем, подробности меня пока не интересовали, мне срочно требовалось оружие. Если оставшиеся товарищи решат закончить начатое, чем защититься простому писателю? Я обшарил страдающее тело, однако не нашел ни кобуры, ни того, что в ней могло храниться, и тогда я принялся ползать на корточках по траве, стараясь не порезаться о свои же осколки. Здесь было гораздо темнее, чем на улице, ни черта не было видно, но я все-таки отыскал пукалку, с помощью которой меня пытались выключить. Затвор, ясное дело, оказался пуст, а дополнительными карпулами охотник почему-то не запасся. Обстановка осложнялась. Снаружи слышался грозный топот, и я, наконец, выглянул…

Черные фигуры бежали вовсе не в мою сторону. Они бежали прочь. Они давали деру! Секунда — и не стало их, исчезли за школьной оградой.

— Камо, — промычал раненый. — Шуви камо.

Очевидно, был в шоке, не сознавал, где он и с кем. Не худо бы, дружок, обыскать тебя как следует, подумал я, а потом допросить. Но есть ли на это время? Обыскивать в темноте, прямо скажем, весьма неудобно, тогда я взял тело под мышки и выволок его через кусты на тротуар.

— Ты кто такой? — спросил я.

— Сиу тан, — сказал он и заплакал.

Лицо его было в крови, что, впрочем, не мешало понять: перед нами метис. Сводный брат Паниагуа? Или, может, родной? Они в самом деле были чем-то похожи, как будто одни и те же пальцы лепили их скуластые лики. Не теряя взятого темпа, я взялся обыскивать парня, а тот все пытался приподняться, бормоча что-то в прижатые к лицу ладони. И вдруг, поймав мой взгляд, яростно крикнул: «Холом ахпу!» «Конечно, конечно...» — успокоил я его, не прерываясь ни на секунду. В карманах у стрелка не нашлось документов или иных предметов, по которым можно было бы установить его личность, зато был видеокристалл, пухленькая пачка денег, и лежало что-то еще, упрятанное в плоский контейнер со скругленными углами.

Изучить трофеи мне не позволили. С въезда

на территорию школы — с плаца, где обычно проводятся построения и смотры, — выскочил автомобиль. Кибер-такси леопардовой расцветки. Очевидно, стоп-система его была нейтрализована, потому что мчался этот зверь, стремительно набирая ход, не по проезжей части, а по тротуару — прямо на нас. Раненый наконец встал на колени, жутко улыбаясь: грудью встречал смерть. По-моему, он все понимал. Наезд был неизбежен. Я ушел в сторону, пытаясь утянуть чудака за собой, но лишь снова опрокинул его, и ничего не оставалось, кроме как бросить обреченную куклу на асфальте. Я укрылся за деревом. За миг до неизбежного машина вильнула в кусты и встала. Камень, думал я, обыскивая взглядом газон, кирпич мне в руку! Или выдрать из земли утилизатор — главное оружие советских писателей? К счастью, фигурное вождение затевалось вовсе не ради меня. Еще миг потребовался темнокожему крепышу, выскочившему из такси, чтобы втащить товарища в салон, и машина рванулась прочь — с торчащими из дверцы ногами. Кто сидел за панелью управления, было не видно…

Все кончилось.

Кончилось ли? — спрашивал я себя, возобновляя путь. Ответ был ясен, поэтому двигался я,

старяясь держаться поближе к деревьям и, по возможности, не попадать на освещенные участки. По пути рассмотрел изъятые у горе-охотника деньги. Это были местные деньги, а пачка была заклеена бумажной лентой с печатью. Печать была цветной: рисунок в виде подсолнечника, центр которого украшен буквами «ЕС». Иначе говоря, упаковка мало походила на банковскую. Потом я рассмотрел видеокристалл. Голографические символы Венеры и Марса… так, так, усмехнулся я. Опознавательный знак, которым обычно клеймят произведения легкомысленного содержания. Проще говоря, комиксы из разряда «только для взрослых». Причем, судя по наклейке, прибывшие сюда из Советского Союза: все надписи были на русском. (Я испытал короткий укол стыда.) Название: «Жертвенный оргазм», издано некой студией «Масс-турбо»… в общем, дрянь, откровенная дрянь.

Что касается коробочки-контейнера, то это уже было гораздо интереснее! Разобраться с ней не составило труда, поскольку кто как не я служил в свое время консультантом при лабораториях Бромберга. Я догадывался, что обнаружу внутри, и не ошибся. Волновой стимулятор с управляемым психотическим эффектом. Внешне

напоминает игрушку для меломанов: два наушничка, соединенные с крошечным пультиком. На языке наших оперативников — «отвертка» или «бес». Идеальный инструмент для допросов, пробивающий любую гипно– и наркозащиту. Психоволновое средство, не снижающее чувствительность и, по-видимому, совершенно безвредное для подследственного. Помнится, появление у Бромберга опытного образца подозрительно совпало по времени с завершением всех экспертиз по слегу — что, кстати, подвело меня к окончательному решению порвать с так называемым служебным долгом, допускающим подобные тайные исследования… Я внимательно осмотрел контейнер. На внутренней стороне крышки имелся цифро-буквенный код, а в специальном гнезде уютно устроился армейский вакцинатор с некой гадостью… Все эти удовольствия, надо полагать, предназначались для меня. Таким образом, леопардовое такси, таившееся в засаде, готово было принять не чье-то там, а именно мое бесчувственное тело. В очередной раз кто-то пожелал задать мне вопросы — на сей раз с помощью волновой «отвертки»…

Один из ответов я и в самом деле уже имел. Донести бы теперь его до гостиницы.

В приморском городе трудно заблудиться, главное, не потерять направление ветра. Сейчас ветер дул к морю. Где-то гремели трубы и ревели гигафоны — все громче, все ближе. Вероятно, наши с бодрецами пути снова должны были пересечься. Но в целом город был пуст, закрыт шторами и ставнями, запахнут в черную листву деревьев, не работал ни один магазин, ни одно кафе, ибо город спал. Вокруг неожиданно пошли знакомые места; улицы распрямились, тени оформились, романтические воспоминания заполнили вакуум. Семь лет назад ноги уже носили агента Ж. в этих краях — подтверждения возникали на каждом шагу, будоража старческую сентиментальность. А вот и дом, в котором агент Ж. тогда квартировался — тот самый, вне всяких сомнений! Два этажа, белое с голубым, яблоневый сад… Возле дома, точнее, возле решетчатых ворот, хозяйски опираясь о почтовый ящик, стоял коридорный из «Олимпика».

Я даже приостановился. Это был он — юный культурист, увлекавшийся Шпенглером и Жилиным. Такого красавца трудно спутать. Меня он якобы не замечал, взгляд его был устремлен к перекрестку, где уже бурлила шумная толпа с ведрами, петардами и духовыми инструментами.

Опять случайная встреча? Бог ты мой, как я устал от этих хорошо организованных случайностей, коими щедро был обставлен весь мой нескончаемый день. Ау, невидимые режиссеры, вам изменяет чувство вкуса!

Я окликнул парня:

— Изучаем жизнь приматов, дружок?

Он увидел меня и обрадовался:

— Вам тоже эти кретины спать не дают?

— Отчего же кретины? — сказал я. — Люди выражают свое отношение, не знаю, правда, к чему. Их право.

— Перебудить весь квартал — большого ума не надо, — сказал он запальчиво.

— Отчего же квартал, — возразил я. — Может, их планы на весь мир распространяются. Неспроста же они атаковали «Узел Мировых Линий», я сам это видел.

— А-а, вампиров, — понял коридорный.

— Пардон?

— Ну, гостиницу, которую вампиры содержат, — он коротко глянул на меня. — Вампиры — это просто система оздоровительных клубов, ничего такого. Учат курортников сберегать и умножать энергию. Солнце — первый энергоноситель, Земля — второй, и так далее. Воздух, вода,

еда, сон. Смотрят на солнце, ходят по мокрой траве босиком…

— Очень интересно, — вежливо сказал я. — Чем же вам бодрецы мешают? В ваших домах теперь что, нет акустической защиты? Трехслойной, с памятью на пятьдесят тысяч звуков?

Он пожал плечами:

— Естественный кодекс не рекомендует.

— А когда примут закон о тишине? — светски осведомился я. Он с готовностью засмеялся, и я понял, что мне наконец удалось пошутить.

Мальчик держал себя несколько иначе, чем в отеле, что объяснялось, по-видимому, сменой обстановки. Там он был на боевом посту, в броне и каске, там он играл во взрослого, а здесь ощутимо помолодел. Легкая рубашка на голое тело, завязанная узлом на груди, бермуды, мокасины, подтянутый мускулистый живот, устрашающих размеров плечи, и плюс щекастая голова, набитая всякой умной всячиной. Мальчик был мне, черт возьми, симпатичен. Очень не хотелось думать о нем плохо, поэтому я спросил напрямик:

— Что ты тут делаешь?

— Что, что! Живу я тут, — сказал он кокетливо, показав незаурядное знание русского фольклора. И снова засмеялся. — Вы меня так и не вспом-

нили?

Я посмотрел на бело-голубой дом за его спиной. Что-то шевельнулось в моей памяти.

— Моя фамилия Туур, — помог он мне. — Вы у нас как-то гостили.

— Лэн! — воскликнул я. — Сын генерал-полковника Туура!

Симпатия превратилась в нежность.

— Лэн, — сказал я. — Дружище, как я рад.

— Вы в отель? — басовито спросил он, расправив плечи. — Разрешите вас проводить?

Некоторое время я размышлял, можно ли считать меня безопасным попутчиком. И в особенности — собеседником. Лепестки желтых лилий, настоянные на крови Кони Вардас, стучали мне в сердце.

— Я все равно завтра свободен, — поспешно добавил Лэн.

Сомнения проступили на моем лице, но мальчик посмотрел на меня с такой надеждой, что язык не повернулся отказать ему, ведь он, возможно, все последние годы ждал эту нашу встречу, ведь он так и не решился в гостинице попросить меня о чем-то… Мы постояли на Второй Пригородной, пережидая шествие, а потом двинулись дальше, через перекресток, мимо парка Грез, к

центру города.

Кто они такие, поинтересовался я, махнув рукой в сторону исчезнувших бодрецов, что за зуб у них на Мировые Линии? Они — это никто, был решительный ответ. Те, у кого не получилось, и этим все сказано. Пытаются бросить вызов, то ли всем нам, то ли Господу Богу. Секта Неспящих — официальное название. Именно «секта», они сами так и говорят про себя, чтобы все знали, мол, нам совсем не стыдно, подотритесь своим стыдом. (Я вспомнил глаза врачихи в тот момент, когда она давала Бэле пощечину, и мысленно покачал головой.) Вот и сейчас — переползают из квартала в квартал, от вампиров к копам, от банкиров к хрусташам. К хрусташам? А к кому же еще! Сломают юным натуралистам энергетику, зальют отравой их «растительный секс». У хрусташей сегодня тайная сходка, у коммунаров хреновых, такая «тайная», что весь город в курсе — где, когда и почём… Все это хорошо и весело, согласился я с Лэном, но сам-то ты как? Мать как, сестра? (Честно говоря, я забыл имя его сдвинутой мамаши, в чем признаваться было не обязательно.) Оказалось, что Лэн в этом году закончил школу и решил летом поработать, как он всегда делает в каникулы, а через месяц плани-

рует подать документы на факультет подземных коммуникаций. Когда выучится, будет проектировать Новое Метро. Городу позарез нужно Новое Метро, город задыхается без Нового Метро. Матери дома нет, она в море, на яхте. Яхтсменкой стала, видной активисткой яхтклуба. В пятьдесят-то лет! Больше не пьет — ни по праздникам, ни по будням, вот такие метаморфозы. (Как видно, эта женщина, обожавшая мужчин в военной форме, теперь сосредоточила свое внимание на моряках в штатском…) Сестра Лэна по имени Вузи вышла замуж, работает дизайнером, живет у мужа, так что Лэн в доме — полный хозяин. С постояльцами нет проблем, семья обеспечена… А потом я спросил его, что это за эмблема такая: подсолнечник с буквами «Е» и «С» вместо семечек?

Лэн странно на меня посмотрел, как будто услышал в вопросе нечто большее, чем прозвучало.

— «Е-эс» — это партия Единого Сна, — ответил он и тактично замолчал, ожидая, о чем этаком я еще спрошу.

И я бы обязательно спросил, если бы мы не вышли на Театральную площадь. Брошенное кибер-такси стояло возле пустых мертвых касс — с раскрытыми дверцами, с погашенным тавро на крыше салона. И мне временно стало не до

вопросов, потому что это было то самое такси. Для кого-то все серийные автомобили на одно лицо, но я не из таких. Я мог ошибаться в людях, в женщинах, в словах — во всем, кроме того, что ездит или летает.

Ни внутри кабины, ни снаружи никого не было, и вообще, мир был удручающе пуст и тих. Пока я обыскивал машину, Лэн терпеливо стоял рядом. Он не задавал мне вопросов, он молча ждал. Панель управления была вскрыта, осквернена опытной рукой — как я и ожидал. Заднее сиденье было заляпано чем-то очень похожим на кровь; я потрогал эту гадость пальцем — в самом деле кровь. Пластик отказывался ее впитывать, и кровавые кляксы еще не успели застыть. Багажное отделение было пустым, и только на коврике под ногами водителя я обнаружил использованную спичечную упаковку. Вероятно, здесь курили. Не те ли, кому понадобилось устроить засаду ничего не подозревающему прохожему? Оторвали последнюю спичку и бездумно выпустили мусор из пальцев, а потом, когда пришло время уносить ноги, забыли про такую мелочь… На спичечной упаковке имелась красивая реклама. Солнце освещало золотыми лучами надпись, выложенную из огромных камней: «Семь пещер». Другая

надпись, набранная обычным шрифтом, гласила: «Как вернуть Прошлое? Прийти к нам!» Я показал упаковку Лэну:

— Знаешь, что это такое?

— Семь пещер, — прочитал он. — Фирма, торгующая антиквариатом. Довольно крупная.

— Это далеко?

— На площади Красной Звезды, — ответил он напряженным голосом.

— А не прогуляться ли нам туда? — предложил я.

— Идемте.

Опять он ни о чем меня не спросил. Похоже, на парня можно было положиться. Вот так дети и вырастают в героев, подумал я растроганно, а мы все про учебу с ними, а мы все копим советы, как им надо жить, и готовим для них будущее, которое они делают себе сами…

Глава десятая

Единственное, что может развлечь двух героев, шагающих по спящему городу, это разговоры о том о сем.

Как писатель может не верить в Бога, риторически вопрошал молодой человек, словно сговорившись с давешней ведьмочкой. Когда один творец отказывает другому в существовании — это нечестно и даже глупо. Нонсенс. Зачем тогда вообще писать? Но самое странное, что те же люди, которые на словах НЕ верят в Бога, отчего-то пытаются найти Ему заменителя! Раз за разом они вводят в свои книги что-нибудь сверхчеловеческое, соревнуясь друг с другом в изобретательности. Литературным примерам несть числа. С какой целью это делается? («Может, писатели понимают, что вульгарный атеизм давно не в моде? — предположил я, перебирая в памяти написанные собой страницы. — Конъюнктуру общественных заблуждений, дружок, настоящий творец должен чувствовать спинным мозгом».) Конъюнктура? Ха-ха. Этак мы и законченных дьяволопоклонников причислим к лику

конъюнктурщиков! Тех, которые создают Евангелие от Сатаны, кокетливо назвав своего хозяина каким-нибудь мудреным именем вроде Воланда, чтобы нормальную публику не отпугнуть… («Булгакова не тронь, — осадил я дерзкого юнца. — Не нам судить о его вере».) А кому судить, вдруг рассердился Лэн. Вы знаете, что, к примеру, та чудесная мазь, с помощью которой нравственно чистая Маргарита научилась летать, изготавливалась из костей некрещеных младенцев? Булгаков не мог этого не знать, он же всерьез изучал демонологию! Самое возмутительное, что все ваши эстетствующие интеллектуалы, расплодившиеся в великой России и гордо называющие себя интеллигенцией, до сих пор изучают жизнь Иисуса не по святым писаниям, а по Булгакову. И это несмотря на столь сильный запах серы, который источает его роман… («Враг рода человеческого хохочет над твоими нелепыми обвинениями, дружок, вместе со мной…») Священных коров вы резать боитесь, засмеялся в ответ юный наглец. Тогда вернемся к теме. Почему писатели, старательно поддерживающие репутацию материалистов, всё лепят и лепят идолов, вознося их над придуманными мирами? Разгадка проста. Вовсе не неверие будоражит их

души, а другое чувство — ненависть…

Как же нужно ненавидеть Его, чтобы выдавать свою ненависть за неверие!

Вот один писатель выводит аршинными буквами, мол, нет подлости, которую люди не совершили бы во имя Бога, забыв добавить, что точно так же нет подлости, которую не совершили бы во имя безбожия. Фанатизм — это проблема психологии, а не теологии. Вот другой писатель («Знал ведь его фамилию, но забыл», — сокрушенно сказал Лэн) оповещает мир, что Длань Господня бьет только нравственных людей, делая праведников несчастными, а безнравственные, все как один, живут себе припеваючи («Славин, его пунктик», — подсказал я), хотя подбор примеров, показывающих, что у нравственных людей жизнь якобы не складывается, всегда будет тенденциозен, а с другой стороны, найдется ровно столько же примеров того, что злодеи наказаны еще при жизни. И вообще, если праведник чувствует себя несчастным — какой же он праведник?.. Ну да Бог им всем судья. Незаурядные люди, гордость вашей хваленой литературы, дружно выпрыгивают из штанов, чтобы доплюнуть до Неба. Зачем, если НЕ ВЕРЯТ? Если бы не верили, писали бы о Земле. Значит, все-таки верят. В кого?

Ответ: в Плохого Бога… Как это по-человечески — без устали повторять, что ты не веришь в Его существование, но при этом тратить столько фантазии и труда, чтобы доказывать из книги в книгу, какой Он плохой и как ужасен Его промысел. В увлекательной и доступной форме, чтобы тиражи побольше. Популяризация ненависти. Лучше бы они и вправду не верили, не пачкали души нормальным людям…

— Ну ты, брат, загнул, — восхитился я. — Надо бы тебя с нашими старичками познакомить, а то чего я один за всех отдуваюсь.

— С теми, кто состоит в террористической организации «Время учеников»? — сразу спросил он.

— Откуда такая осведомленность? Эта информация совершенно секретна.

— Да просто подслушал, — смутился Лэн. — Случайно. Я ведь коридорный, меня не замечают, когда выползают под утро из лифта, размахивая бутылками, консервами и пластиковыми стаканами. У меня даже не спрашивают разрешения, когда обнаруживают полутемный спортзал и вваливаются туда всей толпой, сначала попытавшись войти в зеркало.

Эх, мужики, мужики, с досадой подумал я, когда же мы перестанем быть свиньями? Ничто нас не

меняет, ни смена эпох, ни старость, ни близость к Учителю…

— Маты они тебе не заблевали?

— А должны были? — удивился он.

— Есть красивая традиция: в первую же ночь заблевать гостиничные маты. Во славу литературы и лично товарища Строгова.

Он не улыбнулся.

— О литературе ваши друзья мало говорили, в основном огорчались, что наша водка в сравнении с кефиром здорово проигрывает.

— Ты, кажется, хотел меня о чем-то попросить, — напомнил я. — Еще в гостинице.

Лэн покраснел, он уже раскаивался, что распустил передо мною свой хвост.

— Мне тоже очень жалко Строгова… и я даже хотел, чтобы вы рассказали ему правду про его учеников. Про их культ Плохого Бога. Я объяснил вам, вы — ему. Строгов ведь и сам…

— Что — сам? — спросил я с интересом. — Проштрафился?

— В психологическом гомеостазисе, который он назвал «Новым человеком», не нашлось места такой важной системе, как Бог, — сказал мальчик, с каждым словом возвращая себе уверенность. — Это большая ошибка, ведь Бог не

где-то наверху или сбоку, а в голове каждого из нас. Участочек мозга, частичка организма. Никто из вас эту ущербность не замечает, вот и плодите калек, думая, что продолжаете традиции великого писателя.

— Вижу, ты хотел бы поучаствовать в спасении умирающего? — Я усмехнулся. — Выдать Строгову пару добрых слов.

— Сначала хотел, — сознался он.

— С тех пор что-то изменилось?

— Ваши друзья не имеют права, — сказал он со злостью.

— Что?

— Делать человеку больно.

— Это иллюзия, будто Строгову можно сделать больно. Строгов перестал чувствовать боль, в том-то и дело. Вот что, дружище, завтра мы отправимся к Дим-Димычу вместе, и ты повторишь старцу все, что мы тут с тобой нагородили.

Мальчик стал совсем пунцовым и вымучил:

— Спасибо, я подумаю.

Так и дошли до места.

Площадь Звезды называлась теперь площадью Красной Звезды.

Всего одно слово добавили, а как все изменилось. Не было ни беснующихся толп, ни

разгоряченных грезогенераторов на крышах, ни сигаретного дыма, стоящего над головами, как туман. Не было никого и ничего, кроме кучки вертолетов с приспущенными лопастями, дремлющими в магическом круге из красного кирпича со вписанной в него звездой. И только где-то неподалеку опять барабанила и горланила Секта Неспящих. Мы вышли со стороны музея Земных культур, известного в Европе своей коллекцией татуировок. Нужный нам дом располагался по другую сторону, прятался в начале одного из лучей-переулков. Вывеска «Семь пещер» не горела, но ее и так было видно. Я рукой остановил Лэна, который навострился было двинуть прямо через площадь.

— Зайдем-ка мы с тыла, — решил я. — А то, боюсь, здесь все простреливается.

Какими-то невообразимыми проулками, подворотнями, арками, тесными двориками, крытыми галереями, проходами вдоль темных каменных изгородей — глухими кривыми окольными тропами меня вновь вывели к свету. Вокруг был исторический центр города. Кварталы, укрывшие нас от возможных соглядатаев, были возведены не просто в прошлом или позапрошлом веке — в ушедшем тысячелетии. Их не так уж много

осталось, этих фрагментов Прошлого, стимулирующих воображение человека Будущего. Здесь жили призраки, они бесцеремонно хватали меня за полы плаща… благородные рыцари, почтенные лавочники и презренные грамотеи, разбойники и монахи, бунтовщики и палачи… и стаи крыс, серых злобных крыс в человеческом обличье… и в эпицентре всего этого морока — Он, Homo Futürus, скованный своей же мудростью, растерявший божественную силу в борьбе с самим собой, и оттого особенно жалкий… воистину, если Господь хочет наказать за гордыню, он лишает не разума, а спасительной глупости, ибо нет худшей муки, чем все понимать… я справился с секундным помешательством. Призраки, готовые вот-вот материализоваться, обиженно вернулись в свои щели.

«Семь пещер» выходили на площадь углом. Дом был трехэтажным и довольно длинным, с фронтонами, пилонами, угловыми башенками и эркерами с куполами. Высший класс эклектики. Современные раздвижные ворота, вписанные в большой красивый портал, располагались ближе к площади, и они, конечно, были закрыты (ага, значит, внутри есть дворик). В некоторых окнах горел свет — хозяева не спали. Мы вышли

к заднему фасаду. Здесь тоже горел свет — в одном-единственном окошке возле двери. Дверь была дубовой, с филенками, венчал ее изящный сандрик на консолях, а еще выше местные мастера установили флюоресцирующее рельефное завершение в виде подсолнечника. Точно такая же эмблема была на заклеенной пачке денег в моем кармане.

— Это штаб-квартира партии Единого Сна, — сказал Лэн вполголоса. — Антикварная фирма находится в том крыле.

Вот так совпадение, подумал я. Мне вдруг остро захотелось нанести кому-нибудь визит. И вообще, очень захотелось кому-нибудь что-нибудь нанести. Впрочем, жить пока тоже хотелось.

— Ну все, малыш, спасибо, — сказал я Лэну. — Иди домой, дальше я сам.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Потом он заговорил, словно бы не слышал моих слов:

— В этом здании общий технический этаж. В смысле — подвал. Я думаю, только так и можно попасть из партийной половины в «Семь пещер».

— Не понимаю, о чем ты, — удивился я.

— Раньше здесь были Салоны Хорошего Настро-

ения, — продолжал он. — Со стороны площади — для женщин, с этой стороны — для мужчин. Еще тогда внутри все перегородили, чтобы клиентки с женской половины на мужскую не бегали, а сейчас, я слышал, антиквары заперлись тут, как в крепости. У них же не только магазин. Галерея, реставрационные мастерские, багетная, даже запасники есть…

Похоже, молодой человек умел читать мысли. Мои — точно умел. Или он не мыслей, а книг моих начитался?

— Дядя Ваня, можно мне с вами? — отчаянным рывком завершил он речь.

Герой…

— Откуда ты столько знаешь? — спросил я.

— Про что? — не понял он. — Про Салоны? Так ведь здесь Вузи когда-то работала. Можно я останусь?

Не вижу, сказал я себе, почему бы двум благородным рыцарям не повеселиться вместе. Побряцать железом, выжечь огнем десяток-другой крыс… Старый дурак! Он же еще мальчишка… Я притянул парня к себе и прошипел, состроив зверскую рожу:

— Не боишься стать плохим?

— Я весь вечер смотрел новости, — серьезно

ответил он. — Мне не нравятся такие новости.

Я его отпустил. Парень был прав: сегодняшние новости касались его больше, чем меня, потому что это был его город и его мир. И был он, безусловно, прав в том, что в антикварные «пещеры» так просто не войдёшь. Фирма, конечно, надежно укреплена, пусть она и организована в городе, где преступники всецело заняты своим здоровьем. Ну что ж, попробуем зайти с «черного» хода.

— Постой пока тут, — приказал я ему. — Если что, беги и зови полицию.

* * *

Дверь оказалась не заперта — в полном соответствии с местными традициями. Похоже, хранители Единого Сна не очень-то опасались незваных гостей, однако я все-таки нажал на кнопку сигнала. Подсолнечник над входом призывно вспыхнул, где-то внутри пропели начальные такты «Марша энтузиастов», а потом из-за двери показалась знакомая лысина.

— Ничего, что поздно? — вежливо начал я. — Вижу, у вас свет горит…

Владислав Кимович Шершень замахал на меня пухлой ручкой:

— Ну что вы, что вы! Какие церемонии?

Он был в домашнем халате с драконами. Человека вытащили из постели.

— Мы тут, понимаете ли, прогуливаемся, — сказал я, изображая легкомысленность и праздность.

— Понимаю, все понимаю, — улыбнулся бывший планетолог, заглянув мне за спину. Он увидел стоящего поодаль Лэна и прошептал. — Какой красивый мальчик. Просто чудо. Ваш друг?

Что он там внутри себя понимал, с удовольствием разглядывая моего спутника, меня совершенно не касалось. Я тихонько, в тон ему ответил:

— Мне рекомендовали сюда обратиться, если возникнут проблемы.

— Конечно, конечно, — сказал Шершень, отступая внутрь. — Милости просим.

Приветливая улыбка гуляла на его губах, как мираж на жарком асфальте. От его радушия хотелось куда-нибудь спрятаться. Он мало изменился с тех пор, как был выпнут под зад из Пространства, даже удивительным образом посвежел, окреп, подтянулся. Старость явно пошла человеку на пользу. Мы прошли мимо комнаты с разобранным диваном («Простите», — сказал Шершень, отчетливо хихикнув) и оказались в кабинете.

Хозяин повернулся, указывая на кресло.

— Присаживайтесь.

Похоже, он был в офисе один, что сильно облегчало дело.

— Вы меня не помните, Владислав Кимович? — спросил я.

— Как же мне вас не помнить, Ваня, — сказал Шершень. — Благодаря вашей книге я сюда приехал. Почитал, почитал, да и понял вдруг, что хоть где-то люди живут по-человечески. Правда, вы-то, наверное, хотели доказать своей книгой обратное…

Еще один благодарный читатель, удивился я. Использовать бы теперь это с толком.

— …Вот и ваш Юрковский думал, что ломает мне жизнь, Владимир ваш Грозный. Зеус ваш. Но, как видите… — Он развел руки. — Где я, а где Юрковский? Царство ему небесное… — Он улыбнулся так сладко, что впору было принимать инсулин. — Я очень польщен вашим визитом. Слышал о вас в новостях, однако свидеться не надеялся. Итак, чем могу?

— Видите ли, я новичок, — признался я. — Не знаю, как вам объяснить…

Хозяин запахнул потуже халат и сказал:

— Да вы не бойтесь, у нас все законно. Я добился

определенных льгот от Национального Банка. Вам напрокат или поменять?

— Что?

Он погрозил мне пальцем.

— Вам и вашему замечательному мальчику нужно много, это же так понятно. Чего тут стесняться? Опытные люди направили вас по верному адресу. Здесь мы, конечно, деньги не храним, но я сейчас же позвоню в нашу круглосуточную кассу… У вас с гостевой картой все в порядке?

— С гостевой картой у меня порядок, — подтвердил я. — Только я, признаться, пока не решил…

— Экие мы нерешительные стали, братья космолетчики. — Он хохотнул. — Не знаете, менять вам валюту или брать деньги напрокат, я угадал? Туристы обычно меняют, особенно русские, потому что это выгоднее, но вам, как старому знакомому, я советую не жадничать. Вы же не тратить их хотите, верно? Ради чего, как говорится, сыр-бор. Местные жители эту тонкость прекрасно понимают, поэтому они никогда не связываются с сомнительным обменом. Только напрокат. Вот хрусташи, например, целыми мешками уносят от нас эти чертовы бумажки — и ничего, все у них получается.

— А что, может не получиться?

Владислав Кимович опустил взгляд. Улыбка его стала жалкой, ненастоящей.

— Парадокс в том, Ваня… Деньги здесь никто не любит. Это ведь грязь, рассадник алчности. Любишь деньги — значит, любишь все, что с ними связано. При таком образе мыслей никаких снов, разумеется, не увидишь. Вы догадались, наверное, что я говорю о себе.

— Вот как? — медленно сказал я. — Не предполагал.

Улыбка его отвердела, закаменела.

— Я не из стыдливых, — сказал он. — Вы должны помнить это по Дионе. Да, я помогаю людям, хотя сам неспособен воспользоваться чудом. Пока неспособен. Но какой кретин, простите за резкость, придумал сделать биокорректор именно из денег?! Да еще с такими ограничителями… Поистине дьявольская насмешка! Итак, что мы решаем?

Бывший планетолог присел на письменный стол и замолчал. Ноги его не доставали до пола. Мышонок, прогрызший себе в этом здании уютную норку. Ссужает деньгами всех желающих, в том числе — соседей. Так что пачка денег, лежавшая в кармане метиса-похитителя, ровным

счетом ничего не значила.

— Я вас хорошо помню, Владислав Кимович, — сказал я. — Потому и пришел, если честно. Прочитал о вас в газете и обрадовался. Вот, думаю, хоть один знакомый отыскался в этом заповеднике тайн. А то все кругом сплошь стыдливые, черт их побери, никто ничего объяснять не хочет.

Шершень слушал, благожелательно кивая.

— А тот мальчик на улице? — спросил он.

— Это коридорный из моей гостиницы.

— Да, правда, нехорошо перед коридорным идиотом выглядеть.

По-моему, он хотел мне подмигнуть, но сдержался. Впрочем, интерес бывшего астронома к красивым мальчикам меня даже не забавлял. Какие только привычки не привозятся из затерянных в космосе обсерваторий, обычное дело.

— Нет, проблема не в нем, — сказал я. — Просто мне как-то… в общем, не верится мне. Как я могу менять деньги, если до сих пор сомневаюсь?

— Когда вы приехали?

— Утром.

— Суток еще не прошло, — удовлетворенно констатировал он. — Хочу сразу успокоить: сомнения вовсе не являются помехой для процесса омоложения, скорее наоборот. Если сомневаетесь

в чем-то, например, в успехе дела, значит не уверены прежде всего в себе. А это, как ни странно, помогает настроить сознание должным образом. Вы обратили внимание, сколько здесь людей, которые молодо выглядят?

— Да уж, — согласился я. — Особенно женщин.

— И вас это не убеждает?

— В чем?

— Боже мой! Ваня! В том, конечно, что омоложение — это реальность. И совсем не обязательно класть деньги под подушку, все мы понимаем, как это… м-м… неуклюже выглядит. Можно оставить их на подносе, а поднос пусть себе лежит на тумбочке в изголовье. Некоторые любят, чтобы было красиво: делают специальные шапочки, склеивают веночки или ожерелья, развешивают денежные гирлянды, некоторые вносят игровой элемент… Главное, Ваня, что эффект сохраняется и после пробуждения, то есть человек не стареет не только во сне, но и долгое время потом. Что мешает вам просто взять и попробовать?

— В ванну с «Девоном» нужно залезать? — уточнил я.

Короткие спазмы смеха потрясли моего собеседника.

— Смешно, — согласился он. — Нет, если се-

рьезно, то некоторые предварительные действия все-таки желательны. Например, можно почитать перед сном что-нибудь возвышающее, значительное. Кому-то поможет настроиться Библия или Коран, кому-то — Манифест коммунистической партии. Говорят, даже Конституция Соединенных Штатов Америки кем-то используется. Редукцио ад абсурдум. Ну, да вам самому виднее, чем замедлить свои обменные процессы.

— А как узнать, получилось или нет? Чего ожидать?

— Вы сразу поймете, когда проснетесь. Будет очень весело, этакая шальная детская радость безо всякой причины. Если же вы ощутите подавленность, разочарование… что ж, значит, пока не готовы. Да и сон, который вам под утро покажут, расставит все по местам.

— Покажут?

— Я сказал «покажут»? — спохватился Шершень. — Оговорился, конечно. Глупые легенды, увы, действуют даже на таких рассудочных людей, как я… Кстати, утреннее разочарование может быть довольно сильным и болезненным. Раз за разом — пустота, пустота, пустота. (Опять он заговорил о себе.) Надеюсь, вам не придется это испытать… Впрочем, через боль и приходит в

конце концов желание измениться.

— Это вы-то не изменились?! — честно изумился я. — Да вас не узнать. Как будто не с вами разговариваю.

Владислав Кимович улыбнулся, легко став прежним. Было совершенно ясно, что этот человек никак не причастен к событиям минувшего дня, и тогда я попросил разрешения позвать моего друга с улицы. Пусть, дескать, и молодежь немножко мудрости на ус намотает. Хозяин оживился. Я кликнул Лэна в форточку. Пока Лэн шел, я задал председателю партии Единого Сна последний вопрос:

— Как от вас попасть в соседний корпус?

Улыбка исчезла.

— У вас будут неприятности, — сипло сказал он.

— У меня давно неприятности, — успокоил я его. — Давайте, показывайте секретные ходы.

— Какие ходы?! — испугался он. — Что за бред?

— А через подвал?

— Что вам нужно, Жилин?

— Мне нужно нанести визит вашим соседям, — терпеливо повторил я. — И я прошу вас о помощи. Как старого знакомого.

Тут и Лэн появился. Шершень посмотрел на но-

вого гостя бешеными глазами и сказал, стараясь сохранить достойный вид:

— Проход в подвале перекрыт.

— В том корпусе есть внутренний дворик?

— Да, — ответил Лэн. — С бассейном и гаражами.

— Сквозь какую щелочку бы в него заглянуть? А, Владислав Кимович?

— Ни сквозь какую! — тоненько закричал он. — У нас — только эта лестница, все окна — на улицу! Что вы хотите от меня?

Я вздохнул.

— Хочу ключи.

— В верхнем ящике стола, — сказал он, дыша с трудом.

Там были две большущие связки. Металлические ключи! Поистине, старомодность этого человека не знала границ.

— Пойду осмотрюсь, — известил я Лэна. — Посторожи здесь, если не трудно. Проследи, чтоб никто никуда не выходил и никто никому не звонил. Главное, не поддавайся на уговоры. Этот человек очень опасен, когда улыбается и говорит приятным голосом.

Лэн кивнул, по своему обыкновению не задавая лишних вопросов. Он изучал любопытным взгля-

дом сникшую фигуру Шершня, гадая, в каких ужасных преступлениях тот замешан. Мне стало жалко их обоих. Владислав Кимович терзал пальцами кисточки от халата. Я сделал всем ручкой и отправился в путь.

Упомянутая лестница нашлась легко. Сначала я спустился в подвал (он же технический этаж), воспользовавшись одним из ключей, подпер массивную дверь каким-то баллоном и быстро разобрался со светом. Подвал был облицован кафелем, мутным от времени. Коридор вывел меня в довольно странное помещение: по стенам тянулись неопрятного вида трубы с растрепанным утеплителем, а в нише размещался здоровенный стальной бак. Многочисленные датчики (манометры, термометры, гигрометры), клапаны, вытяжка, вентили красного и синего цветов. Это была котельная, причем, очень древняя. Наверное, такая же древняя, как и сам дом. Я поискал взглядом контейнеры с углем, поискал совковую лопату… нет, топка здесь питалась газом. Значит, оборудование было все-таки не слишком старым, всего лишь из прошлого века, вовсе не из прошлого тысячелетия. Дом был с нижней разводкой, а эта котельная, надо полагать, обслуживала все здание целиком — централизованно. Примем на

заметку, подумал я. Коридор упирался в тупик, дальше и вправду дороги не было: проход был замурован кирпичом. Я вернулся на лестницу. Штаб-квартира партии Единого Сна занимала все три этажа: второй состоял из зала для заседаний и мини-типографии, на третьем размещались партийная библиотека и партийный спортзал, но ни по одному из этих путей также нельзя было попасть вглубь здания. Солидные, поставленные на века перегородки возбуждали агрессивное любопытство. Это чувство трудно поддавалось контролю. Хотелось патетически воскликнуть вслед за персонажем-идиотом из какой-нибудь идиотской комедии: «Кто так строит?!» Хотелось взять в руки пневматическую базуку… Лестница вознесла меня на самый верх — к армированной двери, закрытой на три замка, в том числе на висячий. Для человека, вооруженного ключами и дерзкой решимостью, это не препятствие. Расправившись с дверью, я попал на чердак, дополз до угловой башенки и вылез через окошко на черепичную крышу. Скат был пологим. Я снял обувь и двинулся дальше. По коньку крыши я добрался до основного корпуса, спустился к краю и заглянул за низкое ограждение, исполненное в виде затейливой чугунной решетки. Там действи-

тельно был дворик. Мелкая сетка, натянутая под самой крышей, прямо под водостоком, защищала внутреннее пространство от вертолетов, птиц и босоногих верхолазов вроде меня. Сетка зловеще поблескивала, отражая полную луну. Впрочем, внутри дворика горел дежурный фонарь, давая мне возможность разглядеть декоративный бассейн, распахнутые ворота гаража, автомобиль, брошенный на газоне. Автомобиль… Это была «волга» цвета морской волны, принадлежащая господину Паниагуа, никаких сомнений.

Чутье не подвело старого пса. Или сейчас уместнее было вспомнить кота? Старого бойцового кота… Я проделал по крыше обратный путь и спустился по лестнице к своим новым друзьям.

— …Зрелые, пожившие люди, милый вы мой, знают две вещи, — мягко говорил Шершень. — Во-первых, каждый человек — это центр Вселенной, во-вторых, каждый человек — это кусок дерьма. И когда мы вспоминаем о так называемой чести, на самом деле мы имеем в виду, насколько глубоко человек может спрятать внутри себя и первое, и второе…

Лэн восседал в председательском кресле, напряженно скрестив на груди руки, и переливался всеми оттенками красного. Очевидно, ему пред-

ложили лучшее в кабинете место, и он счел невежливым отказаться. Шершень сидел перед ним на столе, соблазнительно положив ногу на ногу. Увидев меня, Лэн вскочил.

— Вижу, наш друг ведет себя благоразумно, — кивнул я ему. — Ты только имей в виду, что эти мысли насчет дерьма и чести нахально позаимствованы у одного писателя прошлого века, который пытался выглядеть циником, хоть и был законченным романтиком.

Шершень не обернулся, изображая спиной высшую степень презрения.

…Запустить котел в доисторической котельной — не сложнее, чем фотореактор планетолета, так что работа мне предстояла штатная. Для начала я нашел входной вентиль и наполнил бак водой. Потом продул клапаны. Наконец, выбрал из шеренги баллонов, стоявших в начале подвала, тот, в котором сохранилось некоторое количество газа, и запалил пропановую топку. Котел разогревался хорошо, живенько. Чтобы согреть здание в холодную зиму, хватило бы трех атмосфер, но я нагнал давление до семи и открыл красный вентиль, пустив горячую воду в трубы. Натужный, мучительный стон пронизал дом снизу доверху, в каменном брюхе болезненно заурчало; ничем

хорошим это кончиться не могло.

Я вновь объявился в главном партийном кабинете и сказал товарищу председателю:

— Сейчас к нам придут. Но, может быть, сначала позвонят по телефону. Если они позвонят, вы, Владислав Кимович, ответите на звонок. Они спросят, какого черта здесь происходит, и вы сообщите, что сюда ворвалась группа сумасшедших бодрецов, которые закрылись в котельной и не желают уходить.

— Послушайте, Жилин, — сказал Шершень, с сожалением прервав свое занятие (он уже стоял за спиной Лэна и массировал юноше голову). — Вы очень непорядочный человек, Жилин.

— Послушайте, Шершень, — сказал я ему. — Все присутствующие вас отлично понимают, Шершень. Когда будете говорить по телефону, не нужно держать себя в руках и скрывать переполняющие вас чувства. Думаю, получится убедительно. Вы извинитесь и заверите, что немедленно, сию же секунду вызываете полицию.

— Я в самом деле вызову полицию, — пообещал Шершень сварливо. — Когда и если мне будет позволено… — Он непроизвольно взглянул на макушку Лэна.

— Полицию вызову я сам, — объявил я. — А вы, Владислав Кимович, не забудьте упомянуть о ней в телефонном разговоре. Уж постарайтесь. И когда-нибудь в вашу честь назовут планету. Планета Владислава, нравится? Надеюсь, этой чести вы удостоитесь не посмертно.

Круглое лицо председателя превратилось в сильно вытянутый овал. Временами у меня получается придавать словам вескость. В такие моменты люди думают, что я способен на все. Это не так, но репутацию не выбирают.

— Ты часто бывал в Салонах Хорошего Настроения? — спросил я Лэна.

— Вас проводить? — с явным облегчением встал он со стула. Поразительно догадливый молодой человек, редкое свойство. Ему бы на психолога пойти учиться, а он мечтает в земле ковыряться.

— Нет. Скажи мне лучше, где у них может быть пульт управления охранной системой? Подумай, не торопись.

— Там же, где запасники, — сказал он.

— Это где?

— В подвале.

Неожиданно вокруг запели птички. Это ожил телефон, сигнализируя, что кто-то хочет пообщаться. Как я и предполагал, хозяева «Семи пе-

щер» решили выйти на связь, прежде чем мчаться самолично, и Шершень не подкачал, исполнил свою партию без капризов. Вероятно, бывшего астронома вдохновила моя рука, которую я возложил на его дрябловатую шею. Увы, лучшее, что мне удается в жизни, это пугать людей. Громкая связь по моему повелению был оставлена, так что мы с Лэном незримо присутствовали в разговоре. Выяснилось, что в антикварной фирме рванула труба на третьем этаже, а также невесть каким образом сохранившийся радиатор на втором. Я был абсолютно прав, когда прописал ни в чем не повинному дому горячую клизму. Система, не продувавшаяся несколько десятков лет и забитая воздушными пробками, не могла не рвануть. («А у нас? — искренне забеспокоился Шершень. — У нас нигде не протекло?») Прав я оказался и в том, что слово «полиция» наилучшим образом подстегнуло желание соседей вмешаться.

— Зачем нам копы, Владислав? — спросил голос со странным акцентом, отчетливо забеспокоившись. — Зачем нам с вами такая реклама? Образумим бодрецов сами, охрана уже бежит к вам…

Мне бежать было необязательно, достаточно было занять позицию и подождать.

Охранники ворвались без звонка, азартно и зло. Они думали, ночные хулиганы — это игрушки для настоящих мужчин. Не завидую людям, которым приходится так разочаровываться. Встретив гостей, я аккуратно положил их на паркетный пол — прямо тут же, в коридорчике. Шершень выглянул и вскрикнул. Лэн по обыкновению молчал, лицо его было непроницаемо. Что творилось в юной душе атлета, я не знал, но очень бы не хотелось, чтобы ему понравился мой стиль поведения. Надеюсь, героический образ дяди Вани несколько поблек после увиденного. Откровенно говоря, мне было стыдно перед парнем… Я связал охранников при помощи их же галстуков, потом быстро обыскал бесчувственные тела. Разрядники в кобурах и магнитные ключи. И то, и другое могло пригодиться. Я сказал Лэну, пряча чужое добро в своих карманах: придется тебе, дружок, теперь приглядывать еще и за этими молодцами. Радиофоны, висевшие у них на поясе, я снял и стукнул друг о друга — как пасхальные яйца. Лопнули оба. Но прежде чем уйти, я наведался в спальню Шершня. Ночного колпака там не нашлось, зато была наволочка — ее я и надел на голову. За неимением лучшего сойдет. Чем глупее вид, тем меньше глупых вопросов. Прихватил

также кофейник с тумбочки, вылив содержимое в большой горшок с неким забавным растением. Плоды у растения были кругленькие, толстенькие, ровненькие — как перламутровые монетки. Лунарий — таково научное название, а в народе — просто «денежка». Чертовски символично. Эта же диковина, помнится, росла в саду у Стаса… однако для воспоминаний не было времени.

Я вышел в ночь. Я побрел, качаясь, по ночной улице — вдоль стены дома; я завопил во все горло:

— Сном забыться! Это ли не цель желанная? Уснуть и видеть сны! И знать, что этим обрываешь цепь…

Охранник, стоявший у приоткрытых ворот, смотрел на меня с нехорошей ухмылкой. Наверно, готовился поучить бодреца, отставшего от стаи, хорошим манерам. Я заколотил в камень кофейником, продолжая надсаживать голос:

— Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?

Охранник ждал, предвкушая. Не знаю, понравился ли ему импульс, пущенный из разрядника. Напишет об этом потом в своих мемуарах. Я втащил тело в ворота, забрав себе фонарик, наручники и магнитный ключ. Дворик был пуст, но

это ничего не значило: меня наверняка уже увидели в пультовой, и теперь все зависело от того, сколько у них тут людей. Впрочем, людей ли? В древних развалинах прятались обезьяны, хитрые и подлые твари, предпочитающие стрелять жертвам в спину. Что они могли сделать забредшему на их территорию леопарду? Я вдруг ощутил себя огромным неукротимым котом; я обожал котов, как и Строгов. Причем здесь Строгов? Мастер так и не узнал, что преданный ему зверь целый день выписывал круги вокруг его дома…

Первый этаж был темен и пуст, обошлось без сюрпризов. Я попал в магазин через служебный вход (главный был с площади), и сразу — в букинистический зал. Ужасно хотелось здесь задержаться, но я двинулся дальше, помогая себе фонариком, а дальше была живопись, графика, скульптура, а потом — зал с мебелью, люстрами, подсвечниками, было невероятное количество всевозможных часов: напольных, настенных, настольных, каминных, каретных, карманных, наручных, они вразнобой тикали и скрипели, и вдруг по очереди забили четверть часа, заглушив этим звуком все, в том числе мои шаги, дав мне отличную возможность совершить последний рывок к свету.

Свет горел на лестнице. Путь вперед упирался в закрытую наглухо дверь ювелирного зала, о чем сообщала строгого вида табличка. Вход этот, судя по всему, находился под спецохраной, независимой от местной службы. Ступеньки шли как вверх, так и вниз; и снизу, с технического этажа, спешили мне навстречу полуголые приматы в пятнистых, наспех надетых бронежилетах. Шерсть на их мускулистых лапах отливала металлом. Из-за боя часов они не слышали, как я подкрался, только успели заметить мои горящие в темноте глаза. Их было трое, они метнулись к стенам и присели, отработанно вскинув стволы, но я был уже рядом. Пятнистые обезьяны оказались неповоротливы, кто они против матерого хищника! Я стремительно скользнул сквозь застывшие секунды, оставив позади рефлекторно выгибающиеся тела, и бросил на пол полностью опустошенные разрядники. Лишь один из трех бойцов сумел выстрелить, ему больше всех и досталось. Вперед! Вернее, вниз — в подвал. Невзрачная, неприметная дверь в пультовую была, конечно, на запоре. Перебрав трофейные ключи, я нашел нужный: реле сработало, дверь отъехала. Внутри было еще одно существо — некто с перебинтованной головой и нашлепками био-

пластыря по всему лицу.

— ¡Acuestate! — крикнуло оно по-испански, и само же перевело: — Ложись!

Пистолет системы Комова был направлен мне в грудь. Я узнал этого убогого стрелка, ведь кто как не я покалечил его час назад бутылью с капо. Оказывается, метис владел и привычными слуху языками. И был он в местной компании отнюдь не рядовым. Горе-боец, естественно, тоже узнал меня, то есть оружие в его руках вряд ли предназначалось для стрельбы, слишком уж ценной я был дичью. В таком случае предлагать мне лечь было ошибкой. Комната маленькая, а я большой, к тому же рефлексы у раненого не те, что у здорового. Я принялся послушно опускаться на пол, но время вновь замедлило свой ход, и через полсекунды лечь пришлось не мне. «Комов» тяжело брякнул о пластиковый плафон. Человек упал нехорошо, стукнувшись спиной об угол пульта.

— Ты все равно не получишь Холом Ахпу! — прохрипел он, пытаясь перевернуться на живот, и я, приковывая несчастного наручниками к стеллажу, как мог его успокоил:

— Сиу тан, дружок, сиу тан…

Система охраны у них была стандартной. На экранах был виден практически каждый уголок

здания. Пострадавшие валялись там, где я их бросил — один во дворике, другие на лестнице, — не скоро они должны были выйти из шока, по себе знаю. На втором этаже, в переходе между аукционным залом и художественной галереей, кто-то мужественно сражался с растекшейся по полу водой (место, где прорвало трубу, все было в пару). Какой же ты, Жилин, варвар, подумал я с отвращением. Третий этаж занимали административные офисы… вот там Феликс Паниагуа и обнаружился.

Ощущение пойманной за хвост удачи наполнило кулаки воздушной легкостью.

В комнате было темно, система давала изображение в инфракрасном свете. Я подключил звук. Этнограф ходил вокруг овального стола, раздраженно задевая стулья, и разговаривал с кем-то по телефону, а товарищ его неподвижно глядел в окно, на площадь Красной Звезды. Эта вторая личность также была мне знакома: чернокожий красавец, принимавший участие в моем похищении.

— Son necesarios tres micraviones, — торопливо говорил Паниагуа. — Enviadlos al tejado. ¡Caramba!

¡Sin pilotos ciertamente![6]

Я уточнил координаты: это помещение именовалось «комнатой Комиссии» — лети и клюй зернышки раскрытых тайн. Слушать, что бандиты еще скажут, было некогда, хоть и в высшей степени любопытно. Я вскрыл распределительный щит. Дон Феликс успел воскликнуть:

— ¡Demonios! Si Miguel porsimismo no sabe como ellos habian encontrado esta tienda...[7] — после чего были вынуты все предохранители.

Система умерла. Я поднял упавший пистолет и расстрелял гнезда предохранителей, затем, как водится, раздавил радиофон, лишая пленника последних надежд связаться со своим боссом. «Комов» — страшная штука, мощная (как и мой каблук): и от щита, и от радиофона мало что осталось.

— Добей меня, — застонал прикованный к стеллажу фанатик, сверкая нездоровыми глазами.

— Поживи, chiquillo[8], — попросил я его, — мо-

---

[6] Примечания: 6

Нужно три микролета. Пришлите их на крышу. Черт возьми! Без пилотов, конечно! (исп.)

[7] Примечания: 7

Проклятье! Если сам Мигель не знает, как они нашли этот магазин... (исп.)

[8] Примечания: 8

малыш (исп.)

жет, еще повзрослеешь. И забери свой суррогат, такие источники вдохновения мне не требуются.

Я бросил трофейный порнокристалл на пол, поближе к его лицу.

— Это совсем не то, что вы подумали! — трогательно обиделся он.

Да уж, малыш, и вправду можно было не возвращать тебе этот шедевр, учитывая, что я заметил на полке «Жертвенный оргазм — 2» и «Фем*И*ну Негодяеву». Что ж, запас карман не тянет…

Мигель, думал я, взлетая вверх по лестнице. Знакомое имя. Мигель — это, знаете ли, факт. Ваша причастность к убийству в гостинице, господа антиквары, приобретает вполне современный дизайн… А вот меня вы с перепугу приняли за кого-то другого: за того, кто способен окружить дом, от кого нужно спасаться на микролетах. Меня приняли за того, чье присутствие в этом мире обозначается жутковатым словом «они». Веселая история. С другой стороны, впервые за мою насыщенную приключениями жизнь враждебные силы не имеют права стрелять в меня на поражение. Работать при таком раскладе как-то непривычно, хоть и очень удобно, чего уж там. Если оглянуться назад и трезво оценить сегодняшний день, то станет ясно, что соперни-

ки, каждый из которых был отнюдь не плох, с легкостью повергались писателем Жилиным по одной простой причине — руки их были скованы приказом. Вот и получается, что лучший способ выполнить тайную миссию, которой у меня нет — это идти напролом, ни от кого не прячась… Я обнаружил перед глазами рельефную табличку «комната Комиссии», выключил фонарь и тихонько потянул дверь на себя.

Автоматически зажегся свет.

— Это вы? — невольно вырвалось у дона Феликса. Он был потрясен. Он выдал себя с головой.

— Это я. А это «Комов». — Я направлял пистолет на второго, на чернокожего. — Объясните вашему коллеге, что нет ни одной причины, которая помешала бы мне спустить курок. (Тот замер на полусогнутых, хищно оскалившись и взявшись рукой за брючный ремень). И еще скажите ему, чтобы сбросил на пол то, что у него на брюхе спрятано.

— Делай, — скомандовал Паниагуа.

Бандаж был расстегнут, проводки от устройства наведения выдраны, и разрядник упал к ногам гангстера. Я поднял брови. Разрядник был не простым, а квантовым.

— Теперь хорошо бы пристегнуться к этой шту-

ке. — Я показал на стойку, на которой размещался комплекс аналитических весов, и перебросил черному брату наручники.

Стойка была жестко прикреплена к полу. Надежное место для долгой стоянки. Гангстер, поглядывая на босса, принялся неохотно исполнять и это пожелание.

— Не к верхней, а к нижней, — подсказал я.

Он присел на корточки.

— А вы, — кивнул я гватемальцу, — опорожняйте содержимое ваших карманов. И поживее.

Господин Паниагуа поморщился, однако принял к исполнению. На краю роскошного овального стола (резного, дубового) возник образцово-показательный набор предметов: расческа, электронный блокнот, сигареты, фирменные спички с надписью «Семь пещер», бумажник… Блокнот и бумажник изучим позже, подумал я, будет еще время… А это что? Два кристалла. Я присмотрелся и едва не расхохотался.

— Ах, вот какие материалы хранились в вашей хваленой кристаллотеке, — сказал я. — Кто-то, я слышал, жалел, что она сгорела вместе с «шаровой молнией». И чего было жалеть?

— Я ученый, — ответил дон Феликс с достоинством. — Я изучаю поведение животного,

называемого человеком, во всем многообразии естественных проявлений.

— Кто же спорит, — согласился я. — Бросьте-ка мне их на секунду.

Опять это были кинокомиксы, отмеченные знаком Венеры и Марса! Казалось бы, красиво, поэтично — символы, обозначающие женское и мужское начало. А на самом деле — клеймо законченной дряни. Только для взрослых, да еще не для всяких взрослых. Они тут что, в этой их секте, подвинулись на похабщине? И опять наклейки содержали надписи на русском: один кристалл назывался «Лоно — с планету Земля», второй: «Постельные кредиты». Изготовитель комиксов — все то же неведомое «Масс-турбо»... Смешно. Одного порнокристалла, значит, почтенному этнографу было мало, он держал при себе сразу два: в нагрудном кармане, поближе к сердцу, плюс в кармане штанов, поближе к... Я вернул их хозяину, ни на миг не теряя контроля над комнатой.

— Складывайте все обратно, — приказал я. — Обыск закончен.

— Вы на самом деле русский? — спросил гватемалец, рассматривая мое лицо со странным интересом (надо полагать, этнографическим).

— Да знаю, знаю, — сказал я, — что русских

мужчин вы не обижаете, только испанских женщин. Прошу вас на выход, пожалуйста. — Я отошел подальше от двери, давая ему дорогу.

— О чем вы? — Он не двинулся с места.

Я почувствовал, как оставляет меня напряжение, уступая место ярости.

— О чем? Сеньорита Вардас была испанкой, за что и поплатилась жизнью.

— Мы не знакомы ни с какой сеньоритой Вардас, — холодно ответил Паниагуа.

— А ваш коллега Мигель Ангуло?

Он сделал шаг. Его смуглая физиономия стала сизой.

— Мы хотим понять, — глухо произнес он, — по какому принципу вы были избраны. Точнее, кто вас избрал — тот, кто подарил нам Холом-Ахпу, или тот, кто украл у нас Холом-Ахпу. Вор был русским по национальности. Вы знаете, о ком мы говорим. Потому мы и спросили, русский ли вы.

— Не надо ко мне приближаться, — попросил я его, не теряя из виду прикованного к стойке господина. — Лучше к двери. Вам же указали на дверь.

— Мы рады, что вы пришли, — сказал он, медленно перемещаясь к двери.

— Мне передали приглашение, и я пришел.

— Кто передал?

— Тот из ваших коллег, которому алкоголь в голову ударил. Вместе с бутылкой.

Гватемалец приостановился. Приплюснутое его лицо словно форму изменило, вытянувшись по оси ординат.

— Имя этого юноши Куих, — с торжественной укоризной сказал он. — Куих — это Солнце. Закончив земной путь, владыка Хун-Ахпу стал солнцем, так и Куих когда-нибудь примет имя Хун-Ахпу. Наш праздник еще будет. А вам мы ответим так: оскорблять человека, который добровольно вызвался принять имя бога, недостойно воина.

— Ах, вот почему этому богочеловеку было поручено стрелять мне снотворным в спину, — понял я.

Дон Феликс прикрыл глаза и шумно вдохнул.

— Мы объясним вам, какая участь ожидает храбреца, который принимает имя бога.. Сильные руки поднимут его, юного и совершенного, покрытого благородными красками, к вершине пирамиды и уложат на черный алтарь, и будет много песен, много радости, а потом нефритовое лезвие рассечет грудь живого бога, любящие руки накома вынут теплое сердце и поднесут его палящему солнцу, а потом братья бережно спустят

бесценное тело вниз по ступеням и снимут с него кожу, а потом бог воскреснет, когда чилан, облачившись в теплую кожу, исполнит священный танец… — Он неспешно дошел до двери и оборотился ко мне. — Говорю вам, праздник вернется.

Я мысленно присвистнул. Надо же, подумал я, вот и еще желающие красиво умереть.

— Наком — это кто?

— Наком стоит перед вами.

Поверить ему хотя бы на секунду — было чистым безумием.

— И когда вы любовно зарежете брата Куиха? — полюбопытствовал я, приблизившись к собеседнику.

— Повелитель обнимет его не раньше, чем Холом-Ахпу займет свое место на ложе. То самое место, где святыня отдыхала пять веков подряд, — сказал этнограф и прыгнул на меня.

Он все сделал, как я ожидал. Он ведь не зря столько слов потратил, заговаривая мне зубы. Я был готов и встретил его, как родного: нырнул под взметнувшуюся руку и обхватил неуклюжую тушу за шею. Паниагуа был очень сильным мужчиной, но я его удержал, пока выстреливал ему в яремную вену содержимое вакцинатора. Настало время для трофеев, захваченных в схватке с

«богоподобным Куихом»! Вакцинатор содержал лошадиную дозу «слонобоя», поэтому удерживать гватемальца долго не пришлось: он сполз на пол, бессмысленно облизывая мясистые губы. В нем было много радости, а вокруг было много пения (это чернокожий пес рычал и рвался хозяину на помощь, но браслеты были крепче звериной преданности). Я усадил дона Феликса спиной к стене и вытащил из коробочки психоволновую «отвертку». Наушники я вставил ему в уши, а цифро-буквенный код, тисненый на внутренней стороне крышки, набрал на пультике.

— Спокойной ночи, приятного сна, желаем вам видеть козла и осла, — пробормотал я, настраивая стимулятор. — Осла до полночи, козла до утра, спокойной вам ночи, приятного сна…

Бес вошел в мозг пациента, распрямляя капризные извилины. Допрашивать пленного здесь было нельзя, поэтому я скомандовал:

— Встань, наком! Беги за мной и не отставай!

Глава одиннадцатая

Пустышка.

Промах.

Пустышка.

Ноль…

Это было чистым безумием — принять услышанное всерьез.

Когда боги уже создали из маиса нового человека, утопив предыдущее свое творение в водах всеобщего потопа, а храбрый Гагавиц уже добыл огонь, похитив его из вулкана Гагшануль, когда Одноногий Громовник еще не прогнал Пернатого Змея из благословенного города Теотиуакан, а люди еще жили все вместе и говорили на одном языке, тогда и спустился с неба Тот, С Двумя Зубами, С Перьями Вместо Волос. Кожа у небесного гостя была из каучука, глаза — из твердой воды, сандалии — из жидкого огня, а сам он светился но ночам.. Он не носил курток и масок из человеческой кожи, поэтому другие боги не смогли его уважать. Зато люди его полюбили, потому что Тот, С Двумя Зубами, С Перьями Вместо Волос принес на землю новое Солнце. Это было

Солнце Точки, которое управляло предыдущими эпохами и Солнцами. Спущенная с неба святыня сверкала, как звезда, и сила ее была безмерна. Но другие боги не испугались: послали птичку кецаль, и та во сне выщипала перья из головы могучего хранителя. Он ослеп и оглох. Боги послали змею канти, та подползла к их сопернику со спины и прокусила каучуковую кожу, после чего он заболел. Койот и ягуар, воспользовавшись его беспомощностью, вырвали оба чудесных зуба, и небесный властелин превратился в чами, простого смертного. И тогда он вернул Солнце Точки обратно в небо, чтобы никому ее сила не досталась. Перед смертью Тот, С Двумя Зубами, С Перьями Вместо Волос (люди уже звали его «аном винак», совершенный человек) приказал: прежде чем совершить обряд погребения, нужно будет извлечь из его тела череп, а затем хранить сию шкатулку в тайне и покое — до тех пор, пока следующая эпоха не сменит нынешнюю. Все было исполнено. Череп приготовили надлежащим образом, инкрустировали драгоценными нефритом и кувалем, голубой бирюзой и перламутром, и оставили храниться в Семи Пещерах, общей прародине всех рас и народов. Реликвия получила имя Холом-Ахпу, Владыка Череп. Она светилась в

темноте, как и Тот, из которого ее извлекли…

Я слушал этот бред и старался не смеяться, потому что смеяться пришлось бы до слез. Самое странное было не в том, что Паниагуа пересказывал мифы и хроники, словно пиктографический свиток читал с кафедры своего Индеанистского института. И не в том, что сюжеты его, по-моему, представляли собой дичайшую смесь имен и событий, собранных из мифов разных народов Центральной Америки. Удивляло другое. Он полагал, что это не мифы были, а строгое изложение исторических фактов, то есть так оно все в далеком прошлом и случилось.

Не выполнили люди приказ безымянного бога, взяли Холом-Ахпу с собой, и возник из ничего город Чичен-Ица, чудо из чудес. И много лет спустя Моктекусома Первый, великий вождь племени ацтеков, в первый же год своего правления приказал выкрасть реликвию, а шпионы его, посланные под видом торговцев, выполнили поставленную задачу. И стало ацтекское государство расти, как на дрожжах, стремительно превратившись в Империю, и был Владыка Череп ее секретнейшим талисманом. Когда наступало время очередного похода, великий вождь брал талисман с собой, и непременно побеждал, очень

быстро покорив всех соседей, затем и соседей соседей, и сменившие его другие вожди — Ашаякатль, Ауисотль, — с фантастическим успехом продолжили завоевания… Расплата пришла в виде жестоких и коварных испанцев. Святыня к тому времени почти не светилась, уже потеряла магическую силу, так что Империя с легкостью пала и была разграблена. Правил в то время Моктекусома Второй. Хоть его и убили свои же вожди кланов за подчинение требованиям кровавого Эрнана, он успел отослать Владыку Череп с группой самых доверенных воинов обратно — на землю народа киче. Отряду, спасающему реликвию, удалось выполнить задачу. И не потому ли столица киче, великолепный Гумаркаах, так долго оставалась неприступной для рыжего дьявола Педро де Альварадо, что остатки небесного света охраняли этот город от нашествия? Лишь когда совсем уже потухший Холом-Ахпу решили переправить в более надежное место, крепость пала… Владыка Череп успокоился возле мифической, якобы несуществующей горы Хакавиц-Чипаль, что расположена к северу от земли Рабиналь, где-то возле реки Чишой, главного притока Усумасинты. Только посвященные могут найти в сельве это место. Возле стелы под названием

Э стоит брошенная Пирамида Маиса, а позади храма есть жертвенный колодец. Вот туда-то, в колодец, воины и опустили святыню, после чего принесли сами себя в жертву. Пять христианских веков Холом-Ахпу был спрятан от жадных людских рук, но все оказалось напрасно…

Притвориться Паниагуа не мог, даже если б захотел. Безумец? Не многовато ли безумцев для процветающего курорта? Я допрашивал его на ходу. Мы брели по ночному городу и мило беседовали, так это выглядело со стороны: ничем не примечательная, припозднившаяся компания. Я с Паниагуа впереди, а деликатный Лэн чуть приотстал. Парень до сих пор сохранял ко мне дружеские чувства, но заслужил ли я эту честь?..

Я не специалист, конечно, но кое-что знал. Быстрота, с которой в середине пятнадцатого века возникла империя ацтеков, в самом деле не имела аналогов в истории, а ее невероятное могущество и вправду не объяснишь одной только государственной смекалкой вождей. Но причем здесь… кхе-кхе… чей-то там череп? Смешно, товарищи. А может, не смешно. Упомянутый Моктекусома Первый был тем самым ацтекским вождем, чье имя писатель Хаггард бессовестно исковеркал в своем романе «Дочь Монтесумы»

— опять же не смешно. На что я тратил ночь? Слыхали мы и про рыжего конквистадора Педро де Альварадо, которого за внешний вид прозвали ацтекским словом Тонатиу, то есть Солнцем. Совпадение? Судя по делам его, это был негодяй не меньшего калибра, чем сам Эрнан Кортес, но причем здесь он?

Ни при чем, конечно, объяснил Паниагуа. Легенда, будто реликвия была захвачена людьми Альварадо, отправлена в метрополию и затонула по пути — для отвода глаз придумана, для простоты общения с властями. На самом деле подводные работы велись совсем с другой целью: боевые пловцы утюжили дно бухты в поисках парня по имени Extraño. Кого-кого? Extraño, то есть Странника. Этот вор, вполне вероятно, прятался именно на дне, а то даже жилище там себе устроил, ведь, как известно, он мог долгое время обходиться без воздуха — Владыка Череп дал ему такую силу…

Пять веков спал Холом-Ахпу во чреве священного колодца, но все напрасно! В сельву явился вор. Обстоятельства похищения говорят о том, что частица небесной силы у Странника уже была, иначе не пройти бы ему все ловушки, не выбраться живым на поверхность. Долго потом

жрецы-хранители искали его, пока не нашли здесь, в этом раю. Так кто он на самом деле — вор или посланник? Понять бы это, неожиданно возбудился этнограф. Мигель сказал, что на маленьком, абсолютно никому не нужном астероиде нашли Солнце Точки, а значит — новая эпоха наступила. Но если Солнце Точки опять спустилось на Землю, тогда… Тогда пришло время бить в гулкие победные туны и пить пьянящий батидо! Напитать исстрадавшиеся тела хмельным октли! Закончить половое воздержание, длившееся столько лет! И пусть герои, добровольно принявшие имена богов, вознесутся по лестницам храмов и отдадут свои тела ласкам жертвенных топоров…

Чтобы снять приступ неконтролируемого возбуждения, пришлось прекратить стимуляцию. «Бес» в ушах пациента переключился в нейтральный режим, процедура закончилась. «Закончить половое воздержание!..» — звучал и звучал у меня в ушах истеричный всхлип, не позволяя настроиться на серьезный лад. Вот, значит, чем объяснялся интерес этих чудаков к проблематике Венеры и Марса… И все-таки. Стоила ли добытая информация тех приключений, которые я сам себе организовал?

Не было никакой охоты копаться в словесном мусоре, вытащенном из головы безумца. Однако две крупицы смысла, несмотря на общую неудачу, нашлись-таки в нем; загибаем пальцы…

Мигель.

Именно от своего лучшего друга Мигеля Ангуло фанатики узнали о готовящейся на вокзальной площади встрече писателя Жилина, и сами тоже подготовились по полной программе, включающей Z-локатор на побережье и передвижную «шаровую молнию». Иначе говоря, полковник Ангуло был осведомлен о планах тех бесцеремонных ребят, которые прятались под литерой «L», вот почему искатели священного черепа смогли их переиграть. Какая существует связь между крупным офицером из службы антиволнового контроля и мифическими «Light Forces»? Почему-то полковник Ангуло был уверен, что некто Extraño, он же Странник, обязательно появится на площади. («Кто такой, этот ваш Мигель?» — все цеплялся я к пациенту, а тот не уставал повторять с разными оттенками почтения: «Он наш ангел, наш добрый ангел». Да уж, Ангуло — это ангел, хотя бы лингвистически.)

Далее. «Новый Теотиуакан» подвергся нападению по той простой причине, что отбитую у

десантников добычу спрятали именно в этом культурном центре. Из упавшего в бухту «Альбатроса» вытащили живехонького Странника и доставили прямиком в тамошний спецподвал… («Зачем вы держали его на цепи?» — спросил я негодяя. «Чтобы сквозь стену не удрал», — был вполне серьезный ответ. «Вы пытали этого человека?» — спросил я затем. Паниагуа в ответ хрипло хохотнул: «Человека? Психотропные средства на него не действуют, психоволновая техника тоже. Боли он не чувствует, на вопросы не отвечает. И сдохнуть не может. Человека!» «Все это вы, конечно, выяснили опытным путем», — сказал я, радуясь собственной сообразительности; и чуть не сорвался, дурак, чуть не наделал глупостей…) Чем закончилась интрига с похищением? Известно, чем: подъехал к культурному центру обычный с виду автобус, и «Новый Теотиуакан» перестал существовать. Кто вытащил Странника из их подвала, кто стоял за этой акцией? Латиносы понятия не имели. После самосожжения остатки их боевого отряда были в значительной степени дезорганизованы, однако до этого мне не было никакого дела.

Грязные игры. Параноидальная одержимость сектантов, кем-то хорошо оболваненных… Не

интересовало меня все это. За что вы убили Кони Вардас, бесноватые господа? — вот что было сегодня главным. Вот что заставило меня совершить безрассудный набег на антикварную фирму! Дух убиенной цветочницы неотступно следовал за мной, заглядывал мне в лицо — и молчал, молчал, молчал… Нет, не знал Паниагуа о существовании Кони Вардас, пальцем ее не трогал и никаких приказов насчет нее не отдавал. Не имел он также понятия о том, с кем его ангел Мигель шептался в гостиничной оранжерее. А ведь ответ на этот вопрос имел бы решающее значение… Паниагуа даже не подозревал, что кто-то еще, кроме него, за Жилиным подглядывал! Это в рамки здравого смысла вообще не укладывалось. Короче говоря, мотив убийства отсутствовал. Да, наш с цветочницей разговор был подслушан, но какой поворот в этом разговоре подвигнул длинноухих на крайности? И какое новое безумство мне теперь совершить, чтобы выяснить правду?

Допрос закончился, и пациент заснул. Обычная реакция, когда «отвертку» выключают. Видел ли он при этом цветные сны, показывают ли фанатикам сны? Ау, Шершень! Исчез Шершень… (Владислав Кимович сбежал, попросив Лэна отключить в котельной горячую воду. Сильно

же коротышка перепугался…) Прежде чем удалиться, я уложил спящего на одну из скамеек, в обилии расставленных вдоль аллеи. До нужного нам места мы не дошли буквально пары сотен метров. Я, собственно, вел сеньора Паниагуа в полицейское Управление — вон оно, сверкало подсвеченным фасадом прямо по курсу. Прожектора были разных цветов, и фасад поэтому был разноцветным. Диктофон я сунул террористу в карман, надеясь, что кому-то кроме меня хватит терпения послушать его рассказы. Затем я дал инструкции Лэну. Спрячься за кустами, да подальше, подальше! Но так, чтобы держать этого поганца в поле своего зрения. Во избежание неожиданностей. За этим человеком, сказал я Лэну, очень скоро прибегут люди в форменных панамах, и как только это случится, ты, ни в коем случае не показываясь им на глаза, беги домой. Домой, сказал я, ты хорошо понял?

Только потом нашел уличный телефон и соединился с полицией.

Глава двенадцатая

Приветственная надпись на отеле в очередной раз обновилась. Приятный вечер закончился безвозвратно, теперь горело слово: «НОЧЬ». Просто — ночь, без лишних эпитетов. «И только ночь ему подруга, и только нож ему господь…» Спокойно пересечь холл мне не позволили: лифт спустился с небес, едва я появился в дверях, и чавкнули створки, вываливая наружу Марию Ведовато. Странным зигзагом мой бывший шеф двинул ко мне, целенаправленно смыкая наши траектории. Галстук торчал у него из кармана брюк, белая шелковая рубашка, расстегнутая до пупа, хранила отчетливые следы падения, а по пятнам на его одежде можно было составить примерное представление о том, что высокопоставленные сотрудники Службы контроля едят на ужин. Все это было так странно, что я остановился.

— Жилин, я тебя любил, — произнес Мария и закашлялся. — Как сына.

Удушливая волна ударила мне в нос. Мария был пьян. Он был пьян до непотребства, я никогда его таким не видел, а я всяким его видел: голым,

небритым и даже без очков.

Вот и сейчас он сжимал очки в левой руке, нелепо взмахивая ими, как эквилибрист противовесом.

— Да, я мерзок! — объявил Мария с вызовом. — Зато ты, Жилин, страшен. Это комплимент, детка.

— Что стряслось? — спросил я по возможности терпеливо. И прибавил мысленно: «Папа…»

— Я знаю, ты с ней уже встречался. Ты приехал сюда из-за нее, правда? Не надо лгать, детка, лучше помолчи. Я тебе кое-что расскажу про эту красотку…

Он все пытался посмотреть мне в глаза, но каждый раз промахивался. Взгляд его неудержимо тянуло к земле.

— В четырнадцать лет она победила на школьной олимпиаде по космогации, заняла первое место на Аппенинах. Добилась права поехать в Москву, на европейский сбор. Но сначала нужно было пройти медкомиссию, иначе ее не включили бы в команду. И тут выяснилось, что четырнадцатилетняя девочка беременна…

Мария снова закашлялся. Только это был не кашель. Вот этого мне как раз и не хватало, озабоченно подумал я, озираясь. Что делать, если

ему срочно приспичит опорожнить желудок? Где тут ближайшая опорожниловка? И как, черт его побери, он умудрился так назюзюкаться, если весь алкоголь в здешних барах — ненастоящий, бутафорский? У него что, тоже нашлись друзья из интелей? Мария совладал с собой.

— Девочка была беременна, Жилин, — с горечью сказал он. — Олимпиада сорвалась, но я о другом. Мать у нее к тому времени померла, а отец у нее был дурак, настоящий старый дурак, вот в чем суть. Я ненавижу его, Жилин, если б ты знал, как я его ненавижу… Чтобы избежать позора, отец устроил своей малышке тайные роды. Некоторое время мальчик рос у чужих людей, но очень недолго, потому что в итоге этот старый болван отправил внука в Аньюдинский детский комплекс, как можно дальше от собственной матери… Ты хоть что-нибудь понял, Жилин?

— Кто отец ребенка? — спросил я, стараясь дышать в сторону.

— Девчонка не призналась. Не о том ты спрашиваешь, деточка.

— Зачем вы так нагрузились, шеф? — спросил я о том.

— Так нужно, — строго сказал Мария.

— А водочкой где разжились?

Он водрузил очки на мясистый нос и погрозил мне пальцем. Я дернулся было, чтобы подхватить пожилого человека, но равновесие он удержал сам — при помощи апельсинового дерева.

— Взял из конфиската. И не один «товарищ» (это слово он выговорил с хищным сарказмом) не посмел возразить.

Они тебя просто пожалели, усмехнулся я.

— А ты, детка, никогда не отличался уважением к начальству, — продолжал Мария. — И правильно делал. Но все-таки окажи мне последнюю в этой жизни услугу. Когда ты с ней снова встретишься, а ты обязательно с ней встретишься, передай ей, что её сын сбежал из интерната. Неделю назад. И до сих пор не нашелся. Может, хотя бы тогда эта кукушка задумается, что же она такое вытворяет.

— Всё? — осведомился я. — Разрешите выполнять?

Блуждающий взгляд пьяного наконец нашел мое лицо.

— Знаешь, почему маленький человечек сорвался в бега? Кто-то ему сообщил, что отец его работает в Управлении космических сообщений, и что зовут этого человека — Рэй. Как ты понимаешь, Жилин, это ложь! Это даже не смешно, это

бред, просто бред… — Мария повернулся и героическим усилием послал свое тучное тело прочь.

Помочь ему дойти, с сомнением подумал я. Опять сверзится ненароком… Хотя, так ли уж Мария пьян, каким хотел казаться? Связная компактная речь на фоне двигательной разбалансировки. Не переигрывал ли? Был продуманно растрепан и неопрятен. Что он на самом деле сказал мне своей эксцентричной вылазкой? Очевидно, то, что и вправду ждал моего возвращения. Показал мне себя сразу, как я вошел в отель. Зачем? Чтобы предупредить: за тобой наблюдают, Жилин, какие бы обещания тебе не давали, какими бы словами об офицерской чести тебя не кормили. Ты что, Жилин, нашего Оскара не знаешь, вот что пытался сказать мне Мария. Ты клоун, Жилин, на арене цирка под лучами прожекторов, маленький и смешной, развлекаешь молчаливых скучающих зрителей, и если мы не вмешались у школы и у антикваров, то оттого лишь, что рано было раскрывать себя…

Он скрылся в кабине лифта, а я остался в холле. Появление бывшего шефа прекрасным образом подтвердило мои опасения, и тогда я отправился к бару, потому что ничего другого я сделать в этой ситуации не мог. Единственное, что я мог,

это сесть и подумать… Мария ведь спас тогда будущего писателя Жилина: только благодаря ему меня не отдали под суд. Ограничились пинком под зад и полным поражением в агентских правах. Из Службы контроля меня вышвырнули вовсе не за участие в путче против законной власти, как можно было предположить, и что сам я, положа руку на сердце, ставил себе в вину. Дело в другом. Я давал подписку, когда устраивался на оперативную работу: первая форма секретности, допуск — три креста. А чем была моя книга, если взглянуть на нее с формальной точки зрения? Разглашением секретной информации, доступ к которой получен по службе. И сотрудника Жилина непременно бы отдали под суд, с них сталось бы, если б вдруг не выяснилось, что его учетная карточка пропала из нулевого отдела — вместе с подпиской. Спасибо тебе, старый буквоед. Жилин знает, кто и как эту диверсию организовал. Может и впрямь не стоило называть твое имя в той злосчастной книге, может не зря ты обиделся на излишне принципиального литератора?

Главный вывод, который следовал из вечернего разговора с Оскаром Пеблбриджем, был таков: меня весь день прослушивали и просвечивали. Насквозь. Да, конечно, возникшее вдруг словечко

«суперслег» тоже меня зацепило, еще как зацепило (Оскар отлично знал, на какие крючки цепляется отставной агент Жилин), но чем бы ни поражали мое воображение, тема тотального контроля все равно оставалась главной. И вот теперь Мария с его мелодраматической чушью, которую мы тактично пропустим мимо ушей, дал мне ясно понять: после разговора с Оскаром НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ. Спасибо, Мария, ты честный человек, хоть и обидчивый.

В окошечке с надписью «Дежурный» кемарил давешний менеджер, чуть было не записавший меня утром в кристаллотеку «Нового Теотиуакана». Сутками они тут пропадают, что ли? Он приподнял голову, среагировав на мои шаги: я помахал ему рукой, гулко проследовав мимо, и он моргнул мне в ответ…

Зато бар работал круглосуточно, — как дежурная аптека, как «скорая помощь», — на тот случай, если какого-нибудь несчастного постояльца, неспособного увидеть цветные сны, замучит ночная тоска. Стулья и столики, конечно, были убраны. Я подошел к стойке и сел на круглый табурет. Здесь были необычные табуреты, на гидравлической ножке, позволявшей качаться вверх-вниз. Табуреты-попрыгунчики — специ-

ально для тех, у кого шаловливое настроение. Впрочем, серьезные люди могли застопорить сиденье, отрегулировав высоту по желанию.

— Слушаю вас, — сказал бармен с тяжким вздохом.

Стойка также была весьма нестандартна. Строго говоря, это не стойка была, а длинный узкий аквариум: бокалы ставились прямо на стекло, под которым плавали рыбки. Попивай себе йогурт, или что они тут предпочитают пить, и любуйся на живую природу.

— Это правда, что у вас лучший в городе кислородный коктейль? — спросил я.

— Аппарат уже отключен, — безучастно ответил он. — Приходите с утра.

По-моему, человек смертельно хотел спать. Жалко было дергать его по пустякам, но и в номер мне идти решительно не хотелось. В номере моем водились насекомые. «Клопы-говоруны», как называли эти подслушивающие устройства в двадцатом веке. Или я давал волю своей злости? Каждый мой вдох и выдох, каждый мой шаг в пространстве и времени контролировался, но вряд ли это осуществлялось при помощи устаревших технических средств. Так что следовало тебе, Жилин, терпеливо сидеть, где сел. И думать,

Жилин, тебе полагалось думать — о другом, совсем о другом…

— Да мне просто любопытно, — сказал я бармену. — Если я не путаю, кислородный коктейль — это всего лишь яичный белок, взбитый в кислородной среде. Правильно? Может, вы берете не куриные, к примеру, а перепелиные яйца?

— Вы это видели? — Он показал на пластиковые воздуховоды, спускавшиеся к каждому из табуретов. Я посмотрел.

— Освежители, — сказал я. — А что? Везде такие.

Он опять то ли вздохнул, то ли застонал сквозь стиснутые зубы.

— Нет, не везде. У нас очень богатый выбор. Хотите — освежайтесь морским воздухом, хотите — горным. Можете лесным, морозным, сухим пустынным, с садовым ароматом, можете подышать воздухом саванны или джунглей.

— Как интересно.

— Да. И те же самые атмосферные добавки мы используем, когда готовим кислородные коктейли. Совершенно особенный вкус.

— А что же Естественный Кодекс? — подмигнул я ему.

— Ароматизаторы у нас не используются, — на-

прягся бармен. — Воздух только натуральный, доставляется специально.

— Ого! Дадите чуть-чуть подышать?

— Я же сказал, аппарат отключен…

Нужно решение, подумал я. Воспользоваться телефонным номером, доставшимся мне от Эммы? Попросить у бармена радиофон, скромно отойти в сторонку… Позвонить я хотел только для того, чтобы отказаться, для чего же еще. А потом я бы позвонил в бюро обслуживания, чтобы заказать билеты на ближайший «Экспресс-люкс»… Эта была секунда слабости. Ушло то время, когда я мог отказаться, упустил я момент. Нужно было решать…

Разгоряченных охотников, кто бы они ни были, выводить на след «камеры хранения» было ни в коем случае нельзя, это не вызывало сомнений! Ибо если тайна сия раскроется, то вскрытыми дверцами дело не ограничится: будут трупы, будут покалеченные раз и навсегда жизни, будут десятки Кони Вардас на моей измученной совести. Что такое «камера хранения», знал пока я один. Охотники вовсе не глупы, своры аналитиков кормятся на их псарнях, но, к счастью, они до сих пор не выяснили, кто такой Странник, кем был этот мальчик до того, как решил

повзрослеть. А я — вспомнил. Чары упали. «Вы межпланетник, — сказал он мне утром возле вокзала, — вы поймете…» Однако чтобы понять, мало быть межпланетником, нужно еще держать в голове, что автор ребуса — тоже человек Пространства… а также то, что стальное брюхо планетолета «Тахмасиб» становилось однажды его домом… и что скучный капитан Быков терпеть не мог гостиниц, а планетолог Юрковский, этот воинствующий сибарит, именовал гостиницу в Мирза-Чарле, как и любую другую, не иначе как «камерой хранения»…

Какой из местных отелей Странник выбрал в качестве «камеры хранения»? Очевидно, «Олимпик», где у меня был заранее заказан номер. Что такое «ячейка»? Один из номеров, надо полагать. Иначе говоря, оставалось мне только сползти с веселого табурета, войти в лифт, тронуть кнопку нужного этажа… Я остался сидеть. Решение не было принято. Безумие висело в воздухе… Что за клад, думал я, спрятан у него в «ячейке»? Составные части суперслега? Шкатулка в виде черепа с лежащим в ней Солнцем Точки? Во что ни играй, все равно играешь в кубики, ворчал один палач, специализировавшийся на четвертовании…

Кстати, о палачах. Когда мертвецы воскресают,

это не только дарит людям веру в чудо, но и говорит о чьей-то профессиональной непригодности. Человек, которого интели прозвали Странником, более десятка лет числился погибшим! И не оттого ли вершители чужих жизней до сих пор не смогли определиться с его анкетными данными?

Был такой проект под названием «Сито», придуманный в Управлении космической минералогии. Увы, гигантская конструкция, дрейфующая в поясе астероидов, не была достроена — где-то что-то сдетонировало, и пошла цепная реакция, пожравшая металл огнем «холодной аннигиляции». В пустоте всякое бывает, особенно если кому-то из чиновных императоров поперек горла встают разведочные работы, способные нарушить их монополию по добыче сингонических метаморфоров. Все, кто находились внутри комплекса, погибли мгновенно, им повезло, а вакуум-сварщиков, работавших в пространстве, разбросало кого куда. Среди этих несчастных оказался и он, мой знакомец по спецрейсу «Тахмасиба». Бригады спасателей в течение года выискивали в космосе скафандры с задохнувшимися и закоченевшими людьми. Каким образом парень выжил?

Я взглянул на бармена, который обречённо

ждал, какую еще глупость изречет уважаемый клиент. На другом конце аквариума скучал еще один гость. Этот невысокий, но, видимо, очень сильный мужчина листал короткими пальцами некий глянцевый каталог, обкусывая виноградную гроздь, и странно при этом поглядывал на меня. Он начал дарить мне свое внимание, еще когда я с Марией возле входа беседовал. Каталог, по-моему, интересовал его постольку-поскольку. Может, признал во мне знакомого, но имя мое забыл? По ночам бывает и не такое. Я вежливо улыбнулся ему, и он тут же, приняв это за сигнал, передвинулся вдоль стеклянной стойки и занял новое место — через одно от меня.

— А это у вас что, разве не запрещено? — громко позвал мужчина бармена, тыча пальцем в страницу. Тот посмотрел:

— «Де Сад и Шанель», автор Слесарёк… Нет, конечно. Вам дать?

— Я думал, у вас все запрещено, — сказал гость. — Тогда дай мне еще вот это.

— «Детский де Сад», — прочитал бармен. — Того же автора. Обождите, пожалуйста…

Он скрылся в подсобном помещении.

— Предпочитаю русские п***О***рники, — сообщил мне мужчина. — С таким надрывом делают, как

в последний раз. Загадочные люди.

— Вы искусствовед, — догадался я.

— Нет, я из другого полушария прилетел. Не заснуть никак, у нас разница в шесть часов. И потрепаться не с кем, все вымерло. Детское время, и уже никого… Ненавижу марксистов, — неожиданно закончил он и запихал виноградную гроздь в рот целиком, вместе с черенком.

Дежа вю, с удовольствием расслабился я. Что-то подобное в моей жизни уже было — про марксистов. Не иначе, это провокация. Проверка рефлексов… Человек-Другого-Полушария профессионально работал челюстями, с хрустом перемалывая все живое, а на лбу его, озабоченно сморщенном, пылала одна-единственная мысль: в раю нормальным людям делать нечего.

— Казино прикрыты, — снова заговорил он. — Говорят, азарт, алчность, плохо. Местные не хотят этим бизнесом заниматься, а иммиграция вся поголовно с ума сошла. И еще — жуткая проблема с женщинами. Женщины здесь не продаются. Просто беда какая-то. Где это видано, чтобы женщины не продавались? А ведь какое было местечко. Я каждый сезон сюда приезжал, отводил душу.

Появился бармен, выложил перед ним два кристалла с заказанными порнокомиксами и учтиво

спросил:

— Знаете, как это к стереовизору подключается?

Любитель русских порников нетерпеливо махнул рукой.

— Пытался сегодня попасть в коммуну Юных Натуралистов. Ну, то есть к хрусташам. Про растительный секс слыхали? Говорят, это что-то! — Он непроизвольно облизнулся. — Любовь на деньгах, на хрустящих банкнотах, волнующе шелестящих под тобой. В роскошном зале — все вместе, как волны в море… Так что бы вы думали? Всех желающих, оказывается, тестируют! Снимают психо-эмоциональные показатели, какой-то «групповой совместимости» добиваются. Как будто в дальнюю экспедицию отбирают, кретины.

— Вам отказали? — сочувственно сказал я, бездумно качаясь на табурете.

— Да, настоящие парни им не нужны. Я этому продавцу газет чуть рыло не начистил… а сначала деньги ему совал, интелю недобитому, и хорошие деньги…

— Какому продавцу?

Он хихикнул басом, окинув меня стеклянным взглядом.

— Что, тоже захотели попробовать? На пло-

щади возле Госсовета есть лоток с газетками и другой чушью. Продавец там — из хрусташей, посредник-координатор, к нему и обращайтесь. Только особенно губу не раскатывайте, среди этих «натуралистов» не так уж много юных, одно название.

Вот и еще тайночка раскрылась, мельком отметил я. Понятно теперь, почему тот симпатичный паренек, желающий слиться с природой, так перепугался, когда увидел серьезных мужчин в пиджаках, понятно, почему он изувечил свой электронный блокнот. В блокноте, конечно, были сведения об участниках ночного сборища.

— С вас шестнадцать динар, — напомнил бармен.

Мой собеседник брезгливо ополоснул пальцы в аквариуме, смывая виноградный сок, положил деньги на стойку и рассовал кристаллы по карманам.

— Вы, я вижу, тоже маетесь, — проницательно заметил он. — Как насчет партии в нарды?

— Я в душе беспартийный.

Мелко вру, поморщился я. Зачем? Некоторые считают меня настоящим коммунистом и, надеюсь, они правы. Другие шепчут в расставленные по углам уши, что я — неправильный коммунист,

и, надеюсь, они тоже правы…

— Ну, давай не в нарды. Придумаем что-нибудь. — Мужик широко оскалился и вытер рот ладонью. Здоровенная у него была ладонь, рабочая. — Скучно здесь, приятель.

— Марксисты проклятые, — согласился я.

— Я знаю, ты из Союза, — сказал он, разглядывая костяшки пальцев. — Русских я тоже ненавижу. Только без обид. Вы все — марксисты, даже те, которые порники под полом снимают. Замусорили планету своими идеями.

Человеку ужасно хотелось подраться. Он уже слез с табурета, готовый, заряженный, увесистый, как ядро в пушке, но у меня на сегодня были другие планы.

— Как насчет французов? — поинтересовался я. — Свобода, равенство, братство — их идейка. Или вот такое мнение есть, что марксизм — это исключительно еврейская выдумка, от которой Россия больше всего и пострадала.

Он сморгнул.

— Я парень простой, простодушный, — сказал он угрюмо. — Не надо делать из меня расиста. Я спросил, что вы с этим городом сделали, а они мне тут… — Собеседник грозно набычился. — Сначала отняли дрожку и слег. Ну, это понятно. Ненавижу

полицию! Отняли нормальную выпивку, нормальную жратву. Нормальных девок заменили любовью к ближнему, а теперь пытаются отнять и деньги. Одно море и осталось…

Он скверно засмеялся и пошел прочь, заметно косолапя.

— Эй, приятель, — послал я ему вслед. — Зачем приехал, если ничего здесь не нравится?

Он обернулся.

— Люблю ненавидеть. Хорошо ненавидеть, где все друг друга любят.

Явно не турист, равнодушно подумал я. ТАКИЕ туристы сюда и впрямь больше не ездят: скучно им здесь…

— Будете что-нибудь заказывать? — вяло напомнил о себе бармен.

— А что предложите?

— Из напитков — ликеры, водка из шелковицы, водка из барбариса…

— Мне бы что-нибудь для укрепления духа и тела.

— Ну и правильно, — с неожиданным облегчением сказал он. — Я-то заподозрил, что вы один из этих, — он проводил взглядом удаляющегося клиента, — из командированных…

Похоже, мне удалось разбудить человека.

— Лично я тоже не очень верю в эти ферментоидные присадки, — оживленно продолжал он. — Поражающие факторы алкоголя слишком уж многообразны. В курсе ли вы, что от этилового спирта эритроциты склеиваются в тромбики, особенно в глазах. Склеиваются также нейроны в мозгу, а потом выводятся с мочой. Пьющий человек — мочится мозгами! Весь мозг склеивается, сохнет…

Это говорил бармен, я не ослышался? Тот, чей бизнес — спаивать зазевавшихся клиентов? На секунду сделалось страшно, как будто кошка рассмеялась мне в лицо. Бармены не знают таких слов, и даже мыслить подобным образом не могут, иначе зачем бы им торчать по ту сторону стойки, перекладывая бутылки с полки на полку?

Ну, хорошо, встряхнулся я. Оставим в покое чудеса и диковины настоящего, подумаем о грядущих. Итак, что мы знаем о клопах-говорунах? Ответ: на каждой его лапке — по офицеру в штатском. Что отличает офицеров в штатском от незатейливых любителей поспать? Не только дурная привычка бодрствовать по ночам, не только слух и зрение, усиленные новейшей аппаратурой, но и ночной склад ума. Назовем эту особенность мозга паранойей (в здоровом

смысле, конечно). Иначе говоря, из любой самой невинной шалости они тут же выводят целую систему умозаключений. Например, ежели объект возьмет да и нахально выскользнет из-под контроля. Это о многом скажет им, такие уж они люди.

С другой стороны…

Перед тем, как в очередной раз погибнуть и воскреснуть, товарищ Странник недвусмысленно сформулировал свою последнюю волю: «То, что предназначено для вас — ваше и только ваше». «Ваше» — это мое. Не Оскару оно принадлежит, не Эмми и даже не всему человечеству, а мне. Значит, нужно выскользнуть из-под колпака так, чтобы никто этого не заметил. Получается, решение принято? Эх, если б так просто: столько-то мозговых извилин «за», столько-то «против»!

«Клоп-говорун отличается умом и сообразительностью, — вспомнил я старинную чекистскую присказку. — Отличается умом, отличается сообразительностью…»

— …Но если учесть, что алкоголь выключает контроль мозга над желудком… — услышал я и с сомнением вопросил:

— Тогда кружку молока?

— Молоко? — неприятно удивился бармен. —

Простите, не даем. Вы бы еще бульон заказали.

— А почему это я не могу заказать себе бульон? Я, кстати, голоден.

— Хотите пить трупные воды, принимая все те болезни, которые были в убитом существе — Бога ради. Только не перекладывайте грех на плечи повара.

Про трупные воды в устах профессионального бармена звучало так же дико, как и про поражающие факторы алкоголя. Я ощутил некоторый азарт.

— Что же прикажете нам пить? — спросил я воинственно, однако тут в холле появился Лэн.

И решение было принято.

Глава четырнадцатая[9]

Я лежал в ванной и брил голову. Я сбривал свои и без того короткие волосы под ноль, под минус, превращая голову в коленку с ушами, и бодро напевал, изображая отличное настроение. Снятые волосы я тщательно складывал в полотенце, чтобы, упаси Бог, ничего не пропало.

Я проделывал все это, напустив столько пару, что лезвие в своей руке различал с трудом. Жалко было тех ущербных ребят, которым выпало подглядывать за мной, но в таких экстремальных условиях их аппаратура вряд ли была полезна.

Избавляться от волосяного покрова в остальных частях тела не было необходимости. Пометили меня, очевидно, еще утром, в то самое время, когда валялся я, чушка чушкой, на вокзальной площади. Но при этом не раздевали, значит, будем надеяться, только прическу и попортили. Есть такое средство: «пылевой резонатор». Сверхлетучая жидкость без цвета и запаха, которая, испаряясь, оставляет на поверхности невидимые глазу микрочастицы, не смываемые и не счища-

---

[9] Примечания: 9
Сбой в нумерации глав произошел по воле автора.

емые обычным способом. Технология позволяет слышать все, что говорится вокруг обработанного таким образом объекта, и ежесекундно отслеживать его местоположение. Картинку, правда, получают другими способами, но и это дело сильно облегчается, коли знаешь, куда наводить видеопушку.

Наверняка они обработали и мою одежду, причем, всю целиком — и ту, что на мне, и ту, что в чемодане, включая белье. Так что чемодану отныне доверять тем более нельзя. Прическу мы, конечно, сейчас исправим (ну и портрет получается, жуть!), а вот с одеждой… Не настолько здесь экстравагантные нравы, чтобы бродить голышом по отелю и остаться при этом незамеченным. Вот и получается, что без Лэна проблему не решить, сказал я себе, справляясь с очередным приступом сомнений. Очень не хотелось втягивать мальчика в игру до такой степени, но…

Телефон сигналил, не умолкая. Я закончил с бритьем, надел на голову фирменную гостиничную кепочку, купленную внизу в баре, и только затем покинул ванную. Полотенце с волосами, завязанное узлом, я положил себе на плечо; никуда мне теперь нельзя было без этого нелепого атрибута, без этого подлого крючка, на кото-

ром водили меня невидимые рыбаки… Телефон сигналил. Я догадывался, кто меня домогается с такой настырностью, и не ошибся.

— Он вернулся! — возбужденно сообщил кто-то кому-то на том конце линии.

Голос тут же сменился новым:

— Доброй ночи, Иван. Это Барабаш. Ты сам придешь в Управление или за тобой наряд прислать?

— А что случилось? — наивно удивился я.

— Черт тебя подери! — зарычал Бэла. — Это переходит всякие границы! Кто дал тебе право калечить людей?

— Вы нашли Шершня? — спросил я.

— Причем здесь Шершень!!!

— Он жив-здоров?

Начальник полиции помолчал.

— Шершень-то здоров. — Он взял себя в руки. — Шершня в Парке Грез нашли, забрался со страху в «кувшинку». Дюймовочка с волосатыми коленками. Ты мне лучше объясни…

— Вот видишь, — сказал я примирительно. — А с доктором Паниагуа все в порядке?

— Спит твой доктор. Что ты с ним сделал? Труп не так крепко спит, как он.

— А ты говоришь — людей калечу. Запись

допроса вы тоже нашли? Диктофон в кармане Паниагуа я специально для вас оставил.

— Запись мы прослушали, — ответил Бэла уже совершенно спокойно. — Холом тебе в зад за такие допросы, Иван. И забить поглубже при помощи Ахпу. Я повторяю, кто дал тебе право применять спецсредства без санкции суда?

Я обрадовался:

— Ага, и волновой стимулятор у вас! Тогда я хочу сделать заявление. Эту коробочку пытались применить ко мне, так что прошу квалифицировать мои действия, как самозащиту.

— Самозащитник, — усмехнулся он. — Ты хоть понимаешь, что еще один такой инцидент, и вышлют тебя на хрен, ни твой Бляха-Скребутан не поможет, ни ректор. Ну что, явишься для дачи показаний?

— Слушай, комиссар, — сказал я умоляюще. — Ты же знаешь, какой у меня был день. Человек я не молодой. Спрашивай, что тебе надо, а явлюсь я утром.

— «Не молодой»... — повторил он с сердцем. — Накуролесил в «Семи пещерах», как супермен какой-нибудь, и еще жалуется... Ну, хорошо, объясни, зачем ты полез в этот дом?

— Увидел, как машина Паниагуа въезжает во

дворик, — соврал я.

— А почему нас не позвал?

— Пока бы вы в ворота стучали да ордерами трясли, которые вам могли и не выдать, клиенты бы двадцать раз улетели на микролетах. Вы крышу осмотрели?

— Клиенты? — Бэла саркастически хохотнул. — В здании, Иван, была только охрана, которая честно выполняла свой долг. А на крыше — да, был один микролет… в общем, твое счастье, что в запаснике целый арсенал нашли, как и на побережье. Воображаю, какой бы они иск Москве выставили!

Один микролет, подумал я. Не три. Сбежал доблестный негр, отковался от станка, умелец. И богоподобного Куиха с собой прихватил… Обидно.

— Теперь насчет господина Паниагуа, — сказал Бэла. — Он-то перед тобой в чем виноват?

— Я думал, он причастен к убийству Кони Вардас, — сказал я. — Ты же слышал запись допроса.

— Кстати, — вспомнил Бэла. — Что ты думаешь обо всех этих летающих солнцах и черепах с двумя зубами?

— На твоем месте я бы думал о другом, — ответил я. — Например, о том, откуда у фанатиков

волновая «отвертка»? И какое к ним отношение имеет полковник Ангуло? Советую, когда гватемалец проснется, специально расспросить его на этот счет. Имей в виду, через двадцать четыре часа «отвертку» можно снова применять.

— Да уж, — свирепо согласился Барабаш. — Z-локатор, рассеиватели. Кто-то за ними стоит, ох как стоит… Мигель Ангуло исчез, Жилин. А Паниагуа у нас уже забрали, так что допросить его повторно нет возможности. Зеленые галстуки, кто же еще. И запись твою забрали. Спи спокойно, бортинженер. Но завтра — без фокусов, чтоб к десяти утра — у меня за столом!

Отбой.

Я тщательно принарядился, взял электронный блокнот, взял стило и вышел из номера. Не забыл прихватить полотенце со своими волосами. Лэн ждал меня возле лифтов; он общался с новым коридорным, рассказывая скучающему юнцу про большого писателя Жилина. Это было хорошо. Пусть все знают, что нас с Лэном связывает давнее знакомство, тогда в нужный момент не возникнет ненужных вопросов… Мальчики с секундным замешательством оглядели меня. В был теперь, как Лэн: в такой же укороченной рубашке, в таких же мокасинах, только вместо

бермуд я надел шорты. Не нашлось в моем гардеробе бермуд. Зато все в точности совпадало по цвету. Чем хороши изделия из стереосинтетика? Цвета своего не имеют, полностью зависят от минутного каприза владельца. А он красовался в точно такой же фирменной кепочке: я купил у бармена сразу две.

Один из ненужных вопросов мы с Лэном уже обошли стороной. Я так и не спросил его, почему он не послушал меня, не побежал домой. Зачем было мучить героя? Он давно дал мне ответ. Это был его город, и ему очень не нравились новости, которые со вчерашнего дня передавали все местные информационные каналы. Ни мгновения он не сомневался, что спать я сегодня не собираюсь, потому и вернулся в гостиницу. Что бы я делал без его желания побыть героем хотя бы еще один час?..

— Пошли, побросаем мячик, — сказал я, увлекая Лэна в спортзал.

Включили свет, собрали мячи в центре и минут десять разминались под кольцом. Точнее, разминался один Лэн, а я скромно руководил процессом. С маяком на плече не очень-то размахаешься. Юный атлет ничего не понимал, оттого был красен, но терпел, даже старался

показать мне класс. Потом я скомандовал: «Все, пора остыть немного» и отправился прямиком в мужскую раздевалку. Лэн не удержался, бросил последний разок (попал) и поскакал за мной. Судя по его виду, остыть ему было затруднительно, и чтобы не ляпнул он лишнего, я сунул ему под нос зеленый экранчик блокнота. Там было заготовлено слово: «Молчи!» Лэн обиженно поджал губу. Тогда я включил стило и быстренько вывел: «Пишем одно, говорим другое». Он медленно кивнул, ставши ужасно серьезным. Он окинул подозрительным взглядом потолок, затем стены раздевалки и вопросительно посмотрел мне в глаза. Я кивнул в ответ.

— Почему вы дышите ртом? — светски осведомился Лэн.

— Разве? — сказал я рассеянно, начав работу над новой запиской. — По-моему, я носом дышу.

Он заглянул в блокнот сбоку, вывернув шею.

— Вы, дядя Ваня, ртом такую узенькую щелочку делаете, наверно, чтобы самого себя обмануть.

— Носом — это важно?

— У меня в детстве начиналась астма. Помните, каким я слабаком был? Климат у нас слишком влажный, а тут еще наследственность. Так вот, когда я начал дышать носом и всегда следить за

тем, как дышу, астма вскоре и прошла.

Я повернул блокнот, чтобы ему удобнее было читать: «Меняемся одеждой, дружок, раздевайся».

Мальчик хмыкнул, но протестов не заявил. Раздевалка на то и раздевалка, все естественно. Он только слегка изменился в лице, когда обнаружил, что под шортами у меня ничего нет. Так и было задумано, меченые трусы я снял еще в номере, чтобы не заставлять хорошего человека натягивать на себя чужое белье, ведь не всякому это будет приятно. Поощряется ли Естественным Кодексом хождение без трусов? Не знаю, не знаю. Я жестом остановил Лэна, когда тот по инерции взялся за собственные плавки. Не нужны мне были его плавки, достаточно было штанов, рубашки и обуви. Мальчик со скрытым уважением поглядывал на мои шрамы.

— Муж нашей Вузи — тоже весь такой… — вдруг сообщил он. И тут же испуганно покосился на потолок. — Я говорю, муж у нее весь больной был, еще до того, как начальником таможни стал. Ранили его в заварушку, когда телецентр штурмовали… пять операций перенес, шрамы кругом… дырка в легких была, пневмоторакс… короче, когда стал следить за своим дыханием,

тоже довольно быстро в строй встал. Пить бросил, как и моя мать. Он ведь сначала знакомым матери был, только потом они с Вузи… это… Даже медкомиссию прошел! А то как бы его начальником таможни поставили?

Мы быстро покончили с переодеванием, и я написал Лэну: «Теперь — ко мне. Ты останешься в номере, а я исчезну. Ты — вместо меня».

Долго он читал эту записку, но я не торопил парня с решением. Понятно было, какие вихри проносятся в его стриженой голове. Наконец он взял у меня из рук блокнот и стило.

— Значит, я со своей щелочкой из губ неправильно живу? — заговорил я, пока он пишет. — А вы со свояком, значит, носом смерть попрали?

— Почему мы со свояком, — ответил он раздумчиво. — Гончар очень многих в городе научил правильно дышать.

— Это который поэт, что ли?

— Почему поэт? Гончар — известный врач из России. И не только же благодаря закрытому рту мы выздоровели, вы же все понимаете…

— Само собой. Биокорректор, помолясь, засунем дружно под матрац. Водяными знаками к сердцу…

Лэн дописал записку и показал мне: «Я у вас в

номере почитаю, можно?» Ответ мой был таков: «Свет не зажигать! При свете ты — не я». «Что мне тогда делать?» — деловито уточнил он. «Ложиться и спать. До утра». Пока он переваривал информацию, я дополнил картину последним штрихом: «Это — регистрирующая аппаратура. (Я переложил ему на плечо полотенце со спрятанными внутри волосами.) Носить с собой даже в туалет. Разворачивать нельзя». Лэн хотел было потрогать ношу на своем плече и не посмел прикоснуться. Там точно не бомба? — читалось в его растерянных глазах.

На этом наша переписка иссякла. Когда мы выходили из спортзала, я вдруг сообразил:

— Погоди, твоя сестра замужем за начальником таможни? За господином Пети Бригом?

— Ну, — с удивлением сказал он. — А что?

Вузи Бриг. Дизайнер и скульптор В.Бриг, автор хулиганской скульптуры. Заурядная провинциальная дурочка, оказавшаяся на деле не такой уж заурядной. За что она мне отомстила, за какие из своих несбывшихся надежд? Кто-нибудь когда-нибудь поймет этих женщин? Мы с Лэном вошли в мой номер, не зажигая свет и продолжая светски беседовать. Собственно, как выяснилось, Вузи изваяла не столько Жилина, сколько безымянный

эталон мужественности. Фамилия натурщика не очень интересовала заказчиков. «Идеал» — так назывался конкурс, устроенный популярным дамским журналом «Услада Сердца», — вскоре после того, как я покинул эти места. И по опросу многочисленных читательниц победили именно мои виды. Особенно дамам понравились шрамы, с удовольствием отметил Лэн… Мальчик хорошо держался, не трясся и не переигрывал. Выйдем на балкон, проветрим мозги, предложил я ему. Мы вышли на балкон и посмотрели на подсвеченную, словно светящуюся фигуру, гордо торчащую в центре площади. Разве вы не чувствуете, сказал Лэн, что это было неизбежно. Памятник вашему другу Юрковскому должен был исчезнуть, а на его месте должен был появиться новый. Кому? Конечно, вам! Не зря же все авторы фельетонов на темы вашей книги обязательно обыгрывали этот несчастный монумент… Да, но каким образом твоя милая сестричка смогла заполучить мои «виды»?! (Я возмущенно указал пальцем в нужном направлении.) Вы же знаете, что она у нас с определенными отклонениями в поведении, горестно признал он, словно речь шла о безнадежно больном пациенте. Оказалось, Вузи скрытно снимала всех постояльцев мужского

пола, живших когда-либо в доме. Здоровенный альбом завела, наподобие семейного. Где снимала? В ванной, понятно…

— Ну, спасибо за вечер, — сказал я, сворачивая разговор. — Тебе, наверно, пора домой.

Лэн оторвал руки от заграждения и распрямился. Мы посмотрели друг на друга.

— Что ты решил насчет Строгова? — спросил я. — Пойдешь со мной к нему?

— Спасибо, — сказал он. — В другой раз.

Я подмигнул ему и перебрался по мостику на галерею. Лэн остался на балконе. Когда я оглянулся, он уже скрылся у меня в номере, понятливый, непростой мальчик. Без единого лишнего слова. Ему ужасно хотелось почитать перед сном, но, когда я оглянулся в последний раз, свет так и не зажегся… Пользоваться лифтом было неразумно; я спустился до третьего этажа пешочком. «…Номер ячейки — это номер в гостинице, куда вы меня тем же вечером отправили…» Я скверно помнил «тот вечер», один из десятков одинаковых вечеров, убитых мною в Мирза-Чарле, однако номер в гостинице, где останавливались Быков с Юрковским, забыть было невозможно. Они всегда останавливались в одном и том же — в триста шестом. На третьем этаже. Сейчас там

мемориальная доска. А гостиница, помнится, носила название: «Спокойная плазма», обычное для городов, построенных при ракетодромах… Здесь, в «Олимпике», нумерация комнат была совсем иной, с использованием букв, так что помимо ног пришлось мне загрузить работой и голову. Третий этаж — это понятно, но куда идти дальше? Апартаментов, обозначенных цифрой шесть, был целый ряд: от «А» до «F», значит, лобовой вариант не годился. Здравый смысл подсказывал воспользоваться не числовой аналогией, а пространственной, то есть перенестись мыслию в Мирза-Чарле, в портовый отель … Миновав кресло со спящим коридорным, я свернул от лифтов налево и пошел отсчитывать двери: с цифрой ноль, потом с двумя нулями (это были люксы), потом «один-А» … и так далее. Возле шестой по счету двери я остановился. Если не эта, то какая еще? Был ли другой ответ у задачки?

Открыла пожилая дама. И это был сюрприз! Конфуз, фиаско, штопор: я не смог совладать со своим лицом. Опять она. Трогательная толстушка, любительница сувенирных лавок и спортзалов с юными атлетами; была она почему-то в батистовой кофте и во все тех же льняных брючках, несмотря на ночь, а вязаная панама

была теперь песочного цвета.

— Здравия желаю, — сказал я, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться. Хозяйка номера отступила на шаг, заставив меня войти, и подняла вверх пальчик, заткнув таким нехитрым способом мне рот.

— Вам тоже не спится, молодой человек? — осведомилась она.

В другой ее руке появился детектор, которым она быстро и ловко обследовала и мою одежду, и меня самого. Лицо ее отразило полное удовлетворение результатом. Она пригнула мою голову, сняла с меня кепку и, завершая наше знакомство, огладила своим приборчиком мою ослепительную лысину.

— Хорош, хорош, — энергично сказала старушка. — Чист, как младенец.

Мы прошли в гостиную. Я помалкивал, я вообще предпочитаю молчать, если есть такая возможность. Хозяйка, несмотря на возраст, ступала легко и бесшумно; на ногах у нее были очаровательные мягкие тапочки в форме кошачьих голов. Она расстегнула дамскую сумочку, лежавшую возле стереовизора на специально поставленном стуле, затем что-то сделала, и сумочка развалилась по швам, открыв какой-то

прибор. Внешняя антенна стереовизора была вставлена в этот прибор. Несколько секунд пожилая дама наблюдала за разноцветными волнами, бегущими по экрану, и констатировала:

— Снаружи тоже тихо. Никого мы с вами не интересуем, молодой человек. — Она повернулась ко мне. — Так что можете здесь остаться и отдохнуть. Я думаю, вам следует даже поспать, день обещает быть длинным. Не стесняйтесь, кровать как раз для вас приготовлена. — Она показала на приоткрытую дверь.

— Сударыня, — возразил я. — Мне кажется, я здесь по другому поводу.

— Сейф там же, в спальне.

— Сейф?

Она промокнула вспотевшее лицо кружевным платочком. Все-таки испытывала она, сердешная, некоторое напряжение, с каким бы достоинством ни подавала себя гостю. Наверное, трудно быть агентом в стране, где лгать — вредно для здоровья. Особенно людям преклонного возраста.

— К чему нам в прятки играть? — укоризненно сказала она. — В номере мы одни, можете проверить. Вы ведь за буквами пришли? Знали бы вы, как я вам завидую. Буковка к буковке, и будет слово, и слово будет у вас.

— Сколько букв я могу взять? — буднично спросил я, словно речь шла о дармовом пиве.

— Обе.

— А третья?

Бабуля высморкалась в свой платочек, культурно отвернувшись.

— Вас что, плохо инструктировали? — неприятно удивилась она. — Третью-то вам искать. Ради чего вас, милый, вызывали? Предназначение свое забыли?

Я вспомнил о суперслеге, о частях внеземного оружия, о священном черепе и о солнце, вернувшемся на небо. Теперь к этому ряду добавились буквы и слово. «Вначале было Слово, и было Слово у Бога, и было Слово — Бог…» Где правда? Кому верить? И верить ли кому-нибудь вообще?

— Три буквы, три буквы, три буквы!.. — пропел я. — В русском языке много слов из трех букв, вы знаете об этом? Привести примеры?

— Например, «СОН», — ответила она на чистейшем русском и скрипуче засмеялась. — Или у джентльмена есть другой вариант?.. И я попрошу вас, — произнесла она строго. — Слово следует произносить с прописной буквы, чтобы отличить Его от простого набора звуков, которыми мы вами сотрясаем сейчас воздух. СЛО-ВО. Состоит Оно не

из букв, а из Букв. Поняли разницу? Теперь о деле. Если вам понадобится в город, воспользуйтесь машиной. Другим способом покидать отель не рекомендуется, иначе опять всякая грязь поналипнет. Машина, о которой я говорю…

— Накрыта «зонтиком», — нетерпеливо закончил я чужую мысль. — Все понятно. Вы что, уходите?

Хозяйка номера уже упаковывала прибор, возвращая своей сумочке первоначальный вид. Она повернула голову:

— Ключи от автомобиля — в тумбочке возле кровати. Спуститесь в гараж на лифте, минуя холл. На брелке написаны все данные, так что не промахнетесь.

— Вам больше нечего мне сказать? — обиделся я.

Она повесила сумку себе на плечо.

— Открывать сейф, молодой человек, дело сугубо личное. Никто не имеет права вам мешать, даже я.

Она уплыла в коридор — маленькая, пухленькая и очень домашняя.

Я тщательно осмотрел тылы, прежде чем войти в спальню, — меня и впрямь оставили одного! Кровать была огромной, свежей, аппетитной,

впрочем, таковы были местные стандарты. И сейф был стандартный, из тех, какие имелись в каждом номере отеля. Располагался он во встроенном платяном шкафу, на месте одной из полок. Я ввел в сторожевую систему сейфа: «Your old Micky Mouse», что означало в переводе с английского: «Ваш старый Микки Маус». Именно так назывался бар в Мирза-Чарле, где мы со Странником имели счастье завязать наше знакомство. Вот только случилось это даже не в прошлой — в позапрошлой жизни…

Глава пятнадцатая

«Наверное, это очень скучно — все знать», — пожалел как-то дурак мыслителя. (Голый мыслитель лежал на столе прозекторской, а дурак был паталогоанатомом.) Я все знал. Сегодня — я все знал. Я стоял на сцене, разъясняя людям мировой порядок вещей, а Буквы в моих руках сияли, как звезды. Золотой светящийся жгут, излучаемый одной звездой, уходил вниз, к центру Земли; вторая, выпустив сноп зеленых игл, словно на стропах парашюта удерживала Небо надо мной.

Как выяснилось, на самом деле это было очень весело — все знать. Взять, к примеру… ну, скажем, Будущее. Что может быть проще? Будущее — оно как Настоящее, только лучше. Будущее — это когда ничего не меняется в принципе. Появляется несколько крупных новинок в области науки и техники, которые по пальцам можно пересчитать, а быт остается прежним. Подотритесь — вы, прыщавые нигилисты, грозно бряцающие дорогостоящим интеллектом, уверенные, что в мире Будущего изменится буквально все, вплоть до самых мелких мелкостей. Ваши штаны полны

несбывшихся прогнозов. Быт вечен, это нам и нравится. Кому? Нам, нормальным людям. Зрителям, слушателям и, не побоюсь этого слова, читателям. «Такое Будущее означает всего лишь конец прогресса!» — кричат мне из партера. Ну и что? Я хохочу. Кому он нужен, этот ваш прогресс, вставший вертикально, как вагон поезда в эпицентре крупной катастрофы. Технологическая мясорубка, которая меняет человека через быт, еще не прогресс. Долой! Пусть будут коттеджи, прямоугольные двери и потертые ковры на полах. А также столы, стулья, ложки, телефоны, штаны и юбки. И книги. Без книг нам никак, факт. Пусть останутся утилизаторы, радиофоны и стереовизоры — этих удобств вполне хватит. И, пожалуй, ароматический бензин… Что еще нужно для долгой счастливой жизни? Добавим кабинки нуль-Т и сказочные летательные аппараты. Феерическая картина: на площадь Красной Звезды садятся не грязные вертолеты, а чистенькие бесшумные флаеры, птерокары и глайдеры. Памятники Строгову — по всей Земле. В Мировом Совете вымерли все юристы и экономисты, их кресла заняли врачи и учителя. С простыми распространенными фамилиями — вроде Сидорова. И пусть человек распространяет свой простой и

понятный быт в Космос, чтобы Космос был таким же простым и понятным, очень человеческим, а вовсе не таким, каков он на самом деле… Остановись, мгновение, ты прекрасно. Ничего больше не нужно. Мы отлично обойдемся без электронных блокнотов, клишеграфов, пневмотележек, летучих абсорбентов и гелиочувствительных чернил. Долой словесный мусор! И уж, конечно, никаких вам «зонтиков» или Z-локаторов — замри, прогресс на потребу спецслужбам! Вернемся в прошлое. Никаких вакуум-арбалетов, плазменных сгущателей и прочих спецчудес. Из оружия — только скорчеры. Или скорчеры — тоже лишнее?

И вообще, может быть я не прав в главном, подумал я, осторожно спускаясь со сцены. Ступеньки были устрашающе круты. Буду ли в этом мире я? В мире, который виден так ясно и отчетливо — найдется ли мне место?.. Почему бы нет. Герой Иван трижды крутанулся, да и стал каким-нибудь Ивановским. Впрочем, это нескромно. Ростиславским? Гм. Ладно, фамилия не так уж важна, важнее имя… Ив Ан. Дим Дим. Биг Баг… Так что я прав! Пусть я буду прав, решил я — и споткнулся, все-таки споткнулся. Люди склонились надо мной. Как я радовался, заглянув в их

лица — в счастливые лица свободных людей. Как же я радовался, когда… когда очнулся…

Я нашел себя на ковре.

Что-то случилось. За окном по-прежнему была ночь, а в груди моей было уже утро — ясное утро завтрашнего дня. Что-то странное случилось, но меня это совершенно не пугало. Только что я вскрывал чужой сейф, только что запускал туда свои лапы — и вот… Радость наполняла грудь. Кружили в голове сумасбродные мысли: вроде той, что к спальне должна прилагаться ласковая, все понимающая хозяйка. Я вспомнил давешнюю старушку и расхохотался в голос… Нет, смеяться не было сил. Не было сил даже руку к глазам поднести, чтобы взглянуть на часы.

Я все-таки пошевелился и почувствовал, как что-то выпало из моих рук, глухо стукнув об пол. Тут же стало легче. Я перевернулся со спины на живот, потом встал на четвереньки и поднес лицо к циферблату часов. Потрясающе. Прошло не более минуты с того момента, как я, отодвинув драгоценности, изъял из сейфа… что, собственно? Руки мои, увы, были пусты. Зато на ковре лежали…

Нет, никаких «букв» там, разумеется, не было! А были два каменных обломка; один на вид

— просто кусок горной породы, второй — похож на черный обсидиан, осколок вулканического стекла. Если кому-то было угодно назвать эти камни Буквами, то не нам и не здесь идти против воли владельца, да и не в названиях, собственно, дело… Я взял их в руки и сел.

Я сел и посмотрел на предметы, лежащие в моих повернутых к небу ладонях. Каменный обломок номер один, подумал я. Весом сто восемьдесят шесть грамм. Обычный минеральный состав, сложен из оливина и набора безводных силикатов. Минералов, неизвестных на Земле, не обнаружено… Сведения всплывали в моей голове сами собой, без участия воли, вставали перед глазами в виде показаний масс-спектрометра, и было это исключительно забавно. Вещественный состав: кислород, кремний, железо, магний, никель и еще куча других элементов в ничтожных количествах. Я все знал! Передо мной был типичный образчик так называемого космического вещества, которое я вдоволь повидал на астероидах. Возраст, определенный по радиоактивному изотопу калия — примерно один миллиард лет. Калий, распадаясь, образует аргон. Изумительное зрелище, если у вас есть художественный вкус… Обломок номер два. Обсидиан глубокого черного

цвета. Камень-Учитель, неожиданно подумал я, помогающий человеку управлять Силой духа. Строки из древнего трактата вспыхнули и погасли: «…когда эта высшая Сила нисходит в мир форм, становится возможным изменять жизнь на Земле…» В одной моей руке покоилась овеществленная энергия Земли, в другой — энергия Космоса…

Опять я очнулся. Страха не было, была только радость. Имею ли я право ЭТИМ владеть? Есть люди, которые задают себе подобные вопросы. А хорошо все-таки, что я писатель, засмеялся я. Писатель — это тот, кто изучает самого себя, делая вид, будто изучает окружающих, так что я способен задать себе любой вопрос и получить честный ответ. Итак, имею ли я право?

Не знаю…

Дотянувшись, я положил камни на трюмо, среди косметики и маникюрных принадлежностей. Сил не хватало даже на то, чтобы думать. Кажется, мне предлагали здесь отдохнуть? Почему бы нет? Я дополз до кровати, затем, в порыве мальчишечьего любопытства, вытащил из кармана пачку денег и всю целиком затолкал ее под подушку…

Эксперимент был грандиозен. Тысячи людей не спали, чтобы успеть довести дело до конца,

и длился этот трудовой подвиг десять суток. Люди не спали десять суток подряд! Не умывались, не переодевались, забыли про себя и про окружающий мир. Что ими двигало? Умирал гениальный ученый, и, чтобы сохранить для потомков его личность, было решено переписать информацию с агонизирующего мозга в специальное хранилище, — вот отчего такая спешка. Это был Великий Опыт по обретению компьютерного бессмертия. А чтобы исключить помехи при записи, запрещено было пользоваться любыми электроприборами. Хранилище занимало территорию средних размеров города, и во всем этом городе люди жили без электричества и света, без еды и отдыха, без уверенности в успехе. И горели повсюду свечи вместо лампочек, превращая ультрасовременные машинные залы в языческие святилища...

Как же мне было жаль смертельно уставших кибернетиков! Находясь внутри системы, являясь деталью системы, невозможно увидеть всю конструкцию целиком. Да, они испытывали ни с чем не сравнимое счастье, пусть и выполняли технически абсурдную работу, пусть и была их работа крайне сомнительна с нравственной точки зрения. Дело не в этом. Мало кто знал,

что помимо надводной части, эксперимент имел и подводную, куда более ценную практически. Истинная, невидимая цель этого подвига состояла в том, что огромная масса людей лишала себя сна. Никаких пыток, никакого насилия, все происходило добровольно и, главное, одновременно. Принцип одинаковости условий. Чтобы не спать, люди вынуждены были глотать стимуляторы, причем разным подразделениям были выданы разные препараты. Применение медикаментозных средств было строго дифференцировано, что и позволило провести сравнительный анализ их эффективности и безопасности. Таким образом, Великий Опыт удачно совместился с полевыми испытаниями лекарств, которые штурмовые отряды переселенцев возьмут с собой на чужие планеты.

Каков сюжет, а?

Но и это была не вся правда. За медиками, которые контролировали массовое бодрствование (и лично участвовали в нем), тайно наблюдала еще одна компания экспериментаторов, совсем уж невидимых. Их интересовало не компьютерное бессмертие, не новейшие препараты, а сами люди. Производился отсев тысяч подопытных, кропотливая селекционная работа. С какой це-

лью? Поднять человеческий род на новую ступень биологической эволюции: от HomoSomnolentus, то есть Человека Сонного, существа уязвимого и физиологически крайне зависимого — к Ийрину, Человеку Бодрствующему, настоящему суперу, свободному от нелепых природных ограничений…

Как я смеялся, когда спустился к подножию этой пирамиды смыслов и целей, когда увидел спящих вповалку инженеров и техников, когда заглянул в их лица. В счастливые лица одураченных людей. Как я смеялся, когда… когда проснулся! И неожиданно я подумал, просыпаясь: неправда все это. Душу не раскидаешь по информационным хранилищам, не поставишь на щербатую лесенку биологической эволюции — по той простой причине, что Она, Душа, все-таки существует…

Я проснулся.

Ранее солнце просилось в окна. Встать, подумал я, открыть жалюзи и подставить свету лицо; почему-то эта идея сильно меня рассмешила. Сон в чужой постели явно пошел мне на пользу. Или нет? Настроение бурлило, выплескиваясь через край; радость превратилась в какое-то глупое, ничем не оправданное веселье. Человек Сонный, подумал я, это, оказывается, лучшее сырье для изготовления Человека Бодрствующего, при-

мечательного персонажа маковейских книг и хроник пророка Даниила… Хорошо, что это все понарошку. Хоть рассказ пиши, настолько это нелепо. А Буквы, возликовал вдруг я, неужели они мне тоже приснились?

Если часы не врали, поспать удалось совсем недолго, однако и на том спасибо. Что меня разбудило? Тревожные звуки в гостиной? В это чудесное утро не могло быть ничего тревожного!

— Кто вы?! — истерично взвизгнули за дверью, вызвав у меня очередной приступ смеха. Голос был женский.

Я точно знал, что не трогал дверь в гостиную, когда ложился, но сейчас она была закрыта. Я быстро сел и огляделся. Камни лежали на трюмо точно в том положении, в каком я их оставил. (Почему Буквы, опять подумал я, что за вычурная фантазия?) Зато на кресле и на ковре появилось некоторое количество предметов, которых раньше здесь не было, и все они были интимного, домашнего свойства.

Женщина ворвалась в спальню, словно от кого-то бежала.

— Иван! — прокричала она по-русски. — Звони в администрацию!

Хозяйка чужой постели собственной персоной.

Ух, ты. Ночные мечты материализуются, подумал я, и дико загоготал, не справился с собой, щедро выплеснул в комнату распиравшую меня глупость… Из одежды на ней были только бусы, браслетики на запястьях да побрякушки с бубенчиками на ногах, такой вот псевдоиндийский вариант. И, к счастью, это была не та пожилая дама, которая впустила меня в номер, иначе стыда потом не оберешься. Была это совсем другая женщина, хотя чем-то на первую и похожая. Комплекцией? (Животик, лишние складочки, задняя часть — всего в достатке.) Дама была не молоденькой, но далеко и не старой, как раз для отставного агента Жилина. На редкость кстати. Жаль только, совершенно не знакомая. Волосы ее были мокрыми, а в руке она сжимала виброфен.

— Не надо никуда звонить, — сказал Оскар, входя следом. — Мы и есть администрация.

Дама схватила с ковра халатик, запрыгнула ко мне на кровать и закуталась в простыню. Снаружи осталась только ее голова и прелестная ножка, украшенная педикюром.

— Администрация чего? — воинственно пискнула она, обретя уверенность.

— Всего, — скромно ответил Оскар. Он озирался и принюхивался, брезгливо топорща бесцвет-

ный пушок над губой, зацепился взглядом за раскрытый сейф и наконец обратил внимание на меня. — Чего хрюкаешь, геркулес?

Я не хрюкал, а смеялся, изо всех сил сдерживая несуразные звуки. Впору было зажимать себе рот. Это странно, однако никакой катастрофы в происходящем я не видел. Смех одолевал меня, как насморк, и тогда я перестал сопротивляться, выхватил из-под подушки спрятанные деньги, швырнул их, хохоча, в потолок, и разлетелись по комнате волшебные бумажки цвета сухой омелы.

Лицо мистера Пеблбриджа резко поглупело. А может, постарело.

— И ты, Жилин, туда же… — произнес он с отчаянием. Историческая получилась фраза.

Я сбросил с себя простыню и встал, представ перед публикой во всей красе. Затем я поднял свою одежду. Был я без штанов, не смог я улечься на чистое в штанах, воспитание не позволило.

— Спокойно, Иван, — по инерции предупредил Оскар. — Окна и двери блокированы.

Он был смертельно разочарован, он выглядел просто больным. Очевидно, наш профессионал внутренних расследований ожидал чего-то совсем иного. А что обнаружил? Голый торс

поднадзорного писателя плюс разбросанное по ковру дамское белье. Плюс деньги под подушкой. Ситуация выглядела предельно банальной, и Оскар со всей своей сворой был в ней совершенно неуместен.

— Да ты жуир, — кисло заметил он.

— А вы хотите сказать (я выделил это «Вы»), что я мог бы от вас не бегать? Вы бы тактично отвернулись, пока мы тут… — я наклонился к женщине и поцеловал ее в лобик. — Не волнуйся, милая, это не разбойники, это просто дураки.

Грубить Оскару или насмехаться над ним не было почему-то желания. Даже больше: не было удовольствия. Что-то предутренний сон со мной сделал, изменил меня, произошло со мной что-то жуткое, доброе… такой страх… Я захохотал.

Оскар скривился в ответ. Не хотел он мне верить, но деваться было некуда. Он мне верил, с каждой секундой он все глубже проваливался в похмелье несбывшихся надежд.

— Жуиры, знаете ли, не стареют, — доверительно сообщил я ему. — А что бы вы сделали на моем месте, если бы встретили в заштатном отеле давнюю любовь?

— Жуиры также не подсовывают вместо себя мальчишек, — зло откликнулся он, высунул го-

лову в гостиную и позвал. — Зайди-ка сюда.

Появился менеджер отеля. Тот самый, тот самый! Не дали бедняге поспать, сорвали с поста дежурного. Ага, подумал я, вот и агентура всплывает, благополучно растворенная среди праведников и юродивых.

— Ты знаешь эту женщину? — спросил его Оскар.

— Это она, — подтвердил менеджер, стыдливо глядя в пол.

— Да, это я! — звонко крикнула хозяйка постели. — Если сомневаетесь, позвоните моему мужу в Вену… — Она осеклась, вдруг осознав сказанное, и растерянно посмотрела на меня. — Иван, ну сделай что-нибудь…

Очень убедительно она изображала полную идиотку. Оскар жестом отпустил менеджера и произнес в воздух:

— Простите, фрау Балинская, произошла досадная ошибка. Которая только что разъяснилась. Надеюсь, никто никому не станет звонить, ни мы вашему супругу, товарищу председателю земельного Совета, ни вы… куда вы там собирались звонить?

Дама торопливо надевала под простыней халат. Это было весьма неудобно.

— Вон! — сказал я, едва сдерживаясь, чтобы опять не расхохотаться.

Мистер Пеблбридж словно бы не услышал. Он подошел к платяному шкафу и пошарил рукой в разоренном сейфе. Вынул ожерелье и серьги, сделанные из космического жемчуга, равнодушно осмотрел и положил обратно. Драгоценности его не интересовали. Зато его очень заинтересовало то, что лежало на трюмо. Я напрягся, готовый действовать. Я ждал этого момента, несмотря на одолевшую меня младенческую радость, несмотря на полное нежелание драться, и чувствовал я, что сил во мне теперь — на два Жилина, а реакции мои — как у хорошо отлаженного автомата. Не долгожданное ли это время истины? Сможет ли писатель отдать жизнь — не за Слово даже, а за часть его, лишенную какого-либо смысла?.. Оскар взял одну из «букв».

— Люгер, — одобрительно сказал он. — Сорок второй. У вас хороший вкус, Иван, в моей коллекции такого красавца нет. Хотя лично я бы не таскал коллекционное оружие по всему свету.

Придуривается, мелькнула мысль. Никаких «люгеров» в спальне, разумеется, не было. Оскар держал в руке первый из обломков, а на блеклое лицо его наползала тень искренней зависти.

— Разрешение у вас, к сожалению, имеется, — задумчиво говорил он, взвешивая камень на ладони. — Да и ссориться с вами пока не входит в мои планы… Эту игрушку, Иван, я здесь оставлю, но любопытно было бы узнать, что заставило вас вооружиться? Что-то случилось? Или пистолет принадлежит фрау Балинской?

— Пистолет мой, — сказал я, ничего не понимая. — В раю неспокойно стало.

Наш Оскар обычно скверно придуривался, он только в кабинетах больших боссов умел ваньку валять, так что сомневаться не приходилось: он и вправду не видел. Он любовно примеривался к воображаемой рукоятке, вытаскивал магазин, заглядывал в пустой затвор… Или это я видел неправильно? Чьи чувства лгали? Дело, собственно, было в том, что содержимое сейфа предназначалось не Оскару. Нельзя было ему брать ЭТО в руки, как и никому из тех, кто в любой вещи видел прежде всего оружие, будь то кирпич, выпавший из китайской стены, или булыжник внеземного происхождения. Иначе говоря, я ощущал сильное душевное неудобство. Поэтому когда он взял второй камень (из обсидиана) и начал производить руками странные манипуляции, я не выдержал, двинулся вперед. Оскар оглянулся

на меня и спросил с подозрением:

— Почему в кобуру не влазит?

Ага, теперь он видел кобуру. Нужно было что-то делать, и тогда я, рискуя снова грохнуться на ковер, вынул у него из пальцев оба инородных предмета. Ничего страшного не произошло. От камней исходили токи, электризуя все тело, и я поспешил избавиться от этих кусочков Неведомого, спрятавши их в широких штанинах. Ногам тут же стало горячо. Карманы оттопырились, как у запасливого мальчишки; я замаскировал это дело складками и решительно посоветовал:

— Шли бы вы отсюда.

— Только без угроз, — отозвался Оскар.

Он неожиданно шагнул к кровати — и, пробурчавши: «Мои извинения, фрау...», ощутимо дернул даму за волосы; другой же рукою схватил ее за пышную грудь и тоже дернул — так, словно чехол сдергивал. Она завизжала. Прическа и бюст, разумеется, остались на месте.

— Приносим свои извинения, — повторил Оскар как ни в чем не бывало. — Вас приняли за опасную преступницу.

Она задохнулась от возмущения и с размаху заехала ему виброфеном. Тогда он отправился наконец вон — с перекошенной мордой, осознавши,

что делать ему здесь больше нечего, перехитривши самого себя, радуя глаз скованной походкой разоблаченного подлеца… что я несу, подумал я, какой вздор, человек просто занимается своей работой, и ежели у него руки по локоть в дерьме, так не в крови же?.. В душе моей до сих пор не появилось злости — ни капли! — и хотелось почему-то всех простить. Что за болезнь, что за утро такое? Душа у меня, оказывается, была. Я удержал смех в горле, решив не торопиться с выводами. Мне ведь настоятельно советовали не торопиться…

Не «решив», а «решивши», все-таки засмеялся я, на сей раз мысленно. «Отложивши». «Сообразивши», «сказавши», «спрятавши». Какими красивыми, исконно народными речевыми вывертами ты оперируешь, культовый писатель Жилин, похвалил я себя, как это ценно — в каждом деепричастном обороте, в каждом абзаце на каждой странице протаскивать шаловливое окончаньице «ши»…

— Что-то вы побледневши, — участливо произнес я Оскару в затылок. — Никак вы оскорблений не стерпевши? Всю ночь, наверное, не спавши? А тут еще и слово офицера потерявши…

Он раздраженно дернул лопатками, вышел в

гостиную и рявкнул на своих:

— Нашли что-нибудь?

Ничего они, конечно, не нашли, иначе бы не вели себя так культурно. Я вышел следом.

— Какие у вас на сегодня планы? — нейтрально спросил меня Оскар.

— Уеду к чертовой матери, — ответил я серьезно. — Надоели мне ваши игры, сил больше нет.

Я позвонил прямо при нем в бюро обслуживания и заказал билет на ночной поезд. Оскар внимательно наблюдал за мной. Я сделал все, чтобы он ни на миг не усомнился в полном моем вырождении, потом закрыл за гостями дверь, вернулся в спальню, упал на кровать и долго, изнурительно долго смеялся, очищая грудь от скопившейся отравы. Женщина одевалась, никого и ничего уже не стесняясь.

— Собери деньги, пригодятся еще, — проворчала она. — Бывают же счастливчики. В первую же ночь… Ты хоть понял, что у тебя всё получилось?

Я тоже закончил туалет, прикрыв бритое темя фирменной кепочкой.

— А у тебя что, не всё?

— Не сразу. Грехи сначала держали.

— За этот удар феном я отпущу тебе любые грехи.

— Милые у тебя друзья, я бы для них и массажер не пожалела.

Я приложил на всякий случай палец к губам. Фрау Балинская усмехнулась, она все понимала. Тогда я потянулся и достал из тумбочки ключи от машины.

— Значит, говоришь, теперь я буду вечно молодым? Это дело надо обмыть.

Показав ей ключи, я бросил их на подушку. Она кивнула, опять поняв меня без слов.

— Иди, иди, Ванюша, проветрись. Встретимся за завтраком.

У выхода я оглянулся. Незнакомка послала мне воздушный поцелуй и хулигански подмигнула. Не задерживаясь, я проследовал в лифт и поднялся к себе на двенадцатый. Было по-прежнему хорошо, по иному сегодня и быть не могло, поэтому я ничуть не удивился, когда обнаружил на своем этаже Банева со Славиным. Неразлучная парочка стояла на площадке возле лифтов и оживленно общалась с молодежью. Молодежь была представлена также двумя особями: коридорным и долговязой нескладной девицей, причем коридорный был тот же, что и ночью, не успел парень смениться.

— О! — дружно обрадовались братья-писатели.

Славин поинтересовался:

— Ты чего такой? Дедушкой стал?

Я увидел себя в зеркале: улыбка до ушей, глаза блестят. Новый человек. Странно, что они меня вообще узнали.

— Напитал исстрадавшееся тело пьянящим батидо, — похвастался я. — А может, это было октли, там этикетка отклеилась.

Лицо Славина приняло неестественный, неприятный вид.

— Грязные намеки, — сказал он грубо. — Я глубоко адекватен.

От него разило так, что хотелось немедленно закусить. Судя по всему, жаждущий классик нашел свой родник. Чтобы Евгений Славин, да не нашел? Мне стало стыдно, что я сомневался в таком человеке.

— Сначала он прочесал всю пригородную зону, — принялся рассказывать Банев. — Самогон ему так и не продали, зато пошутили, что местные винокурни будто бы тайно разливают вино в экспортном варианте, без этих присадок. Он поперся в порт, ползать на брюхе перед агентами по снабжению и штурманами, а вернулся уже на полицейской машине. Тогда он потащил меня в яхт-клуб…

— Зачем в яхт-клуб? — не понял я.

— На каждой приличной яхте есть запас спирта. Но со всякой шпаной там разговаривать не станут, поэтому он взял меня.

— Хрустящий воротничок, — сказал Славин с вызовом.

— Ради кого я старался, свинья? — спросил Банев.

— Злой ты, как габровец, — огорчился Евгений, после чего спросил у барышни с нарочитой громкостью: — Ну, вы поняли свою ошибку?

— «Одеть» можно только кого-то, например, человека, — ответила она, глядя на известного прозаика с восхищением и преданностью. — В родительном падеже. А предметы в винительном падеже «надевают»: то есть «надела шляпку», «надел кепочку»… (Она кокетливо посмотрела на меня.)

— И никак иначе, — с удовлетворением закончил Евгений.

Он внимал правильному ответу, приняв вид большого мастера (принявши!). Меж их склоненными головами трепетала рукопись, испорченная красными подчеркиваниями и ехидными пометками на полях. Девушка явно хотела взять Славина под руку, но не решалась, а рукопись,

очевидно, была собственного ее сочинения. Мне стало жаль юное дарование. Коли речь зашла о разнице в употреблении слов «одел» и «надел», значит, разговор за литературу велся по крупному, ибо вопрос этот имел не просто важное, но принципиальное значение, особенно когда Большие Мастера вразумляли пишущую молодежь… Коридорный, как это ни смешно, тоже держал в руках рукопись, и смотрел он с точно такой же преданностью, но только на Банева. Каждому ученику — по Учителю! Очевидно, я ненароком попал на летучее заседание творческого семинара.

— Если решили публиковаться на русском языке, на языке Пушкина и Строгова, извольте освоить грамоту в совершенстве, — сурово покивал Славин девушке.

— Что вас сдернуло в такую рань? — спросил я Банева.

— Вломились какие-то болваны, — пожаловался тот, — сначала к Жене, потом ко мне. Вас искали, Ваня, под все подряд кровати заглядывали. Мы решили, что вам требуется помощь. Какие-то неприятности?

— …Или вот, пожалуйста, написали вы «отнюдь», — с ленцой вещал Славин. — Так нельзя,

голубушка, после «отнюдь» не ставится точка. Это усилительная частица, которая самостоятельно не употребляется, а только в связке с отрицательной частицей «не» или междометием «нет». «Отнюдь нет», «отнюдь не гений», и никак иначе. Даже дурной вкус не может служить оправданием безграмотности.

Голубушка благодарно принимала обидные речи, соглашалась решительно со всем.

— Никаких неприятностей, сплошь одни приятности, — успокоил я Банева и обратился к коридорному. — Лэн Туур все еще в моем номере? Или домой ушел?

— Его забрали в полицию, — сказал тот беспечно.

— Ах, — сказал я, — вот оно как.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал он, — я им все разъяснил. И про то, что Туур — ваш друг, и про то, что вы сами пригласили его к себе. Может, кстати, он уже и дома.

Увели мальчика, подумал я, подарили герою новое приключение. И хорошо бы это в самом деле была полиция, потому что нет никаких оснований полагать, что это была именно полиция. Так или иначе, но Лэна в номере мне теперь не найти, значит заходить туда совсем не обязатель-

но. Ни одна вещь, привезенная мной из внешнего мира, не стоила и минуты сегодняшнего дня, а документы и деньги всегда у меня с собой. Оставь материальный мир врагам и стань свободным. Вот разве что мясные консервы — жалко… Я вызвал грузовой лифт и снова отвлек молодого человека:

— Он ничего для меня не передавал?

— Лэн? — спросил коридорный. — Да-да! Простите, чуть не забыл. Ночью вам звонил товарищ Строгофф, сказал, что весь вечер вас разыскивал и просил навестить его, как только вы сможете. Лэн сказал ему, что вы его непременно навестите.

Новость потрясла всех маститых литераторов. Включая меня. У Банева со Славиным вытянулись лица, и лишь молодежь спокойно поглядывала на нас, не понимая истинного значения случившегося. Учитель пожелал с кем-то встретиться, позвал кого-то к себе… неслыханное дело! Жаль, что обсуждать с коллегами варианты и версии не было у меня ни желания, ни времени, поэтому я молча сделал всем книксен и нырнул в подъехавший грузовой лифт. Почему грузовой? Потому что он спускался до подвала, имея выход в подземном гараже.

— Расскажешь потом, что да как, — вымучил

Славин с таким видом, словно его рвать потянуло.

Простодушный коридорный, едва я покинул общество, полюбопытствовал, что такое «батидо» и чем оно отличается от «октли», и трезвенник Банев, думая о чем-то своем, пустился в объяснения — по инерции, все по инерции, — а Славин по инерции принялся растолковывать барышне, почему пожарные в прошлом веке обижались, когда их называли по безграмотности пожарниками, однако я уехал, не успев послушать. Простите, братцы, думал я, нескоро мы теперь увидимся. Они так и стояли с вытянутыми лицами, и каждый, наверное, видел себя на моем месте, и каждый страстно хотел бы оказаться на моем месте, но место это было сегодня занято…

Возвращаться в отель я не собирался.

Пухленькая фрау Балинская была уже внизу, готовая к отъезду. В широком белом сарафане. И автомобиль был готов, пригнан из бокса. Подержанный «фиат-пластик», выпускаемый по лицензии Волжского автозавода.

— Как мне тебя называть? — спросил я, когда мы выезжали из-под земли на поверхность.

— Мария, — улыбнулась она.

— Как? — вздрогнул я. Ей-богу для одного оте-

ля — многовато Марий. Если, конечно, дама не позволила себе милую шутку. Она опять улыбнулась, зато меня окончательно отпустили спазмы неконтролируемого веселья. — И кто ты у нас такая? — спросил я.

— Я твой телохранитель.

— А кто была та серьезная бабуля с миноискателем?

— Это не бабуля, а моя мама. Она в другом номере живет.

Мы завернули на Приморский спуск и поехали к морю. За панелью управления сидел я, присвоив себе право выбирать цель поездки, и я же выбирал темы для беседы. Впрочем, о чем можно и о чем нельзя говорить, было пока не вполне понятно.

— Где ж вы раньше были, телохранители? — упрекнул я незнакомку.

Она молча открыла вторую панель, скрытую в дверце, и принялась нажимать на кнопочки. Загорелся экран бортового монитора, показывая мне запись. Некий персонаж, высунувшись из-за кустов, целился в другого, который прогуливался по темной безлюдной улице. Роли в этом любительском кино талантливо исполняли мы с Киухом.

— Так-так-так, — грустно сказал я. — И вы туда же.

— Нельзя было позволить, чтобы с тобой что-то случилось.

Было хорошо видно, как я метаю бутыль самогона, как волочу тело поверженного врага, было хорошо слышно, как тот бредит: «Камо, шуви камо», как болезненно бормочет: «Сиу тан», истекая кровью у меня на руках. Криминальная мелодрама…

— Если бы дело зашло далеко, тебя бы вытащили, — последовал комментарий.

Удивительно, но столь нахальное вторжение в мою частную жизнь на этот раз почти не задело меня. Я себя не узнавал.

— У вас есть специалисты по индейским культурам? — спокойно спросил я. — Что это за язык?

— «Шуви камо» можно перевести, как «восемь тысяч благодарностей», — сказала эрудированная толстушка. — «Сиу тан» переводится как «не понимаю». Один из языков группы майя. Специалисты у нас есть, Ванюша, у нас все есть, а теперь есть и будущее…

«Теперь есть и будущее». Загадочно, но красиво. Разговор складывался, хотя из нее была такая же Мария Балинская, как из пепельницы сахарница

— в том смысле, что меня-то, в отличие от Оскара с его свитой, не могли обмануть ее румяные щеки с ямочками и якобы небрежный русский говор. Однако пригвождать и разоблачать не пришло еще время. Голосом светского льва я справился, взаправдашний ли у нее муж. О да, наставительно сказала она, при всем старании не найти более крепкого прикрытия, чем муж-начальник, особенно если брачные узы скреплены документально. И что же подвигло почтенного главу земельного Совета оказать агентуре такую услугу? Уж не личная ли просьба Эммы? Все может быть (она погрозила мне пальцем). А зачем замужней даме понадобилось приходить в номер к спящему мужчине, да еще ночью? Я тебя разочаровала, огорчилась она, знаем, знаем, ты любишь молоденьких и худеньких, но ведь это, собственно, был мой номер. За обстановкой следила строгая старушка-мама, и когда стало ясно, что убежище писателя Жилина неизбежно и скоро найдут (отель трясли — с подвала до крыши), дочь поспешила на подмогу. Слава Богу, успела вовремя. Сыграла роль, как смогла… Кстати, как зовут нашу потрясающую маму, поинтересовался я мимоходом — ну просто чтоб в следующий раз быть с пожилой женщиной повежливее. Мама

тебе сама представится, развеселилась фрау Балинская, а мою девичью фамилию узнаешь, когда отобьешь меня у мужа. Помечтать полезно, согласился я, особенно после того, как прошел по краешку пропасти. Как же вы все, такие предусмотрительные и осторожные, не боялись, что ваше сокровище будет захвачено?! Очень боялись, сникла пассажирка. К счастью, Буквами, соединившимися в Слово, не так просто завладеть, их можно взять только вместе с автором…

— С кем? — спросил я.

— С автором, — повторила она. — С тобой.

— Ух ты, — сказал я. — Со мной?

— А тебя им не взять, — уверенно сказала она.

— А что же ваш Странник? — напомнил я. — Он больше не «автор»?

— Может быть он исписался? — задумчиво предположила женщина. — С другой стороны — ты. Честно говоря, я до сих пор не понимаю, кто ты вообще такой, чтобы ЭТИМ владеть?

— «Честно говоря», — сказал я желчно. — Как-то не верится, что разговор стал вдруг честным…

Пассажирка поглядывала по сторонам, силясь определиться, куда мы едем. Я был ей не помощник. Пусть сама спросит, если любопытная. Или она настолько вошла в роль моего телохраните-

ля, что не могла расслабиться ни на секунду?

— Послали человека на три буквы, да еще целым спектаклем это дело обставили, — прибавил я.

Она промокнула платочком вспотевший носик.

— Не шути так, Ванюша. Плохая шутка.

— Хорошо… Маша. Давай серьезно, — согласился я. — Ты видела, что лежало в твоей спальне на трюмо?

— Я видела, что было на трюмо, — произнесла она сухо. — О таких кристаллофонах я в интернате мечтала. Сейчас эта модель проигрывателя уже не выпускается, а когда-то, помню, я все каникулы на конезаводе вкалывала, чтобы денег скопить…

— Ты хочешь меня убедить, что ничего в ситуации не понимаешь? — спросил я. Она ответила:

— Когда этот твой рыжий друг радостно завопил «люгер, люгер!», трудно было не понять.

— Ну и? — спросил я. Она ответила:

— Я же не спрашиваю, что видел на трюмо ты.

— Почему, кстати? — удивился я.

— Мое дело солдатское, — призналась милая толстушка то ли с горечью, то ли с гордостью. — Тот, кто назвал эту штуку Буквами, не очень

разговорчив. Значит, так и надо.

— Тот, с двумя хвостами вместо ног… Ты о ком?

Вместо ответа она пожала плечами. На меня так и не смотрела, всё по сторонам, по сторонам.

— Ах, вот куда мы едем, — догадалась она.

— Да, мы едем туда. Я спросил о твоем неразговорчивом друге.

Фрау Балинская рывком повернулась ко мне.

— Нашел дорогу к сейфу и задаешь такие вопросы? Да ты гораздо лучше меня знаешь этого человека, если вычислил мой номер в отеле!

Я его знаю? Смелое утверждение. То, что хранила моя память, случилось настолько давно, что Вселенная с тех пор успела погибнуть и снова родиться. Юный практикант, тяжело болевший мечтами о Пространстве, отстал от своей группы, уже умотавшей на периферию Солнечной системы. Тут и появился, как чертик из табакерки, веселый и мудрый бортинженер дядя Ваня, болезненно разочаровавшийся в Пространстве. Один больной мечтатель помог другому: вот так и попал милый юноша в рейс к самому Генеральному инспектору товарищу Юрковскому. И понеслась стальная махина «Тахмасиба» шерстить да перелопачивать весь обжитой мир… Вместе с прежней Вселенной погиб и прежний

Жилин. Так знаю ли я человека, которого назвали Странником? Что я могу знать, кроме имени — его прежнего имени?

Женщина положила руку мне на колено и тихо сказала:

— До сих пор никто, кроме него, не видел, как Буквы выглядят на самом деле. Надеюсь ты их видишь, иначе все теряет смысл…

Тогда я накрыл ее руку своей и задал настоящий вопрос, потому что пришло время:

— Долго ты будешь из меня дурака делать?

А потом я смачно, со вкусом смеялся. Она ждала. Ее рука была живой и теплой. Я сказал — с предельной честностью:

— Пока что я знаю одно, красавица. В своем натуральном виде, в том, в котором ты являлась мне на пляже или у здания Госсовета, ты нравилась мне гораздо больше. Худенькая и молоденькая, в самую точку. И тем более обидно было наблюдать тебя в образе толстой старушенции, пусть и в брючках, которую ты старательно передо мной разыграла. Тоже мне, «мама» самой себе. Что за недоверие? О конечно, чудеса современной трансформации и все такое. Только зачем прелестной девушке себя искусственно старить, когда рядом такой деликатный мужчина?

Она улыбалась широко и агрессивно, как киноактриса с американского голопортрета. Четыре сантиметра между рядами зубов. Я припарковал машину, не доехав метров пятисот до нужного дома, и закончил речь:

— Люблю сказки. Я от дяди Оскара ушел, я от папы Марии ушел. А дураком быть не люблю… Сознайся, колобок, это ведь ты стащила артефакт внеземного происхождения из подземного хранилища МУКСа? Некрасиво, прямо из-под носа у директора. Хоть «буквой» это назови, хоть «цифрой». Так что не пора ли тебе начать откликаться на свое природное имя, агент Рэй?

— Умный, — сказала наконец Рэй. — Ну, и как ты про меня догадался?

Глава шестнадцатая

Лишь вершину Фудзи
Под собой не погребли
Молодые листья.

Бусон, старший брат Иссы.

Ковер под ногами был как степь после пожара, с гигантской пепельной плешью в центре и жалкими остатками растительности по краям; как вырезанный кусок земной поверхности с высоты птичьего полета; тундра, уничтоженная гусеницами вездеходов, бразильская сельва, растерзанная лесозаготовителями, тунгусская тайга в июле 1908 года; он был, как брюхо мертвого зверя, расплющенного временем. Ковер на полу был ловушкой, скрывающей от незадачливого путника дыру в вечность.

Я сбросил мокасины, доставшиеся мне от Лэна, и осторожно прошел по краешку этого реликта, стараясь ступать по тем местам, где еще сохранился ворс. Бог его знает по какой причине, но ковер, истоптанный тысячью ног, сопровождал Учителя повсюду, куда бы тот ни переезжал. Говорят, если перевернуть его обратной стороной — и

если правда то, о чем шептал пьяный Сорокин в ресторане Доме Писателя, и если неправда то, о чем трубили трезвые ораторы со сцены Актового зала выше этажом, — тогда мы обнаружим там, сзади, огромную, вышитую бисером фигу, настолько огромную, что она не поместилась в кармане и ее пришлось прятать таким вот образом; и если в ночь на шестое июня, — день рождения Пушкина, — ровно в полночь водрузить табурет на этот повернутый задом ковер, установить на табурете горящую свечу, погасить прочий свет, поджечь лежащий на блюде скомканный лист бумаги, а затем, не теряя времени, поднести блюдо к свече и начать медленно его поворачивать, тогда тени, отбрасываемые сгорающей бумагой, явят на стене комнаты персонажи и сюжеты, которые подарят тебе мировую славу, сумей только ими воспользоваться; одно условие — театр теней должен быть устроен на той из стен, куда указывает молчаливая фига под твоими ногами; так вот Учитель, уже более полувека дописывая том за томом свою нескончаемую «Дорогу дорог», единственную свою книгу, все эти полвека якобы устраивал раз в год подобные мистерии, наедине с самим собой, разумеется, черпая из этого источника свои потрясающие ис-

тории, и не с таинственного ли дедовского ковра началась его собственная писательская дорога?.. Боже, какая чушь.

Табурет, кстати, в кабинете был — одиноко стоял возле письменного стола. А стул громоздился у меня в руках: я принес его с веранды, оттуда, где остались мои мокасины. Строгов всегда просил гостей не снимать обувь, ходить по ковру прямо так, и гости хозяина никогда не слушались. Стул был деревянным, в венском стиле, с гнутыми ножками и спинкой. Я поставил его на пол, задвинув табурет под стол, и сел, повернувшись в направлении ширмы. Мне очень хотелось тихонечко приподнять ковер за угол и заглянуть туда, пока никто не видит.

— На чем мы с вами остановились, Ванечка? — раздался негромкий голос. В голосе не было ни силы, ни желания говорить, лишь привычка и отчетливое понимание необходимости.

— Мы остановились на «трусить, лгать и нападать», Дмитрий Дмитриевич, — поспешил ответить я Строгову.

Ширма была резной, как в исповедальных кабинках, и состояла она из трех створок. Это сооружение закрывало довольно большую нишу в стене, в которой, судя по характерным звукам,

располагался диван — того же возраста, что и ковер. Насколько старым был сам Строгов и как он изменился за прошедшие годы, не дано мне было лицезреть: не мог же я этак невзначай приоткрыть створку или, скажем, задеть ширму неловким движением, чтобы все это дело повалилось к чертовой матери! Если хозяину было удобней принимать гостя таким манером, стало быть, смирись, гость, и не брыкайся.

Остановились мы, собственно, на том, что Дим Димыч вдруг озаботился, в каких условиях пребывает его любимчик. Я был мягко согнан с табурета и послан на веранду — за нормальным стулом. А до того — родился дежурный вопрос «как ваши дела, Ванечка», из совместного ответа на который мы странными путями вышли на вчерашние городские катаклизмы (Строгов, оказывается, следил за новостями, что меня весьма порадовало), а когда мы вплотную подобрались к моей роли в этих событиях, я, вовремя почуяв неладное, вспомнил о целях и задачах операции «Время учеников». Здешний замкнутый мирок, сказал я Строгову, как будто нарочно перестроили в соответствии со введенной вами максимой: «Хуже нет, чем трусить, лгать и нападать!», и вот закономерный результат — мирок этот в

который раз жестоко лихорадит; так сказал я Строгову, пытаясь спровоцировать его на спор, однако он покорно согласился. Если вдуматься, сказал я ему, то почему, черт побери, хуже нет, чем трусить, лгать и нападать?! Трусить-то почему? Страх — это здоровое, правильное чувство, а пугливый человек — совсем не обязательно подлец. И ложь так же естественна, это ведь в большинстве случаев всего лишь защитная реакция психики, инстинкт самосохранения в действии, как например, ложь детей или стариков, и сколько угодно в жизни ситуаций, когда вранье — благо, а то и составная часть подвига. Что касается «нападать» — это просто чепуха. Или у Человека (именно так, с прописной буквы) не стало вдруг смертельных врагов? И опять Строгов со мною согласился… А до того он встретил меня заявлением, что хочет поговорить о моих книгах, потому и звонил в гостиницу, забыв про ночь на дворе… а до того, наплевав на ранний час, я вошел в незапертый дом, и ожил подвешенный к двери колокольчик, и знакомый голос тут же позвал: «Это вы, Ванечка?», указывая мне путь — в кабинет с ширмой и сиротливым табуретом возле письменного стола…

— Трусить, лгать и нападать, — механически

повторил Строгов. — Ага, ага… Знаете, хватит о пустяках. Хорошие вы люди… и Славочка, и Витенька тоже. Прих***О***дите ко мне, о пустяках со мной говорите… Спасибо вам, ребятушки. Видите ли, Ванечка, вчера мне взбрела в голову страшная мысль, что вы отсюда не уедете. Очень страшная мысль.

Пустяки, подумал я. Пункт первый: не волнуйтесь из-за пустяков; пункт второй: все пустяки… Универсальный рецепт не помог оздоровить мысли. Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать. Возникло странное ощущение, будто не на стуле я сижу, а на краю чудовищного обрыва, будто не лысый ковер расстелен под моими ногами, а влажная холодная бездна.

Учитель призвал меня, чтобы прогнать?

— Надеюсь, мой ранний звонок не доставил вашему другу больших неудобств? — прошелестело за ширмой. Голос Учителя был, как внезапное движение воздуха в камере смертника.

— Когда мне нужно уехать? — шевельнул я деревянными губами.

— Подождите, Ванечка, вы меня не поняли, — жалобно произнес Дмитрий Дмитриевич.

В дверях появился Калям Шестой; постоял секунду-другую на пороге, подрагивая хвостом, и

пошел по ковру, делая вид, что решительно не замечает меня. Где он был? Гулял в саду, прятался на веранде? Всех котов, живших когда-либо со Строговым, звали Калямами, и все они были беспородными дворнягами, короткошерстными, с крайне независимым складом ума. Этот был к тому же ярко выраженным крысоловом, то есть имел непропорционально большую голову с толстыми щеками, маленькие ушки и сильно развитые задние лапы — заметно длиннее, чем у других котов. Калям Шестой прошествовал мимо меня, по-хозяйски запрыгнул на письменный стол и демонстративно лег под настольной лампой, показывая, что лично ему здесь все позволено. Улегся он, понятное дело, за спиной гостя (на всякий, надо полагать, случай), и так, чтобы держать в поле зрения всю комнату.

— Давайте лучше вернемся к вашим книгам, — с заметным облегчением предложил голос за ширмой. — Ваши книги — это интересный феномен. И одновременно хороший пример к нашему разговору. Вон у меня на полочке лежат «Круги рая»… Я не уверен, что значение этой повести для вас, автора, открыто. Хотя, сейчас, по прошествии времени, можно смело утверждать, что она изменила мировоззрение целого поколения, особенно

у нас на родине. Люди поняли, что комфорт, просто комфорт — не так уж плохо. А вы что пытались людям сказать? Неужели что-то другое?

Я промолчал. Я почему-то вспомнил Шершня, который, если не наврал, сменил место жительства, едва дочитавши «Круги…» до финальной точки. А может, и не дочитавши…

— Вот еще соображение, — продолжал Строгов. — Вы самоотверженно боретесь с тем, что для вас является главным. Родимые пятна социализма, мещанство, вросшее в умы и души насилие… и одновременно горение духа, безоглядный энтузиазм… не так ли? Но восприятие читателя целиком занимают красивые мелочи, побрякушки вроде марсианских пиявок или жуткой зоны, нашпигованной инопланетным мусором. Целиком, вот в чем беда. Читателю оказались нужны одни только побрякушки. Вас это не беспокоит?

Я самоотверженно молчал. Строгов продолжал:

— Наконец, всем известно, что вы, Ванечка, не публичный человек, не любите вы всеобщее внимание. Тем не менее, помимо своей воли и вопреки своим мечтам, вы успели стать настоящим литературным персонажем. Появились апокрифы про вас, некие подражания… даже от

первого лица… Вы видите, к чему я веду?

Пока что я видел только ширму.

Впрочем, если оглянуться, можно было обнаружить нескончаемые, в две стены, стеллажи с книгами — высотою до потолка, со специальной стремянкой, чтобы добираться до верхних полок; а если скосить взгляд влево от ниши, можно было увидеть модную в девятнадцатом веке «горку», то есть застекленный с трех сторон шкаф, на прозрачных полочках которого были расставлены фигурки и статуэтки кошек, котов и котят — с бантиками, с розочками, в полном соответствии с породой и шаржированные, белые фарфоровые и красные глиняные, миниатюрные стеклянные и большие меховые, а также деревянные, бумажные, из натуральных камней, а ещё копилки в форме котов, коты-колокольчики, подушечки для иголок и свистульки, — здесь, очевидно, была выставлена часть знаменитой коллекции Строгова…

«Апокрифы от первого лица». Виноват ли я в том, что некоторые авторы страдают душевными расстройствами? Я вот, наоборот, все чаще думаю о самом себе от третьего лица, но беда эта — моя и только моя… Что хотел сказать мне Учитель? Когда-то мы с ним уже имели разговор насчет

моих повестей. Это было в Ленинграде, холодный дождь стучал за окном, но мнение, высказанное мастером, было солнечным и теплым. Вы столько всего напридумывали, что глаза разбегаются, добродушно потешался он. И инопланетный город на Марсе, и блуждающий меж звезд зоопарк, и психодинамическое поле мозга на службе Родины. И люди у вас почему-то все такие хорошие, и меня классиком выставили, будто я давно уж как помер. Так и хочется пожить в вашем мире, развлекался он, душа так и рвется включиться в непримиримую, бескомпромиссную борьбу хорошего с отличным… а я, встав по стойке «смирно» и выкатив на него бессмысленные глаза, орал в ответ: так точно, господин капрал! нужно лучше! но некуда, господин капрал!.. а он благожелательно кивал, листая мой томик, и цеплялся взглядом за гладкие страницы: вот, например, в вашей мемуарной прозе более всего запоминается образ некоего Римайера, наверное, просто потому, что это реально существующий человек, в отличие от некоторых других персонажей, которые явно вымышлены, на что я обиженно возражал, мол, как раз Римайера я выдумал, не было никакого Римайера, и не по этой ли самой причине он получился, как живой… и мастер, исполнен-

ный бесконечного терпения, отбрасывал шутки в сторону, чтобы раздолбать автора по существу: «…Некоторые ваши представления, милый Ваня, кажутся мне сомнительными. Эта ваша уродливая идея, будто Наставник или Учитель может заменить родителей в воспитании детей, а интернат будто бы может заменить семью… В интернате, друг мой, воспитывают воина, а не человека, и то в лучшем случае. Разделение воспитуемых по половому признаку не приводит ни к чему, кроме лишних осложнений в периоде полового созревания, так что „нового человека“ мы вряд ли такими способами получим…»; на что я отвечал ему, что эта идея, собственно, не моя, а его, затем открывал второй том собрания сочинений Строгова, и Дим Димыч с удивлением соглашался… он любил соглашаться с учениками, мудрый автор «Дороги дорог» — учитель учителей, писатель писателей и человек людей… вот такие у нас были встречи, такой стиль общения.

Но какого ответа он ждал от меня теперь?

— Вы преувеличиваете мои успехи, — сказал я. — Хотите, чтобы я раздулся и лопнул от гордости.

За ширмой кхекали, сморкались и скрипели пружинами, и длилось это довольно долго. Нако-

нец Строгов снова заговорил:

— Успехи, Ванечка. Правильное слово нашли. Мы с вами знакомы давно, но ведь писательством вы увлеклись совсем недавно, да? И за такой короткий срок добились невероятных успехов. Вы всегда добиваетесь результата, каков бы он ни был… Теперь понимаете, примеры чего я вам приводил? Ставя перед собой одну цель, вы поражаете совсем другую. Я не утверждаю, что эта вторая цель недостойна такого стрелка, как вы, она просто другая.

Кот на столе звучно зевнул и вдруг поднялся. Я помнил этого последнего из Калямов еще молодым, еще по Ленинграду: тогда он был серо-голубым, но сейчас он был скорее серым, чем голубым. Постарел Калям Шестой, располнел. Коты, к счастью, стареют быстрее хозяев. А когда коты-крысоловы начинают вдобавок толстеть, то прежде всего толстеют щеки и хвост. Он примерился и прыгнул, взлетев на самый верх стеллажа, и пошел себе по верхам полок, снисходительно поглядывая на происходящее.

— Калямушка… — сказал Строгов. — Да. Так вот, вы стали литературным персонажем. Не обидитесь, если я дам портрет литературного персонажа Жилина?

— Погодите, только блокнот достану, — сказал я, не двигаясь.

— Жилин — человек действия. Старый космолетчик, прошедший через многое, видевший смерть друзей, вернувшийся на Землю для того, чтобы что-то делать, а не наблюдать. На Земле ему пришлось научиться стрелять в людей. И теперь он умеет как никто другой постоять не только за себя, но и за идеалы, которые у него есть.

Я заставил себя засмеяться.

— Портрет прекрасен, — сказал я. — Жаль, что прототип несколько отличается от персонажа.

— Конечно, конечно — сказал Строгов. — Вопрос в том, будет ли этот герой сидеть в кресле, когда каждая клеточка тела требует: вмешайся, включись, встань в ряды единомышленников. Служа своему идеалу, сможет ли он ограничить себя литературной работой?

— Нет, наверно, — сказал я.

— В том-то и дело.

— Мой идеал — счастье, — с отчаянием возразил я.

— Это и страшно…

Калям добрался по верхним полкам до противоположного угла кабинета и растянулся там,

свесив щеки вниз. Устроился он прямо на одной из книг, положенных плашмя. Это был здоровенный подарочный фолиант, в коже и золоте (названия не было видно), хранившийся отдельно от остальной библиотеки. Любимое место, надо полагать, лежбище зверя. Теперь кот видел не только меня, но и хозяина за ширмой, и ради этого, собственно, была им предпринята смена дислокации.

Строгов сказал после паузы, тихо и безжизненно:

— Вы — сила, Иван.

Словно сургучом залили мой рот. Большой Круглой Печатью. Говорить стало не о чем и незачем. Учитель боялся, что постаревший драчун Жилин раззудит плечо и пойдет махать кулаками, если обнаружит вокруг своего идеала толпу плохих парней. Он боялся, что Жилин не усидит в кресле, а значит непременно что-нибудь сломает, медведь этакий. Получается, в этом мире было что ломать? Получается, постройка, увиденная Строговым, была слишком хрупка и могла рухнуть от ветра, поднятого незваными защитниками?.. Он с ужасом ждал, что все опять развалится, как это уже бывало, бывало, бывало, а я, мальчик, просто не понимал, что с миром

происходит. Я думал, у нас с ним один и тот же идеал. Я думал, Учитель болен, и нужно спасать его от абулии — от потери интереса к окружающему, от безволия. Никакой абулии у Строгова в помине не было, напротив, его воли хватило бы на всех нас. Он не видел ничего хорошего в силе, как в злой, так и в доброй, как в чужой, так и в собственной, и потому лишил себя слова. Его слово было силой. И Строгов не зря опасался на мой счет, он хорошо меня изучил.

Я что-то спросил, он что-то ответил — это не имело никакого значения. «Может быть, я не прав…» — изрек великий старец, а я даже не улыбнулся, осознав масштаб его кокетства. Впрочем, встреча мастера и ученика продолжалась, не мне было ее заканчивать. Личность некоего Жилина, внезапно оказавшегося главным персонажем беседы, была тактично оставлена в покое, говорили мы теперь о людях вообще. В новом мире нужен новый человек, заявил Строгов. Но главный вопрос — как вырастить этого нового человека? — остается пока без решения. И я сказал ему, что его поиски в области иной психологии не имеют смысла, потому что человек с иной психологией — не совсем человек или не человек вовсе. Новый вид. Жуткий про-

дукт науки евгеники. И в который раз Строгов со мной согласился. Наивные мечтатели, сказал он, восклицают: «Какими вы будете?», устремляя взор в Будущее, тогда как ответ — вот он, рядом: точно такими же. А если нет, то придуманными. Но кем же тогда заполнится новый мир, откуда возьмется новый человек? Гипноизлучение и другие массовые технотронные воздействия — это насилие, а значит, устойчивого результата мы таким образом не получим. Воспитание? Оно в конечном счете то же насилие, только более изощренное, сродни тому, как с помощью тонких психотерапевтических приемов, в тех случаях, когда прямое внушение невозможно, управляют пациентами без их ведома. Так где же выход из тупика? По-моему, кто-то нашел выход, буднично сообщил мне Строгов. Эти изобретатели живут здесь, в карликовой стране, затерянной среди мировых колоссов. Попробуем встать на их точку зрения. Если взять за аксиому, что вложить в человека новое нельзя даже с пеленок, потому что все в него уже вложено на уровне инстинктов и генов, в том числе и нравственность, тогда выход откроется сам собой. Изменению поддаются только рефлексы — в рамках уже заданной системы. Значит, нужно использовать в чело-

веке человеческое, шкурное, а не придуманное кем-то. Нужно поставить его в ситуацию, когда ему ВЫГОДНО быть нравственным, ВЫГОДНО иметь правильное мировоззрение. Например, так: правильно мыслишь — будешь молодым и здоровым! Или так: хочешь жить долго — гони из своей души алчность и злобу! И получаешь награду в виде чуда. Не в следующей жизни, не на небесах, а прямо сейчас, сегодня, завтра. Ну, кто устоит против чуда, которое столь реально? Кто-то, конечно, устоит, особенно поначалу, однако не они определят результат селекционной работы. И когда чудо станет привычным, новый мир родится. Не для того ли затеяны здешние странности?

Вот так Дмитрий Строгов понимал происходящее; впрочем, не об этом он собирался со мной говорить, совсем не об этом; ручеек его голоса, вытекавший сквозь створки ширмы, на глазах мелел, свинцовой тяжести фразы с трудом отделялись от тела…

— Не возвращайтесь туда, где вам было хорошо, Ванечка, — произнес он. — Теперь там все иначе, а значит — не для вас. Не продолжайте того, что начали другие. Там живет чужая душа, а значит счастье снова ускользнет у вас из рук.

Громкость упала почти до нуля, словно батарейки иссякли.

— То намеренье, что долговечней души, душу погубит, — добавил он. — Так говорит один хороший человек, с которым вам придется познакомиться, хотите вы того или нет.

Кот спрыгнул с фолианта на стремянку. Затем, цепляясь за перекладины, зверь спустился на ковер и канул в глубинах дома. Аудиенция, похоже, подошла к концу. Я вытащил из карманов оба загадочных камня — очень осторожно, один за другим, — положил их на письменный стол хозяина, не издав ни единого звука, и только после этого поднялся со стула. Есть люди, более достойные, чем ты, твердил я себе, есть люди, которые знают ответ до того, как задан вопрос. И в карманах, и на душе значительно полегчало. Мысль оставить ЭТО в доме Учителя явилась мне в ту секунду, когда Дмитрий Дмитриевич впервые прошептал слово «чудо», и решение было принято уже в следующую секунду. Так будет лучше для всех, убеждал я себя… или я думал тогда о другом? О том, что профессиональные охотники, бегущие по моему следу, отлично знают мои повадки: им в голову не придет, что я способен цинично втянуть престарелого гения в наши мужские забавы;

то есть лучшей «камеры хранения» на случай непредвиденных обстоятельств мне не сыскать…

Он ничего не заметил и ни о чем не спросил. Откуда ему было знать, что малодушный ученик только что сделал свой выбор? Он сказал мне на прощание:

— Я очень рад, Ванечка, что вы зашли. И вообще, правильно, что вы приехали. Не забудьте только отсюда уехать, хорошо?

— А вы за это разрешите мне приподнять ковер? — нагло сказал я. Даже присел на корточки, готовясь выяснить наконец правду.

Дим Димыч ничуть не удивился, как будто с подобной просьбой к нему обращался каждый из гостей.

— Нет, — спокойно ответил он, — не разрешу.

Ширма так и осталась на месте: хозяин не счел необходимым показать мне себя. Перед тем, как удалиться, я приподнялся на цыпочки и посмотрел, что за книжку такую облюбовал Калям Шестой в качестве лежанки. Это была поэма «Руслан и Людмила». А.С. Пушкин.

Глава семнадцатая

Лейтенант Сикорски поджидал меня на улице. Он отогнул край зелено-красной форменной куртки — так, чтоб видна стала кобура на поясе. Куртка была надета прямо на майку, а майка вылезала из брюк, обтягивая круглый спелый животик. Очевидно, человека грубо выдернули из постели, не позволив досмотреть целебный сон. Не оттого ли был он столь суров? Он демонстративно расстегнул кобуру и скучно произнес:

— Лицом к стене.

За прошедшие сутки мой лейтенант явно потерял интерес как к здоровому образу мыслей, так и к проблеме супружеской неверности. Я поискал взглядом стену. Возле ступенек, ведущих к дому Строгова, не было стены, был только здоровенный почтовый ящик на тонком стебельке.

— А вы рано встаете, Руди, — сказал я полицейскому. — Или вы не ложились?

— Лицом к стене, — повторил лейтенант Сикорски ровным голосом. — Давай, давай, без разговоров.

— Ваш начальник знает, чем вы сейчас заня-

ты?

— Товарищ Барабаш знает все и даже больше.

Я повернулся к морю задом, к Строгову передом, положил руки на почтовый ящик со знаменитым вензелем, и милейший толсятк принялся меня досматривать. Наверно, очень глупо это выглядело на мирной, солнечной, еще не проснувшейся набережной. С моей же точки зрения это выглядело крайне непрофессионально: офицер был один, без компании, а я знал четыреста сравнительно безболезненных способов заставить наглеца осознать свою ошибку. Было искушение наломать дров, однако я покорно ждал, когда он закончит свою работу. Искушение было, а желания не было. Я спросил:

— Что вы ищете, лейтенант? У вашей супруги ночной колпак стащили?

Сикорски стерпел. Тем более, ничего интересного на моем теле не нашлось. И даже в карманах — он, подлец, в карманы мои не забыл ручонки запустить!

— Мне кажется, вы сейчас что-то нарушаете, — высказал я предположение. — То ли закон, то ли гармонию вашего мира.

— Знали бы вы, без скольких законов могут обойтись люди, получившие приказ, — возразил

он, отступая на шаг. — Гармонию нарушили не мы. И вам это известно как никому другому.

Я повернулся.

— Не будет ли последним ударом по гармонии, если вы объяснитесь?

— Одно шальное кибер-такси пыталось три часа назад протаранить ворота Старого Метро, — сказал он с нажимом.

— Протаранить Старое Метро? — изумился я. — Зачем?

— Вероятно, кто-то хотел проверить охранные системы, — еще поднажал Сикорски. — Не думаю, чтобы они всерьез рассчитывали проникнуть в шахту.

— Охранные системы? — изумился я куда больше. — Да что там охранять-то?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей. Пропустить вопрос мимо ТАКИХ ушей — это надо было постараться. Он вбил последний гвоздь:

— В салоне кибер-такси полно отпечатков ваших пальцев. Образцы получены из архива МУКСа, так что ошибки нет. Может быть, это не я вам, а вы мне сумеете что-нибудь объяснить? На заднем сиденье машины — застывшая кровь, на которой ваши пальцы видны даже простым глазом.

Он целился в писателя Жилина отнюдь не простым глазом. Его взгляд бил на поражение, потому что кровь с отпечатками пальцев — это да, было серьезно. Какой же я неаккуратный, с запоздалым раскаянием подумал писатель Жилин, разве можно быть таким неаккуратным? Достойный ответ нашелся не сразу:

— Три часа назад? Э-э, товарищи, так у меня алиби. Готов принести справку, выданную Советом Безопасности. Подпись господина Пеблбриджа для вас что-нибудь значит?

— Я примерно представляю, где вы были три часа назад, — сказал Сикорски брезгливо. — Только это ничего не меняет.

— Вы допросили Лэна? — обрадовался я. — Мальчик у вас?

— Что за Лэн? — не понял он.

Так, подумал я. Лэна они не знают. Скверные новости.

Это были настолько скверные новости, что опять у меня разболелось в груди, и вдруг кончился воздух, и цветочница Кони Вардас укоризненно покачала головой, и я понял, что еще одной подобной тяжести моя треснувшая совесть не выдержит, каким бы атлетом не изображали меня местные скульпторши…

— Любопытно, кто подкинул идею начать именно с моих отпечатков? — бросил я в пространство.

— Это тем более ничего не меняет.

— Послушайте, Руди, — резко сказал я. — Вы тут все честные и гармоничные, но мне тоже нечего от людей скрывать. Около часу ночи я видел на Театральной площади такси со вскрытой панелью управления и даже осмотрел машину, потому что не выношу, когда над техникой издеваются. Если бы я понял, что на заднем сиденье кровь, я бы, конечно, вызвал полицию, но там темно было, а сам я… э-э… был не вполне трезв.

— Вы пили спиртное без нейтрализаторов? — быстро спросил он. — Где?

— Не в гостях ли у ректора Академии?

— Какая чушь! Ректор — смертельно скучный трезвенник. Хотелось бы узнать о судьбе того идиота, который решил проверить Старое Метро на крепость. Он жив?

— Автомобиль управлялся дистанционно, — сказал Сикорски. — Радиоуправляемый снаряд. Так что сегодня все остались живы… правда, день еще только начался…

Я вдруг сообразил:

— Значит, у меня под мышкой вы устройство

дистанционного управления искали?

Он застегнул куртку, надежно спрятав живот в зелено-красном панцире, после чего объявил:

— Вы свободны.

— Вот как? — удивился я.

— Оснований подозревать, что вы лжете, у нас пока нет.

— Я уже семь лет как свободен, — возразил я и пошел по набережной, демонстрируя им всем свою расхлябанную спину.

Никто меня не задерживал, это было странно. Однако настоящая странность была в другом; я осознал это, лишь когда сделал несколько шагов. Что-то инородное появилось в одном из моих карманов. Что-то, не имеющее веса, неслышным шорохом отзывающееся на каждое движение, и если бы не режим нулевой готовности, сделавший из меня принцессу на горошине, ничего бы я, наверно, не почувствовал. В кармане лежал скомканный бумажный шарик. Ну и не смешно, подумал я, общупывая пальцами неожиданную находку. Потом я оглянулся — как бы с ленцой, просто так. Лейтенант Сикорски неуклюже залезал в служебный «кузнечик» и весело покрикивал на пилота, который за шиворот втягивал его в кабину.

Вытаскивать и рассматривать, что там мне подбросили во время обыска, было нельзя: над землею, закрыв небо и солнце, нависали выцветшие глаза Оскара Пеблбриджа. Невозможно было забыться ни на секунду. Прогулявшись по набережной до турецких бань, я свернул на боковую улицу. Неброский «фиат-пластик» ждал меня там, где я его оставил, а в машине меня ждала Рэй, предусмотрительно затемнив окна. Я нырнул в раскрывшуюся дверцу и воскликнул:

— Н-но, милая!

Мы стартовали, как чемпионы авторалли, с визгом обогнули вертолетную площадку, и Строгий Дом остался в прошлом. Если машина и вправду была оборудована системой квантового рассеивания, то орлы в зеленых галстуках должны были тревожно сорваться с насиженных мест, разыскивая упущенную добычу. Инородный предмет в кармане штанов тянул к себе, как магнит, но я решил пока повременить его вытаскивать. Все-таки мужчина тоже имеет право на личные тайны, даже в компании такой красотки.

Как выяснилось, пока я был в гостях, Рэй не теряла времени — успела вернуть себе прежний облик, превратившись из средних лет толстушки в стройное и опасно юное создание. Была она

теперь в шортиках, в кислотной маечке и теннисных туфельках. Лакомый кусочек, а никакой вам не агент-вундеркинд, и уж тем более не агент-перебежчик. Царевна-лягушка.

Именно такой я и запомнил ее, увидев первый раз возле киоска с кристаллофонами.

— Ты уверена, что они нас потеряли? — спросил я.

— А то, — произнесла моя царевна человечьим голосом.

Сброшенная ею кожа была аккуратно разложена на заднем сиденье; я старался не оглядываться, потому что зрелище было не из приятных. Словно труп мы везли — сморщенную, остывшую, высосанную человеческую оболочку, бывшую совсем недавно симпатичной фрау Балинской. Этот жутковатый маскировочный комплект так и назывался — «оболочка». А труп старушки с седыми кудрями (незабвенная «мама»), очевидно, прятался в багажнике. Фильм ужасов. Уникальные были комплекты, если даже Оскар с его спецами не распознали обман. И за волосы, помнится, ее дергали, и за голый бюст хватали. Принцессе оставалось только подправлять цвет глаз, навешивать на себя бусы и браслеты, чтобы полимерные стыки в глаза не бросались — и хоть

в постель к Иванушке-дурачку, то бишь ко мне. «Оболочки», вероятно, были незнакомы Службе контроля. Откуда такое техническое могущество у беглого агента? Добавим в список аппаратуру контр-слежения, «зонтики», фотохромное программирование (я вспомнил записку, привязанную к рукоятке моего чемодана)… Да и сама девочка была не промах! Начиная с нашей второй встречи на пляже, она не переставала меня удивлять, ибо это прелестное дитя все умело. Незаурядное актерское мастерство, умение изменять голос и прикус. Плюс ко всему — владение боевой суггестией… Я потрогал руку, которую вчера проткнули спицей: ранки, само собой, оставались на месте, однако боли так и не было. Не было мне больно, и все тут. Чему только их не учат в нынешних разведшколах!

До Университета домчались за несколько минут, здесь было недалеко. Рэй одним движением поставила машину на стоянку, втиснувшись между фургоном и мотоциклом, и сказала:

— Приехали, вылезай.

— Давеча твой папа у меня на плече плакался, — сообщил я. — Это правда, что ты в четырнадцать лет была беременна?

— Была, — ответила она, нахмурившись.

— Мария просил тебе передать, что твой сын сбежал из интерната.

— Я знаю.

— Может, ты сама это дело и организовала?

— Может.

Она сняла с крючка дамскую плетеную сумочку, и мы вылезли. Вернее, она вылезла, а я слегка задержался. Я вынул наконец из кармана бумажный комок и расправил его на колене. На чистом бланке бухгалтерской ведомости было наискось, печатными буквами написано: «ОНИ РЕШИЛИ ТЕБЯ УБИТЬ».

— Что там? — наклонилась Рэй к окошку.

— Любовная записка, — сказал я, снова комкая бумажку в кулаке. — Не обращай внимания, с поклонницами я сам разберусь.

— Отстреливаться надо, — проворчала она.

Любовная записка… Без использования гелиочувствительных чернил — единственное утешение. Просто и без затей. Сначала Жилина хотели похитить, а теперь планы изменились. Жилин потерял свое значение. Обидно за него, все-таки известный человек. Или это провокация? Чья воля направила исполнительного лейтенанта Сикорски к дому Строгова, чья рука испачкала бухгалтерский бланк?

На площади перед главными воротами было довольно много транспорта: автомобили, автобусы, мотоциклы, вертолеты, но особенно много велосипедов. Несмотря на ранний час, жизнь в Университете, как видно, кипела. Народ не спал. И в голове моей кипело. Оставим в покое неизвестного автора записки, зайдем с другого фланга: кто, собственно, решил покончить с писателем Жилиным? (Если, конечно, написанное — правда.) Кто они — эти страшные «они», так ли очевиден ответ на этот вопрос?

Я посмотрел сквозь стекло на Рэй, тщетно борясь с приступом паранойи. Моя царевна повесила плетеную сумочку себе на плечо; она терпеливо ждала меня, старика. Я выбрался на свежий воздух, наблюдая за ней, и она что-то почувствовала, ответила мне взглядом.

— Ты ведь у нас тоже в некотором роде Мария, — продолжил я светский разговор. — Псевдоним в честь папы? Или, наоборот, в пику папе?

— Пошли, — хмуро сказала она, включив сторожевую систему своего «фиата». И мы пошли.

— Кто кому пики ставит, — сказала Рэй, помолчав. — Он целую интригу провернул, когда отдавал Пьера в интернат. Знаешь, как теперь зовут мать моего сына? Согласно документам

— Марией Ведовато. Дедушка записал себя вместо меня, чокнутый извращенец!

— Ну уж, извращенец, — неодобрительно сказал я ей. — А ты, стало быть, сделаешь так, что мамой Пьера станет пышнотелая Мария Балинская. Сочувствую вам всем. Лично мне кажется, что мама Рэйчел подходит больше.

Она вытащила из сумочки магнитную карту:

— Держи, это пропуск.

— Ого, — восхитился я, — тут пропускной режим?

— Так точно, — сказала она, — со вчерашнего дня. Тебя оформили, как командированного.

— Командированным я тоже сочувствую, — вздохнул я. — Скучно им здесь.

— Тебе смешно, — вдруг рассердилась Рэй, — а у меня отец — бешеный, тупой солдафон.

Я погладил ее по загривку, по вставшей дыбом шерсти.

— Он жестоко раскаивается, дитя мое. Зато ты, по-моему, просто кукушка. Подбросить птенца кому-нибудь в гнездо, чтобы спокойно порхать по лесу — это, конечно, не тупо…

Очнулся я на газоне. Рэй протягивала мне руку, помогая подняться; она улыбалась, у нее опять было хорошее настроение. Попался, как школяр,

с досадой подумал я. Обыкновеннейший бросок через бедро, классика, самое первое действие, с какого юные спортсмены начинают осваивать любой вид борьбы. Бросок был выполнен чисто, с отменно высокой амплитудой: если бы не защитный рефлекс, то своротил бы я своими ножищами, красиво взлетевшими к небу, информационный куб со схемой парка.

— Вам следует быть учтивее с дамой, сеньор, — назидательно произнесла девчонка.

— Так то с дамой, — прокряхтел я, отряхиваясь. — Бешенство, по-моему, ваша фамильная черта. Это не комплимент.

Вход был уже рядом. В прямоугольной арке с колоннами, облицованной мрамором, были установлены турникеты. Возле турникетов дежурил молодой парень. Белая с золотом форменная рубашка и зеленые форменные брюки выдавали в дежурном принадлежность к таможенному управлению, и был этот таможенник мне знаком: не кто иной как он обыскивал вчерашним утром мой багаж в поисках контрабандной водки. За плечами его зачем-то висел, трудно согласуясь с остальным нарядом, небольшой плоский рюкзачок. Парень бесстрастно наблюдал за нами, никак не выдавая своего отношения к увиденной

сценке.

— Досматривать нас будете? — кротко спросил я. — Если да, начинайте с нее. — Я показал на Рэй. В маечке она смачно смотрелась.

— Вы шутите, — констатировал таможенник, не улыбаясь. — Я вижу, у вас даже пропуск есть, товарищ Жилин, хотя вас бы и так пустили. Для людей с чувством юмора у нас зеленый коридор.

— В нарушение порядка? — ужаснулся я. — Что вы такое говорите!

Мы прошли сквозь турникеты, отметив магнитные карты в регистрирующем устройстве. Из большой, трехметровой высоты палатки, развернутой возле арки, нам навстречу выскочил Анджей Горбовски. Был он в рабочем комбинезоне, а на спине его сидела на плотных лямках точно такая же, как у таможенника, заплечная сумка.

— Ну, и где ваш знаменитый холм? — капризно воскликнул я. — Не вижу никакого холма.

— Пше проще, не могу подать тебе руку, — поднял Анджей испачканные в смазке конечности. — Холм — сразу за административным корпусом, шагай себе по дорожке… — Он посмотрел на Рэй и слегка поклонился. — Хотя, по-моему, ты и без моих советов справишься.

— Долго не болтайте, мальчики, — пропела она и медленно пошла вперед.

Я заговорщически спросил:

— Ты ее знаешь?

— Ее знает ректор, — неохотно ответил Анджей. — Думаю, в электродинамической лаборатории тоже хорошо знают. Моя лаборатория, если ты помнишь, оборонными темами не занимается.

Недоверие — профессиональная болезнь оперативников, тяжко жить с этой опухолью в голове: удаляешь — вырастает снова. Не сходи с ума, классик, зло сказал я себе. «Они» — это «они», а мы — это мы. И все! Точка… Рэй, не оглядываясь, игриво махнула нам пальчиками.

— Я вижу, у вас тут строгости, — похвалил я. — Осадное положение.

— Ерунда, практически всех пускаем. Горожане проходят на территорию свободно, а туристам пропуск получить — раз плюнуть.

— Вы умеете отличать одних от других? — удивился я. — Может, вы и документам верите, которые вам предъявляют?

Какая наивность, подумал я. Узнаю своих интелей. Подумал я также о маскировочных оболочках, оставшихся в автомобиле: чем, хотелось

бы знать, местные вояки смогут ответить на подобные фокусы? Анджей растерянно поморгал.

— Ты зря беспокоишься, Иван, — напряженным голосом сказал он, — новички у нас хорошо проверяются. И вообще, проверяются все, кто нам не знаком.

— Что значит «не знаком»? — не понял я.

Он улыбнулся, расслабившись.

— Видишь того студента? — Анджей глазами показал на моего таможенника, несущего вахту возле турникетов. — Это заочник. Феноменальная личность. Помнит в лицо и по именам всех жителей города, все двести тысяч, а также три сотни тысяч туристов, имеющих гостевые карты. Просто так мимо него не пройдешь, серьезный молодой человек.

— Давайте ему побольше рыбы и творога, — посоветовал я. — Ты-то сам чем занят?

— Монтируем резерв, — виновато объяснил он, — заодно тестируем контрольный комплекс. Я бы с радостью побродил тут с тобой, но…

Но они и впрямь готовились к осаде, как бы ни убеждали своих гостей в обратном. По траве змеились кабели, сходясь к палатке с аппаратурой; два других точно таких же шатра виднелись метрах в трехстах отсюда — по разные стороны

от главного входа. Ограда опоясывала весь парк и была составлена из прозрачных экранов два на три метра, закрепленных на стойках причудливого профиля. На экранах была нанесена по краю тонкая, серебрящаяся на солнце металлическая полоса. Не знаю как вчера, а сегодня на каждом из этих звеньев был заботливо выведен номер: начиная с цифры «1» (слева от арки), и заканчивая «2018» (справа). В землю были врыты столбы неясного назначения, в парке расставлены мобильные мачты антенн, приготовлены баллоны на тележках; таким образом, мирное ограждение, служившее по большей части украшением Университета, превратилось в надежный периметр, контролируемый в любой точке, и все это мало походило на учебную тревогу. Вдоль периметра курсировали озабоченные сотрудники, каждый с компактным рюкзачком на плечах — забавно это выглядело, так малыши на прогулке носят специальные мешочки за спиной, в которых помещается совок для песочницы и носовой платок.

— С радостью бы, но… — беспомощно повторил Анджей, состроил зверскую гримасу и пошел, горбясь, к палатке.

Я догнал Рэй.

— Кое-кто не дал мне договорить, — напомнил я, морально готовый в любую секунду снова оказаться на земле. Впрочем, теперь мы еще посмотрим, кто кого. Моя рука как бы сама собой легла девочке на плечо: она изучила внимательным взглядом эту мою руку, а я ждал, я всем сердцем хотел очередной хулиганской выходки… однако ничего не случилось.

— Нельзя грубить старикам, — продолжал я, потирая ушибленный бок. — Тоже мне, сосуд благодати, достойное дитя своего папаши. У Марии, по слухам, с твоими дедушкой и бабушкой был один сплошной конфликт, который, как я вижу, выродился в конфликт с собственной дочерью. А мне вот любопытно: какое будущее ты хотела бы для его внука?

— Чтоб был подальше от людей, — ответила она, не задумываясь.

— Сделаем. — Я засмеялся.

Рэй остановилась и странно посмотрела на меня.

— Не забудь, ты обещал.

Мы двинулись дальше. Разговор неожиданно оказался серьезным; что ж, тем лучше. Я осведомился:

— Ты веришь, что есть на свете машинка, кото-

рая изменяет реальность уже не в твоей голове, а вокруг тебя?

— Суперслег, — она усмехнулась. — Единственная и настоящая игрушка Оскара Пеблбриджа. Он так печется о чистоте человеческой истории, что хочешь не хочешь, а задумаешься, зачем ему эта штука нужна на самом деле.

— Я спросил не про Оскара Пеблбриджа, — терпеливо сказал я. — Давай не будем терять смысл.

— Давай. Мне тоже не нравится словечко «суперслег». Совершенная бессмыслица. Вроде «супермена». Возьмем, к примеру, Жилина, который вот уже сутки ведет себя аккурат как супермен, и все-то у него при этом получается. Хотя отродясь он таким не был! И вообще, сам он всей душой ненавидит таких жлобов и хамов, мы-то с вами это хорошо знаем. Где здесь смысл?

Смысла не было. Меня на миг повело — как давеча на пляже. Потому что я давно уже думал о том, о чем сейчас услышал, потому что дурацкое чувство сделанности, фальшивой яркости вчерашних дня и ночи, становилось с каждым часом все болезненнее.

— Мне кажется, Ваня, кто-то сильно захотел увидеть тебя таким, — ответила ведьмочка на свой же вопрос. — А тебе как кажется?

— Так вот для чего понадобилась комедия на пляже! — сообразил я. — Для того, чтобы сейчас сказать мне все это. Вы пытаетесь свести меня с ума, синьорина?

— Почему комедия? Рука болит, нет? Так что думай.

— Думать — тяжелая работа, — пожаловался я. — Мы ведь не про руку говорим. Про слег. Думать и говорить про слег — каторжный труд. В «Кругах рая» я уже высказался по этому поводу до конца, и вдруг появляешься ты, чтобы посеять в моей голове новый сорняк. На взморье, во время нашего бредового разговора, разве не снимали вы с меня рефлексограмму? Разве не для того возник жуткий образ ванны, из которой я так и не смог вылезти, чтобы проконтролировать в этот момент мои нейрохимические процессы? Я понимаю, вам нужно было знать, полностью ли отпустил меня слег. Но все-таки интересно: какой датчик ты ввела мне при помощи спицы?

— Блеск! — восхитилась она. — Абсурд пожирает своих детей.

— Тест, надеюсь, пройден?

— Тест? Удобная версия. У тебя хорошая психологическая защита, Ваня.

— Если на взморье был не тест, то что? — разо-

злился я.

Рэй, прищурившись, посмотрела на небо.

— Абсурд — это форма доказательства, — неторопливо произнесла она. — Это способ заставить человека взглянуть на все иначе, в том числе на что-нибудь действительно важное. А что для Жилина в этом мире важнее слега? Жилин столько слов, пардон, затупил, чтобы счистить с мира коросту благодушия. Если вдруг выяснится, что причину наших бед он перепутал со следствием, как ему, горемыке, перестроиться?

— Абсурд крепчал, — объявил я. — Глупо врете. Крутитесь, как змея на сковородке, позор.

Она невозмутимо продолжила:

— Согласно придуманной тобой легенде, слег возник из ничего, из ошибки, из неправильного сочетания обыденных вещей, и в этом его главная опасность. Но ведь не так оно было! Даже если изобретение слега обошлось без участия конкретного изобретателя, все равно обязательно был кто-то, кто сначала захотел, чтобы эта штука появилась. Сначала было чье-то желание, а только потом началось движение, представляющее собой цепочку случайных событий. По такому закону все в мире и движется, к твоему сведению. Кем нужно быть, чтобы любое твое желание

исполнялось?

— Супругой председателя земельного Совета? — подсказал я.

— Творцом, — возразила она. — Вот мы и вернулись к началу.

Смеяться? Плакать? Я вовсе не был уверен, что мне врут; абсурд крепчал — единственно в этом я был уверен. Поэтому спросил напрямик:

— Правда, что сокровище на астероиде откопал Пек Зенай?

— И первую, и вторую Букву нашел тот, кого ты знаешь гораздо лучше меня. Пек Зенай только доставил находку на Землю.

— Что значит — и первую, и вторую?! — возмутился я. — Разве один из артефактов уже не был на Земле?

— Оба были на астероиде, — сказала Рэй.

— Тогда как здесь оказался «Новый Теотиуакан» с его плазменными сгущателями?

— «Новый Теотиуакан», насколько мне известно, это парочка сумасшедших, вовлекших в свое безумие несколько наемников. Несчастные люди. Все они перепутали свою и чужую реальность.

Я подумал и спросил:

— На каком из астероидов?

— Тебе название? — усмехнулась она. — Эле-

менты орбиты и регистрационный номер? Лететь туда собрался?

— Это мысль, — сказал я.

— Третьей Буквы, из-за которой весь сыр-бор, там нет. Если б было так просто.

— Ах, вот в чем дело. Буква под номером три.

— Да, все дело в ней.

— Твой Странник, надеюсь, знает, где искать третью?

— Никогда не спрашивала. — Рэй ускорила шаг. — Вот, кстати, и холм, добро пожаловать.

— Это — холм? — сказал я, потрясенный.

Мы пришли. Обогнув административный корпус, мы оказались на просторной, яркой лужайке, к которой стекались аллеи и дорожки парка. Прямо за деревьями прятался кампус (ряды двухэтажных домиков), по левую руку располагались учебные и лабораторные корпуса, доходившие до самого Парка Грез с его знаменитой телебашней, а справа, метрах в двухстах, громоздились руины древнего замка, поставленного еще Ульрихом де Каза.

Холм был в центре. Во всяком случае, ничего другого, похожего на холм, поблизости не наблюдалось. Словно кучу мусора сволокли на лужайке — огромную кучу мусора высотой в половину

мачты, на которой каждое утро поднимали флаг Университета, — а потом залили ее стеклом, чтобы была она праздничной и гигиеничной, чтобы сверкала на солнце и радовала глаз паломника. Люди лазили по склонам этой пирамиды, сидели у подножия, лежали на траве, бесцельно слонялись вокруг; паломников было много.

— Погуляй тут, — распорядилась Рэй. — Никуда не уходи.

— А ты? — спросил я.

— Надо предупредить Милу, иначе тебя не пустят.

— Куда не пустят?

— В музей.

В какой музей? Время вопросов закончилось: ведьма исчезла, как туман поутру. Тогда я приблизился к странному сооружению, чтобы рассмотреть его в подробностях. Стеклянная масса уходила вверх ступеньками-ярусами, а внутри, в прозрачных толщах, были похоронены вещи. Ковры, свернутые в трубку. Подушечки с рюшами и воланами. Репродукции в массивных багетах, модные когда-то семирожковые люстры, и еще хрусталь, фоноры, тоноры, стереовизоры, и еще теннисные ракетки, галстуки, трости… Специфический подбор вещей. Надо полагать, это и

вправду был мусор. Хлам особого рода, который загромождает не столько дом, сколько сердце.

Вершину холма венчал большой фикус в кадке.

Я смотрел на этот фикус и умилялся. Гражданская война закончилась, думал я, и люди пришли сюда, пришли ожесточенные и потерянные, чтобы выбросить прошлую жизнь на свалку, люди становились в очередь, тянулись нескончаемой вереницей, чтобы швырнуть в общую могилу трупы несбывшихся надежд, и возвращались домой — просветленные, с пустыми руками… и взлетал к небу огонь погребального костра, и восторженно ревела толпа… нет, не так было, никаких костров или толп! Люди шли семьями, с флажками и шариками в петлицах, торжествуя и гордясь собой, и каких только чудовищ не несли победители в своих руках! Чудовища были узнаны, изобличены, больше не опасны, они молили о сострадании и напоминали о совместном счастье, ведь жизнь их питалась тем искренним обожанием, которое люди всегда к ним испытывали, но Памятник Великой Победы тоже нуждался в обожании… и массовая жертва была принесена, потому что торжествующая гордость всегда оказывается сильнее благодарно-

сти, сострадания и здравого смысла… Прекрати насмехаться! — сделал я себе замечание. Братская могила для вещей — всего лишь символ. Человек перестал быть зависимым. Это — символ освобождения.

Или человек просто сменил один вид зависимости на другой?

— …Я знаю, что ипохондрия не лечится, — с яростным напором произнесли у меня за спиной. — Я хочу знать, как ее лечить?..

Наверное, стеклянный холм возник вскоре после моего отъезда; хорошо помню, что здесь была здоровущая воронка, которую уже при мне превращали в котлован — собирались строить экспериментальную станцию космической связи. Более того, эта чудесная поляна вся целиком была изуродована во время боев. (Как, впрочем, и значительная часть территории Университета, и примыкающий к нему Парк Грез). Помнится, тогда Университет только-только начинали восстанавливать, и начали, как видно, с того, что вместо станции космической связи организовали пирамиду с фикусом… Сейчас поляна, ясное дело, была обжитой и благоустроенной: фонтанчики для питья, беседки для занятий, искусственный грот с туалетом, декоративный водоем в форме

сердечка. Я даже приметил будочку воздухозаборника, торчащую из травы по ту сторону кольцевой аллеи и выполненную в виде избушки гнома. У них тут что, удивился я, бомбоубежище есть?

Над тумбой пищевого автомата склонялся знакомый мне командированный, с которым мы имели ночью поучительную беседу. Идейный противник женщин, переставших вдруг продаваться — был он голый по пояс, кряжистый, лоснящийся… Его-то каким ветром сюда занесло?! Этот тип запихивал обеими руками себе в рот фруктовое желе и поглядывал на меня любопытными поросячьими глазками. Я приветственно приподнял кепочку, и он тут же сменил позу, выставив мне навстречу квадратные ягодицы. Ну что ж, здесь никто никому не навязывается. Я медленно побрел вдоль подножия холма, с наслаждением улыбаясь всем вокруг, и все вокруг улыбались мне; настроение оставалось прекрасным; и странные разговоры, в которых мне не было места, обтекали меня, как вода старую корягу…

— Я объясню, что такое покаяние, если ты до сих пор не включаешься! Покаяние — это так. Во-первых, попроси прощения. Во-вторых, сам

прости. И в третьих, в главных, попроси прощения у Бога.

— Ты думаешь, это поможет мне от бессонницы?

— Покаяние — не лекарство, а дверь. Прежде чем ждать помощи, сначала надо войти.

— Не знаю, не знаю. Дверей много. Сыроядение дает прекрасные результаты, но не отказываемся же мы на этом основании от голодания?

— Кстати, ошибки в выборе питания могут привести даже к слепоте.

— А правда, что узкое белье очень вредно для глаз?

— Подожди, вопрос в том, что есть человек? Душа, мозг? Или, может, руки?

— Эй, вы, человеку здоровый мозг вообще необязателен! Владимир Ильич, как известно, был анацефалом, то есть функционировало у него только одно полушарие, и, тем не менее, он был гением планетарного масштаба, который указал человечеству путь.

— Это какой Владимир Ильич?

…Люди отдыхали. Кто-то, сидя на траве, делал себе массаж — ступней ног, головы, кистей рук, — кто-то сосредоточенно, по-обезьяньи, выискивал на теле соседа активные точки и воздействовал

на них большим пальцем — словно клопов давил. Многие ходили или сидели с пиратскими повязками на одном глазу. («Кто это, корсары?» — озадаченно спросил я у дамы в сарафане. «Нет, вампиры,» — ответила она, кокетливо поглаживая лямочки. «А зачем повязки?» — «Зрение обостряют».) Я все-таки ожидал чего-то другого. Я полагал обнаружить здесь групповые медитации, отправление неведомых мне ритуалов, хоровое пение мантр и шаманские пляски. Или, скажем, здесь мог быть психологический практикум для алчных и агрессивных, или, того лучше, начальная школа здоровья, где прополаскивали мозги всем новичкам. А тут, оказывается, просто проводили время. Это было место, где общались, набирались энергии и оттачивали зрение…

— «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце», — говорила девушка в блузе-распашонке. — Это, между прочим, из Библии. Так что смотреть на солнце — полезно! Причина солнцебоязни чисто психологическая. Надо только уметь это правильно делать, и не будет никакой депрессии, уйдет напряжение, появится живость и блеск в глазах…

Ее слушали.

— Выздоровление — это как включение, — го-

ворила девушка в белоснежной х***А***ечке. — Что-то должно щелкнуть в голове. Щелк — и ты здоров, хотя секунду назад был еще болен…

Слушатели старательно включались.

— Все дерьмо, кроме мочи! — кричал мужчина в бриджах. — Я понял это, товарищи, перейдя на интенсивные формы уринотерапии.

Кругом смеялись…

Итак, человек сменил один вид зависимости на другой, весело думал я. И нет, наверное, в этом ничего страшного, скорее наоборот… Но ведь любая медсестра знает, что для человека существует только один вид зависимости — нейрохимическая. Все остальное — наша безответственность или безволие. Более всего на свете человек зависит от равновесия в его нервной системе, которое поддерживается фантастическим коктейлем веществ, гуляющих между нервными клетками. Равновесие это на беду хрупкое, нарушаемое чем угодно: таблеткой, излучением, словом. Особенно успешно гомеостазис нарушается, когда мы хотим сделать, как лучше. В начале века был проведен эксперимент: крыс помещали в специальную среду, в которой продолжительность жизни клетки значительно увеличивалась. В результате крысы жили четыре-пять лет вместо

обычных двух с половиной! Но при этом они большую часть своего фантастически долгого бытия спали. Они мало ели, неохотно двигались, редко давали потомство. За все надо платить, и за долголетие крысы заплатили несостоявшейся жизнью. Эксперимент был повторен в Японии — уже на добровольцах из числа людей (когда это выплыло, скандал случился на всю планету; исполнителей потом судили). Последствия оказались иными: кто-то из подопытных, как и зверье, впал в спячку, но большинство сошло с ума. Психоз в различных формах — такова была человеческая реакция на долголетие. Опыты, конечно, свернули, и психическое состояние пострадавших в конце концов пришло в норму, однако некоторая общность в судьбе крыс и людей показала, что насильственное продление жизни прежде всего ломало личность… А какую цену готовились заплатить за вечную молодость в этом городе?

Звонкая, оглупляющая радость по утрам, абсолютно ничем не мотивированная — это, знаете ли, симптом. Эйфория — вовсе не дар богов, а всего лишь нарушение психических функций…

Речь шла именно о решительном и бесповоротном замедлении старения — я склонен

был верить Шершню. И всем намекам, стыдливым ухмылкам в кулак я также склонен был верить. Люди здесь стали другими, и те, У КОГО ПОЛУЧИЛОСЬ, и даже те, у кого пока нет — вроде Рафы и Шершня. Вечная молодость поцеловала в морщинистый лоб их всех. И возникновение на этой земле культа сна подтверждало, что мыслю я в правильном направлении. Сон, якобы творящий чудеса… Почему, впрочем, якобы? Вещества, тормозящие старение, вырабатываются в организме человека ночью, во сне — как реакция на отсутствие света. Занимается этим расположенная в мозге шишковидная железа, которую еще именуют «эпифизом». Эпифиз — целая фабрика по производству волшебных биорегуляторов. Взять, например, мелатонин: гормон, обладающий удивительными свойствами (нейтрализует яды, способствует рассасыванию опухолей, заставляет расти тимус — железу, отвечающую за иммунитет). Или эпиталамин — еще более фантастическое вещество… однако не это важно. Их много, подобных веществ. Все ли они нам известны и все ли их действия изучены? Почему бы не допустить, что железы внутренней секреции могут и сами полностью нейтрализовать свободные радикалы, накапливающиеся в клетках, стоит

только направить процессы в нужном направлении? После пробуждения, сказал Шершень, эффект долго сохраняется. Эффект чего? Шершни нам не авторитет, но, предположим, нашлось-таки средство, побуждающее мозг синтезировать композицию веществ, в просторечье называемую эликсиром жизни…

Деньги под подушкой. Смешно. Деньги, которые больше, чем деньги. Животворящая сила, исчезающая, едва пересекаешь границу… Понятно, почему у Странника земля под ногами горит. Что там внеземное сокровище, которое при близком рассмотрении может оказаться не полезнее платка фокусника! Большие и мелкие боссы желают приносить человечеству пользу, причем, вечно. Омолодиться — и снова за работу. Посему к товарищу Страннику есть настоящий вопрос: как сделать, чтобы целительными снами мог наслаждаться любой уважаемый, солидный человек? Независимо от того, пытается ли он мыслить по-новому и мыслит ли он вообще. Что за честь такая юродивым, которые носятся со своим покаянием, и тем счастливы!

— Его что, разве можно убить? — услышал я и остановился.

Вполголоса переговаривались два юных суще-

ства, одно с косынкой на шее, другое с шарфиком. В парке вообще было потрясающе много аппетитных юных существ.

— Не знаю, так говорят. Его здесь давно не видели.

— А это тогда кто?

— Это главврач амбулатории. Говорят, его друг.

Я посмотрел туда, куда смотрели они. Они, впрочем, уже смотрели на меня, многообещающе улыбаясь; жаль, но я был сегодня занят. А героем шепотка, похоже, был старик, который расположился почти на самой вершине холма, в тени от фикуса. Друг кого-то, кого нельзя убить. Хм. Рядом со стариком красиво сидела девушка в прозрачном шазюбле.

Человечек в моей голове потянулся и язвительно напомнил, что мы, вольные наблюдатели, мы люди без комплексов. Капля информации, растворенная в чужом бокале, стоит того, чтобы получить содержимое бокала в лицо — так нас учили, — и тогда я шагнул на ступеньки холма и пошел к вершине, спрятав правила хорошего тона в карман. О чем мог говорить врач с хорошенькой пациенткой — в самом здоровом месте самого здорового из городов? В центре, можно сказать, мировых линий?

Врач читал стихи:

…Мое признанье не сочти хвастливым.

Я понял жизни смысл, испив и желчь ее и сладость.

Жить, быть счастливым самому – лишь радость,

А счастье – это делать мир счастливым…

Он закончил. Я спросил:

— Ваши?

И он сразу встал. Коренастый старик невысокого роста, с прической не длиннее моей. На нем была рубашка с закатанными рукавами, заправленная в брюки, а брюки были затянуты ремнем так туго, что, казалось, он хочет рассечь себя на две половинки, верхнюю и нижнюю. По-моему, он был единственный в парке, кто носил брюки с ремнем. Обут он был в поношенные босоножки со стоптанными задниками. Главврач, одним словом. Он встал, а девушка в прозрачном шазюбле осталась сидеть, покачивая на пальцах ноги снятую туфельку.

— Здравствуйте, — сказал он очень радушно. — Подсаживайтесь.

Занятный у него был акцент. Очевидно, мест-

ный язык не являлся для него родным, как и для меня. А какой был родным?

— Простите, я случайно услышал, как вы читаете, — виновато сказал я. — Не мог не остановиться.

Мы присели на прозрачную ступеньку, упругую и прохладную. Прямо под нашими ногами застыл в стеклянной пустоте, прощально взмахнув оборванным шнуром, торшер в виде арапа, держащего баскетбольный мяч.

— Вот это ваше последнее четверостишие… — продолжал я. — Страшно, что умные люди до сих пор так думают. Господи, храни нас от людей, которые не только хотят делать мир счастливым, но и знают, как! Страшнее всего, когда эти люди засучивают рукава.

Старик осмотрел свои оголенные руки и усмехнулся.

— Это, наверное, странно, но я думаю так же, — сказал он, опустив взгляд. — Плохие стихи, забудем про них. Если стихи понимаются только в социально-утопическом ключе, значит они плохие. Вы спрашивали, кто автор? Я, — закончил он смущенно.

— Почему, стихи мне понравились, — подбодрил я его. — А как их понимает автор?

— Спасибо вам. Мне кажется, мы с вами вкладываем в слова «мир», «счастье», «радость», что-то разное, — уклончиво ответил он.

— Давайте определимся, — весело предложил я. — Один мудрый человек написал, что радостей в жизни только три — Друг, Любовь и Работа…

— Строгов, — вдруг произнесла девушка, сладко щурясь на солнце. — Триада. Классика.

— Вы читали? Чудесно.

— А вы сам что по этому поводу думаете? — улыбнулся старик.

Я сказал:

— Если взглянуть шире, ты испытываешь радость, только когда следуешь свойственным именно тебе инстинктам. У кого-то доминируют инстинкты самосохранения и продолжения рода, у кого-то — инстинкт исследования, инстинкт свободы, инстинкт альтруизма… и так далее. Так вот, разве нет во всем этом и счастья тоже? Почему вы противопоставляете одно другому? В конце концов, и счастье, и радость — всего лишь ощущения, положительные эмоции.

— Не совсем так, — сказал он мягко. — Множество — путь к единому. Цепи Кармы созданы из одного металла, сети Майи сплетены из одной нити, а океан Сансары исполнен одной влаги.

Если есть жизнь, в ней есть всё, в том числе счастье. И в счастье есть всё: и радость, и здоровье, и отчаяние, и болезнь. Когда я слышу, что Мир создан Богом, я внутренне улыбаюсь невежде… Бог ничего не создавал — Он и есть Мир. И каждый из нас, и все мы — Бог. Познать это так же сложно, как рыбе в океане понять, что она родилась из океана, живет в океане и умрет в океане, став им. Мир наш — мир восприятия Бога. Ну а если мы действуем: телесно, чувственно или мысленно, — мы обособляемся от Бога, причем, не действием, а результатом, итогом, выводом. Пытаясь подражать Богу, мы плодим уродцев в виде религий и научных доктрин. Для описания Божественности мира — мира болезней и здоровья, — существует состояние равновесия усилий и результата, и это состояние должно быть сознательным. Своеобразная точка перелома.

— Сети Майи — это что-то из индейских культур? — спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

— Скорее из индийских. Майя в переводе с санскрита — реальность.

— Бывают же совпадения, — сказал я. — Честно говоря, доктор, в такие дебри я углубляться не рассчитывал.

— Доктор выступает против частных подходов

к буддизму, — сообщила девушка непонятно кому. — И правильно делает.

Старик с нежностью дернул ее за сочное розовое ушко. Она потерлась щекой о его руку.

— Я поясню свою мысль, — сказал он мне. — Радость — это стабильность, продукт неизменности, прочности чего-то хорошего. Это линия, дуга. Ни дружба, ни удовлетворение работой не появляются внезапно. А счастье — это миг, кризис, излом жизненно важных изменений. Это точка. Например, вы тридцать три года заболевали, пусть даже работали над своим выздоровлением, верили в выздоровление, но все-таки считали себя больным. И однажды в какую-то счастливую секунду осознали, что выздоравливаете. Это — точка равновесия. А здоровье — просто когда нет ни пути к болезни, ни пути к здоровью.

— Почему тридцать три года? — Я искренне удивился.

— Ну, тридцать четыре. На линии — бесконечное число точек. Хотя, зачем спорить, давайте снова спросим у Ружены. Ружена, что такое, по-вашему, счастье?

Девушка откинулась на локтях, скучая.

— Это только слово, — послала она в пространство. — Счастье — это желание счастья. Это Бог.

— Разве мы спорим? — сказал я. — Слово — это Бог, все правильно.

— Бог — это равновесие, — спокойно поправил меня главный врач. — И в горе есть свои точки счастья, и в досаде, и даже в безразличии.

Начало разговора было забыто: впрочем, разговор меня вообще не интересовал. Я провоцировал собеседника. Я ждал, когда шторки его дружелюбия приоткроются, чтобы подсмотреть, кто это, собственно, такой.

— То есть счастье — НЕ ощущение? — спросил я.

— Это точка познания различий, как их отсутствия. Человек, таким способом познавший разницу, становится другим, в некотором роде новым. Ведь значение пищи мы познаем лишь в ее отсутствие — голодая. Вот хотя бы те, к кому вернулось осознание здоровья… — Он жестом обвел лужайку, как полководец поле боя. — Вы думаете, эти люди всегда были такими… странноватыми на ваш взгляд?

Ладонь у него оказалась непропорционально крупной, крепко сбитой, натруженной. Такие ладони бывают у механиков или у мастеров карате.

— Ну, не знаю, — недоверчиво сказал я. — Вы

сгущаете краски. Среди выздоровевших, по-моему, сколько угодно нормальных, то есть готовых снова обменять здоровье на черт знает что. На карьеру. На деньги, власть, славу.

— Значит, они не были счастливы, — возразил старик. — Они не познали разницу между здоровьем и нездоровьем.

— Хорошо, есть более сильная вещь, чем деньги, власть или слава. Это идеи. «Сделать мир счастливым», как вы изволили выразиться. Ради них уж точно жертвуют и здоровьем, и счастьем.

Он покачал головой.

— Нет, ради идеи жертвуют только деньгами, властью или славой, и делают это те люди, которые еще не знают разницу между здоровьем и нездоровьем. Остальные их подвиги трудно назвать жертвой.

— А вы обижаете человечество, — сказал я. — Люди ради идей жертвуют не только здоровьем, но и жизнью. Как и ради друга, ради любви, ради работы…

— Мы с вами говорим об обыденных обстоятельствах или об исключительных? — возразил он, улыбаясь. — Я думал, об обыденных. Отказ и обретение равны по сути, нам дано лишь право выбрать оценку происходящего. Внешние ат-

рибуты жизни — вроде наших друзей, наших возлюбленных или наших успехов по службе, — сами по себе они не значат ничего, если душа нездорова. А душа, не испытавшая счастья, безусловно нездорова. Здоровье души первично, вы согласны? Я ведь о чем пытаюсь сказать? Ты прав, только когда счастлив, другого пути показать свою правоту нет… Здоровье — не отсутствие болезни, а болезнь — не отсутствие здоровья. У здоровяков-спортсменов в моменты наивысших достижений давление, пульс, дыхание, биохимические изменения в крови — отличны от нормы более, чем у любого смертника в последний миг жизни. Это параметры болезни, но спортсмены-то здоровы! Или наоборот: болезненные состояния позволяли творить чудеса выносливости, взрывной силы и скорости. И болезнь, и здоровье — самостоятельные и независимые понятия. Их смешивает невежественный ум…

Врач-поэт замолчал, с недоумением глядя мне за спину.

Я поймал его взгляд, я почувствовал вспотевшей спиной близкое дыхание зверя и мгновенно развернулся. Снизу вверх по ступенькам прыгал, решительно направляясь к вершине, мой приятель командированный. Не прошло и секунды,

как он был рядом с нами — этой секунды мне и не хватило, чтобы вспомнить о записке в моем кармане… Он бросился головой вперед, как заправский регбист. Растительный секс, как видно, его больше не интересовал. Я был не готов, я позволил ему захватить свой торс, и мы, опрокинув старика, своротив священный фикус, поехали пересчитывать ступени. Мы падали к подножию медленно и основательно; фикус легко нас обогнал. Наверху дико визжала эзотерическая Ружена. Регбист не сумел опрокинуть меня на спину, наоборот, внизу оказался он сам, так что ступени считал не мой, а его позвоночник, мало того, я дважды ударил его локтем в затылок, такими ударами я кирпичи на тренировках ломал, однако он только мычал и крепче прижимал меня к себе. Какое самое опасное животное в Африке? Лев? Вовсе нет! Бегемот. Пытаться пробить его подкожные отложения — нелепость. Мой бегемот разжал захват — на короткое, неуловимое мгновение — и достал меня кулаком в челюсть. Всего один удар… Из нокдауна я вышел уже внизу, уже в положении «лежа на спине». Не кулак это был, а копыто. Так подставиться! Животное, роняя слюну, прижимало меня к земле, а я обеими руками отталкивал его вздувшуюся суковатую

конечность, отталкивал изо всех сил, потому что в конечности этой был нож.

Обычный хозяйственный нож — из тех, какие продаются в любом строительном супермаркете… из тех, каким была зарезана Кони Вардас.

Лезвие шаловливо подмигивало, отражая высокое солнце.

Боковым зрением я видел Бэлу Барабаша, который мчался по лужайке, спотыкаясь об людей. Начальник полиции что-то кричал по-венгерски и яростно рвал из кобуры табельный «комов», тогда я тоже закричал:

— Не стреляй!

— Стрелять? — зловонно выдохнул мне в лицо взбесившийся зверь. — В тебя? Нет, русский, не надейся! Ты будешь долго вспоминать и плакать…

Он занес свободный кулак, чтобы врезать мне еще раз, и я понял, что сейчас все кончится, не останется ни солнца, ни девушек, ни стихов; я смотрел в его больные, непомерно широкие зрачки и гадал: каким же стимулятором этот кретин себя накачал, и вдруг он застыл, отпустив квадратную челюсть, перестав дышать, а потом он закашлялся и попытался посмотреть назад, забыв про меня, и тогда я одним движением вывернулся

на свободу… Все кончилось. Загадочный старик, минуту назад учивший меня счастью, нависал над нами, широко расставив ноги. Тонкие губы его были плотно сжаты. Одной рукой он держал безумца за шею, другой — за локтевой сгиб. Не руками даже, а двумя пальцами — сжимал без видимого напряжения, спокойно и аккуратно, однако страшны были эти пальцы, страшна была эта хватка. И нож послушно выпал из обвисшей вдруг руки.

— Готовься, русский… — упрямо хрипел командированный, явно не понимая, что происходит. — Тебе нужно много вспомнить…

Есть психи с невероятной жизненной силой, навидался я таких, очень трудно бывает их остановить. Тем более, если псих еще и под дозой. Врач резко усилил давление на болевые центры, чуть ли не соединив свои пальцы, и тело обмякло, расстелилось по земле.

Тело было бугристым, бесформенным, такое бывает у природных силачей; всегда жаль, когда столь мощный агрегат выходит из-под контроля. Я подтянул к себе валявшийся рядом фикус. Ствол у растения был хлипкий, зато горшок увесистый — настоящая булава. Я размахнулся и обрушил это оружие на голову идиота.

— Зачем, — улыбнулся старик, распрямляясь. — И так справились.

Пластиковый горшок остался цел, даже земля не просыпалась, вот только ствол деревца треснул, да еще сломалось несколько мясистых листьев. Нежным существом был этот их фикус, нежнее головы зверя… Когда Бэла подбежал, я уже поднимался с колен, а поверженный враг корчился у нас под ногами. Я едва успел отбить в сторону руку с пистолетом и снова прокричал:

— Не стреляй, все в порядке!

Глаза у моего друга были совершенно ненормальные, метались, как шарик в игровом автомате. Ей-богу, выстрелил бы, дурак. Нервишки, товарищ комиссар!

— Отставить! — каркнул я в самое его ухо. — Зачехлить носовые пушки!

Зрители вокруг стояли, как статуи — совершенно белые и каменные. Забывшие закрыть рты. Вменяемыми оставались только я и главврач местной амбулатории, значит нам и работать. Для начала я, не спрашивая разрешения, сорвал с пояса Бэлы наручники. Одним браслетом я прихватил командированного за запястье, потом согнул его ногу в колене, завел руку ему за спину и застегнул второй браслет уже на лодыжке.

Крест-накрест, рука к ноге. Способ называется «гамак». Лодыжка у него была крупной, мясистой — не желала помещаться в оковах, — но я выставил на замке максимальный размер и поднажал. Сегодня я был безжалостен. Бешеное животное требовалось стреножить, да и наручники, сделанные из специальных материалов, имели замечательное свойство налезть хоть на дуб, не повредив коры.

А потом я вывернул карманы пленника…

— Что это? — спросил Бэла, овладев собой.

— Молящаяся Дева, — сказал я севшим голосом. — Кулон, который носила покойная сеньорита Вардас.

Я положил предмет ему на ладонь. Бэла ошалело сдвинул форменную панаму себе на затылок, разглядывая находку, и сказал:

— Так.

Это точно. События дали такой вираж, что дух захватывало. Улика меня мало интересовала — я разглядывал убийцу, не в силах оторвать взгляд. Человек-Другого-Полушария. Вот тебе и случайный знакомый, ненавидевший марксистов, зато любивший русские порники. Случайный ли?

Кроме Молящейся Девы в его кармане был еще один предмет — кристалл с очередными

комиксами. Ярлычок фирмы «Масс-турбо». Я с отвращением прочитал название: «Генераторы поллюций»… Опять русское порно, опять «Масс-турбо». И охотники за Жилиным, и охотники за Холом-Ахпу предпочитают продукцию одного и того же издателя — еще случайность? Генераторы поллюций — на полную мощность… Эй, брат Феликс, ты в одном вольере воспитывался с этим бегемотом? Отчего у вас такие схожие эстетические пристрастия? Ах, да, вы же все у нас — из другого полушария…

— Он что, кулон повсюду с собой таскал? — с ненавистью произнес Бэла, торопливо доставая рацию. — Он что, кретин?

Воистину, плохо быть кретином, я был полностью согласен. Командированный протяжно застонал, приходя в сознание — каким счастьем было слышать его стон и видеть его асимметричное, помятое рыло. Ему было больно, это восхитительно. Я вынул кулон из руки Бэлы и поднес к лицу мерзавца:

— Что это у тебя за безделушка, парень?

— Святая заступница незамужних женщин, — ответил он с неописуемым отвращением.

— Да я не о том, — сказал я. — Где взял?

— У невесты, — был немедленный ответ.

Пока возбужденный начальник полиции вызывал по рации подмогу, я устроил пленника на нижней ступеньке, чтоб ему удобней было разговаривать, присел рядом на корточки и продолжил беседу:

— Э, так у тебя есть невеста?

— Невеста наказана, — сказал он и сипло заплакал.

Две маленькие слезинки застряли на его рыхлых щеках.

— За что наказана твоя невеста? — ласково спросил я.

В придачу к слезам, из носа убийцы тоже потекло, но некому было подтереть ему сопли.

— А то ты забыл! — дернулся он. — Со всеми крутила, с уродами, с интелями, с такими, как ты, а со мной — проти-ивно! Со мной — даже словца поганого было жалко…

Бэла, закончив переговоры, молча слушал и пока не вмешивался.

— Ну хорошо, а украшение-то зачем было отбирать?

— А зачем бабе, которая вышла замуж, нужна «заступница незамужних женщин»?! — Клиент сильно возбудился. Разума совсем не осталось в его поросячьих глазках.

— Может, безделушка твоей невесте просто нравилась?

— Сам ты безделушка! Как она посмела носить амулет, если у нее был любящий жених? Да, любящий, и нечего скалиться! Натуралисты, натуристы — один хрен! Нечего пялиться, ты, мясо, я таких, как ты, на шампуры накалываю и перцем посыпаю… Эй, вы там, я отказываюсь говорить с этим! Отказываюсь!

Он плюнул, но ни в кого не попал — школа не та. Бэла вошел в поле его зрения и спросил:

— Значит, она вышла замуж?

Мужик сопел некоторое время, кося на меня бешеным глазом. Потом подтвердил:

— Вчера.

— За кого? — буднично уточнил Бэла.

— За кого? — удивился командированный. — Если есть я, то за кого? Если есть я! — он успокоился. Он мечтательно поиграл бровями. — Я сам надел любимой обручальное кольцо, сам благословил, сам отнес ее на ложе…

— Сам заткнул ей рот салфеткой, чтобы не визжала, — прибавил я. — Как твою невесту звали, ты хоть знаешь?

Вопрос поставил животное в тупик. Оно задумчиво пожевало губами, пошмыгало носом

и вдруг обиделось. Смена его настроений была поразительной — истеричный вопль пронесся над лужайкой:

— Мое — не твое, ты! Я отказываюсь говорить!

Наш «гамак» скатился со ступенек на траву, лягая воздух свободной ножищей, он пытался схватить кого-нибудь растопыренной пятерней, бил головой в землю, рычал:

— Ты — с ней, а сам улыбочки мне строишь, мораль читаешь… Главное, тайком!.. Натуралисты, натуристы — один хрен! Я человек простой, простодушный! Видал я раньше мерзость, но ты, ты…

Мы держали его втроем — и не могли удержать. Узловатое, скрученное из толстых жгутов тело рвалось куда-то, наручники калечили сцепленные крест-накрест конечности, и тогда университетский врач опять захватил своей клешней зону его шейных позвонков, но я попросил: «Подождите, может он еще чего скажет…», а потом словно выключатель сработал, словно вилку из розетки вытащили, и бешеная пляска превратилась в агонию. Человек неистово зашептал: «Отказываюсь говорить… отказываюсь…», — все тише и тише. «Отказываюсь… отказываюсь…» И замер, согнувшись крючком. Лоб его прорезали две большие

морщины, пальцы продолжали непроизвольно шевелиться.

— Что с ним? — заволновался Бэла.

Старик проверил пульс, заглянул пациенту под веки и сказал:

— Реакция выздоровления.

— Что? — не понял полицейский.

— Ну… Скажем, спит, — подытожил врач. — Своеобразный адаптационный синдром.

— В каком смысле — выздоровление? — опять напрягся комиссар. Бывшие межпланетники бывают иногда ужасно тупы.

— Я не знаю, каким психическим расстройством страдает этот человек и страдает ли вообще, — ответил старик вежливо. — И строить догадки о причинах столь сильного возбуждения не возьмусь. Но эпилептоидный характер транса в сочетании с паранойяльной системностью бреда наводит на вполне определенные мысли. Я бы даже сказал — подозрения.

— Ладно, — криво усмехнулся Бэла, — ни черта не понял. Но принял ваше мнение на заметку.

Старик отвердел лицом.

— Вы хотите знать мое мнение? Ради Бога. У этого человека, по всей видимости, вывих бедра. Возможно смещение нескольких позвонков.

Переломов, скорее всего, нет, но если через полчаса не освободить ногу от наручника, он может потерять стопу.

— Давайте поостережемся освобождать его до прибытия спецтранспорта, вы не против?..

Я не встревал в их диалог. Я поднялся по холму на несколько ступеней и присел, ожидая, когда ж ко мне-то придет реакция выздоровления. Очередное приключение опустошило мою душу (которой то ли не было у меня, то ли все-таки была). Частокол вопросов, возведенный полицейским и врачом вокруг этой пустоты, попросту пугал… Преступление, не позволявшее мне спокойно дышать, было раскрыто. Шизофреник-убийца. Неужели так просто? Безумный свадебный ритуал, придуманный и осуществленный маньяком, придуманная им же «измена»… И как это связывается с запиской, лежащей в моем кармане? Убив Кони Вардас, придурок хотел затем покончить и со мной, нож в его руке не давал повода сомневаться. Но при этом кто-то знал заранее, что со мной хотят покончить. Лейтенант Сикорски. По своей ли воле он предупредил меня? Или есть кто-то третий, кто двигает нашим лейтенантом, как неразделенная любовь водила рукой командированного? Каков бы ни был

ответ, спасибо вам, неведомые доброжелатели. Странные чувства заполняют пустоту в груди, когда знаешь, что кому-то ты еще дорог.

Да, но зачем убивать Жилина у всех на виду, при таком скоплении свидетелей? Почему бы не сделать это тихо и культурно? Вот и думай теперь, о том ли покушении меня любезно предупреждали и не пора ли готовиться к новому, настоящему…

Старик подошел ко мне и встал на ступеньку ниже.

— Удивительный вы врач, — сказал я ему, с восхищением рассматривая его широченные ладони.

Он, смутившись, сложил руки на груди.

— Я в разных местах работал, — ответил он уклончиво. — Есть некоторый опыт. Чтобы лечить, надо знать, как наносятся повреждения.

— Самое удивительное, как вовремя вы приходите на помощь.

— Я почувствовал, — серьезно сказал он, — что настал момент, когда вам физическая помощь нужна не меньше, чем гносеологическая.

— Вы считаете, что этого парня запрограммировали? — спросил я напрямик. — Наркогипноз?

Он и глазом не моргнул, словно ждал подобного

вопроса.

— Скорее волновой психодислептик, судя по припадку. Для любовного бреда, для паранойи ревности характерно вовсе не то, что мы наблюдали. Убедите вашего товарища, что применять психоволновые стимуляторы во время допросов в этом случае недопустимо, иначе симптомы интоксикации будут усилены. Как психотические, так и вегетативные.

— Волновой психодислептик — это вторая личность? — уточнил я. — Это доктор Джекил и мистер Хайд?

Старик с сомнением посмотрел на меня.

— Это много чего. Изолированные очаги в коре головного мозга с его помощью формируются так же легко, как и убираются. Вот вам и результат — паранойяльный синдром в виде экзацербации, то есть вспышки. При неумелом применении возможны генерализованные поведенческие эксцессы.

— А при умелом? — спросил я.

Он с любопытством смотрел вбок. Я посмотрел туда же и невольно напрягся. К нам бежал громадный жуткий человек ростом даже выше меня. Он был в комбинезоне с отрезанными рукавами и с нашивкой «Исторический факультет»,

с прямоугольной, выдвинутой вперед челюстью, с волосатыми руками, свисающими чуть ли не до земли. Я вскочил. Он подбежал и пророкотал, нисколько не запыхавшись:

— Вы Жилин?

— Как будто, — ответил я, на всякий случай вытащив кулаки из карманов.

— Мила, — представилось страшилище. — Мила Аврамович, начальник археологической экспедиции. Мне поручили вас найти и проводить.

Более волосатых людей я в своей жизни не видел: не только руки, но и плечи, шею, — все покрывал слой шерсти; шерсть, казалось, прорастала сквозь ткань. Горилла, а не человек. Он повернулся к старику и почтительно поклонился:

— Простите за беспокойство, мастер.

— Долго меня искали? — поинтересовался я.

— Мария мне посоветовала: ищи возле Гончара, не ошибешься. Жилин, говорит, Гончара не пропустит. А тут у вас, оказывается, такие дела творятся… — Он посмотрел на нервничающего Бэлу, на медитирующего убийцу, поочередно посмотрел на нас обоих и закончил мысль. — Рад, что вы уже познакомились.

Мы познакомились? Я мысленно прокрутил назад наш бессмысленный разговор. Старик не спросил моего имени, я не назвал себя; но, быть может, так и следует поступать людям, которые доверяют друг другу с первого взгляда?

Горилла с ласковым именем Мила отрывисто засмеялась.

— Мастер, научите его жить вечно. Мария за него очень просила.

Гончар посмотрел на меня и тут же отвернулся.

— Мила шутит, — сказал он твердо. — Я не могу вас ничему научить, простите. Вы и сам — мастер.

— Как жить вечно и умереть молодым, — с горечью откликнулся я. — Пособие для всех, кто развесил уши. Трудно вас, поэтов, понять.

— Мы пойдем, — рыкнул Мила.

— Поэты, — с трудом выговорил старик, словно радиофаг во рту разжевал. — От слова «поэтому». Поэт — то есть мудрец… Вы, конечно, тоже пошутили. Когда понимают, о чем шумит дерево, не понимая, почему оно шумит — и наоборот, — следует заняться либо психикой, либо физикой.

Он сказал это по-русски, чтобы я наконец хоть что-то понял. Как выяснилось, мы с ним говорили

и мыслили на одном языке, — слишком поздно это выяснилось, ужасно жаль. Тогда я решился на последний вопрос.

— У вас в полиции, — сказал я, — служит некий лейтенант Сикорски…

— Руди? — спросил Гончар. — Хороший человек, цельный. Мой бывший пациент. Он что, как-то причастен к этому казусу?

— Вы бы поручились за него?

— Ну и вопросы, — произнес врач и задумался. — Семь лет назад Руди потерял смысл жизни. Это называется депривацией. Во время беспорядков сожгли оливковый сад, который он выращивал с раннего детства, более двадцати лет. Однако мы справились с ситуацией, мне даже удалось убедить его пойти работать. Он пошел в полицию… Поверьте, это хороший человек, много переживший.

Почему-то я почувствовал огромное облегчение. Существуют люди, которым нельзя не верить. Наверное, они и есть — искомая точка равновесия.

«Бог — это равновесие…»

— Пакуйте без меня, — махнул я Бэле. — Я зайду в Управление попозже.

— Подожди, — вскинулся начальник поли-

ции. — А как же…

Я спустился к нему.

— Советую обратить особое внимание на это. — Я поднял с земли «Генераторы поллюций». — Сдается мне, что это самая важная на сегодня улика. Кроме шуток, комиссар… Вы идите, я вас догоню, — крикнул я Миле Аврамовичу.

Вдвоем с Гончаром они медленно двинулись в сторону главного корпуса.

— Подожди, я не разрешаю тебе уходить, — нервно сказал Бэла, оторопевший от подобного нахальства.

Оставаться? А мне тут нечего было больше делать, всё мне было ясно.

— Я нашел преступника, — примирительно сказал я. — Что тебе еще от меня надо? Сами справитесь. Претензий я ни к кому не имею, тем более, к психически больным. Ты отдай кристалл экспертам, комиссар, обязательно отдай, не забудь.

Догнав своих провожатых, я попросил Гончара:

— Прочитайте что-нибудь еще, если можно.

Он растерянно помолчал, сложив губы ниточкой, потом сказал тихо:

— Спасибо вам…

И родились стихи:

Чудес ты хочешь, я хочу покоя.
Ты жаждешь славы, я хочу уснуть.
Распределенье склонностей такое
Нам предрекает долгий, трудный путь.

Глава восемнадцатая

В подземелье я попал через сейф…

Впрочем, сначала меня довели до главного корпуса, и там мы потеряли нашего удивительного врача-поэта. Гончар отправился в свою амбулаторию, а мы с Милой, миновав столовую, снова вышли на воздух. Выяснилось вдруг, что меня ведут к древнему замку. Странный это был путь, кружной, нелепый — через главный корпус, через столовую, через редкий лесок — от одного этого становилось интересно.

Человечек в моей черепной коробке был возбужден до крайности, норовил выскочить наружу и усесться мне на плечо, но я ловил его двумя пальцами за шкирку и с отвращением засовывал обратно под крышку.

Я заставлял себя размышлять о прекрасном, отталкивая поганые видения. Я заполнял пустоту, уводя свою душу как можно дальше от места происшествия… Омолодиться, и вперед, думал я. А ведь они здесь веруют не просто в замедление или консервацию старения — в омоложение! Только сейчас я осознал это. Если их вера осно-

вана хоть на чем-нибудь реальном, тогда нужны изменения на генном уровне, потому что жизненный цикл клетки непременно становится иным. Но ведь это — невозможно…

Тпру, Жилин, осадил я себя. Ты не специалист, Жилин. Прекратив семь лет назад опасные игры со слегом, ты отчаянно захотел понять, почему тебя так тянет обратно в эту проклятую ванну, ты, собственно, и писателем-то стал, чтобы заменить один вид зависимости на другой, но воздержись от выводов, Жилин, ты всегда был и остаешься только наблюдателем…

С другой стороны, если изменяется жизненный цикл клетки, почему мы не сталкиваемся с массовыми душевными расстройствами? Или как раз это и имеем, стоит лишь осмотреться? Тпру, Жилин!

Меня доставили к руинам замка, потчуя рассказами о славном Ульрихе де Каза и о его родовом проклятье, а также о том, что именно заставило отпрыска древнего дома сбежать из родной Каталонии и обосноваться на этих землях. Затем мне указали на проход сквозь фрагменты крепостной стены — так я попал на территорию архитектурного памятника середины 16-го века. До революции здесь было что-то вроде музея спи-

ритизма на открытом воздухе, который я так и не успел осмотреть. Не об этом ли музее говорила Рэй? А меня тянули и тянули вперед, попутно разъясняя положение вещей: мол, археологическое отделение исторического факультета — вот оно, в бывшем жилье челяди, сама же археологическая экспедиция занимает бывшую псарню, а вон там у нас тренажерный раскоп для студентов, а в бывших конюшнях устроена камералка — так называется рабочее помещение, где собираются и восстанавливаются находки… Байки насчет археологической экспедиции, которыми развлекало меня обаятельное волосатое чудовище, вызывали во мне добрую понимающую улыбку, поскольку крепкотелые спортивные парни, изображавшие рабочих возле раскопов, ни на секунду не выпускали нас из виду, передавая один другому. Поджарый художник-фотограф даже подбежал и спросил у Милы, профессионально оглядев меня, не нужна ли помощь. Если б не шагал рядом со мной их разговорчивый начальник, вряд ли б я погулял так свободно по территории замка, это было ясно, и еще было ясно, что их археологическая экспедиция — всего лишь удобная легенда, позволявшая охранникам-энтузиастам круглые сутки торчать в этих местах. А потом

Мила Аврамович, то ли провожатый мой, то ли телохранитель, пригласил меня внутрь, и мы вошли под каменные своды, миновали бытовку, комнату отдыха и наконец уперлись в его кабинет, и вот там-то, между картотекой и книжным шкафом, обнаружился тот самый сейф, предназначенный для хранения ценных находок.

Сначала главный археолог, сосредоточенно сведя брови, исследовал меня двумя детекторами сразу. Конечно, хозяевам хотелось знать, не излучает ли гость чего лишнего. Гость, однако, был безупречен, как свежий подгузник — лишь впитывал все в себя. И тогда распахнулись заветные врата. Задняя стена сейфа оказалась на самом деле бронированной дверью, скрывавшей проход в подземелье. Мила бодро сказал мне: «Вас там встретят», похлопал меня по спине, и тогда я, согнувшись пополам, пополз по тесной витой бесконечной лестнице…

Господин Скребутан ждал меня внизу.

Стас Скребутан и вправду смотрелся, как полноценный, добротный господин. Габардиновый костюм фисташкового цвета. Рубашка в тон костюму. Галстук со слабо выраженным рисунком. Эх, где наша молодость? Узкие очки в металлической оправе, прицепившиеся к его длинному

тонкому носу — вот и все, что осталось от задиристого хулигана-рыбаря.

— Здесь я временно живу, — сказал он, глупо улыбаясь.

Он приложил ключ куда-то к стене, и плита встала на место. Проход исчез, как и не было его. Мы стояли в глухой каменной келье. На то, что здесь и вправду кто-то живет, указывали только раскладушка и здоровенный термос, а также — видавший виды ночной горшок, тщательно спрятанный под раскладушкой. Все, никаких других предметов в келье не было.

— Это так у вас банкиры болеют? — гулко удивился я.

— Банкиры у нас сразу сходят в могилу, — возразил он и по-хозяйски обвел каменное чрево рукой. — Минуя, так сказать, промежуточную стадию.

Он любил и умел мрачно пошутить.

— И все-таки врать нехорошо, — сказал я.

— За вранье наказывают только приезжих, — ответил он. — Двойные стандарты, цинизм властей и так далее. Ну, ты понимаешь.

Первая неловкость встречи была снята, но обниматься мы не стали, не в наших это было правилах. Стас вытолкнул дверь ногой — здесь,

оказывается, еще и дверь была, — и мы вышли в коридор. Сразу двинулись вперед — он первым номером, я вторым. На прощанье я оглянулся. Вместо таблички к двери был приклеен скотчем лист писчей бумаги, на котором кривыми детскими буквами было выведено: «Покои Президента. Без доклада не входить».

А вот почерк у господина Скребутана решительно не изменился…

Шаги у нас получались звучными, объемными — оттого, что пол был выстлан базальтовой брусчаткой. Подземный ход вообще мало походил на путь в могилу; был он настолько просторен, что я мог перемещаться, не кланяясь каждой арке. Светильники-таблетки, расположенные в перекрестиях сводов, давали достаточно света. По стене тянулся плоский короб вентиляции. Поблескивали глазки телекамер, пристально следя за порядком. Сводчатые потолки были защищены гидроизоляционным покрытием, а стены были обшиты пластиковыми панелями, чтобы ничего тут не плесневело и не подтекало.

Так кто же все-таки на самом деле хочет убить безобидного туриста Жилина, подумал я, дыша в спину старого друга. Иллюзорность обстановки очень не способствовала здравости мыслитель-

ного процесса.

— Куда ведет эта нора? — спросил я.

Ощущался едва заметный наклон вниз.

— В шестнадцатом веке доходила до катакомб, — ответил Скребутан.

— Примерно пять километров? — сориентировался я. — Впечатляет.

— Какие пять, там давно все обвалилось, — сказал он равнодушно. — Известняк — не главная статья городских доходов. Но ты, я надеюсь, все равно шокирован?

— Чем?

— Нашими тайными фортификациями.

— Я предполагал увидеть что-то в таком роде, когда меня отконвоировали к руинам, — сказал я. — Не предполагал только тебя здесь встретить.

— Без меня никак, — расстроился он. — Как же без меня, если я здесь босс.

На полу и в стенах появились звукопоглощающие включения, гасящие эхо. Голоса тут же потеряли романтическую гулкость.

— И что ты здесь прячешь? — спросил я.

— Деньги, — сообщил Стас шепотом. — Мы с тобой в центральном денежном хранилище, в узловом объекте Национального Банка. Страшный государственный секрет, между прочим.

— Тогда понятно, — сказал я. — Наверху охрана, внизу телекамеры… Властелин подземелий.

— Телекамеры? — встрепенулся он. — Где?

Я показал. Скребутан остановился и вдруг закричал:

— Подглядываем? — Он снял очки, заглянул прищуренным глазом в самый объектив и решительно заявил. — Это не я. У вас там пылинка.

Он сорвал с моей головы кепочку и накрыл ею камеру. Умный человек дурачился — тяжелое было зрелище.

— Я себя неуютно чувствую перед телекамерой, — азартно пожаловался он, — потому что я за это ничего не получаю. Где, спрашивается, гонорар? Нет, я согласен только на фотоаппарат.

Если Стас шутил, значит, дела обстояли не очень хорошо, но если он дурачился, значит, дела шли из рук вон плохо; впрочем, насчет хранилища было сказано всерьез, ибо друг мой рыбарь позволял себе шутить на любые темы, кроме финансовых, он всегда питал к деньгам особые чувства, чистота и святость которых сделали его в свое время бухгалтером, а после революции, вероятно, тропа этой бескорыстной любви и вывела его в топ-менеджеры. Вернув свой головной убор на место, я сказал:

— Деньги, как хорошее вино, должны настояться в погребе, иначе они не приобретут целительной силы. И что, все деньги в твоем подземелье — волшебные?

Господин Скребутан молча надел очки и молча посмотрел на меня. Мы отправились дальше и, лишь прошагав несколько метров, он мне ответил — вроде бы возразил:

— Деньги — как вода, вкуса не имеют. Все-таки мы хорошо поработали, согласись.

Я согласился:

— Трепет душу охватывает.

— Душа, — сказал Стас задумчиво. — Дело не в душе, а в возрасте. Если есть еще силы, ты что-то пытаешься сделать, а когда сил не хватает, тогда остается ручка, бумага и письменный стол.

— Это вызов? — осведомился я. — Тебе тоже не нравятся писатели?

— Ой. Извини, — легко улыбнулся он. — Я ничего не имею против писателей. Народу нужны хорошие детско-юношеские книги, которые дают подрастающему поколению образцы того, как нужно идти к цели — прямым путем, иногда рискуя жизнью…

— Хорошие детско-юношеские книги — это мои? — растрогался я. — Высокая оценка.

— Космос, цивилизация, чужие, — со вкусом произнес он. — Романтика. Так и хочется поверить, что это было на самом деле.

— Это было на самом деле, — сказал я.

— Но этого мы не знаем, — пожал он плечами. — Некоторые книги позволяют любому двоечнику и разгильдяю, лежа на диване кверху пузом, испытывать те же чувства, которые испытываешь, например, прикасаясь к древнему манускрипту или любуясь только что выведенной цепочкой формул. Вот в этом, по-моему, гораздо больше волшебства, чем в наших деньгах.

— Бог с ними, с книгами, — сказал я. — Лучше объясни, зачем все это? — Я показал на уходящий вдаль коридор.

— Режим секретности? — участливо спросил он.

— Избирательность чуда, — сказал я. — Когда волшебство — не для всех, оно колдовство, и есть в этом что-то неприятное, несправедливое. Зачем?

— Хорошим людям нужно помочь, слишком много здоровья у них уходит на поддержание душевного равновесия, — объяснил Стас. — Хороший человек должен жить долго.

— Хороший человек — всего лишь тот, кто не

совершает дурных поступков. Этого достаточно. И что там у него в голове, то ли гордыня, то ли просто глупость — никого не касается.

— Всегда так, — сказал он с неожиданным раздражением. — Стоит только появиться хоть каким-нибудь результатам, обязательно приезжает кто-то, кому подавай вселенскую справедливость… — Он вдруг споткнулся.

— Scheisse[10]! — непроизвольно вырвалось у него.

— Уймись, — развеселился я. — Ты меня с кем-то спутал, я, кажется, тебя всего лишь о ваших деньгах спрашивал. Почему, собственно, деньги? Во все века они были синонимом алчности, средоточием греха, в лучшем случае — всеобщим эквивалентом, а вы тут рождественские гирлянды из них скручиваете. Какой в этом скрытый смысл?

Он поправил съехавшие с носа очки, размышляя над ответом.

— По-моему, никакого скрытого смысла, Иван. Деньги — самое удобное средство. У нас не было времени подыскивать другое.

— Абсурд на службе перевоспитания, — сказал

---

[10] Примечания: 10

Здесь и далее — живая немецкая речь (без перев.)

я. — Средство от чего?

— Не «от», а «для». Представь себе уникальный механизм, где каждый элемент энергетически связан со всеми остальными. Это и есть деньги. Так почему бы не использовать уже готовую систему, чтобы соединить с ее помощью и людей? В единый здоровый организм.

Все-таки он был изрядный выдумщик, мой друг Стас! Не мог я не подыграть ему:

— Гигантский ретранслятор, выполненный в виде денежных россыпей, да? В каком спектре излучаем, товарищи? Биотроника, кстати, пока не одобрена совбезом. Или вы используете запахи, меняющие гормональную регуляцию? Специальную краску, содержащую летучие реверсанты. Фирма «Девон»…

Он оскорбился:

— Чем потрясать стены эрудицией, не проще ли допустить существование неизвестных науке полей и взаимодействий?

— Не проще, — сказал я. — Проще жить по Оккаму, не плодя новых сущностей.

— Энергетическое Поле Желания, — объявил Стас на весь коридор. — Великая русская мечта — сделать реальность сном. Лампа Алладина, Золотая Рыбка, Золотой Шар. И вот теперь, когда

появилась физическая возможность сцеплять кванты желаний в один всепобеждающий луч, мелкие государственные деятели вроде нас пользуются этим эффектом, чтобы излечить кого-то от энуреза. Смешно, товарищи.

Он упорно продолжал общаться в обычной своей манере, когда непонятно, шутит человек или говорит серьезно, и я вдруг почувствовал неуверенность.

— Физическая возможность? — переспросил я. — В каком смысле?

— Многие люди мечтают… ну, скажем, быть здоровыми и молодыми. Их тоскливые, несбыточные желания уходят попусту в пространство, не совершая никакой полезной работы. Жуткая расточительность.

Я коротко поаплодировал собеседнику в спину:

— Сюжет для детско-юношеской книги?

Он не обиделся. Он остановился и сказал:

— Пришли.

Готический подземный ход расширился, превратившись во вполне современный бункер. Здесь было что-то вроде Т-образного перекрестка: вбок уходил просторный тоннель с проложенными по земле рельсами. Рельсы начинались у компактного перрона, из тоннеля тянуло хо-

лодом. В бункере был светящийся потолок, а на перекрестке дежурил скучающий богатырь, одетый в комбинезон с нашивкой «АХЧ» и в рабочую кепочку. Внутренняя охрана? Увидев нас, дежурный ослепительно улыбнулся и лихо взял под козырек.

А еще здесь были стальные двери с номерами, на одной из которых красовалась такая же приклеенная скотчем бумажка. Было написано от руки: «Музей современного спиритизма». Дети подземелий развлекались, кто как умел.

— Где это мы? — спросил я.

— Как раз под холмом, — ответил Стас.

— Железную дорогу тоже в шестнадцатом веке проложили?

— Это же Старое Метро, Иван. Никаких излишеств, штольню слегка удлинили, почистили, и все.

— Этак что, до Парка Грез доехать можно? — сообразил я. — Ах, вот почему кибер-такси таранило заповедную шахту. Попытка ограбления века?

— Scheisse, — сказал господин Скребутан с сердцем. — Вряд ли нас хотели грабить, скорее это была разведка боем… — Он увлек меня к двери. К той самой, к «Музею».

— В Парке Грез у нас только временное храни-

лище, где заказанные средства ждут транспорта, — продолжал он. — Тем более, деньги сегодня не перевозились… Ты входи, не стесняйся.

Мы вошли. И оказались под открытым небом.

На долю секунды я потерял чувство реальности. Вновь я был на холме; или нет, заметно выше холма; солнце било в подставленную щеку, стая чаек тревожно носилась над деревьями, не находя себе пристанища, лишь движение воздуха отчего-то не ощущалось — воздух стоял, как теплая жижа в трясине… А через миг наваждение прошло.

— Аппаратура что, на мачте с флагом установлена? — спросил я.

— Где только чертова аппаратура не установлена, — сказал Стас.

Это была мониторная. Стены и потолок представляли собой сплошной экран, возле стенда колдовали два оператора, совсем еще молодые ребята, и картинка на куполе вдруг изменилась — сверху, с неба нависло над нами огромное лицо господина Скребутана. А рядом — мое, размером не меньше. В таком увеличении и в таком ракурсе наши рожи выглядели, мягко говоря, неаппетитно.

— Камера включена! — помахал нам рукой один из шутников. — Босс, скажите что-нибудь

смешное.

— Смотря какой дубль, — оглушительно произнесла циклопическая голова Стаса в небесах. — Я без дублей не работаю. И вообще, мне нужен трюкач.

Операторы с готовностью заржали. Мальчики любили своего босса, это было ясно. Стас грозно поиграл желваками.

— Торжественная встреча закончена, — объявил он. — Не отвлекаться.

Панорама университетского городка развалилась на множество экранов-сегментов. Стала видна и арка главного входа с суровым таможенником на страже, и руины замка с боевыми археологами на крепостных стенах, и даже бетонный кубик Старого Метро, расположенный в полукилометре от Университета. Стало видно множество мест как по эту, так и по ту сторону ограды. Потрясающе. Телеобзор, что ни говори, был у них поставлен на широкую ногу — ни одна точка периметра не осталась без присмотра. Оазис новой жизни не ждал от землян ничего хорошего…

Отлично было видно, как вызванная Бэлой группа в количестве пяти сотрудников работает на холме: исследует место боя, опрашивает

свидетелей и все такое прочее. Носилки с командированным вносились в полицейский вертолет. Лишь самого товарища комиссара почему-то нигде не оказалось.

— Роскошная была драчка, — сказал Стас, причмокнув.

— Так вы все видели? — рассердился я. — Ну, братцы… Нехорошо подглядывать за друзьями.

— Зато мы за тебя болели, — возразил он. — Особенно девушки.

— Фикус жалко, — вздохнул я.

— За это не волнуйся, фикус входит в стоимость курсовки. Твой спарринг-партнер ведь на курорт приехал, подлечиться? Процедура называется «фитотерапия».

— Хорошо тут у вас, — невольно вырвалось у меня. — Никто никого не хочет зарезать, не то, что наверху.

— Оставайся, — воодушевился Стас.

А потом один из сегментов стены отъехал в сторону, оказавшись дверью.

— Danke schön, — сказал господин Скребутан в воздух. Мы торжественно проследовали дальше.

Нас ждал накрытый праздничный стол, занявший изрядную часть комнаты. Это первое, что бросалось в глаза — накрытый стол. Очень

уж сильный контраст с остальным интерьером. Стол был раскладной, трубчатый: в сложенном состоянии, очевидно, он занимал ноль целых пространства. Была вторая дверь, которая вела куда-то вглубь бункера. А в целом, судя по всему, здесь был устроен счетный центр: приглушенно гудели вычислительные блоки в нишах, за окошечками кристалловодов крутились носители информации повышенной емкости, трещало печатающее устройство. Я присмотрелся, подняв брови. Хорошая у них была машина. Хорошая — не то слово. Уникальный комплекс «Алтай-777», последний в знаменитой серии машин. «Алтай-13», «Алтай-33», «Алтай-72»... короче, штучная сборка. Не на каждом ракетодроме, не в каждой лаборатории Службы контроля такой стоял, разве что у Бромберга... или непосредственно в МУКСе, в Центре Управления Полетами... Я улыбнулся всем присутствующим, спрятав удивление за щеку.

Присутствующих, собственно, было двое. В кресле возле второй двери спал, повернувшись на бок, некто бородатый, голый по пояс, а за дисплеем, спиной к нам, сидела Рэй, которая так и не соизволила повернуться. Дисплей располагался перед полусферической стеной, в которую были

вмонтированы цифровые табло и электронные графопостроители. Все это работало — пульсировало, жило собственной жизнью. Моя принцесса, очевидно, тоже работала. Она говорила с кем-то, чье усатое лицо занимало весь дисплей. Впрочем, усы не вмещались, так и норовили выскочить за пределы экрана.

— Ну? Ты женился или нет? — строго спрашивала Рэй.

— Нет, — смущенно отвечал тот.

— Так и не женился? У тебя целая неделя была!

— И не женится, — громко сказал Стас. — Он уже был когда-то свидетелем на свадьбе.

Дама повернулась к нам:

— Мне кажется, ему просто лень ухаживать за женщинами.

Усач вставил нервно:

— Кое-кому, кстати, здесь не смешно.

— А те женщины, за которыми не нужно ухаживать, ему не нравятся, — как ни в чем не бывало подытожила Рэй. — Беда.

— Вы, босс, не обращайте внимания, у нас с Марией маленький расслабон, — торопливо объяснил усач. — Сигнал пока на прежнем уровне. Расконсервацию обоих хранилищ закончили, к эвакуации готовы.

— Что, появились идеи? — быстро спросил Скребутан. — Насчет эвакуации?

Усы на экране печально обвисли.

— Никак нет…

— Какие тут идеи, — проворчала Рэй.

— Кто это с вами, босс? — обнаружил меня человек из дисплея, тогда я улыбнулся еще шире.

— Знакомьтесь, — объявил господин Скребутан. — Это — Хилари, комендант Старого Метро, второй человек под землей. Его грубо отозвали из отпуска. А это — наш дорогой гость Иван, инженер-программист человеческих душ.

— Инженер-программист? — встрепенулся усатый Хилари. — Нам позарез нужны программисты…

Он отключился, не прощаясь. Лицо исчезло, но рисунок усов еще долго сохранялся на экране.

— Всем нужны программисты, — сказал я и подошел к Рэй, обогнув накрытый стол. — Да у вас тут, погляжу, Центр управления полетами! Что в Космосе происходит, коллега?

— Волновую активность засекли еще вчера утром, — сказала она. — Кто-то просвечивает объекты на территории Университета.

— А сегодня, когда было замечено движение, — сказал Скребутан весело, — мы в нашем

маленьком Космосе объявили тревогу.

— Движение? — спросил я.

— Возня, — сказала Рэй и положила руки на клавиатуру. — Полюбуйся.

Перед полусферической стеной, прямо в воздухе, появилась рельефная карта. Вся ограда вокруг Университета горела красным, словно в огне была, а по ту сторону периметра перемещались кляксы черных провалов. Кляксы сливались и распадались, мало-помалу поглощая внешнее пространство — дерево за деревом, дорогу за дорогой, дом за домом.

— Квантовые рассеиватели, — пояснила Рэй. — Сплошной заслон. Кто-то ползает там под прикрытием…

— Arschgesicht, — ответил сзади Стас. — Насекомые. Смотрят на нас фасеточными глазами, verdammten.

Я поморщился:

— Полегче, камрад, полегче. Не пора ли распылять ядохимикаты?

— Leck in meinem Arch, — врезал он от души. — Само собой, с этим у нас строго.

Не люблю, когда хорошие парни гадят, тем более при дамах. Одно дело «шайссе», которое вываливается из простых немецких ртов незави-

симо от воспитания и общественного статуса, и совсем другое дело — этакий навоз… Я склонился над праздничным столом, обнюхал немытые тарелки и поинтересовался:

— Есть повод для торжества?

Рэй вдруг вспорхнула с места.

— Ой, ребята, забыли! У товарища председателя сегодня день рождения!

— Это у меня, — сконфузился Скребутан. — Такой день испорчен.

И правда — такой день. Мне стало стыдно. Да, голова моя была шумной скандальной общагой, жильцами в которой были навязчивые вопросы, но это — плохое оправдание. Как я мог забыть? Ведь достаточно было увидеть Рэй за пультом, чтобы напряжение исчезло. Я увидел Рэй, и паранойя затаилась до поры, мерзкая тварь. Тем более не имело смысла беспокоиться о том, что нас наверняка засекли возле главных ворот Университета, потому что теперь это было совершенно неважно… Но как я мог забыть?

— Полста? — с ужасом спросил я.

— Они, — горестно подтвердил Стас, поправив очки.

Полста… Когда человек, с которым ты еще вчера сражался на пластиковых шпагах, оглашая

воплями интернатский двор, вдруг оказывается почти стариком — становится страшно. Не за него, за себя. И становится безнадежно жалко — опять же себя, кого же еще. Закусить, это дело срочно требовалось закусить. Однако всё на столе было уже сожрано, только выпивка оставалась нетронутой, и я разлил по бокалам содержимое красивой бутылки с надписью: «Бухта Цуруга». Рука дрогнула, и растеклась по подносу темная лужица.

— Полвека — солидная дата, как не поздравить с нею солдата, — виновато пробормотал я.

Мы расселись. Рэй оседлала стул верхом.

— Стасик! — позвала она, взяв свой бокал.

— Ау, — откликнулся он.

— Рядом с тобой сидит твой друг. Еще не старый, но давний…

— Бывший, — подсказал я.

— Здравствуйте! — возмутилась она. — Вы уже поссорились?

— Он мне на ногу наступил, — мрачно сообщил Стас. — Это еще до того, как он в свою начальную школу космогации сбежал.

— Но ведь мы были когда-то друзьями? — напомнил я.

— Но это было давно, — возразил он и заграба-

стал вместо бокала всю бутылку целиком.

— Так вот, — настойчиво сказала Рэй. — Вы оба — такие разные, такие, не побоюсь этого слова, асинхронные, что нет более странной дружбы, чем ваша. Только общее детство и могло вас соединить. Детство — самый сильный в природе клей. Давайте выпьем за детей. Мой любимый тост. За детей! Пусть им будет хорошо.

— Даже если мы не будем им этого желать, — произнес Стас, со значением посмотрев на меня.

Рэй сказала всё то, что должен был бы сказать я, но сделала она это гораздо лучше, и опять мне стало стыдно, — приступ какой-то, ей-богу, никак не проходит, — хотя, по-моему, говорила она все-таки о чем-то своем, о чем-то глубоко личном… я поднес бокал к губам.

— Осторожно, сахар на дне, — заботливо предупредил меня Стас.

Рука моя остановилась. Почти сорок лет я не слышал этих слов, забыл об их существовании. Вот тебе и полвека…

— Грубые провокации, Скребутан, на меня больше не действуют, — сказал я и отпил. Это простое действие стоило мне некоторых усилий, которых я постарался не показать.

Рэй изучала нас взглядом, ничего не понимая.

Ну и ладно. Нужно было пересечь по диагонали материк, нужно было поменять Финский залив на Средиземное море, чтобы снова услышать эти слова: «Сахар на дне». Спасибо тебе, друг детства. Злой ты все-таки человек… Занятный вкус был у напитка. Под солидной этикеткой (шторм, буйство морской стихии) скрывался лекомысленный настой на травах, и алкоголь почти не ощущался, несмотря на заявленную крепость (60%). Нейтрализаторы в действии?

— Ваш бальзам изумительно хорош, — возгласил Скребутан, разом высосав половину бутылки. Неужели надеялся опьянеть? Он продолжил, отдуваясь: — Ты, конечно, знаешь, Жилин, что в бухте Цуруга однажды утопили колокол, об этом еще твой любимый Басё написал. Так что колокол, слава Богу, больше ни по ком не позвонит. Давайте за это.

Я с сомнением посмотрел на висящую в воздухе карту, на сходящие с ума диаграммы и графики, я оглянулся на спящего в кресле бородача и попытался привести этот рехнувшийся мирок в чувство:

— По-моему, вы рано расслабились, ребятки.

— Это только начало, — угрожающе сказал Стас. — Мы еще только за детей пьем.

Бородач проснулся на мгновение, окинул тусклым взглядом стол и хрипло пробормотал:

— За наше безнадежное музейное дело…

Рэй посмотрела свой бокал на просвет:

— Нет на дне никакого сахара! Эй, шуты гороховые, при чем здесь «сахар на дне»?

— Потом расскажу, когда детство кончится, — пообещал я ей. — Это чертово детство, дорогие товарищи, никак не желает кончаться…

И вдруг она встала. Словно невидимая рука потянула ее вверх. Словно сила тяжести исчезла, и девочка полетела, оттолкнувшись от стула, и лицо ее вспыхнуло, осветилось изнутри, и я подумал: неужели из-за моих случайных слов? — и пустота подкатила к горлу: неужели мне удалось наконец сказать что-то по-настоящему значительное?.. Оказалось — нет. Просто отъехала вторая дверь, ведущая вглубь бункера. На пороге возникла инвалидная пневмоколяска, в которой помещался некто. Ага, подумал я, сразу поняв, кто он, этот новый гость. Ну, вот и всё, подумал я. Всё! А может, я сказал это вслух? А может даже пропел, пользуясь присутствием публики?

К спинке пневмоколяски была прикреплена стойка с несколькими банками, от которых тянулись к пациенту тонкие гибкие трубки. В банках

колыхались разноцветные жидкости. Гость снял с себя ошейник-впрыскиватель, поднялся и сделал шаг, оказавшись по сию сторону двери. Это движение и этот шаг дались ему с исключительным трудом.

— Да что же вы делаете? — дико закричал Скребутан. — Кто вам позволил из лазарета выходить?

— Боюсь, у нас очень мало времени, — прошелестел человек остатками губ.

Легендарный Странник был жив, определенно жив, однако выглядел он ужасно. Нет, ужасно — не то слово. Биопластырь не мог скрыть увечий. Я содрогнулся, хотя мне всякого довелось повидать.

— Мы и так к вам шли! — опять закричал Скребутан. — Пять минут не подождать?

Гость беззвучно повалился набок. Он повалился точно на кресло, в котором спал бородач, и не избежать бы кому-то из них легких повреждений, если бы я не сиганул прямо через стол. Рефлексы. Разлетелись пластиковые тарелки, грохнули о плитку опрокинутые стулья.

Проснувшийся бородач вскочил, бешено озираясь:

— Об мои ноги, да? Растопырился я тут, прости-

те ради Бога…

Я поймал бессильное тело и спросил:

— Они что, Юра, тебя пытали?

Зачем спрашивал, если и так знал? Странник молчал, прикрыв глаза. Я оглядел публику и приветливо поинтересовался:

— Ну? Так они его пытали?

— Они — это которые? — сварливо осведомился Скребутан.

Темная, концентрированная ярость проникла в мою кровеносную систему, смешавшись с «бухтой Цуруга». Небезопасное сочетание, очень скверно действует на гладкую мускулатуру, покрывающую стенки сосудов.

— Перестаньте, Ваня, какие там у них пытки, — прошептал раненый, словно почувствовал. — Успокойтесь, Ваня. Вертолет горел… потом падение в бухту… это да. А пытки… Вы, главное, не волнуйтесь, со мной все в порядке. — Он приподнял голову и посмотрел на Рэй. — Мария, ты тоже здесь? Здравствуй, Мария.

— Познакомься с нашим программистом, — зачем-то сказал мне Стас, указывая на бородача.

Тот пятился к двери и бормотал, потерянно бормотал:

— Растопырился я тут… Растопырился…

Странник был ненормально легким — как тряпочная кукла. Странник был в моих руках маленьким и ненастоящим. Словно выжали человека, гигантскими челюстями пожевали. Рабочий комбинезон с надписью «АХЧ», распоротый почти во всю длину, был ему совершенно не по размеру — висел складками, мешок мешком, — очевидно, костюм был взят напрокат у кого-то из настоящих мужчин.

— Да положи ты его в кресло! — вышла Рэй из ступора.

Она обогнула стол и медленно встала передо мной на колени…

Передо мной? Что-то дрогнуло в моей груди. Но опять оказалось — не так, все не так! Вовсе не мне предназначалось это проявление чувств: девушка поймала изломанную, безвольно висящую руку и поцеловала ее.

— Ну что ты, — мучительно дернулся Юрий.

Тогда Рэй, ни секунды не раздумывая, коснулась губами его страшной, босой, изувеченной ступни.

Глава девятнадцатая

Я не дождался от Юрия ни единого стона, пока усаживал его в освободившееся кресло. Неужели он и вправду не чувствовал боль? Потом я втащил коляску в комнату, нахально устроился в ней, стараясь ничего не сломать, и спросил:

— Что они все от тебя хотят?

— Они — не мы, Жилин, мы — не они… Правда, каждый из них тоже хотел, как лучше. И горе-жрецы, и ревнители света, и даже, не поверишь, охранные отряды Совета Безопасности. Schutz Staffeln.

— Все хотят, как лучше, — отчетливо пробормотал Юрий. — Беда в том, что безнравственные средства, применяемые в качестве исключений, имеют свойство становиться правилом…

Нет, это не Юрий сказал. Это сказал вовсе не мой старый знакомый, наивный русский мальчик, возмужавший и прозревший, не бывший коммунар, потерявший зубы в боях за справедливость — это Странник сказал. Странник смотрел на Стаса. И наступило молчание. Стас взял трезвой рукой новую бутылку, вбил одним ударом пробку

внутрь, но взгляд его при этом сосредоточенно искал что-то на столе, не в силах подняться выше, и мне стало жаль человека, потому что стрелу пустили в него, это были отголоски какого-то спора, отзвуки отшумевшей бури, и Стас ответил — с пугающей резкостью:

— Кто же знал, что они сами себя сожгут?

— То, что эти люди невменяемы, вы знали хорошо, — поморщился Странник. — А также то, что они стали такими не по своей воле.

— Наш моралист считает, что мы не должны были его вытаскивать, — в отчаянии объяснил мне Стас. — Из того подвала. Роскошный такой подвал, защищенный от всех видов излучений. Ковер на полу во всю ширь… Ты думаешь, Иван, эти «невменяемые» бросили своего полубога на больничное ложе, под капельницу? Scheisse! Даже не на ковер. Просто на пол, а ковер в этом уголке бункера откинули, чтобы в крови не запачкался. Брезгливые они, Иван. Ковер пожалели…

Стас яростно взмахнул бутылкой, потом вдруг закричал на Рэй, сидящую на корточках возле кресла: «Ты-то чего молчишь?», — но все это не имело смысла. Я почему-то вспомнил о «Генераторах поллюций» в широких штанинах командированного, и я подумал, что когда па-

сьянс почти разложен, от тебя не зависит, куда положить последнюю карту. Не нужно делать выбор, карта ляжет сама, и пасьянс сойдется. Или не сойдется. Бывают ситуации, когда у тебя нет выбора — это и про Стаса с его налетом на «Новый Теотиуакан».

А может, не бывает таких ситуаций?..

Все хорошее закончилось, когда погас светящийся потолок.

— О-ля-ля, — сказала Рэй.

Аварийное освещение включилось мгновенно, без пауз. В подземелье теперь горели только узкие полоски на стенах. Полуголый программист телепортировался к дисплею, спикировав на клавиатуру, Рэй тут же оказалась у него за плечом, и через секунду они дуэтом объявили:

— Подстанция.

— Пора на капитанский мостик, — гадливо сказал Стас.

— Что случилось? — спросил я его.

— Выбили подстанцию, которая питает район Университета, — ответил он мне. — Но мы, как видишь, готовы к таким сюрпризам…

Они были готовы. Сбой в питании никак не отразился на работе аппаратуры, а личный состав встретил неприятности со спокойным презре-

нием.

— Жилин, ты со мной? — позвал босс уже на бегу.

— Подождите, Ваня, — донесся из полумрака голос Странника. — Минуточку… Кто-нибудь кроме вас брал камни в руки?

Стас приостановился. Рэй медленно обернулась. Плоские лица призрачно белели, отражая мертвенный свет аварийки. Стас выразил вслух совместное удивление:

— Какие камни?

Калека растерянно помолчал, моргая веками без ресниц.

— Эй, ребята, не отвлекайтесь по пустякам, — помог я им всем. — Жилин без вас разберется, какие камни.

Стас раздраженно махнул рукой и исчез в мониторной. Рэй, показав мне язык, вернулась к контролю за телеметрией… Товарищ Жилин знает, какие камни, подумал я. Что же у вас со зрением, друзья мои, почему вы не видите того, что видит старый, уставший от неправды обманщик…

— Их брал в руки Оскар Пеблбридж, — тихо сообщил я Страннику, испытывая нелепое чувство вины. — Случайно, ей-богу. Почему-то он решил,

что я таскаю с собой антикварный «люгер». Наш пай-мальчик любит игрушки.

— Тогда все эти меры бесполезны. Все эти приготовления к подвигам, как и сами подвиги… — Странник обвел пространство темной высохшей рукой.

— Почему? — наивно поинтересовался я.

— Ваш Оскар непременно добьется, чего хочет.

Словно диагноз поставил. Смертельный диагноз.

— А чего Оскар хочет? — опять спросил я.

— К счастью, фантазия у лучших представителей Службы контроля очень бедная, — сказал он. — Получить меня — этого им достаточно. Значит, они меня получат.

— По-твоему, «они» — это Служба контроля? — уточнил я. — А тебе не кажется, милый Юра, что есть все-таки предел подлости, на которую способны тайные слуги человечества?

— Нет такого предела.

— У меня другое мнение, но это не важно. Я хотел спросить про астероид.

— А что астероид? — вяло сказал Юрий. — Обычная малая планета. Двадцать километров в поперечнике. Название — Strugatskia… Впрочем, название вряд ли вам о чём-нибудь говорит..

Я порылся в своем мысленном каталоге. Название в самом деле ничего мне не говорило. Малых планет в Солнечной системе — несколько тысяч.

— Идите, Ваня, идите, — сказал он тоскливо. — Вам же интереснее быть там, а не со мной. Идите.

Я ушел. Я появился в мониторной как раз в самое время, успел к началу. Господин Скребутан, раздав подчиненным злые команды, уже замолчал, он сидел на полу в центре зала, скрестив по-турецки ноги, и смотрел наверх, в бездонное белое небо. Операторы застыли кто где, и тоже, все как один, дружно задрали головы. Была немая сцена. Из жаркого полуденного марева, заслонив своей тушей солнце, прямо на нас спускался мощный десантный вертолет.

Не на нас, конечно. Винтокрылое чудовище, подкравшись со стороны кампуса, зависло над холмом, выбирая место для посадки. Иллюзия была потрясающей, как-то забывалось, что над нами — толща бетона и песка. Только звука не было, цветное безмолвие. Акустическая защита вертолета не могла давать такого эффекта, значит, хранители подземелий просто любили смотреть кино без звука. А люди на поверхности земли ничуть не беспокоились — стояли, как и

мы, задравши головы к небу, прикрываясь от солнца, некоторые даже приветливо махали руками. «Вампиры» поснимали свои пиратские повязки, охотники понежиться на травке дисциплинированно расхватали свои пожитки. Внушающие трепет буквы «SS» мигали на брюхе вертолета, что означало «Security Service», служба безопасности. Или, если угодно — «Schutz Staffeln», охранные отряды, как выражается немецкоязычный весельчак Стас.

Однако гостей здесь ждали. Бронированная туша внезапно содрогнулась, словно на стеклопластик наткнулась, застыла на миг, и начала крениться, мучительно теряя равновесие. Триумфального сошествия с небес не получилось. Пилот, рисковый малый, попытался взлететь, сложив лопасти и включив пневмоускоритель, но не успел. Силы инерции уже опрокинули летательный аппарат на бок, оба ротора натужно месили что-то густое, вязкое, и машину от этого дополнительного толчка страшно крутануло в воздухе. Посадка превратилась в падение. Вертолет слепо покатился вниз — как с горки, как с крыши гигантского шатра, — ускоряясь и ускоряясь, подпрыгивая, цепляясь стабилизаторами за пустоту, и лишь за оградой Университета его

позорный путь закончился. Пилот сбросил баки с горючим, чтобы избежать при ударе взрыва; десант катапультировался…

Жалкое зрелище.

— Стучаться надо, господа, — раздался голос в тишине. Это Стас пошутил.

— Один-ноль, — добавил селектор голосом Рэй.

— Это вам не камеры хранения чистить, — злорадно сказал кто-то из операторов.

— Спасибо, Мария! — крикнул Стас, сложив руки рупором. — Что бы мы без тебя делали?

На экране селектора возник Анджей Горбовски.

— Служба границ, — доложил Анджей взволнованно. — Кажется, начался штурм.

— Им кажется, — отчетливо сказала Рэй. — Почему эти кретины без шлемов?

— Почему без шлемов?! — заревел Стас. — Пограничники хреновы… Шандор, включи-ка мне общую. Эй, все! — опять заревел он. — Надеть шлемы, юнги! Головы ваши свинцовые!

В подземелье пришел внешний звук. Было хорошо слышно: эхо благородного бешенства разнеслось над аллеями и газонами.

— Пше проше, пани воспитательница — сказал Анджей с вызовом. Он браво сорвал со спины

рюкзачок, запустил туда промасленные руки и вытащил шлем антилучевой защиты. — Без панамок не гуляем, на дорогу не выбегаем, следим за шнурками... — он ушел со связи.

Больше я его не видел.

Роскошная панорама, покоряясь командам операторов, превратилась во множество укрупненых фрагментов, и стали видны подробности. Люди по эту сторону ограды в большинстве своем были одеты в комбинезоны с надписью «АХЧ». АХЧ — это административно-хозяйственная часть. Более нелепую униформу для воинов трудно придумать. Интели мои милые, какие из вас воины? Антилучевые шлемы были дружно изъяты из рюкзачков и натянуты на головы, а сами рюкзачки остались за спинами, скрывая от глаз переносные блоки питания. Безликие штурмовые группы больше не прятались по кустам и мусорницам. Бойцы с той стороны ограды были в точно таких же шлемах, только комбинезоны у них оказались куда как солиднее — военного образца... Штурм, тоскливо подумал я. Черные и белые фигурки. Зачем? Кто вас расставил на этой доске, чья рука двигает вами? С доски больно падать, если сделан ты не из дерева, а из костей и нервов... Все было не так — неправильно, без-

дарно, глупо.

— Вы думаете, «чалма джинна» вам поможет? — с трудом сдерживаясь, сказал я. — Вы думаете, колпак защитит ваши лбы от чугунной сковородки? Бодрецы!

— Чего орешь? — осведомился Стас.

— Что за идиотская самодеятельность? — продолжал я. — Где ваш ректор? Почему не он, а ты командуешь полками, почему он не свяжется с Госсоветом, с национальной гвардией, с интерполом, почему ваш департамент иностранных дел не забьет в барабаны и бубны? Или Оскар Пеблбридж теперь руководит этим городом и страной?

— Ректор под арестом, — сказал Стас. — Ночью пришли и арестовали. За нарушение алкогольной монополии. Он с женой, понимаешь, хмель выращивает под видом декоративного растения и тайно варит пиво. Вот и думай, Иван, кто у нас чем руководит.

— Сюрреализм, — сказал я. — Ну, а ты что же? Гордость не позволяет на помощь позвать? У вас же черт знает что творится!

— Я никому не верю, — сказал он, неподвижно глядя мне в лицо. — В том числе твоему Мировому Совету. Ты на эту помощь намекаешь? Вы, ком-

мунисты, умеете совершать сделки не хуже, чем мы, банкиры, и если меня до сих пор не нашли, то только потому, что я нос отсюда не высовываю.

— Вы сумасшедшие, — сказал я. — Вас давно нашли. Они же вас на два счета выкурят, а кто не захочет выйти сам, того — по счету три. Скважины в холме пробурят — и ваш знаменитый фикус вам же на голову.

В груди моей что-то болело и плакало — то ли душа культового писателя, то ли переломанные ребра бывшего агента. Вмешайся! — требовала душа, метаясь над рехнувшимся миром. Сколько штурмов ты в своей жизни отразил, Жилин, во скольких участвовал? А сколько планировал? Однако сегодня… Мощи культового писателя, покинутые душой, насмешливо оскалились. Разве ты можешь хоть кому-то помочь, наблюдатель? Да, я всего лишь наблюдатель, согласился бывший межпланетник Жилин, закрывая за собой крышку люка. Я не подведу Учителя. Только бы не было жертв, подумал бывший межпланетник. Только бы не было жертв…

— Я же тебе говорила, Стас, — вновь возник голос Рэй. — Зря мы Жилина привели, вытаскивай теперь его отсюда.

— Нет, но чего он орет? — обиженно спросил

Стас. — Когда у нас все под контролем… У нас все под контролем, Иван! — крикнул он мне. — Отставить панику!

Очень неубедительно это прозвучало.

Столбы, врытые в землю вдоль всей ограды (я обратил на них внимание еще при входе), вдруг полопались — все разом. На их месте стремительно вспухли, раздулись, оформились большущие шары метра по три в поперечнике. Были они ярких привлекательных цветов, словно из стереопластика сделанные. Детский аттракцион. Распухли и сомкнулись, образовав второй эшелон обороны. Они не были статичны, эти шары, они колыхались, дышали, жили своей жизнью; игрушечность их была ох как обманчива.

Тележки с баллонами тоже ожили, дружно нацелившись в небо.

Верхушки мобильных антенн, поддерживающих «чалму джинна», по-прежнему были окружены сияющими нимбами.

Игра началась.

— Босс, в катакомбах какое-то шевеление, — объявил комендант Старого Метро, заняв своими усами весь селектор.

— Под землей?! — взвился Стас.

— Нет-нет, снаружи. Мы на всякий случай пре-

рвали расчистку.

— Много успели расчистить?

— Километр с хвостиком.

У господина Скребутана стал жалкий вид. Он снял очки, помассировал брови и сказал:

— Завалите обратно. Взорвите. Это приказ.

— «Чалма» неустойчива, — озабоченно произнесла Рэй. — По всей границе. Они в наши генераторы внедряются, черви.

— Вы собирались удрать через катакомбы? — бросил я реплику.

— Мы? — рассеянно спросил Стас. — Не мы им нужны, Иван. Ты что, до сих пор не понял? На кой черт мы им сдались… Слушай, Хилари, как вообще там у вас, в Парке Грез?

— У нас райская благодать, — ответил Хилари. — В парке пусто, хоть в перископы пялься, хоть по радарам пальцем води.

— Выманивают?

— За дураков считают.

— Значит, с эвакуацией — всё? — спокойно уточнил Стас.

— Ау, ребята! — звонко позвала Рэй. — Блок-поля больше нет, волновой код вскрыт.

— Конечная остановка, — обреченно сказал кто-то из молодых.

Этого следовало ожидать. «Чалму джинна» сорвали с заигравшихся ребятишек, и начался настоящий штурм. Первыми пали мобильные антенны, с помощью которых территория Университета была накрыта геомагнитным колпаком. Красивые радужные капли, сгустившись вроде бы из воздуха, неудержимо рванулись в цель, и стальные мачты антенн беззвучно рассыпались в прах. Ураганная коррозия. Инженеры в страхе повыскакивали из шатров, хотя для людей эта дрянь была совершенно безопасной; где-то там суетился и мой доблестный Анджей… Потом замолчали чайки. Птиц над Университетом вообще вдруг не стало. Надсадно завыла одинокая псина… А потом осажденную территорию накрыло Волной.

Мерзавцам хватило ума не применять депрессионное излучение: это была всего лишь онейроидная атака. «Сонный герц», как шутили юнцы в разведшколе. Все, кто не смог укрыть свой мозг шлемом антилучевой защиты, ощутили неодолимую потребность прилечь и отдохнуть. Мирные туристы и горожане, виноватые только в том, что волей случая оказались в центре этого вселенского позора, повалились на землю. Кто-то пытался сопротивляться, ничего не понимая,

кто-то сразу затих. Очень гуманное средство. Вот разве что некоторые гадят под себя, это унизительное ощущение невозможно забыть, нужно потом психологическую реабилитацию проходить. Так или иначе, когда операция закончится, всех упавших подберут, приведут в чувство и принесут официальные извинения — и пусть им позавидуют те, кого взяли со шлемом на голове…

А потом всё, что устояло на ногах, пришло в движение. Кругленькие пятнистые фигурки бросились на приступ; они ни в коем случае не приближались к цветной игрушечной ограде, не стреляли в нее, не пытались пробить базуками, Боже упаси — знали, чем это чревато! — они попросту перепрыгнули препятствие. Современные спецсредства из любого дерьма сделают супермена. Были фантастические, неправдоподобно высокие прыжки. Выверенные траектории, точные приземления. Смешные человечки по нашу сторону крепостной стены, хранившие верность своей крошечной земле, забегали вокруг тележек с баллонами. И баллоны щедро плюнули во врага противной зеленоватой слюной, сразив большинство пришельцев еще в прыжке. Клейкая пена моментально обездвижила пойманную добычу, освободиться было никак невозможно,

а хозяева продолжали и продолжали заливать газоны слюноподобной пакостью, устроив гостям ловушку шириной в полста метров и высотой в человеческий рост… И штурмующие временно отступили, бросив товарищей перевариваться в этом гигантском желудке. Зато с неба, из самого центра раскаленной белой воронки, пришли новые вертолеты; два тяжеловеса, нашпигованные спецсредствами и спецлюдьми, — снижались они в районе кампуса и делали это с большой с опаской. Хотя чего было опасаться? Волновые коды вскрыты, система мобильных антенн уничтожена… Нет, не зря пилоты медлили с посадкой. Обнаружились резервные антенны, замаскированные под кипарисы, — приятный сюрприз любителям природы, — и вновь ожили генераторы блок-поля, всего на долю секунды, но этого хватило. Летательные аппараты чудом уцелели. Свечкой ушли в зенит, радуя глаз поврежденными посадочными опорами…

— Ich sheisse auf dich, — изрек господин Скребутан удовлетворенно.

— Два-один, — откликнулась Рэй.

Все происходило очень быстро. Взгляд наблюдателя (мой взгляд) лишь фрагменты фиксировал, лишь вехи приближавшейся катастрофы. Вот

мой знакомый таможенник, сторожи́вший главные ворота, носится между турникетами, не позволяя врагам войти под арку — с легкостью уходит от разрядников, скачет, как кенгуру, и боксирует не хуже. Он неуловим, как разъяренная макака. И впрямь феномен. Бедняга отрезан от своих товарищей, ведь его пост расположен с внешней стороны защитный порядков, так что выбор у него небольшой: либо снимай шлем и смиренно ложись на мрамор, либо дерись. Похоже, парень просто обезумел… правда, арку пока атакуют малыми силами… а вот и третий вертолет! — удалось пробиться, значит, следом налетят и другие, — зависает как раз над руинами з*А*мка… группа десантируется с малой высоты, и гостей встречают с честью: мускулистые сотрудники археологической экспедиции демонстрируют высший класс рукопашного боя… не так уж просты они, мои интели!.. «Verdammte Schweinerei, — стонет Стас, — зачем вам замок? Откуда вы про замок знаете?..» А вот и клейкому болоту приходит конец: лопаются гранаты с затвердителем, набрасываются гати, завязываются отчаянные драки уже вдоль всего периметра… коллективное безумие, невозможно смотреть… студенты в этом тоже участвуют, надо же, а потом

отряд десантников, преследуя юных партизан, отработанно вступает в рощу и весь целиком запутывается в паутине, натянутой между деревьями — э-э, парни, из ловушки так просто не выберешься… а потом какой-то кретин-попрыгунчик, не рассчитав, еще в прыжке всаживает гарпун парализатора в ограду, точно в макушку шара, и защитная система наконец активизируется…

А потом я услышал слабое, едва живое: «Ваня… Ваня… Ваня…» и бросился в соседнее помещение, потому что это Юрий звал меня к себе.

— Боюсь, мы не успеем поговорить, — произнес он с трудом.

— А надо? — спросил я.

— Тест пройден, — сказал он.

Обильная испарина покрывала его чело.

— Не понял, — честно удивился я.

Он сказал, пряча взгляд:

— Вы простите меня, Ваня. Я краем уха слышал ваши с Марией разговоры. И когда вы в машине ехали, и когда по Университету гуляли. С некоторых пор тут повсюду телеметрия, отлов и сортировка внутреннего врага… Маша, ты тоже прости.

Рэй ругалась с кем-то по селектору, а ее прия-

тель программист, выставив зад, грозно нависал над пультом, — спины и затылки искрились. Никто не обратил на нас внимания, тогда я развернул один из стульев и подсел к калеке.

— Помните, Ваня, вы у Маши про тест выспрашивали? А она все удивлялась, почему Слово выбрало именно вас… — Юрий на мгновение заглянул мне в глаза. — Тест вы прошли не вчера и не на взморье, а семь лет назад. Видите ли… Вы оказались единственным из всех, кто попробовал слег и не попросил у него счастья для себя одного, за счет других.

— Ах, вот в чем причина, — сказал я.

— Причина чего? — встревожился он.

— Моего участия в этой истории.

— Счастье для всех… — произнес он с непонятной интонацией. — Это ведь была мечта Пека — счастье для всех. И моя. Было время, когда я точно знал, что хорошо, и что плохо, еще до того, как меня забросило на тот астероид. Однако, вот беда, когда получаешь возможность коснуться даже самого крохотного рычажка божественной силы, почему-то пропадает уверенность. Пек придумал сделать сон реальностью, и возник слег, и эта же сила смяла его самого. Потому что надо было иначе. Надо было реальность сделать сном.

Суперслег. Слово… Не хватает лишь одной Буквы, Ваня, всего одной. Тот мир, который сотворило ваше подсознание при помощи слега — это и есть причина, вы правы. Не сердитесь, что пришлось вызвать вас сюда.

— Я не сержусь, Юра, — честно сказал я. — Просто не понимаю. Отчего бы, например, было не «вызвать» меня тогда же, семь лет назад?

— Желания Ивана Жилина должны были созреть, оформиться. Иван Жилин должен был стать писателем. Я подозреваю, что вы даже самому себе не признаётесь, как много писатель Жилин взял из того мира, который подарил ему слег. Ваши необыкновенные, излучающие счастье книги — и есть результат теста.

— Нагромождение несуразностей, — заявил я. — К чему тогда все эти приключения?

— Конечно, вы обставили бы этот сюжет гораздо убедительнее, чем я, — криво усмехнулся он. — Не у всех же такая фантазия, как у вас! У нас таланта поменьше.

Бедняга попытался засмеяться.

Лучше бы он этого не делал. Мороз пробрал по коже. Или в помещениях стало прохладно?

Из мониторной прилетел ужасный рык, сметающий все на пути:

— Откуда они знают про сейф?!

По-видимому, готический замок был уже взят, включая засекреченную псарню. Господин Скребутан продолжал ужасно кричать:

— Предатели! Предатели!

Он колотил чем-то в остывший пол бункера. Мне было его до смерти жалко.

— А ведь ваш друг Станислав однажды воспользовался Буквами, — вновь задвигал Юрий безгубым ртом. — Так уж сложилось. Он прятал меня некоторое время в доме своей сестры… хорошая была женщина, царствие ей небесное… Это перед самой заварушкой. Приходит к нам в гости Пек и вдруг сует мне свой камушек, умоляет забрать обратно, говорит, что не ручается за себя. Мы их, камушки эти, разделили с Пеком еще до посадки на Землю. А тут Станислав… Ей-богу, не мог же я у него из рук их вырывать?! Не догадывался ваш друг, что это такое, гораздо позже все узнал…

Я не поверил своим ушам.

— Ты хочешь сказать, — начал я, — что всего лишь из-за любви Стаса к деньгам местные динары превратились…

— Мечты бухгалтера иногда сбываются, Ваня, — шепотом воскликнул раненый. — Любил он

деньги странною любовью и всех вокруг заставил полюбить… Знаете, что Станислав увидел вместо Букв? Две птицы счастья. Это такие изделия из щепы, их подвешивают к потолку, чтобы охраняли дом от невзгод и приносили на крыльях скорую весну. В обычае у некоторых северных народов. Станислав увидел одну большую, вторую поменьше.

— Северные, они же нордические, — сказал я тоже шепотом. — У нас со Стасом в интернате как раз такая птичка в спальне висела.

— Он романтик, — скорбно сказал Юрий. — Пек номер два. Птица счастья — в сочетании с деньгами. Гремучая смесь.

— А как насчет Пека номер один? — напомнил я. — Можно развить тему?

Мой собеседник захотел вытереть лоб и дважды промахнулся.

— Я тогда не взял вторую Букву, осел упрямый, — произнес он, убрав громкость почти до нуля. — А он, перед тем как последний раз залезть в ванну со слегом, отправил космическую диковину в МУКС. Вместе с коротким рапортом. Хорошо хоть анонимно и без подробностей. Я только на следующий день узнал, что он умер…

Новый вопрос не успел родиться. Прибежал

нордический Стас и сказал с подозрительным спокойствием:

— Вам надо уматывать, господа. Скоро они будут здесь.

— Каким образом твои гномики на работу попадают? — ответил я зло. — Через потайной сейф, да? И чему ты теперь удивляешься?

Стас сжал голову руками. Он выдохнул — одним нескончаемым словом: «Крайцхагельдоннерветтернохайльман», — совсем уж замысловатое ругательство, что-то там про перекрестный град, про чертову погоду, — эти идиоматические слои были непереводимы, не настолько хорошо я знал немецкий… а потом он распрямился, снял очки и стал их протирать выдранной из брюк рубашкой.

Никакой истерики. Господин Скребутан возразил мне:

— Все сотрудники, включая внутреннюю охрану, спускаются через Старое Метро. В тоннеле регулярно курсирует дрезина. О том, что возле главного корпуса есть выход на поверхность, знали шесть человек. Включая тебя — шесть с половиной.

— Включая меня — это семь с половиной, — сказал я. — А включая Оскара Пеблбриджа — семь

целых и шесть десятых. Ты меня что, прогоняешь, босс?

— Вот он утверждает, — показал Стас на Юрия, — что ты ценнее всех нас, вместе взятых, и я ему верю.

Я произнес максимально резко:

— Думаешь, можно поймать меня на такие крючки? Давно не ловлюсь. Я способен еще держать оружие. Эй, где тут у нас оружие?

Повернулась разъяренная Рэй:

— Опять он кокетничает! Его величество придется упрашивать?

— Кстати, — сказал ей Стас, — мое обращение относилось и к тебе. Ты уходишь вместе с ними.

— Спятил?! — Теперь она вскочила. — А кто вам пузыри надувать будет? Над лишаями вашими погаными! — Она швырнула в голографическую карту Университета пластиковую чашку — пустую, к счастью.

— Хватит брыкаться! — вспыхнул Стас. — Шандор и без тебя справится, у него была хорошая дрессировщица.

По голой спине молчаливого программиста Шандора струился пот. Его взмокшая спина разбрасывала по темному залу веселые зайчики света. Танцплощадка.

— А я все о вашем сейфе думаю, — мирно напомнил я о себе. — Вероятно, за нами следили? За мной и за… вот за фройляйн?

Стас скривился.

— Фройляйн без «зонтика» на улицу не выходит даже в самый ясный день. А тебя Мила прикрывал… Дьявол, тебя же проверили, как невесту перед брачной ночью! Рад бы с тобой согласиться, Иван, но утечка не здесь… Вот что, молодежь! — раздраженно сказал он. — Не пора ли в седло?

Он странно посмотрел на Юрия. Мне не понравился его взгляд. Отчего же они искрили, друзья-соратники, какая сила растаскивала их по разным полюсам?

— Слушай мой приказ! — подвел Стас итог. — Никому не брыкаться! Поголовная эвакуация!

Никто и не брыкался. Я взял ватное тело под мышки, пересадил его в коляску и спросил:

— Куда?

— За мной, — махнул Стас.

Опять мы ворвались в мониторную. Купол еле тлел, но еще функционировали боковые сегменты, давая исчерпывающую картину происходящего. Невозможно было не притормозить… Таможенника, охранявшего арку главного входа, с ожесточением топтали — множество пар ар-

мейских ботинок. Никакая выучка не поможет против армейских ботинок, если их много. Шлем с несчастного парня так и не сняли, чтобы он все чувствовал и все понимал… Крутоплечих археологов, охранявших руины, побросали в их же раскопы; десант прорвался на бывшую псарню, в кабинет начальника экспедиции, и уже вскрывал внутреннюю стену сейфа. Летели огненные брызги. Нападавшие точно знали, где и что нужно искать… А на газонах — как по ту, так и по эту сторону периметра, — резвились хищные мячики, каждый размером с два футбольных; они охотились только за чужими, безошибочно распознавая своих, реагируя на звуки, на запахи, на огонь, на волновую активность; а большие мячи, составлявшие ограду, плодили все новые и новые выводки маленьких…

Эта система так и называлась — полицейские шары. В переводе на английский очень двусмысленно звучит. Предназначена для усмирения массовых беспорядков, коих мир уже не помнил лет этак…дцать. «Борзые шары». Лягавые. Бывают самонаводящиеся, бывают управляемые дистанционно.

За первой волной нападавших пошла вторая, третья. Зачем-то штурмовали кампус, и студенты

безрассудно принимали бой. Впрочем, как видно, жертв не хотел не только я, так что средства применялись самые невинные: разрядники, парализаторы, липучки и тому подобное. Основным оружием при этом оставались кулаки. Лишенный оригинальности мордобой сотрясал хрустальный сосуд местной культуры. Портовый город, что вы хотите.

Растоптанного таможенника уже взяли за руки за ноги, подтащили к ограде и бросили на шар. Телезрители вокруг меня охнули.

Селектор сошел с ума, крича десятком криков сразу. В катакомбах замечены промышленные скорчеры, сразу две горнорудные установки — враги пытались пробиться к тоннелю. Из главного корпуса сообщали, что ректорат оккупирован и что полным ходом идет обыск. Рыдал кто-то из биотехнологов: синтезаторы обнаружены. Кто-то вел прямой репортаж из электродинамической лаборатории: там беспощадно паковали всех инженеров подряд…

Паковали всех, кто был в шлемах — кто имел наглость не спать. По аллеям, по тропинкам и газонам разбрасывались диверсионные ловушки, которые приманивали и разряжали полицейские шары; люди трепыхались в невидимых сетях, как

насекомые; языки липучек настигали тех, кто спасался бегством.

Это была катастрофа.

Я обнаружил, что Стас трясет меня за ворот рубашки:

— Пойми, не могли же мы настоящую защиту ставить… — содрогался он от ненависти. — Арсеналы создавать, армию покупать… как мафия какая-нибудь, как ваш Совет Безопасности… не могли же мы показать им всем, что мы такие же!.. — Он все-таки потерял над собой контроль. — Твой пацифист прав, Иван, нельзя нам было вооружаться, но как жаль, что мы его послушались, как жаль…

— Какой пацифист? — спросил я его, и тогда он заткнулся. Он отстранился и с отвращением показал на скорчившегося в коляске Юрия.

— Вам прямо, — сказал он, указывая прочь из мониторной.

Когда мы вышли, Стас сказал:

— А мне туда.

Он показал вглубь тоннеля. У перрончика стояла под парами дрезина, которая ждала именно его. В подземелье сгустились сумерки, аварийка работала вполнакала, зато людей заметно прибавилось. Внешний гарнизон был почти разбит,

значит пришел черед внутреннему приносить себя в жертву.

— Капитан покидает тонущий корабль последним, — добавил Стас, ослепительно улыбнувшись нам всем. Его лихорадило. Неловко было спрашивать, но я спросил:

— А мы куда?

— Мария знает, этот вариант готовился.

Нам выдали антилучевые шлемы и ранцы. Всем, кроме Юрия. Тот отказался наотрез, и никто не бросился уламывать его или совестить. Ах да, опомнился я, это же Странник, череп свинцовый, — в воде не горит, в огне не тонет. Повинуясь нетерпеливыми жестам босса, охрана налепила нам на спины буквы «АХЧ». Зачем? Чтобы полицейские шары опознавали нас, как своих. Я не брыкался, я сдерживался. Но когда процесс экипировки был завершен, я опять подал голос:

— Я так и не понял, ребятушки, что им от вас нужно?

— Положить малыша на операционный стол, разрезать и посмотреть, что внутри, — устало сказал Стас.

Я содрогнулся.

— Что ты мелешь?

Он оскалился:

— Деньги им нужны, Жилин! Ради чего еще это преступление затеяно? Посредник им нужен, между телами и душами. Вся дрянь в нашем мире из-за денег, Жилин. Мы просто хотели, чтобы хоть что-то хорошее было, хоть что-то здоровое… в единстве и взаимосвязи… — Он не договорил, отчаянно махнув рукой.

— Ну тебя к черту, Скребутан, — вскипел я. — Даже с похмелья ты шутил не так глупо.

— Какие шутки, Ваня, — вступила Рэй, до сих пор молчавшая. — Босс вообще не умеет шутить. Надо возвращаться, Ваня.

— Совершенно верно, пора возвращать себе кличку, — сказал господин Скребутан. Он он вдруг перестал нас замечать. — Когда-то меня звали просто — Бляха! — возвестил он, отвернулся и упруго пошел к дрезине.

— Все на свете — миф, — гулко разговаривал он сам с собой. — Хваленая немецкая пунктуальность — миф. Поезда в Германии всегда опаздывают, и это их свойство особенно ценно, когда нужно сделать несколько связанных по времени пересадок. Вот и мой поезд, кажется, опоздал. Так что и я теперь — всего лишь миф…

Когда-то Стас был рыбарем по кличке Бляха, игравшим от скуки в азартные игры со смертью.

Когда-то Стас хорошо владел оружием, хоть мы с ним доблестно и мотали уроки по начальной военной подготовке. Когда-то он любил мучить лучшего друга вкрадчивым напоминанием: «Сахар на дне». а я таскал его в кино на «Трех мушкетеров», чтобы он понял наконец, что такое настоящая дружба… Жаль, что все это сегодня ему никак не пригодится.

Мы двинулись. Нашему калеке было заметно хуже, его коляской управляла Рэй. Надо бы в лазарет, распорядился я. Где тут лазарет, черт возьми? Не надо в лазарет, попросил больной, не открывая глаз. Если можно, к святому месту. Знаю, знаю, сказала Рэй, куда же еще. Что ж, к святому месту, так к святому — нас, атеистов, этим не запугаешь. Мое мнение давно уже ничего не значило, это бесконечно радовало…

— И все-таки, — ворчал я. — Вот ты говоришь, вертолет, бухта… Достаточно было бы одного вакуум-арбалета! Почему ты жив, Юра? Ты стал бессмертным? Мальчик, готовый красиво умереть, становится бессмертным, какой подарок судьбы.

— Ну что вы, Ваня, — слабо улыбался он и придерживал кровавые нашлепки на груди. — Я теперь просто очень живучий. Вы даже предста-

вить себе не можете, какая это жизнеспособная система — наше тело. Оно не боится радиации, может подолгу обходиться без воздуха, не подвержено инфекциям. Вы ведь тоже хотите, чтобы так и было? Я, например, очень этого хочу… хотел когда-то…

Вероятно, человек бредил. С другой стороны — сгоревший вертолет, бухта, вакуум-арбалет. Плюс давнишняя трагедия с проектом «Сито». Трудно отмахнуться от таких фактов. Вот и думай, кого же я на самом деле вытаскиваю из логова заговорщиков?

— Прежде чем что-то захотеть, представь, вдруг это исполнится, — примирительно сказал я. — Заповедь номер один.

— Исполнится, Ваня, исполнится…

Благоустроенные коридоры почти сразу кончились, вокруг была плотная тьма, разрезаемая светом наших фонариков, вокруг были угрюмые известняковые кишки, все более и более непроходимые. Редкие двери служебных помещений были украшены бодрыми надписями: «Пыточная», «Игровая», «Малая сокровищница», и когда, наконец, позади остались туалеты с громким именем «Дефекационная», мы встали, потому что пневмоколяска не вписалась в нужное нам

ответвление.

— Боюсь, я не смогу идти, — виновато сказал Странник.

То, что раненый не сможет идти, было понятно даже позолоченному прозаику Жилину. Ну-ка, «Идеал», не стоять в стороне, мысленно скомандовал я, принимая драгоценную ношу в руки. Как это ни удивительно, но тряпочная кукла, вынутая из коляски, оказалась заметно более легкой, чем была полчаса назад. Вата свалялась и скомкалась под дряблой тканью, остро выпирали шарниры и фрагменты переломанного каркаса… Однако впечатление легкости недолго длилось: через несколько метров подземный ход еще сузился. Рэй медленно ползла впереди, освещая мне путь, а я старался не задевать стены хрупкими предметами, будь то моя голова или чужие, торчащие в разные стороны конечности….

Человек в моих руках бурно потел. Не оттого ли и сделался он таким пугающе невесомым? Рэй оглядывалась и с любовью промокала ему лоб платочком.

А потом мы опять остановились. Дальше хода не было, вернее, ход был, только вектор движения радикально изменился. Бетонированная труба, вся в выбоинах и трещинах, смотрела вер-

тикально вверх, и там, в конце этого телескопа, ослепительно горел райский огонь. Рождественская звезда. Там был день, там был свет. В стену были вбиты большие ржатые скобы, выполнявшие функцию лестницы — не та ли это лестница в небо, по которой ангелы восходят к Богу?

— Что это? — спросил я.

— Воздуховод, — ответила Рэй.

— И куда он ведет?

— Ты что, дурак? — простонала она.

— А то нет…

И правда, будь я поумнее — лежал бы на пляже да мозолистые ноги в песок закапывал. Из ранца были вытащены ремни, которыми, по мысли этих фантазеров, мне полагалось пристегнуть мессию к своей спине. Спрашивается, кто здесь настоящий дурак? Смеяться не хотелось, а плакать нам по чину не положено: не стал я спорить, не стал издевательски подвязывать эти их ремни вместо галстука (руки были заняты). Я просто перевесил Странника себе на плечо, сложив ватное тело в поясе — ноги назад, голова вперед.

— Подожди, — остановила меня Рэй, — сначала узнаем, что наверху.

Она надела свой шлем и включила радиоселектор, а я, не в силах прислушиваться к ее

наэлектризованным переговорам, закрыл глаза и оперся о бетонную стену. Ноша на моем плече конвульсивно дернулась:

— Вам тяжело?

— Нести тебя или слушать, что ты несешь? — прокряхтел я. — Тяжелее всего понять, зачем я тебе понадобился.

— Опять тот же вопрос… — в муках родил он. — Пек Зенай захотел слег, но ему, к счастью, не хватило фантазии охватить этой заразой всю Землю. Я со своей вечной молодостью тоже жидковат оказался. Очень хотелось мне вечной молодости, Ваня. К счастью, чтобы распространить своё желание за пределы одного города, нужен настоящий талант.

— Мой, — саркастически сказал я.

— Да. Вы знаете, каким должно быть будущее, и оно мне нравится, — сказал он. — Тест пройден, Иван. Букв — две. Добавьте третью.

Странник надолго закашлялся. Оказывается, ему было чем кашлять. С каждым произнесённым словом Юрию становилось все труднее говорить: силы уходили из него, как воздух из неисправного вентиля.

— Двигаемся, — подала Рэй команду. — Нас встретят.

С материнской заботой она надела на меня шлем. Я взялся за гниющие скобы и полез наверх, изо всех сил стараясь не загреметь обратно на дно.

— Вашему удивлению, Ваня, всего лишь сутки, — продолжал калека, цепляясь за мою рубашку. — А я вот уже пятнадцать лет не перестаю удивляться — почему я? Помните, каким я был? Образцом подрастающего поколения, который твердо знает, что справедливое общество в целом построено, остались только мелкие недоделки, технически легко устранимые… Но ведь не один же я так думал. Почему именно меня забросило на тот астероид? Какова разгадка?

Я не прерывал его монолог, потому что в моей ситуации не то что языком — мозгами шевелить было трудно. Воздуха в трубе как будто поубавилось, хотя половина скоб уже канула вниз.

— Спецрейс номер семнадцать, — прошептал Юрий. — Космическое путешествие, которое свело нас всех вместе… С того инспекционного рейса всё и началось. Всё, что было до уникального похода «Тахмасиба» — неправда, морок. Этот космический рейс — самое первое событие в истории нашего с вами мира, отправная точка новой эпохи. В один миг иллюзии рассыпались

в труху…

В голосе его не было жизни. Что-то с моим милым Странником происходило, однако не мог я ему ничем помочь. До выхода на поверхность оставалось совсем немного.

— Хорошо, что вы описали, как оно было на самом деле. Эта книга — ваша главная, чтобы ни говорили читатели и критики. Эта книга, Ваня, гораздо больше, чем книга…

Сильные руки взяли меня за предплечье и помогли выбраться. Из мрака — в свет. Это был Гончар — в шлеме и в куртке с красным крестом. Лучший в городе инструктор, вот только чего? Я упал на четвереньки и продекламировал: «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи вверх, до самых высот…»

Из дыры пришла глухая реплика Рэй:

— Ты своего Строгова даже в бою цитируешь?

— Это не Строгов написал, — произнес я в сухой дерн. — Это Исса, сын крестьянина.

Старик с усмешкой произнес над моей головой:

— Японцы часто совмещали боевые движения с чтением стихов. Традиция.

— Отпустите меня, пожалуйста, — с неловкостью попросил Юрий. — Спасибо. Вы очень

сильный человек.

— Умный, как японец, — добавила Рэй, цепляясь за протянутую Гончаром руку. — Богочеловек.

Я положил калеку на траву и с наслаждением лег на живот. Потом поднял голову и огляделся. Декоративная будка воздухозаборника, исполненная в виде избушки гнома, была снесена, пластиковые детали тут же и валялись, сложенные неряшливой кучей. Очевидно, будку убрали только ради нас, чтобы ничто не помешало беглым ангелам вернуться на небо. Рэй выползла из вентиляционной шахты — пыльная, серая, недобрая, — она ухитрялась при этом разговаривать с кем-то по рации, втыкая в микрофон короткие твердые фразы.

— О'кей! — говорила она. — Рви! Рви, не бойся!

Земля под нашими ногами вздрогнула. Звук взрыва был похож на вздох, шахта в сердцах плюнула горячим бетонным крошевом. Плевок был хорош — гейзер.

— Дырки больше нет, — сказала Рэй, обтирая ржавые ладони о свои модные шорты. — Дефекационной тоже нет…

Дети подземелья лишили себя пути бегства. Герои, бляха-муха.

— Вместо дефекационной есть пыточная, —

сказал я и встал. — Универсальное место.

Повсюду лежали люди. На кольцевой аллее, на поляне вокруг холма, на стеклянных ступенях. Спала эзотерическая Ружена, обняв фонтанчик для питья, спали вольнолюбивые девочки в топиках и хаечках, заняв юными телами беседку, спали туристы и горожане, вечно молодые и не очень, просветленные и окутанные тьмой. В бассейне-сердечке дрейфовал чей-то халат, из грота-туалета торчали белые ноги в бриджах. Спали полицейские, обследовавшие место происшествия — в полном составе. Я поискал глазами Бэлу и опять не нашел.

— А вы почему на ногах? — спросил я старика. — Не спится?

Тот не принял моего тона. Обвел рукой поляну и пожал плечами:

— У кого-то — аритмия, у кого-то — апноэ. У одного язык провалился, другой оказался эпилептиком. Все они не собирались быть моими пациентами, но их мнения не спросили, как не спросили и моего, когда передали, что сейчас на поверхность вылезут новые пациенты, — он постучал себя по шлемофону. — Кстати, как ваше самочувствие?

— Простите, за неудачную шутку, — поспешно

сказал я ему. — Ей-богу, я не хотел никого обидеть. Какой у нас план? — спросил я у Рэй.

Где-то что-то двигалось, были характерные звуки и вспышки — совсем близко, за деревьями и за корпусами зданий, — где-то шла война, но нас это странным образом не касалось. Здесь было на редкость мирно, хорошо. Шаров не наблюдалось, как будто их что-то отпугивало. Оазис покоя. Если не задерживаться взглядом на бесчувственных телах.

— Видишь утилизатор? — отвлеклась Рэй от переговоров по рации. — Который с зонтом. Это микролет. А зонт — это на самом деле винт. Маскировочка — блеск, правда?

И сам утилизатор, и растущий из его утробы полосатый парковый зонт были ненормально большого размера. Как же я сразу не обратил на это внимание?

— С той стороны холма — еще один микролет, — добавила она. — Нам только до Парка Грез дотянуть, а там есть где укрыться.

— Тогда чего мы стоим?

— Восстанови дыхание, — сказала она, — отряхни крылья. Генератор блок-поля пока работает, волна не вскрыта. Машинка спрятана в вершине холма, залита стеклопластиком. Площадь охвата,

правда, маленькая, вот этот прелестный лужок, и все, — прижав шлемофоны к ушам, она внимательно слушала. — Ты прости, милый, у них такие дела творятся.

Врач склонился над Юрием, потом присел на корточки, жестом спирита наложив широченные ладони на биопластырь, и спросил:

— Ну, как ты?

— Он из-под капельницы сбежал, — наябедничал я. — Все склянки перебил.

— В склянках не было лекарств, — сказал старик, не двигаясь. — Обман, плацебо, лишь бы Скребутан не нервничал. Сильно чешется?

— Устал, — всхлипнул Юрий.

— Не дури, — сказал старик. Он повернул ко мне голову и вдруг улыбнулся:

— Кстати, у меня есть хорошее хокку для вашего японца Иссы. И для вас самого тоже. Вы не против?

— Против — значит контра, — парировал я.

Он с чувством прочитал:

Может мелкое
породить великое.
Как Фудзи – стихи…

Врач, он же поэт. И вдобавок хороший психолог.

Я состроил зверскую рожу:

— В каком смысле? Это по поводу литературного творчества? Намек на чье, собственно, творчество? Где моя шпага?! Или это у вас мания литературного величия?

Он засмеялся:

— Просто шутка. О бесполезности сравнений в описании Божественного.

Умело спрятав тревогу, он посмотрел на лежащего перед ним пациента.

— У тебя есть и другие стихи! — выгнул спину, выкрикнул Юрий. — «Стать богоравным, оставаясь во плоти — безумье души…» Это ведь ты написал! Оставаться во плоти, Володя, это безумье души! Хватит с меня, Володя!

— От твоей души что-нибудь зависит? — мягко спросил Владимир Гончар. — Хотя бы механизм регенерации?

— Разрешите мне, — сказал я. — Врежу, как богочеловек богочеловеку. Трудно быть Богом, юноша? Но ведь кто-то должен Им быть, кто-то должен это делать?

Больной затих, но лишь на мгновение; он произнес тусклым голосом и совсем не то, что я ожидал:

— Теперь это ваш вопрос, Ваня. Зря смеетесь.

И наконец я рассердился. Я крутанулся и злобно спросил у Рэй:

— Твой Странник, надеюсь, знает, где искать третью Букву?

Как выяснилось, она уже закончила общаться со своим Центром управления. Лицо у нее было страшным, закаменевшим.

— Никогда не спрашивала, — ровно ответила она.

Юрий хотел было что-то ответить; я жестом остановил его и обнял Рэй за плечи:

— Что стряслось, девочка?

— Зеленые галстуки берут наших в заложники и по одному бросают их на ограждение. Новая тактика. Стас не выдержал и приказал всё отключить.

— Вы хорошо спрятали Буквы? — спросил Юрий.

— Не скажу, — рявкнул я.

— Подлецы, — простонала Рэй, уткнувшись мне в грудь. — Есть же подлецы…

— Уходим, — известил я общество, быстро оглядев всех.

Калека приподнялся — Гончар помог ему не упасть. Я посмотрел в небо и с отчаянием подумал: как же дорого обошлась святым местам

попытка убедить Жилина в том, что он — Избранный! Не пора ли тебе, Жилин, собраться с духом и составить Слово — эта невысказанная мольба горела в глазах друзей… Но имею ли я право? Даже если и есть у меня пресловутая «третья буква», даже если и догадался я, что сие означает…

Поганая мысль пришла мне в голову, вытеснив все прочие, и тогда я сунулся в свой рюкзачок:

— Где тут включается эта чертова рация?

— Зачем? — спросила Рэй.

— В Университете работает такой Анджей Горбовски, ты его сегодня видела…

— Его бросили на ограду, — сразу ответила она. — Одним из первых.

Очевидно, с моим лицом тоже что-то происходит, потому что Рэй берет мои щеки в ладони, накрывает мои губы пальцем и шепчет:

— Ну что ты, Ванюша, что ты…

Девочка все понимает, надо же. Мне нестерпимо хочется самому пойти к ограде — не спеша, не скрываясь. И чтобы было видно, где я шел. Так написано, кажется, у Томаса Мэлори: «Видно было, где он шел». Хорошо написано, кровью, а не слюной…

— Я никуда не полечу, — объявляет Юрий. — Простите меня, товарищи. Вы только не теряйте

времени, до фикуса я и сам доползу.

Рэй неотрывно смотрит мне в глаза.

— Моя любовь седа, глуха, слепа и безобразна, — произносит она с непривычной скованностью. — Помнишь? Оказывается, это про тебя… вернее, про меня… — Она отводит взгляд. — В случае чего встречаемся на взморье, договорились? На том же месте.

Встав на цыпочки, она целует меня. А потом рывком снимает с меня шлем…

Вот и договорились, успеваю подумать я. Я также успеваю схватить и сжать предательские девичьи руки — Рэй вскрикивает от боли, — однако чернота накатывает стремительно, в переносице раскручивается космическая спираль, небо опрокидывается, и ангелы бережно подхватывают меня, опускают на землю, и густая субстанция, бывшая когда-то мускулистым атлетом Жилиным, растекается по аллее, и нежный голос лихорадочно объясняет происходящее:

— Ничего плохого с твоим Анджеем не сделают, вылечат и выпустят, а тебя вообще не тронут, ты же у нас без шлема, турист рафинированный, это совершенно безопасно, и нашлепку хозчасти — смотри, вот нашлепка, нету ее. А мстить — это непрофессионально и даже грех. И вообще, ты

слишком ценный, чтобы тобой рисковать, пропадет ведь всё… подвиг многих людей, которых ты даже не знаешь…

Бесформенный кусок биомассы впитывает в себя эти слова.

Я понимаю, что меня кладут на живот — наверное, чтобы язык не провалился или аритмия не замучила. Щекой — на свернутую валиком куртку Гончара. Я вижу, как Рэй вдвоем со стариком подхватывают Странника, положив его руки себе на плечи; тот виснет, загребая задницей воздух, однако на ногах стоит. Они дружно ковыляют к стеклянной пирамиде, не обращая больше внимания ни на меня, ни на всё окружающее, а я успеваю еще вспомнить, что так и не объяснил этой чертовке про… про что же я ей не объяснил?.. о чем-то Рэй меня спрашивала, о чем-то сладком, вредном для здоровья, но я не ответил ей тогда… я ей не ответил…

Глава двадцатая

…хотя, что тут скрывать? Обычные детские воспоминания — из тех, которые цепляются к нашей памяти, как репей к штанине, а потом всю жизнь колют ногу при ходьбе.

Однажды мальчик Ваня и мальчик Стасик, соседи по койкам и друзья, завтракали в интернатской столовой. Завтрак подходил к концу — Ваня уже поднес ко рту стакан с чаем и даже отпил. На дне стакана лежал слой не размешанного сахарного песка. Мода такая была: пить чай, не размешивая, а сахар съедать отдельно, ложечкой. И в этот ответственный момент Стасик удачно сострил. Неважно, по какому поводу (он острил по любому поводу и в любой обстановке), важно, что удачно! Отпить-то Ваня отпил, а проглотить не успел. Минуту он мучался, беззвучно трясясь от смеха — с полным ртом жидкости, — потом выплеснул чай обратно в стакан. Деваться-то некуда, не на стол же, не на колени. Стас преспокойно понаблюдал за процессом и с удовлетворением отметил: «А сахар на дне остался…» Что было дальше? То, что и должно было быть. Следующие

визиты в столовую приобрели неожиданную интригу: Стас терпеливо дожидался, когда друг Ваня перейдет к жидкому блюду — чаю, компоту, кофе, кефиру, — и говорил невзначай, но со значением: «Сахар на дне». И этого было достаточно, чтобы вызвать у жертвы неконтролируемый приступ смеха. И снова непроглоченное питье возвращалось обратно в стакан. Дошло до того, что Ваня стал бояться пить, если рядом сидел его лучший друг Стас, потихоньку убегал в столовую один. Но болезнь сидела уже глубоко: ловили Ваню проклятущим «сахаром на дне» в самых неподходящих местах, в самое неподходящее время, и разносился его беспричинный хохот — на весь класс, на весь зрительный зал, на всю торжественную линейку. Несколько лет тянулись мучения и угасли, разумеется, только с возрастом. Детство — жестокая пора, какие бы красивые тосты, Рэй, ты не произносила… Зачем я это рассказываю? Ты спросила — но я ведь не ответил. Кому я это рассказываю? Никто меня не слышит…

Весельчаку Стасу — полтинник. Спрашивается, с чего вдруг он вспомнил наши детские глупости, что за колючку нашел у себя на брюках? Когда начинаешь прокручивать назад свою жизнь,

когда со злостью встряхиваешь свою память, какой только дряни не вылетит из этого мусорного ведра! Зачем, Стас? Ты делаешь вид, что тверд и весел, хотя на самом деле тебе так плохо, как никогда еще не было… потому что решение принято и ты, стиснув зубы, готовишься… к чему? К чему мой Стас готовится?! Почему я не останавливаю его, не встаю рядом с ним?! Потому что я сплю? Или потому, что я только сейчас понял страшное значение его фирменной детской подначки? Сахар на дне, Жилин. Слабое оправдание…

Какие у тебя еще ко мне вопросы, девочка? Ты любишь вопросы, любишь сладкое, любишь детство и подвижные игры, вот только смогу ли я простить тебя, девочка…

— А я люблю слушать, как хорошие люди разговаривают сами с собой, — вползает в мой сон чей-то голос.

Отлично поставленный голос. Монумент. Мечта дешевых соблазнителей и буржуазных политиков.

— Слушать и я люблю, — разлепляю я пластилиновые губы, заставляю шевельнуться дохлый язык.

— Ohla! Выходит, мы оба профессионалы, — заключает невидимый собеседник.

Форточка моего сознания давно уже приоткрыта, но теперь форточка превращается в двери храма. Гигантские врата распахиваются, и я понимаю, что писателю Жилину необходимо продрать глаза, и я совершаю этот отчаянный рывок… вижу ослепительное окно — настоящее, не придуманное. Ага, значит действие происходит внутри какого-то помещения. Окно распахнуто, и в нем виден верхний край аттракциона «Кувшинка» — ага, значит мы в Парке Грез…

Зрение фокусируется, комната обретает очертания. Вижу черноволосого мужчину с тонкой улыбкой на умном лице — роскошный южный типаж, похожий на всех актеров сразу. Породистый испанец. Иначе говоря, Мигель Ангуло, местный полковник. Добрый ангел Феликса Паниагуа, а также ценитель гостиничных оранжерей.

— Вы любите сласти? — звучит крайне доброжелательный вопрос.

— С чего вы взяли? — вяло интересуюсь я.

Он сидит за письменным столом, причем, не в простом кресле. Он сидит в кресле первого пилота, снятом, очевидно, с какого-то старого планетолета, давно ушедшего на пенсию.

— Все про сахар да про сахар, — улыбается дон Мигель.

Он упруго встает и начинает ходить по комнате передо мной. Одет в светлый, цвета кофе с молоком, костюм из легкой натуральной ткани. Ах, он еще и высокий! Подтянутый и стройный. Идеальная осанка, как у матадора. Голубая кровь, сказали бы про такого в средневековом Мадриде.

Вот мы и встретились.

— Знаете ли вы, что рафинированные углеводы — это хороший стимулятор? — дружелюбно вещает он. — И что организм к ним привыкает? При длительном злоупотреблении, de esta manera[11], возникает психологическая зависимость, а потом и химическая, сродни наркотической. Si, señor[12]! Сахар — это наркотик. Избавиться от пристрастия бывает труднее, чем бросить курить. Вам, как человеку, который ненавидит любой вид зависимости, эти подробности, вероятно, интересны.

Шикарная косичка его, перетянутая кожаным шнурком, слегка поистрепалась: волосы выбились, красное дерево приобрело сальный оттенок. Очевидно, сегодня у матадора не было времени ухаживать за собой.

Пробую оглядеться, но что-то мне мешает. Голо-

---

[11] Примечания: 11
Таким образом (исп.)

[12] Примечания: 12
Да, сеньор (исп.)

ва не двигается, руки-ноги тоже. Скосив глаза, я с удовлетворением обнаруживаю, что разместили меня в точно таком же подержанном лётном кресле… нет, не точно таком же. Если у дона Мигеля кресло первого пилота, то у меня — второго. А голова моя, видимо, взята в посадочные зажимы, а тело, как легко убедиться, намертво прижато к сиденью клейкими полимерными языками. Я полностью обездвижен. Очень кстати замечаю на столе мощную армейскую липучку, с помощью которой, надо думать, и совершено это возмутительное насилие…

— Куда вы меня притащили? — спрашиваю я.

— «Притащили»? — огорчается полковник Ангуло. — Какое скверное слово. De ninguna manera[13]. Мои люди нашли вас и вынесли из зоны поражения, рискуя своей свободой. Бережно вынесли, заметьте, а не притащили. Они спасли вас. Где же благодарность?

Интерьер в комнате настолько обыкновенен, настолько безвкусен, что ни один из предметов обстановки не фиксируется сознанием. Спроси меня потом, что ты там видел — ничего, кроме пижонских кресел, не вспомню. Или это зрение

---

[13] Примечания: 13
Ни в коем случае (исп.)

шалит? Последствия «сонного герца»? Взгляду совершенно не за что зацепиться, комната словно пустая: даже цвет обоев не могу рассмотреть и оценить.

— Все добрые слова склеены липучкой, — говорю я. — Так куда вы меня притащили?

— В ложу фантастики, — отвечает он уже без кривляний. — Уверен, вам здесь понравится, вы же в некотором смысле фантаст.

— Разве что в некотором, — выражаю я сомнение.

Загадочные слова насчет «ложи фантастики» в определенной мере объясняют фокусы с обстановкой. Чего еще требовать от дизайнера, наполнявшего комнату предметами? Жанр диктует содержание. Я вдруг замечаю, что возле окна на стене висит питьевой бачок — потуги на экзотику, очередная дань безвкусице. Вода из крана гулко капает в жестяную кружку, стоящую на полочке.

— Сначала я думал устроить нашу беседу в секции античной литературы, потом — в ложе прессы или в салоне марионеток. Думал даже — в олимпийском театре, но, как видите… — Широким жестом дон Мигель обводит пространство.

— Олимпийский театр? — восхищаюсь я.

— О-о! — пренебрежительно машет он рукой. — Любим мы красивые таблички на дверях. Олимпийский театр — это просто тренажерный зал, а вы достойны чего-то более изысканного.

— Мы в святая святых ордена иезуитов, — догадываюсь я. — Принято решение меня инициировать?

Он сдержанно смеется.

— А вы ничего, с юмором. Ole, ole, ole[14]. Нет, на самом деле мы с вами находимся в офисном центре наших деятелей культуры, который называется Театром Строительства Души. Самая красивая вывеска в городе.

— Увидеть бы все это со стороны, — вслух мечтаю я.

Полковник подходит к окну и смотрит некоторое время вдаль.

— Поверьте, я очень не хотел вас связывать, — задумчиво говорит он. — Вы бы меня неверно поняли. Что, по всей видимости, и произошло. С другой стороны, я терпеть не могу кондиционеры, да и Естественный Кодекс их не рекомендует, por eso[15], вот, решил открыть окно. Открытое

---

[14] Примечания: 14
Браво, браво, браво (исп.

[15] Примечания: 15
Поэтому (исп.)

окно — такой соблазн, не правда ли?

Он разворачивается ко мне. Безумная улыбка все так же гуляет по его холеному лицу — этот красавчик излучает безумие, словно хочет заразить им и жертву. А может, мое искривленное сознание лишь уродует действительность? Нет, кто-то из нас безумен, это точно… Что за вздор мы с ним несем! — наконец понимаю я. Что за театр строительства бреда? Мерзавец просто-напросто тянет время, напряженно ждет чего-то!

Чего он ждет?

— Así[16], я обязан был подстраховаться, — разговаривает полковник сам с собой. — Не мог я разрешить вам двигаться. Во-первых, из-за окна. Во-вторых, людей у меня осталось мало, кстати, благодаря вам. Не укротить им такого быка, такого чемпиона…

Бесконечное капанье из бачка, ей-богу, уже утомляет, однако не зажать мне свои уши, не сбежать от назойливых звуков…

И вдруг я понимаю, что комната до краев наполнена звуками! Они приходят как раз из распахнутого окна, вместе с потоками морского воздуха, врываются галдящей стаей, дико но-

---

[16] Примечания: 16
Таким образом (исп.)

сятся между ирреальными стенами: вой сирен, нестихаемый вертолетный гул, далекие крики и ругань, отчетливо слышимые рыдания… Как можно было всего этого не заметить?

— Что там происходит? — небрежно спрашиваю я.

— Где? — быстро говорит сеньор Ангуло.

— В парке.

— А! — радуется он. — Вы восстанавливаетесь быстрее, чем я думал. Не в парке, а в городе, caballero[17], во всем этом маленьком сонном городе. Сегодня праздник. Ваш друг банкир устроил хороший фейерверк, чтобы мы навсегда проснулись… Вы знаете, кто я?

Чего же все-таки эта тварь ждет, почему сразу не укусит?

— Знаю ли я, кто вы, сеньор Ангуло? Странный вопрос. Неужели наследник дома де Каза?

— Ха-ха, — вежливо говорит он. — Понимаю, опять юмор. Нет, де Каза — не мой титул. Если я правильно помню, Ульрих был последователем арианской ереси, а я — из семьи истинных католиков, и к ариям, строго между нами, отношусь с предубеждением.

---

[17] Примечания: 17
Милостивый государь (исп.)

— Тогда, может быть, вы — предатель? — высказываю я новую версию. — Паниагуа молил вас о помощи, а вы где были? Бросили своих товарищей в «Семи пещерах».

Дон Мигель поднимает одну бровь. Бровь у него пышная, черная, блестящая — атрибут подлинного кабальеро. Особый инструмент, позволяющий вводить дамочек в транс. Надеюсь, не крашеная.

— А может быть вы — вождь-изувер, заставивший своих братьев заживо сгореть ради мифических реликвий? — продолжаю я.

О, дон Мигель так не любит скверных слов! Он возвращается к столу, потеряв по пути свою улыбку, и снова садится в кресло прямо напротив меня.

— О чем вы, сеньор Жилин? — удивляется он. — Я вас не понимаю. Кто атаковал «Новый Теотиуакан», кто запустил в общину гипнодел? Не я, а ваши подземные друзья. Совершенно зря они это сделали, я вам как специалист говорю. Гипнодел моим мальчикам совсем мозги разладились, они ведь и так были перекормлены…

Специалист, цепляюсь я мыслью за прозвучавшее слово. Специалист в чем? Ах, да, бюро антиволнового контроля и все такое. Человек, назубок знающий, что сахар — это наркотик.

Офицер, на практике изучающий всевозможные виды зависимости… Чего же он все-таки ждет?

И приходит ответ — настолько очевидный, что я смеюсь, не могу удержаться.

Он ждет, когда я проснусь! Где-нибудь в ящике стола — или во внутреннем кармане пиджака, поближе к сердцу, — хранится у него волновая «отвертка», которой он вожделенно хочет воспользоваться. Но не может. На пьяного пациента психотропные лекарства действуют совсем не так, как нужно врачу. Я тот самый пьяный и есть. «Сонный герц» бродит в моих извилинах, и пока лучевое снотворное оттуда не выветрится, нельзя добавлять новой дури. Все дело загубишь. Как Стас с его гипноделом. Но полковник — специалист. Вот и выжидает он, обуздав нетерпение, когда же объект его страсти протрезвеет…

Он с подозрением осматривает себя, не понимая причин моего смеха, и заканчивает речь:

— Бойцы в общине, кстати, были плохие, только животы друг другу вспарывать и годились. Зачем вы их так? Сжигать людей, даже не вполне нормальных — это изуверство, тут я не могу с вами не согласиться. Однако вы не ответили на мой вопрос, señor. Вам не кажется, что я вправе рассчитывать на более серьезное к себе отношение?

На все вопросы я ответил, только мерзавец этого не услышал. Выход, лихорадочно думаю я, где же выход?

— Ohla! Хорошо, скажу сам, — возвышает он голос. — Итак, кто я? Я тот, кто по вашей вине вынужден перейти на нелегальное положение.

Ах, он, оказывается, еще и любитель дешевых мелодрам. Страшный тип. Выдержав театральную паузу, полковник вопрошает:

— Каков же вывод, коллега?

— Вместо «Семи пещер» вам теперь придется прятаться в Театре Строительства Души, — наивно предполагаю я.

— Да, это большое неудобство, — невозмутимо соглашается он. — Вывод таков, что вы мне должны. Форму оплаты вашего долга нам и нужно сегодня обсудить.

Да где же, черт побери, выход, сержусь я. Должен же быть выход! Я в бешенстве, но даже это не помогает мне хотя бы пальцем шевельнуть. Хитроумная Рэй, содрав со своего героя шлем, отправляла его в руки правосудия, чтоб остался герой цел и невредим, — и чем кончилось? Не страшно, что их хваленое правосудие обычно красуется в ядовитом зеленом галстуке, пусть! Я бы сам надел такой же, лишь бы не сидеть сейчас

в кресле второго пилота. Какой из меня пилот, девочка, я всего лишь бортинженер. А пытаться перехитрить всех сразу, включая демона случайности — пустое дело, девочка.

— Вы хорошо спрятали машинку? — буднично спрашивает дон Мигель. — Можете не отвечать, времени у нас много. Вы ведь нашли и собрали ее, не правда ли? Рыжий дьявол весь город перетряс, но все без толку.

Капли, падающие из питьевого бачка, ужасно раздражают. Тюк-тюк-тюк. Сил нет терпеть: капли не воду в кружке долбят, а мозг мой. Есть ли выход? Нет-нет-нет, долбит бачок… Не может быть, чтобы выхода не было, не бывает так. Полковник Ангуло ждет, когда я проснусь, тянет время. А ведь я уже проснулся, и вот-вот он это поймет. Я уже в норме, уже спокойно различаю, к примеру, цвет обоев в этом убогом помещении. Белые здесь обои, больничные, какие же еще. Опередить преступника, перехватить инициативу, переиграть на переговорах — учебник прикладной психологии, главы пять и шесть…

— Я готов к сотрудничеству, — выдавливаю я, ненавидя себя.

Я бы даже в вегетарианцы записался, лишь не впитывать в себя этот жирный наваристый

голос…

— А вот развязывать вас пока нельзя, — с явным сочувствием отвечает преступник. — Вы раскроите мне череп, и конец сотрудничеству. Сначала мы — угадайте, что? Изучим ваши рефлексы, чтобы никаких сюрпризов, никаких самосожжений…

На столе появляется плоский чемоданчик. Дон Мигель опытными руками отщелкивает крышку и раскручивает щупы. Сейчас он узнает, что рефлексы у меня в порядке, а потом он узнает, кому я сдал на хранение внеземную машинку желаний, и на этом история прекрасного нового мира прервется. А также история отдельно взятого Жилина. Волновая «отвертка» подпрыгивает от нетерпения в складках пиджака. Выхода нет. А ведь он и Строгова не пощадит, этот культурный маньяк, с ужасом понимаю я, зачем ему свидетель?

— У меня нет выхода, — говорит он, будто мысли мои читает. — Так просто мне из страны не выбраться, наш с вами рыжий дьявол все предусмотрел. Одна надежда на суперслег. Санта-Мария, пошли мне чудо… верни мне суперслег… — С каждым словом он все более и более возбуждается.

«И мне чуда, и мне!» — молю я непонятно кого.

Но почему «верни», отмечаю я краем сознания…

Рука палача внезапно замирает на полпути. Потом роняет щуп и хватается за радиофон. Из капсулы несется экспрессивный бубнеж, громкий, но совершенно неразборчивый, и полковник Ангуло, бессмысленно глядя на привязанное к креслу тело, — на мое, собственно, тело, — неистово шипит:

— Vaya… Как они меня нашли?

А потом он роняет радиофон.

Дверь в комнату — за моей спиной. Я ее не вижу, зато отлично слышу: там, за дверью — топот, короткие вопли, характерные хлопки. И сразу тихо. Спокойный голос просит:

— Ангуло, откройте.

Нет, отнюдь не голос Санта-Марии, зря мы надеялись. Это голос Марии Старшего, Дуче. Мой бывший начальник второй раз в этой жизни спасает меня…

— Эй, Ангуло, ваши наемники нейтрализованы. Откройте.

Полковник подбегает к окну, лезет на подоконник, панически глядя вниз, но прыгнуть так и не решается. «Demonios», — стонет он… Тут и дверь

вышибают. Это вам не твердыня московского Дома Писателя, это всего лишь «ложа фантастики» в провинциальном театре абсурда.

— Арестовать, — брезгливо распоряжается Мария.

Толстый, ворчливый, обидчивый старик — как же рад я тебя видеть! Его свита распределяется по комнате; сильные руки, схватив дона Мигеля за косичку, снимают его с подоконника, бросают об пол, обыскивают, снова поднимают, уводят под локотки прочь, и тот послушно двигает ногами, сохраняя достоинство на восковом от ужаса лице. Мой спаситель молча наблюдает. Его всегдашние очки ничего не выражают. И радости, этой секундной моей слабости — нет больше; радость сменяется пониманием новой ситуации.

Из одного плена — в другой.

Мой бывший шеф обращает наконец на меня внимание, молвивши кратко:

— Угораздило тебя, Жилин.

Разум наполняется силой. Хочу домой! Посторонись, учебник прикладной психологии, — нужные слова приходят сами собой:

— Шеф! Почему вас зовут Марией? Эта загадка всегда меня преследовала! Полные ваши данные, помнится, никто в отделе не знал. Мне расска-

зывали, что вы отбросил первое свое имя уже в двенадцать лет, когда выбрали себе второе.

— Что ты мелешь! — взрывается он.

Мне удается пустить слезу, всего одну, но этого достаточно.

— Я правду говорю… — скулю я, сведя глаза к переносице. — Зачем кричать? Упитанный итальянский мальчик со скверным характером любил командовать, за что друзья прозвали его «дуче». А папе с мамой, которые были еще норовистее, он очень не любил подчиняться. Нездоровая обстановка в семье и сформировала в малыше чувство протеста, проявившееся в форме ненависти к тому имени, которое дали ему родители. Редкая, противоестественная для католической Италии ситуация…

Теперь я смотрю в потолок, скосив глаза, насколько возможно. А Мария смотрит на чемоданчик со щупами и озабоченно морщит лоб. Кажется, он все понял.

— Очистите его от этой дряни, — командует он, указывая на клейкие нити, превратившие мое тело в неподвижный кокон. После чего он говорит куда-то себе в рукав:

— Снимай людей, капитан. Да, все посты снимай, тут у нас полная идиллия.

— Едва пришел срок, — рассказываю я, захлебываясь слюной, — помчался малыш в церковь, чтобы взять себе новое имя — то, с которым мужчина представлен Богу. Так и появился на свет Мария. А родители не сообразили попросить святого отца отложить обряд, не разобрались, чем на самом деле вызвано стремление сына поскорее креститься…

— Опоздали, — с горечью констатирует Мария.

Он машет рукой, отворачивается и лохматит свою седую шевелюру; он сильно раздосадован — не от того ли, что подчиненные слышат мои чудовищные откровения?

А подчиненные его заняты делом. Квадратноголовый здоровяк в шортах и в рубашке с расстегнутым воротом (без пиджака! без галстука!) колдует над моим креслом, выполняя приказ начальства. Тщательно и осторожно этот человек обрабатывает застывшую паутину, прыская элиминатором из баллончика. И пошла реакция: пластиковые языки уже пускают водичку, на их поверхности появляются кристаллики, резко пахнет эфиром.

— О Боге-то наш малыш думал меньше всего, — бросаю я в воздух больные фразы. — Будущий оперативник, волк. Бог для таких — всегда

средство. Прежде всего он хотел удивлять. Тщеславный папаша, нарекающий новорожденного сына, хочет удивить соседей и родственников жены; тщеславный писатель, придумывающий персонажу имя, хочет удивить весь мир. Ну а этот молодой бунтарь был одновременно и папашей, и новорожденным, и писателем, и персонажем. Он помнил и о своих соседях, и обо всем мире. Какой же он был тщеславный… Эх, шеф, не знали вы тогда, что второе имя выбирается сердцем, что это не разумная реакция головы, даже в случае с вами. «Мария» в переводе с мертвых языков — «сосуд благодати». Мужчина, выбравший такое имя, как бы объявляет на весь мир, что он, во-первых, искренне доверчив, и во-вторых, ставит своей целью не преломлять чужую мысль, а создавать то, что недоступно другим людям. Забавно. Только таким невротикам и служить в Службе Контроля…

Полимер разваливается на низкомолекулярные продукты, путы слабнут, гибнут, осыпаются. Руки и ноги у меня уже свободны, но Марию с его свитой это совершенно не беспокоит! Оперативники также разваливаются, теряют стержень, ибо сложная и ответственная операция неожиданно превратилась в скучную рутину. Террорист

Мигель арестован, а беллетрист Жилин, мягко выражаясь, не в себе… Великолепно. Мой Театр-Для-Идиотов нашел своих зрителей. Изображать юродивого, оказывается, совсем не сложно — только разреши себе вытащить на всеобщее обозрение то, что и так всегда с тобой.

Спрашивается, в самом ли деле я симулирую?

— Похожая история с вашей дочерью, шеф, — добиваю я Марию. Он каменеет, теперь он просто не может меня не слушать. — Агент Рэй — ах, как это по-мужски звучит! Все тот же бес тотального несогласия, сконцентрированный в имени. Случайный человек непременно решит, что агент Рэй — это Раймонд, а не Рэйчел. Девочке нравится собственная раздвоенность. Почему? И почему ваша дочь, упорно выращивая в себе мужское начало, взяла псевдоним «Мария»? Да потому, шеф, что она всю жизнь не дочерью вашей хотела быть, а сыном! Сыном, шеф!..

Оконные рамы вздрагивают: сильный, тяжелый звук приходит с улицы. Словно в гигантский медный таз ударили. В городе что-то взорвалось, понимаю я. А может, взорвали, сегодня эта грань очень тонка.

— Опс-ёпс! — восклицает квадратноголовый, распрямляясь. Это было сказано определенно

по-русски.

— Дожили, — говорит Мария; он по-прежнему скуп на слова.

Все присутствующие дружно смотрят в одну сторону.

Вот моя единственная секунда! Начальник деморализован, бдительность рядовых сотрудников опущена до нулевой отметки, — не упусти шанс! Крепко зажав в кулаке последнюю из живых нитей — ту, которая не обработана еще элиминатором, — я рывком выбираюсь из кресла. Два шага, короткий разбег — и прыжок в раскрытое окно. Спиной вперед. Свободный полет, больше похожий на сон. Пятый этаж! Проснулся ли я на самом деле? Протрезвел ли? Сейчас проверим. Кресло застревает в раме, как я рассчитывал; полимерный язык растягивается, пружинит, превращает полет в плавный спуск. Нить разорваться не может даже теоретически, разве что быть разрезанной, однако никто из моих спасителей не успевает выхватить штурмовой нож и покалечить меня вместе с моим шансом. Оттолкнуться ногами от стены дома — раз, второй…

— Остановите его! — недостойно орет сверху Мария.

— Я же правду вам сказал! — ору я в ответ. —

Пра-авду!

Кто меня остановит? Смешно.

Прощай, иезуитский Дом Писателя с самой красивой вывеской в городе! Нет большего наслаждения, чем сказать это «прощай». Мои босые пятки (Ангуло, гад, разул!) пробивают плоскую бумажную крышу низенького сооружения, раскинувшегося у подножья белокаменного монстра. Я — внутри. Здесь светло, бумажная крыша отлично пропускает дневной свет. Это явно какой-то аттракцион: коридоры, сплошь составленные из зеркал. Я бегу по ним непонятно куда, пока не соображаю, что попал в лабиринт. Жуткий лабиринт отражений, порождение чьих-то кошмаров. Моих отражений здесь такое количество, что арестовать их всех — земной полиции не хватит, даже если милиция поможет. Зеркала, увы, не стеклянные, не разбить их, не прорваться в лоб. Поверхности захватаны сотнями рук — наверно, тех несчастных, кто сгинул здесь без вести. Перелезать, уродуя крышу? Из окна увидят и на прицел возьмут. С другой стороны, кто-то из преследователей наверняка уже громыхает по лестницам вниз, чтобы успеть перехватить меня у выхода из аттракциона, а снятые посты уже получают новые приказы… Ну-ка, эрудит, как

приличные люди проходят лабиринт? Правило левой руки. В петлях левая рука меняется на правую. Помечать перекрестки. Чем помечать? У приличных людей принято мелом. В крайнем случае — помадой. Помады нет, есть слюна. А чем еще? Есть и другие субстанции, выводимые из организма — не ими же? Я бегу. Я плюю на зеркала — буквально — на первом повороте, на втором, на третьем, от всей писательской души, но это лишнее, лишнее… никаких ловушек, никаких петель — выход совсем рядом… Я выскакиваю на волю. Коварный, мной же домысленный Лабиринт Отражений на деле оказывается маленьким и потешным, рассчитанным на кого-то другого, поглупее. Впрочем, как выясняется, это вообще был не аттракцион. Надпись гласит: «Эготека». Еще одна красивая вывеска. Вероятно, эту штуку соорудили в политико-воспитательных целях, чтобы ускорить процесс строительства души. Хорошо слышно, как сзади, с воинственным кличем «опс-ёпс!», кто-то еще пробивает свои телом крышу «эготеки»; правильно, наверху липучка осталась, грех было не воспользоваться. И все-таки это плагиат, ребятушки, постыдный плагиат. Мой это был способ обретения счастья…

Бежать!

Мы разминулись с отважным прыгуном — ему повезло. Меня здорово качает, только сейчас я замечаю это. Зря я так боялся Ангуло с его «отверткой», рефлексы мои далеко еще не в норме. Но бег продолжается. Посты и засады отсутствуют, бойцы благополучно отозваны. Нет, кто-то все-таки гонится за мной — далеко, не догнать! — кто-то пытается зайти сбоку, но межпланетники бегают лучше, даже босиком, даже если их качает и сносит космическим ветром. Огибаем «Кувшинку», и — в рощу, петлять между деревьями. Мимо Театра Подводного Царства, мимо Музея Живой Природы, сквозь систему курганов, сквозь городище, не отвлекаясь на урочище «Клады» и античную стоянку, мимо бильярдной, вокруг аттракционов «Пизанская башня» и «Русская зима»… Пятнадцать минут кануло? Или полчаса? Сколько времени я запутываю следы? Не знаю, я ведь еще не проснулся, но только никто меня уже не преследует, — скисли гончие, потеряли зверя.

А вот и Тропа Иллюзий, главное звено Парка Грез — сомнительное наследие прежних времен. Бесконечный ряд кабинок, как одноместных, так и коллективных. Говорят, репертуар иллюзий с тех пор кардинально изменился, и теперь, можно предположить, здесь преобладает геро-

ико-познавательная и растительная тематика. На мгновение притормаживаю, потому что вижу целую рощицу, составленную из столбиков общественных телефонов. Это первые телефоны, встреченные мною за последние полчаса. Есть ли у меня возможность позвонить? Один-единственный звонок. Ужасно хочется. Наплевать на то, что я — гонимый зверь, у которого земля горит под ногами… Иллюзия — значит обман. Я осматриваюсь, готовый к любому подвоху, ибо с этого оазиса обмана станется.

Посетителей в парке практически нет, распугали нынче всех посетителей. Аварийные громкоговорители на деревьях призывают к спокойствию и уверяют, что все худшее позади. Старое Метро метрах в двухстах окружено плотным заслоном пожарных машин…

Старое Метро горит. Приземистое строение, поставленное над шахтой и выполненное в форме бетонного куба — всё в страшных трещинах, как только держится; вместо крыши — рваный разлом, из которого поднимается к небу пепельно-серый столб дыма. Ветра сегодня нет, погода ясная, так что дым упирается в самую небесную твердь, сворачиваясь в исполинский гриб. Вулкан перед извержением. Впрочем, нет, извер-

жение уже погашено и, судя по всему, я наблюдаю жалкие остатки пожара. Работают пожарные вертолеты, работает спецтехника, всхлипывают помпы, звучат зычные команды.

В районе Университета так же отлично видна суета: голосят сирены и громкоговорители, снуют вертолеты, там тоже дым, дым, дым. Университет горит, как и Старое Метро. Я стремительно трезвею. Чрезвычайная ситуация иногда располагает к трезвости, и сейчас как раз тот случай.

Человек в белом халате подбегает ко мне и встревожено спрашивает:

— С вами все в порядке?

Под халатом — рабочая куртка. Я вздрагиваю, заметив это. Интересно, думаю я, есть ли на куртке нашивка «АХЧ»? И не будет ли мне теперь повсюду Анджей мерещиться?

— Спасибо, друг, — говорю я ему, — помощь не нужна. Объясни-ка лучше, если не трудно, что стряслось?

Он окидывает меня недоверчивым взглядом. Он явно не знает, что ему делать. Стоит перед ним типичный, классический пострадавший, которому, конечно же, нужна помощь, и с которым, конечно же, полный непорядок, однако не станешь же принимать меры насильно? Как я

устал от дураков, мысленно вздыхает этот симпатичный человек.

— Взорвали денежное хранилище, — отвечает он на мой вопрос. — Оно под землей было.

И больше я ни о чем его не спрашиваю.

Я не спрашиваю, кто взорвал, я не спрашиваю, есть ли жертвы. Я знаю ответ. Стас, думаю я, зачем? Осел ты упрямый, почему прогнал нас всех, почему не дал остановить себя?

— Будем теперь учиться жить без денег, — произносит человек со щемящей душу тоской. Да ведь ему самому плохо, понимаю я, ему самому нужна срочная помощь!.. Но призрак погони вновь поднимается над деревьями. Уши мои ловят далекое возбужденное перекрикивание, и тогда я прекращаю играть с удачей «в ножички», — я бегу в сторону моря, перелезаю через кованую ограду…

И лишь на набережной (отдалившись километра на два, купив в первом же магазинчике обувь и новую одежду), лишь убедившись, что моей свободе ничто больше не угрожает, я позволяю себе воспользоваться телефоном.

Дважды за эти дни я порывался позвонить, и оба раза удерживал себя! Дважды я собирался позвонить, чтобы отказаться от сделанного мне

предложения. Ох, как же хотелось мне отказаться, и как же быстро все изменилось… Я набираю местный номер. Слышу длинный сигнал. Это связной телефон, промежуточный, на самом деле звонок будет по междугороднему. Перед поездкой, когда мне объясняли, каким образом надлежит выходить на связь из этой страны, я смеялся им в лицо. Что за детская конспирация, что за игрушки? Зря смеялся. Тот факт, что конспирация вовсе не игрушечная, и в особенности то, что товарищи на другом конце телефонного провода заранее подготовились к катастрофе, наводит на печальные мысли…

Обдумаем эти мысли позже. После первого же сигнала срабатывает автоматический коммутатор, слышны новые гудки.

— Постель товарища директора, — отвечает мне дама. Голос исключительной проникающей силы, мурашки бегут по коже.

— Отлично! Передайте трубочку самому.

— Перезвоните в ванную, — любезно советует она.

Женщина не говорит, а мяукает. Есть такие — с врожденным умением дразнить мужчину, оставаясь при этом совершенно недоступными. Или это профессиональный навык всех секретарш?

— Пардон, милая, не знаю номера, — теряюсь я.

— Тогда вам придется говорить со мной. Номер ванной строго засекречен.

Они там развлекаются. Кто только сегодня не развлекается, одному мне почему-то это не в радость.

— Вы меня узнали? — прекращаю я издевательство над здравым смыслом.

Там меня, КОНЕЧНО, узнали. Они же там видят, откуда звонок, потому и позволяют себе шутить с собеседником, который, по общему мнению, обладает чувством юмора. По абсолютно ошибочному, кстати, мнению. Один вот тоже шутил да шутил под ножом гильотины, и чем дело кончилось?

Секретарша сразу меняет тон. Теперь она — сама корректность.

— Очень рады вас слышать.

— Я решил подписать договор.

— О'кей. Директор ждал ваше решение.

— В связи с этим, — развиваю я тему, — у меня есть вопрос. Вам что-нибудь известно про издательство «Масс-турбо»?

— Тут мне подсказывают, — смеется секретарша, — что ваше слово крепче всякого договора.

Подождите минуту, сейчас все выясним…

Мое слово. Черт побери! В каком смысле — «слово»? Я убеждаю себя не делать глупостей, я держу себя в руках. Это что, нечаянная оговорка? Или это был прямой намек, который следует включить в круг тревожных симптомов?

Ждать приходится недолго.

— Алло, вы слушаете?

— А куда я денусь?

— «Масс-турбо» — это дочерняя компания консорциума «АКТ», — докладывают мне. — Продукцию под лейблом Венеры и Марса они выпускают легально. Ситуация с их издательской деятельностью не вполне ясная, поскольку, во-первых, консорциум «АКТ» — это на самом деле…

— Я знаю, что такое «АКТ», — говорю я. — Мне ли не знать?

— Во-вторых, «Масс-турбо» как работало с мизерными тиражами, так и продолжает в том же духе, несмотря на большую потребность рынка. В торговлю они свою продукцию не пускают, сотрудничают только с ограниченным кругом прокатчиков и с подпольными дилерами. Короче, на издательство они похожи меньше всего.

— Спасибо за информацию.

— Еще проблемы? — интимно интересуется дама, словно некое предложение делает.

— Если откровенно, не люблю я дочерних компаний, с сыновними как-то проще, — отвечаю я. — Совесть потом не так мучает. Поцелуйте от меня вашего директора.

— С детьми вообще неприятно воевать. Кстати, от поцелуев дети и бывают. Вы звоните нам, не стесняйтесь… — это последнее, что я слышу, прежде чем даю отбой.

Некоторое время я тупо стою возле телефона, ни о чем особенном не думая. Вряд ли я им еще позвоню, по крайне мере, из этой страны. Я знаю, что за клоака носит название «АКТ». А также я знаю, куда мне теперь идти. Хватит быть дичью, хватит! Мы еще посмотрим, господа, кто на кого охотится.

Все семь последних лет отставной агент Жилин внушал себе спасительную формулу покоя: «Хорошо все-таки, что я писатель…», надеясь когда-нибудь поверить в нее. Так не пришло ли время отказаться от этого аутотренинга? Не пора ли Жилину перестать быть писателем?

Глава двадцать первая

Памятник перед отелем был взорван.

«Идеал» работы Вузи Бриг превратился в… да ни во что он не превратился, — не существовало отныне современного Давида с клетчатой рубашкой вместо пращи, вот и все метаморфозы! Управляемый фугас. Центр площади был оцеплен полицией, вялые работяги бродили по парку, собирая разбросанные осколки, — зачем они это делали, кому теперь нужно расчлененное тело бетонного атлета? Статуя, оказывается, была бетонной с металлическим каркасом внутри, а снаружи была покрыта полимерной пленкой телесного цвета. Собранные фрагменты полицейские бросали к остаткам постамента, в общую кучу. Каменный постамент тоже пострадал, верхушка была совершенно раскурочена. И вокруг этого цирка расселись на скамеечках и на травке молчаливые зрители.

Зеваки, как ни странно, были еще более вялыми, чем полицейские. Почти никто не стоял, каждый был сам по себе, а редкие пешеходы вообще не обращали внимания на изменившийся

пейзаж. Никаких вам рыданий или, наоборот, восторженных всхлипов на тему: «Я видел, видел!..» Да и в городе было на удивление спокойно, ни малейших следов паники или массового возбуждения. Чрезвычайная ситуация была строго ограничена районом Университета и, частично, Парком Грез. Не скупали продукты, не громили магазины, не разыскивали родственников, не удирали на автомобилях, не предлагали состояние за лишнее место в вертолете. Одно сплошное созерцание. Лишь уничтоженный «Идеала», пусть и был он местного значения, хоть как-то разбудил это сонное царство.

Возносясь по змеящимся улочкам от подножия к сердцу города, воображая себя снарядом, пущенным в цель рукой богини Немезиды, разве мог я мечтать о таком вот сюрпризе…

А чего ты ждал, спросил я себя. Торжественной встречи? Ты нахально поднялся по Приморскому спуску — у всех на глазах! — обогнул левое крыло гостиницы и объявился на площади. Ты расслаблен и ничего не боишься, держа для невидимых охотников фигу в кармане. Потому что ты — догадался… Ох, как мерзко. Если честно, не расслаблен я был, а почти раздавлен своей внезапной догадкой. Не будет мне торжественной

встречи, с каким бы страхом и азартным ожиданием я к ней ни готовился! Когда с легкостью уходишь от засад, которых не существует, когда просчитываешь ходы за дураков и негодяев, но вдруг понимаешь, что никто за тобой не гонится, потому что главный дурак — ты сам, становится стыдно. Но это можно пережить. Когда же видишь, сколько людей пострадало от твоей старческой несостоятельности — теряешь смысл жизни… Как я сразу не допер, насколько грубо меня использовали? И не надо, не надо теперь лепетать про концерн «АКТ»! Всякому овощу свое время. Пока ты гонялся за убийцами цветочницы, Жилин, пока ты ломал голову над загадкой «Масс-турбо», тебя просто использовали… Ау, Гончар, где ты? Помоги мне вернуть смысл жизни, лекарь…

Может, взорванный манекен даст Жилову силы жить дальше?

Обогнув левое крыло гостиницы, я остановился на углу, под козырьком здания. Здесь же в тенечке дремал в раскладном кресле пожилой абориген, перед которым стояли большие диагностические весы. Человек, очевидно, работал. Только клиентов у него что-то не наблюдалось.

— И кого благодарить? — сказал я, глядя на

обломки памятника.

— Простите, что вы сказали? — оборотил ко мне лицо владелец весов. Лицо у него было обвисшее, унылое. Этому-то чего унывать? Такое представление перед его глазами разыгралось! Я подошел ближе и сварливо молвил:

— Подумаешь, голый! Клетчатая рубаха была? Значит, все культурно. Кому помешало, что дядя просто стоит и смотрит в недоступную даль?

— Ах, вы о скульптуре, — разочарованно сказал он.

— Секта меценатов встала из могилы? — спросил я. — Кого нам благодарить за развлечение?

Уничтоженного истукана было немного жаль, успел я привыкнуть к нему. И вообще, произведение искусства, как-никак.

— Что вы, какие меценаты? — апатично возразил незнакомец. — Их было двое. Один — в игрушечной маске, другой — с забинтованной головой. Голову забинтовал, шакал, чтоб морду не запомнили.

Он меня не узнал. Пожилой-то пожилой, но молодящийся, как и все они тут. Каждый день сидит на площади, смотрит на скульптуру и — не узнал меня. Наверное, это к счастью… А вот бинтоваться в целях маскировки — чушь, кинокомиксы.

Ну-ка, кто у нас числится в пострадавших, кому давеча по голове перепало?

— Первый злодей, случаем, не в маске черепа был? — спросил я.

— Да-да, — ничуть не удивился владелец весов. — Так вы их тоже видели? Расскажите полиции, а то они ко мне, по-моему, не собираются подходить. Думают, я сам ради них задницу от стула оторву… — Он секунду помолчал. — А лабрадор жалко.

— Какой Лабрадор? — испугался я. — Полуостров?

— Постамент был из лабрадорита. Ценный минерал. Мой зять как раз занимался его доставкой откуда-то с севера. Вы знаете, что этот камень применяется в целях защиты от магии? Анекдот. От магии защищает, а от тротила — нет… Взвеситься не желаете?

— Почему нет? — сказал я и сел на весы.

Он включил анализатор и вдруг спросил:

— Вы, кажется, были в городе, да? Это правда, что террористы взорвали Национальный Банк?

— В Национальный Банк я сегодня не заходил, — уклончиво ответил я. — Повезло.

— Говорят, все деньги сгорели, — сказал он.

— Ну, не все, — сказал я. — У вас же есть при

себе портмоне? Не пустое, я вижу.

Он посмотрел на свое портмоне и покачал головой, кисло улыбнувшись:

— Вы молодец, хорошо держитесь. Я тоже стараюсь себя как-то поддержать, но…

Он закашлялся в приступе, махая на меня рукой. Вот тебе и молодящийся, подумал я, вот тебе и апологет вечного здоровья. Или он не умеет видеть цветные сны? Из прорези печатающего устройства ползла распечатка с моими данными, но я не стал ее разглядывать, я слез, положил на сиденье сразу десять динар и пошел к главному входу…

Я хорошо держусь? Это видимость. Острое чувство вины, смешанное с чувством унижения, как кислота разъедали дух и волю.

Где пересеклись интересы тайных хозяев «АКТа» и умельцев из «Масс-турбо» — вот ещё одна тема, над которой стоило бы поразмыслить! Формально группа «АКТ» — могучая медийная корпорация, монстр. Настоящая империя комиксов — с отработанной технологией идиотизации всего и вся. До сих пор они старались держать лицо, обходя стороной проблематику Венеры и Марса, так что же вдруг случилось? Невидимых кукловодов на остренькое потянуло? Или

за респектабельной ширмой происходит нечто куда более серьезное? Технологию идиотизации доводят до логического завершения, превращая культурный феномен в биологический… Нет, не будем пугать себя раньше времени.

У дверей стояли Славин с Баневым.

— Явление, — буркнул Евгений, взглянув мимо меня. — Каменный Иван восстает из крошева.

— Добрый вечер, — сказал воспитанный Виктор.

Они дружно глазели на площадь. Останки памятника лежали прямо перед нами, метрах в пятидесяти — подходи и рыдай, распластавшись на изуродованном теле.

— Как ты кстати, — сказал Славин. — Вот. На.

Он, не поворачивая головы, сунул мне в руки заклеенную коробку.

— Что это?

— Посылка товарищу Жилину от товарища Строгова.

— Вы были у Строгова? — спросил я, разглядывая нежданную почту. К коробке было подшито письмо. Меня вдруг одолели нехорошие предчувствия.

Славин ничего мне больше не сказал. Ответил Банев:

— Дмитрия Дмитриевича мы не видели, с нами разговаривала домработница. Потом мы снова были в яхт-клубе, у госпожи Вайны… — он тяжело вздохнул. — Все, у кого могло быть опохмелово, срочно ушли в море. Испугались, что полицейская операция их тоже коснется.

— Сам ты «опохмелово», — вскинулся Славин. — Знаток русской словесности.

Мне очень хотелось вскрыть посылку или хотя письмо, но есть на свете вещи, которые нельзя себе позволять на людях.

— Пострадавших много? — спросил я, показав рукой на парк.

А ведь это самое важное, поразился я. Почему я сразу не задал этот вопрос? Что же со мной творится, подумал я с тревогой, что с нами со всеми творится?

— Только оглушенные, — оживился Банев. — Народу было мало. Больше всех пострадали те, кто купался в бассейне, потому что кто-то с испугу сильно испортил воду. Знаете, Ваня, как дело было? Одну пилюлю гектона засунули статуе между ног и металлическими экранчиками прикрыли, вторую пилюлю — на постамент, под ноги, чтобы арматуру с мясом вырвало. Оба заряда сработали синхронно. Радиус опасной зоны при такой

схеме — не более десяти метров, так что никого не ранило.

Он был автором криминальных бестселлеров, знал толк в подобных вещах.

— Откуда такая осведомленность? — поинтересовался я. — Говорят, террористов было двое…

— Это не мы, — быстро сказал Славин и принялся с ожесточением ковырять асфальт носком туфли. — Нас опередили.

— Я с полицейскими общался, — пояснил Банев, не обращая внимания на болтуна. — Они меня успокоили, что воду в бассейне уже сменили.

Популярный автор нес сущую банальщину, картина взрыва и так была ясна до полной прозрачности. Достаточно двухсот-трехсот грамм тротила или, соответственно, пары таблеток гектона. Направленный взрыв. Обломки летят все в одну сторону, роем, падают кучно, а зона поражения и впрямь невелика. Взрывать памятники вообще совершенно безопасно для окружающих, единственное неудобство — никогда не знаешь, в какую, собственно, сторону полетит каменный рой…

— Кто-то перетряс наши номера, — сменил Виктор тему. — Пока мы к госпоже Вайне ходили. За ОПОХМЕЛОВЫМ, — добавил он со злым

упрямством.

— Фамилия такая, — покивал я.

Славин дернул щекой.

— Мелкий ты и мстительный, — сказал он Баневу. — Как габровец.

— А ты дурак и националист! — неожиданно закричал тот. — Сколько можно бездарно шутить? Я же не посылаю тебя в вашу Жмеринку!

— Эй, друзья, друзья, — сказал я им. — Чьи номера трясли?

Банев успокоился.

— Всех писателей, проживающих в «Олимпике». Ваш — в том числе. Мы написали несколько писем в авторитетные международные организации. Вы подпишите, Ваня?

Светский Банев был сегодня на взводе и не собирался это скрывать. Он бросал на меня быстрые взгляды, словно шторки приоткрывал, и в эти мгновения кипящий металл вспыхивал в его глазах; а Славин, хороший друг и собутыльник, всегда гордившийся своей несдержанностью, наоборот, за время разговора ни разу даже не взглянул на меня.

— Подпишу, — согласился я. — Каких только глупостей я в своей жизни не подписывал. Сейчас вот этот патлатое существо объяснит мне, чего

оно рыло от меня воротит, и я тут же достану свое остро заточенное перо… (Что-то лопнуло во мне, поперла наружу дрянь словесная — от усталости, от безвыходности, от того, что все вокруг развлекаются, а мне почему-то нельзя.) — Я что, Женя, пахну как-то не так? — осведомился я, силой развернув Славина к себе лицом.

— Правда ли, — звонко сказал он, — что тебе подарили бутыль самогона и ты ее разбил?

Я взял его под мышки и затанцевал с ним вальс.

— Пять литров горилки, — сказал я. — Вдребез-ги.

— Нарочно? — спросил он, заранее зная ответ.

— Ну не понравилось мне, сивухой воняло.

Он вырвался. Он встал передо мной, красный и потный.

— Ты мне больше не друг, Жилин, — объявил он.

— Послушай, Опохмелов, — сказал я ему. — На обиженных воду возят. А также кладут их под нары. Тоже мне, центр мира. Гора Кайлас. Ты хотел правды? Вот она: это была не горилка, а ракша, непальский самогон из риса.

— Я тебе больше руки не подам, Жилин, — ровным голосом сказал Славин и отвернулся.

— А как насчет вас, Виктуар? — шагнул я к Баневу. — Я ухожу. Вы не откажете мне в рукопожатии?

Тот посмотрел на протянутую ему ладонь и откровенно растерялся. Рафинированный, пастеризованный и дистиллированный Банев не находил нужных слов! Сказал бы прямо: ты грязен, Жилин. Пусть ты и птица высокого полета, Жилин, но зачем же в собственном гнезде-то гадить?.. Просто скулы сводило от неловкости за них обоих. И ответить мне было нечем. И тогда я пнул ногой крутящиеся двери, ведущие в холл… Виктор Банев все знает про взрывчатку, думал я, именно это нравится читателям в его книгах. Евгений Славин разбирается в человеческих душах, хоть и верит в плохого Бога, — именно это нравится критикам. Незаурядные люди. Люди, на которых не обижаются. Есть, знаете ли, такие люди — на которых не обижаются…

В холле гостиницы, укрывшись в одной из свободных зон отдыха, я наконец-то смог заняться посылкой от Учителя. Сначала вскрыл конверт с письмом.

«Ванечка, Вы забыли у меня электронный блокнот и дополнительное запоми-

нающее устройство. Вероятно, все это нужно Вам для работы. А стило к блокноту поищите у себя в карманах, у меня его не было. ДД». Посткриптум: «Я не знал, что выпускаются запоминающие устройства на триллион страниц».

Забыл — это понятно, подумал я. Нужно для работы… Но почему — электронный блокнот? Разве блокнот я забыл у Дим-Димыча на его письменном столе? Да еще в комплекте с запоминающим устройством на триллион страниц… Учитель тоже не видел?

Ох, как не вовремя появилась на сцене эта посылка…

Освобождать коробку от пергамента было не обязательно: и так ясно, что внутри. Я нашел взглядом бар — и пространство послушно свернулось под моими ногами. В холле работал стереовизор, большущая тумба до потолка, вокруг него расставлены были плетеные диванчики, вытащенные из ближайших зон отдыха, и все люди, находившиеся сейчас на первом этаже, скопились здесь. Кому не хватило сидячих мест, те безропотно стояли. Люди не переговаривались, не обменивались мнениям — молча смотрели и слу-

шали. Разгромлено гнездо фальшивомонетчиков, вещал первый европейский канал. Полицейская операция проводилась совместно Интерполом и Службой контроля при Совете безопасности ООН. Подпольная организация была в буквальном смысле подпольной: обнаружен настоящий подземный городок с развитой инфраструктурой, созданный на территории Университета при небескорыстном попустительстве ректората и прямом участии большого числа сотрудников и студентов. Фальшивомонетчики имели наглость подделывать все основные мировые валюты, и они же с неясными пока целями совершили вчерашний налет на этнографический центр «Новый Теотиуакан», во время которого погибло девять мирных ученых из Латинской Америки. Убийцы, варвары, нелюди. Степень вовлеченности преподавателей и инженеров Университета еще выясняется, но главарь банды уже известен: некто Станислав Скребутан, занимавший видный пост в правительстве…

— Почему вы смотрите Европу, а не местное вещание, — шепотом поинтересовался я у менеджера, бессильно привалившегося к мозаичному панно.

— Потому что ни одна наша станция не рабо-

тает, — был мне ответ, — ни телевизионная, ни радио.

Дикторы стеснялись своих же слов: по-моему, они понимали, какую лапшу их вынуждают вешать зрителям на уши. Вот образцы поддельных валют, показывала камера, вот остатки оборудования. Преступники пытались уничтожить улики, но, как мы видим, в полной мере им это не удалось. Взрыв тайного денежного хранилища был организован и осуществлен лично главарем, который, по непроверенной информации, погиб в огне. Сохранилась видеозапись, сделанная перед самым взрывом, и сотрудники Службы контроля обещали в скором времени предоставить ее прессе…

Подавив рвотный рефлекс, я зарулил в нишу, где располагался бар. От таких новостей хотелось немедленно под душ, отмыться. А здесь было пусто: всех потенциальных клиентов переманили новости; впрочем, нет, кто-то с бокалом в руке лениво качался вверх-вниз на табурете возле стойки. «В целом полицейская операция прошла в мягком режиме, — неслось мне вслед. — Жертв нет, никто серьезно не пострадал…» Никто не пострадал, никто не пострадал, — какое длинное эхо. Что тебе еще надо, Жилин? Жертв нет! По-

верь в это и утрись… Бармен был тот же, что и ночью, — большая удача! Человек просто горел на работе, совсем не жалел себя, пчелка трудолюбивая. И опять он проповедовал, ревнитель трезвости и чистых кишок.

— Человек рождается здоровым, все болезни приходят к нему через рот, — втолковывал он единственному посетителю. — Гиппократ сказал!

Новообращенный слушатель употреблял кислородный коктейль с помощью серебряной ложечки. Внутри стеклянной стойки плавали молчаливые рыбки — тоже слушали.

— Едим для того, чтобы жить, а не живем для того, чтобы есть! — с ходу возгласил я. — Это Сократ. Чем языком болтать, сотворите мне кислородный коктейль, мастер, да смотрите, чтоб был лучший в городе.

Бармен обнаружил меня слишком поздно, не успел придумать, как ему реагировать. Не ждал он моего появления, вот в чем была его проблема. Механическим движением он вытащил из холодильника яйцо и спросил:

— Вам с каким наполнителем?

— С морозным воздухом, — заказал я. — Зимой гадюки сладко спят.

Присаживаться я не спешил, остался на ногах, а посылку от Строгова положил на свободный табурет. Мой сосед повернулся вместе с коктейлем:

— Хорошо вы сказали — про гадюк. Я тоже не смог это шипение вынести, потому и удрал оттуда, — он ткнул ложечкой в сторону стереоэкрана. — Как вы думаете, это правда, что хранилище с деньгами сгорело?

Он спросил меня почти теми же словами, что и старик на площади, и с той же точно интонацией. Оба они еще на что-то надеялись.

— Правда, — ответил я.

— И что теперь? — с отчаянием произнес он.

— А что теперь! — беспечно сказал я. — Выпустят новые деньги, в чем вопрос?

Лишняя пара ушей и глаз были мне совершенно ни к чему, значит, следовало побыстрее от них избавиться. Бармен между тем разбил яйцо, отделил белок от желтка, принялся колдовать над своим аппаратом, — он все делал механически, бросая пугливые взгляды то на нас, то на людей в холле. Бармен тоже на что-то надеялся.

— Вы так думаете? — воспрянул собеседник. — А ведь верно, должны новые деньги выпустить, как же иначе…

— Печатный станок не горит, в отличие от

рукописей, — подтвердил я. — Вон там, снаружи, видите? — показал я ему. — Да-да, возле выхода из отеля. Двоих товарищей видите?

По ту сторону стеклянной стены все еще мозолили глаза Банев со Славиным. Что ж, ребятушки, выручайте.

— Один — крупный специалист по взрывному делу, — шепотом сообщил я. — А второй чего только не напечатал в своей жизни. Я уверен, они все знают. Если вы поторопитесь, то сможете расспросить их.

Несчастный человек был переполнен надеждой и потому попался. Он махом прикончил коктейль, сунул серебряную ложечку в нагрудный карман, встал и пошел к выходу, нетерпеливо ускоряя шаг. Едва он покинул нишу, я тут же опустил стальную штору, наглухо отделив бар от холла. Такие шторы были предусмотрены в каждой из ниш первого этажа: в ночное время с их помощью закрывали и опечатывали служебные помещения. Я проделал все это очень быстро, бармен и рта не успел раскрыть, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Теперь мы были одни. Поговорить с приятелем без свидетелей — что может быть естественнее? Надеюсь, никто на меня не обиделся… Когда я перелезал через

стойку-аквариум, бармен пискнул:

— В чем дело, товарищ?

— Масс-турбо, — сказал я и подошел к нему вплотную. — Бесконтактное рукоблудие.

Он посерел лицом. Шея, впрочем, тоже посерела, и руки, и даже ногти, — человек будто пылью покрылся.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Это было бы убедительно, если б не трусил он столь очаровательно. По-моему, он решил, что его явились убивать. Он, увы, ошибался. Я подмигнул ему:

— Речь о видеокристаллах, которыми вы снабжали некоторых любителей комиксов. Уникальная, штучная продукция. В магазинах не продается, тиражированию не поддается.

— Вы хотите взять что-то напрокат? — попытался разыграть он дурачка, но попытка не удалась.

— Речь о совершенно особенных кристаллах, после просмотра которых клиент берет хозяйственный нож и режет сотрудницу вашего отеля в массажном кабинете, — терпеливо объяснил я ему.

А также речь о том, подумал я, что консорциум «АКТ» — не что иное, как финансовое прикрытие лабораторий Бромберга. Мне ли не знать это, ес-

ли я самолично проводил счета на спецтехнику, еще когда числился в перспективных кадрах — в счастливую пору войны с наркодельцами.

А еще речь о том, что я собственными ушами слышал реплику, которую позволил себе один из заместителей Бромберга на закрытом совещании семь лет назад. Было заявлено, что эффект слега — это колоссальный прорыв в науке, какие случаются раз в столетие, и не использовать открывшиеся возможности просто глупо… И очень скоро всевозможные новинки из области психоволновых технологий посыпались нам в руки, как из рога изобилия.

Бармен затрясся. Это была агония.

— Признавайся, ты ведь на самом деле не бармен, а медик? — ласково спросил я. — Клятву Гиппократа, наверное, давал? Давно на старину Бромберга работаешь?

Он вдруг рванулся в подсобку. Куда, зачем? Нету там служебного выхода, малек, я же первым делом это проверил! Я схватил его под мышки и посадил на стойку.

— От кого ты получал психодислептики? Кто контролировал глубину эс-про у ваших подопытных мышек?

— Я не знаю никакого эс-про! — завизжал он.

Я сдвинул со стойки стеклянную крышку, и подследственный провалился задницей в аквариум.

— Контрастные процедуры, — заботливо объяснил я ему, — это идеальное средство, чтобы привести нервную систему в порядок.

Я взял ледяной коктейль и вывалил белковую массу подследственному на темя.

— Обливаться важно с головой, не ограничиваться плечами и грудью, — сказал я. — Воздействуя на центральную часть мозга, мы восстанавливаем норму. Тот, кто возбужден сверх меры — успокоится, кто заторможен — ощутит прилив сил. Ну как, ты вспомнил, что такое эс-про?

— Эстетическое программирование, — простонал он, судорожно цепляясь руками и ногами за края аквариума.

Я вытащил его наружу и бросил на столик с посудой. Он ждал моих вопросов, не рискуя слезать на пол, но я не спешил. Я включил компрессор, подтянул один из пластиковых воздуховодов и спросил:

— Это какой?

— Меня заставили, — торопливо сказал бармен.

— Конечно, конечно, — рассеянно согласился я, разбираясь с переключателями.

— Я у них даже не в штате, — завибрировал он. — Через год мой контракт заканчивается…

Из воздуховода пошла струя воздуха.

— Кажется, джунгли, — сказал я, принюхавшись.

После чего засунул шланг собеседнику в рот.

Он попытался вытолкнуть наконечник языком, тогда я взял его щеки в горсть и свободной рукой дал компрессору полную мощность. Трубка заходила ходуном. Бармен вытаращил глаза, опрокинулся на спину, отчаянно хватаясь за мои руки, но я держал. Я не любил допрашивать, особенно с применением спецсредств, но меня и этому научили.

Нескольких секунд вполне хватило, чтобы нам подружиться.

— С кем ты был на связи? — задал я первый вопрос, когда он выбрался из осколков посуды. — Смотри, пожалуйста, мне в глаза. С господином Пеблбриджем?

— Нет.

— Тогда с кем?..

…И он рассказал все, что мне было нужно. Профессиональных стукачей, как и палачей, легко допрашивать: их трусость основана на хорошем знании последствий. С врачами-убийцами — та

же история, поэтому второй раз применять спецсредства не понадобилось.

Потом я приподнял стальную штору и выбрался в холл, а мой собеседник остался сидеть на столике, качаясь, как кукла-неваляшка; он тупо озирал буфет и не верил своему счастью. Умыться бы ему, озабоченно подумал я, заметит ведь кто-нибудь. Драгоценную коробку я бережно нес под мышкой.

По-прежнему работал стереовизор, неподвижные фигурки зрителей по-прежнему окружали это фальшивое зеркало мира. Менеджер, который никак не отреагировал на внеплановое закрытие бара, все так же подпирал стену. Паноптикум. Я решительно двинулся к лифту, предвкушая то, что должно было произойти. Что же мне делать с посылкой, мучил я себя вопросом, где же, черт побери, схоронить нежданное сокровище?

Стереовизор посылал мне в спину — прямо в спинной мозг, — нервные импульсы новостей: «…Группа молодых планетологов, исследовавших полярные области Венеры, покорила высочайшую точку этой планеты, обозначенную на картах как высота 70…» Я невольно прислушался. «…Герои, совершившие восхождение, предложили назвать вершину Пиком Строгова — в честь

известного русского писателя, много сделавшего для формирования образа будущих космопроходцев. Планетографический Комитет уже принял положительное решение...» Я остановился, не сделав и пары шагов.

В голове моей закрутился вихрь. В голове моей взорвалась термическая бомба. Пик Строгова. На Венере. Как это понимать? Что бы это значило — простое совпадение или...

Надо бы присесть, подумал я.

Электронный блокнот нужен Жилину для работы, с сожалением констатировал Учитель. Великий старец всегда был неравнодушен к письменным принадлежностям, это общеизвестно. Может, он в детстве мечтал о таком (хотя, было ли у Строгова детство?). О таком, и чтобы непременно с запоминающим устройством на триллион страниц! Пусть. Но почему именно сегодня на карте Венеры появился пик Строгова? Возможно ли теперь оставить за скобками тот факт, что струсивший Жилин вовсе не электронный блокнот подкинул ничего не подозревающему человеку? Я опустился на ближайший плетеный диван; я ощущал острую необходимость сесть. Ноги плохо слушались.

А новости неожиданно прервались. На экране

появился бредущий вдоль стеклянного холма Гончар. Та же рубашка с закатанными рукавами, те же затянутые ремнем брюки. Босоножки со стоптанными задниками… «И все-таки человек — это не только животное, как бы ни уговаривала нас официальная медицина, — увлеченно рассказывал он. — Не правильнее ли будет оставить животным вопрос „как“ и подумать над вопросом „почему“?..»

Пасторальная картинка была наложена на гигантскую надпись, переливающуюся всеми оттенками зеленого: «ГИГИЕНА ДУШИ». «…Почему человек легко может изменить мир, в котором живет, а мир — человека? — продолжал Гончар. — Потому что мир каждого отдельно взятого человека — это всего лишь его отношение к миру, а человек для мира — такая же замкнутая система, как и он сам. Не более того. Никаких чудес, друзья. А что же тогда все остальное? И есть ли он — НЕ ЕГО мир…»

Врач и поэт не признавал чудес — поразительное созвучие с моими мыслями. Он улыбался не к месту и смотрел сквозь зрителей, он говорил так, будто ему открылась Истина, а он ей — нет.

— Что передают? — окликнул я менеджера.

— Реклама, — равнодушно дернул тот плеча-

ми.

Реклама…

Лучший в городе инструктор продвигает на рынке некую «Гигиену души»? Я в восторге! Неважно, что за этим названием скрывается: новая гимнастика или акционерное общество, взявшее святое место в аренду. Как-то вдруг — всё теряет значение. Вопрос «зачем» — это вопрос животного или человека, спрашиваю я доктора Гончара, однако реклама уже закончилась. Я пл*А*чу, вот только слезы текут не наружу, а внутрь… Наверно, я временно становлюсь похож на остальных людей, на молчаливых зрителей новостей. Потерянные, ослабевшие, нездоровые люди…

Пик Строгова.

Как всё это понимать? И что тут, собственно, понимать?

Яснее ясного. Старец обнаружил камни на своем письменном столе, взял их в руки — и… Покорители Венеры ощутили острую потребность назвать величайшую вершину этой планеты в честь величайшего писателя. Если что-то исполняется, значит, кто-то это пожелал. Могут у мудрецов быть маленькие слабости? И могут, и наверняка есть. Но дело, конечно, не в Строгове и не в его слабостях. Да, я пытался подбросить

Учителю свои заботы, я трусливо перекладывал ответственность на чужие плечи, какими бы тактическими соображениями при этом не руководствовался, но дело также и не в этом. Дело было именно в ответственности…

Имею ли я право?

Право на что? Идите вы все к черту, рассердился я. Правоверный коммунист Жилин, во-первых, не верит в чудеса, а во-вторых… достаточно первого! Прежде чем встать, я осмотрелся. Это был тот самый диванчик, на котором мы с цветочницей беседовали вчера о проблемах похудания! Живая изгородь, бассейн с кувшинками, метлахская плитка… Круг замкнулся.

И тогда я встал. Твердо ступая, пошел прочь из отеля. На площади было еще спокойнее, чем в холле: ни тебе суеты, ни кордона, ни даже полицейских. Зеваки превратились в обычных людей, которым нет дела до себе подобных. Инцидент был исчерпан, даже друзья-писатели скрылись в неизвестном направлении. На месте, где стоял когда-то памятник, громоздилась теперь аккуратно сложенная груда обломков — этакая маленькая пирамида. Я неспешно подошел. Потом, изображая любопытного придурка, шагнул на склон каменной кучи. Темно-серые куски

бетона лежали под моими ногами вперемешку с осколками благородного лабрадорита, которые были потемнее и вдобавок с радужными блестками. Благородное часто соседствует с дешёвкой, когда ни у того, ни у другого нет выбора.

Посылка от Строгова была яростно разодрана надвое. Буквы оказались в моих руках. В грязных руках, пожать которые побрезгует даже Банев; в руках параноика, всерьез считавшего себя писателем. Но ведь я выздоровел, сказал я Стасу, твои деньги вылечили меня!.. Всего секунда прошла или того меньше. Меня ожгло. Не пальцы, не ладони — мозг. Таким бывает ожог последней, седьмой степени. Чтобы выжить, я просто отпустил небесные камни, отдав их земному тяготению, и пропали они, сгинули в общей темно-серой куче.

Подобное прячут в подобном, формулировал я мотивы своих действий. Хочешь спрятать что-то — брось у всех на виду, умело обманывал я себя… На самом же деле совсем другая сила управляла мною в тот момент. Вопрос «зачем»… Зачем, если даже Учитель… если даже Он…

Наверно, это была истерика.

Глава двадцать вторая

Прежде чем пойти к Оскару, я навестил свой номер. Ничего особенного мне там не нужно было: ни пистолета, ни бейсбольной биты, ни даже увесистой чугунной сковородки я не провез в двойном дне своего чемодана. А требовалась мне пара мясных консервов. Я разложил пластиковые банки по карманам штанов и отправился на последний этаж.

В каком номере расположился наш рыжий стратег, я знал: бармен не смог скрыть от меня такую мелочь. Боссы любят последний этаж, это престиж. Диспетчеры разнообразных служб наружного наблюдения так же обычно размещаются на последних этажах, это традиция. Я встал перед дверью и сказал в пустоту: «Trick or treat», что означало на языке американских детишек: «Угостите, а то мало не покажется». Эту волшебную фразу произносят в День Всех Святых, когда ходят по домам и попрошайничают, напялив на голову пустую тыкву с прорезями для глаз. Затем я подождал, ничего не предпринимая. Вероятно, внутри возникла секундная суматоха, но дверь

все-таки открыли. Подвижные молодцы с каменными лицами быстро обследовали меня при помощи ручного томографа, детектора запаха и дозиметра, и пропустили, не обнаружив ничего опасного для здоровья начальства.

— Ну? — сказал Оскар неприязненно.

Я произнес одними губами, совершенно беззвучно: «Суперслег». Я многозначительно похлопал себя по торчащим в разные стороны карманам. Карманы оттопыривались, как щеки у хомяка; думаю, выглядело это не вполне прилично, а если смотреть сзади, так просто смешно. Оскар изменился в лице. Он вдруг заволновался, как песик, услышавший слово «гулять».

— Всем выйти! — скомандовал он.

А когда все вышли, я пальцами показал ему, что теперь неплохо бы покрепче запереть дверь. Он дернул рычажок на мобильном пульте, подошел ко мне, нетерпеливо повторил:

— Ну?

И тогда я вытащил из карманов консервы. На одной банке было написано: «Boeuf a la mode», что приблизительно переводилось, как «Дорожная говядина», на другой значилось уже по-русски: «Язык телячий в брусничном желе». Лицо Оскара вторично изменилось. Я вложил банки в его

напряженные руки (он послушно взял мои гостинцы), после чего ударил.

Первым ударом я сломал ему нос. На непривычного человека это очень сильно действует. Мне ломали нос десятки раз, я давно уже и за травму это не считал, но мистер Пеблбридж подобным опытом не мог похвастаться. Оглушенный, он упал на пустые коробки из-под аппаратуры. Консервы звучно покатились по полу. Музыка! Жаль, так и не успел я попробовать эти деликатесы. Он быстро оправился, завозился среди кучи хлама, затем включил что-то на своем галстуке и простонал: «Ко мне!», тогда следующим движением я вырвал из пульта кабель. Дверь тут же была заблокирована. Хорошая дверь, укрепленная по всем правилам.

— Я не приказывал вас убирать! — всхлипнул он, поднимаясь. Задние лапки у него разъезжались. — Какого черта! Благодаря вам мы нашли предателя, я даже собирался вас в наградной лист вписать…

Я его внимательно слушал. Да-да, полковник Ангуло был сотрудником Службы контроля, говорил он, держась рукой за лицо (сквозь пальцы сочилась кровь). И одновременно полковник Ангуло был доверенным лицом Эммы, куплен-

ным со всеми потрохами. Двойной агент. В каком смысле был? В буквальном. Был — когда-то в прошлом. Теперь предателя нет. Отсутствует в списке людей. Вот так, без розовых соплей. Но вы, Жилин, вы нам нужны, вы нам оч-чень нужны… Я не вмешивался в его монолог, не до того было: я выдвигал ящики, сбрасывал содержимое стеллажа на пол, вскрывал утилизатор, перетряхивал висящие на вешалке пиджаки и халаты. Обыск в режиме форс-мажор. В номер уже рвались, поймав сигнал бедствия.

Когда Оскар закончил говорить, я ударил его в печень.

Их грязные игры меня решительно не интересовали, разве что потом посмеяться над всем этим. Но быть дураком — я так и не привык. Я слушал, хоть и знал, что мне отчаянно врут, по крайней мере, насчет всего, что касалось лично меня. Вы следили за мной, господа, подумал я, вы ни на мгновение не выпускали меня из поля своего контроля, и все благодаря тому, что моя одежда была обработана. Кто это сделал? Известно кто — расторопные ребята с литерой «L» во лбу. А следили — вы. Получается, «L» и Оскар — одно и то же? Или, поднимай выше, «L» и Служба контроля — одно и то же?

Удар в печень — хорошее средство заставить человека задуматься о своей жизни. Совершенно особенное ощущение, по себе знаю: всего пробирает, в каждой клеточке тела отдается, и тоскливо становится, и страшно, дыхание останавливается… Это не с чем сравнить. Я ударил коротко, почти нежно: я вовсе не хотел калечить человека, не наказывал его и даже не мстил. Все просто: долгие годы я мечтал об этой минуте, и вот она настала.

Как же я ждал эту минуту…

Не найдя ничего интересного в помещении, я принялся обыскивать непосредственно босса, тем паче, что он и не помышлял мне препятствовать. Мне нужен был ключ от его личного сейфа.

— Я не приказывал убирать сеньориту Вардас! — прохрипел мистер Пеблбридж, согнувшись пополам.

Кони Вардас… Имя прозвучало. В этом было все дело — в подлом и бессмысленном убийстве. Раздавленные гипсофилы стучали мне в сердце; дух несчастной женщины бродил за мной по пятам, не давал мне успокоения, дух укоризненно молчал, не имея возможности заговорить первым, а сам я боялся что-либо сказать погибшей, да и нечего мне было ей сказать… Не расскажи мне

Кони про тайное свидание в оранжерее, никто бы ничего и не узнал. Зато тот, кто контролировал меня, кто просунул свои уши, вооруженные спецтехникой, между мной и цветочницей, — тот как раз все знал. Мало того, он один все и знал. Впрочем, эти умопостроения, конечно, ничего не значат, пока не назван мотив. И мотив есть…

Допрос бармена дал ответ на вопрос, кто передавал ему кристаллы для «командированного». Мигель Ангуло, офицер из Бюро антиволнового контроля. Почему Ангуло? Да потому что он и только он был с барменом на связи. Именно дон Мигель долгие пять лет являлся резидентом Службы контроля в этой маленькой акварельной стране. Стоило мне понять это, как мозаика сложилась. Так вот, о мотивах убийства. Возникла опасность, что выплывет далеко не формальная связь между резидентом Службы контроля и… кем? Кто был с доном Мигелем в оранжерее? Сеньорита Вардас не знала, кто тот, второй, ведь постояльцев в отеле много, а она была всего лишь цветочницей, но при случае могла бы этого человека опознать. Вот в чем загвоздка — она могла опознать.

Зато я теперь знаю, кто он. И по имени, и по должности. Вторым был начальник Управления

внутренних расследований мистер Пеблбридж, который, как лицо не зашифрованное, имел право встречаться лишь с арестованными резидентами и лишь в следственных кабинетах…

Что же у нас получается? С одной стороны — несуществующая группа «L». С другой стороны — полковник Ангуло с его головорезами, которым тоже понадобился Странник. За этими-то кто стоит? Молчите, господа? Что ж, разберемся сами. Кони Вардас слышала, что Жилина должны похитить. Эту тему обсуждали Оскар с Мигелем, а похитить пытался Паниагуа. Выводы? Во-первых, южноамериканцы — только ширма, во-вторых, настоящий вожак «Нового Теотиуакана» — это добрый ангел Мигель, и в третьих, его тайный начальник не мог обо всем этом не знать.

Вы любите подстраховаться, подумал я брезгливо. Вы никому и ничему не доверяете. Разрабатывая самую простую комбинацию, вы главным препятствием полагаете — не злую случайность, нет, — а своих же исполнителей. Вот и получили результат, доведенный до высшей точки недоверия (до точки равновесия!), когда одна задача ставится двум террористическим группам, а те мочат друг друга, будто и не родные. Абсурд… И всегда вы хотите, как лучше. Вы у нас вообще

люди нравственные, чувствительные, душою болеющие. Однако безнравственные средства, применяемые в качестве исключений, имеют свойство становиться правилом, — прав ты, мой милый Юрик… Нет, не интересовало меня все это.

— Зачем мне убирать твою Вардас, если она была нашим осведомителем?! — выхаркнул Оскар, собравшись с мыслями.

Опять ложь. Нокаутированный босс начинает громоздить явные нелепости, пытаясь спастись. Если бы Кони была осведомителем, то у нее не получилось бы, это очевидно. Будь она осведомителем — не смогла бы похудеть. Зато Пеблбридж, окажи он мне сейчас хоть какое-то сопротивление, возможно, высек бы искорку уважения, возможно даже, что я бы остановился, пожалел подлеца. Нет, он словно был согласен с происходящим. Синдром кролика в чистом виде.

Плоский контейнер обнаружился в боковом кармане его пиджака. Воистину, хочешь спрятать что-то — оставь у всех на виду. Я отщелкнул крышку: в мягком ложе покоился видеокристалл, бережно укутанный антилучевыми салфетками — и это несмотря на то, что изнутри контейнер был покрыт защитным слоем! Я вытащил

квази-хрусталь двумя пальцами и прочитал название: «Задницы — капризные подружки». Русские порники. Спрятавшиеся под ромбиком «Масс-турбо».

Вот и решающее доказательство.

— Я знаю, ты сломал нашего психопрограммиста! — произнес Оскар истерично. — А правду так и не раскопал! Хочешь, введу тебя в курс дела? Мигель Ангуло показал на допросе, что это он, оказывается, помог Страннику перебраться сюда из Мексики, а здесь помог ему найти Пека Зеная. Ангуло тогда по Центральной Америке работал, там и подружился со Странником — и потерял его, потерял, кретин. Он вел свою игру, Жилин! Мозги своим фанатикам подвинул, но и сам рехнулся. Ведь он пытался заполучить суперслег лично для себя, и пределом его мечтаний было вовсе не мое служебное кресло…

Я вбил кристалл Оскару в рот. Какие мечты пожирают несостоявшихся владык мира, меня тем более не интересовало. Насчет «владык мира» — это и про самого мистера Пеблбриджа, разумеется. Оба они хотели получить суперслег, и оба — чужими руками. Но вот кому предназначалось очередное творение фирмы «Масс-турбо», дремавшее до поры в специальном контейнере?

Не мне ли? Пока замолчавший на полуслове босс оплакивал свои зубы, я снял с него ботинок, затем отобрал порнокомиксы, положил эту мерзость на пол и с наслаждением расколотил чужим каблуком.

Дверь ломали.

Следовало поторопиться. Вслед за ботинком, я содрал с мистера Пеблбриджа штаны вместе с бельем, а его самого — бросил на четвереньки. Голову приговоренного я зажал между своими коленями и взялся за дело. Задницы — ваши лучшие подружки, обязательно утешил бы я его, если б мог себе позволить сказать хоть одно слово. Я порол его тем, что под рукою нашлось — кабелем от их же следящей системы. Прыщавый зад сразу закровил. Исполнение приговора проходило под нарастающий аккомпанемент: снаружи орали и били в дверь чем-то тяжелым. Животное в моих руках выло на всю гостиницу. Один я молчал, ибо нечего мне было сказать мертвой сеньорите Вардас…

Преступная комбинация была сложнее, чем казалась, хоть длинноухие зверьки и принимали решение в явной спешке. Они исходили из того, что маньяк-одиночка предпочтительнее наемника, у которого обязательно есть заказчик. Но где

раздобыть маньяка? Все в этом мире приходится делать самому, таково кредо людей, добившихся в жизни успеха, не так ли, мистер Пеблбридж? Пишите рецепт: берем хорошо оболваненного психопата, нажимаем на спуск… Эх, Бромберг, наивная душа, знаешь ли ты, чем заляпаны твои психоволновые игрушки? Я знал. Воздушный шланг, развязавший бармену язык, помог увидеть краешек и этой картины… Кристалл с кинокомиксами — всего лишь медиум, посредник. Обычно паранойя развивается медленно, в течение нескольких лет, но есть средство, позволяющее сжать этот страшный процесс до минут. Волновой психодислептик. Человек вставляет кристалл в гнездо, включает стереовизор, и готово, невидимый станок начинает сверлить его мозг, формируя очаги острого психоза. Наденешь наушнички — еще лучше. Бредовые «озарения» параноиков всегда с чем-то связаны, как правило, с чем-то случайным, и есть люди, которые берутся управлять такими случайностями. Это программисты человеческих душ — буквально. Не вздрагивайте, товарищ Луначарский, сами себя они называют эстетическими психопрограммистами. Эстетическое, значит чувственное. Семена, скрытые в видеоряде и музыке, в бессмыс-

ленных междометиях и жестах, высеиваются в почву, которую предварительно рыхлит волновой психодислептик. Человека заставляют посмотреть кинокомикс, а следующий кристалл он возьмет уже сам. Потому что теперь он болен, но сознание болезни у него отсутствует. А новый кристалл — это новая порция «озарений». Вот примерная схема.

Почему в качестве основы выбрали именно порно, к тому же фальсифицированное под русский вариант? Причин две. Во-первых, ничтожная художественная ценность не требует профессиональной проработки сюжета и персонажей, а в Советском Союзе, как известно, эта продукция вообще изготавливается только кустарным способом. Во-вторых, механическое повторение какого-либо движения уже само по себе способно ввести в гипнотический транс. Обилие однообразных движений, перетекающих из кадра в кадр, характерно для произведений этого жанра, что сильно облегчает дело психопрограммистов. Более того, признался мне бармен, ни в каком другом жанре, кроме порно, не удалось пока добиться результатов.

Сначала «командированного» выводили на меня, чтобы в случае нужды быстро и без скандала

избавиться от путающегося под ногами писателя. Такой случай мог бы наступить, например, когда артефакты внеземного происхождения заняли бы свое место в бледных руках мистера Пеблбриджа. Человек-Другого-Полушария тупо торчал в холле гостиницы, демонстрируя себя многочисленным свидетелям, и смотрел на писателя Жилина, мило беседующего с цветочницей. Он не слышал наш разговор, зато слышали те, кто подвесил его мозги на ниточки. Таким образом, появилась новая мишень. Они нажали на спуск, и безумие выстрелило… Или ваш параноик — это не случайная «кукла», а, наоборот, кадровый офицер? Понимаю, в работе всякое бывает. Не большая разница, кем жертвовать, если жертвуешь не собой.

Убивая молодую женщину, кукловоды поражали две мишени сразу: избавлялись от свидетеля плюс мотивировали следующее нападение. В самом деле, что может быть понятнее? Психически больной человек, блуждая в лабиринте своего бреда, сначала жестоко наказал женщину, которая якобы пинадлежала ему, а потом отомстил ее воображаемому любовнику, то есть мне. Нападение на холме, в людном месте — это напоказ, скандально, нагло. Иначе говоря, безумно.

Убьет маньяк Жилина — хорошо; не убьет — тоже неплохо. Главное, что психа нужно прикончить тут же, прямо на теле известного писателя. И концы в воду, жертва принесена. В гостиничном номере обезвреженного преступника нашлись бы все необходимые улики, и дело было бы тихо закрыто.

Маньяка должны были прикончить… Бэла, Бэла! Товарищ мой боевой… Как же вовремя ты появился возле холма, с каким остервенением схватился за оружие! Но что привело тебя, начальника полиции, в это тихое местечко? И почему ты был один? И почему так быстро исчез с территории Университета — словно знал о надвигающемся штурме? Ненавижу случайности, из-за них мысли склеиваются в ленту Мебиуса. Как мне теперь относиться к тебе, несгибаемый комиссар?

Перед тем, как дверь пала, я повесил мистера Пеблбриджа на вешалку, насадив его пиджаком на крючок. Из такого положения можно выбраться только если пиджак вдруг лопнет или вешалка рухнет. Ноги до пола у него не доставали, а вернуть его штаны на прежнее место у меня уже не было времени. Рыжий стратег дико задергался, пытаясь освободиться. Потом я поднял с пола свои

консервы, превратив их в снаряды, и приготовился к бою. А потом дверь влетела в прихожую, движимая реактивным воплем: «Опс-ёпс!».

Что было дальше — не запомнил…

* * *

Много позже, вороша в памяти эти неприглядные страницы, я испытывал досаду — за то, что поддался первому порыву души, не справился со внезапно вернувшейся молодостью. Не стоило мне избивать и, тем более, пороть ничтожную тварь по имени Оскар Пеблбридж, опустившись до уровня его же подлости. Дурной это вкус, товарищи. Я даже чувствовал некоторое подобие стыда, но лишь до тех пор, пока не вспоминал, что не сказал ему во время нашей последней встречи ни одного слова. Ведь он пытался со мной объясниться, понимая, что страдает по заслугам, он хотел увидеть во мне сорвавшегося профессионала, которого можно переиграть, но я так и не сказал ему ни одного слова. Ни одного слова. Ни одного.

* * *

Очнулся я на пневмотележке.

Было время, я специально приучал себя к импульсам, пущенным из разрядника, это входило в мою профподготовку, поэтому беды не случилось. К счастью, меня успокоили все-таки разрядником, а не пистолетом. Тележку с моим телом как раз выкатывали из лифта в холл, по правую руку вышагивал сумрачный Бэла Барабаш, по левую — подернутый мглой лейтенант Сикорски, и никакой иной охраны не было.

— С добрым утром, — съязвил Барабаш. — Кошмары не мучили?

— Кто кого мучил, — сказал я и приподнял голову, осматриваясь. — У меня с вашими кошмарами разговор короткий.

— Банкой в лоб, — покивал он.

Я присел, оттолкнув руку врача, спустил ноги на пол и встал. Суставы сгибались с трудом, но это скоро должно было пройти. Вместе со мной остановилась и вся наша компания.

— Так это были ваши лбы? Тогда, подозреваю, какой-то из моих кошмаров еще не кончился.

— И правда, ты ведь только и делал, что спал за эти дни, — сказал Бэла с завистью. — Загибаем пальцы… — он не двинул руками; руки его, напряженно согнутые, были плотно прижаты к бокам. — Сначала тебя сморило после

парализатора, потом был сонный герц, теперь — разрядник…

— Были еще деньги под подушкой, — дополнил я печальный список, пытаясь хоть чем-то зацепить угрюмого лейтенанта Сикорски.

Толстяк молчал. Сегодня он был не склонен откликаться на глупые шутки. А его начальник жестом прогнал врача с санитарами и вздохнул:

— Да, деньги под подушкой… Ничего, Иван, с этим из кошмаров покончили. Благодаря тебе.

— Благодаря мне? — изумился я. Он ответил с неожиданным раздражением.

— Ну, пусть не ты это сделал, а твои лучшие друзья. Лично я большой разницы между вами не вижу. Кто-то подземные хранилища взрывает, кто-то — гостиничные номера громит, кто-то швыряет о землю вертолеты, кто-то — консервы в людей.

Я оторвал руки от тележки и побрел вперед, придирчиво слушая свои ощущениям. На эмоции бывшего комиссара, у которого так и не получилось стать настоящим полицейским, мне было, откровенно говоря, плевать. Надеюсь, он быстро это поймет.

— И чего вы прицепились к несчастным консервам? — обиженно спросил я их обоих, когда

они опять оказались справа и слева от меня. — Я, может, начал жить иначе, вот и выбросил то, что мне больше не понадобится. Не желаю есть трупятину, как вы тут выражаетесь. Надеюсь, ты не настаиваешь, чтобы я ел трупятину?

— Поздно, — вдруг сказал Сикорски, глядя себе под ноги.

— Что — поздно? — вскинулся Бэла. Едва ли не подпрыгнул.

Похоже, бывший комиссар нервничал куда больше, чем мне поначалу показалось. Продолжения странной реплики мы не дождались, и тогда я решил внести в ситуацию определенность:

— Я арестован?

— Господин Пеблбридж заявил, что претензий к тебе не имеет, — проговорил Бэла с явным сожалением. — В чем и расписался.

— Опять он соврал, — огорчился я.

— Между прочим, у одного из его офицеров довольно серьезная травма головы. И кое-кто не намерен так просто это дело оставлять… Черт подери, что тебя понесло в его номер?

— Всю ночь не мог заснуть, — объяснил я. — Гипсофилы стучат мне в сердце. Знаешь, что это такое, когда в сердце стучат однолетние белые гипсофилы? Невозможно заснуть.

— Невозможно заснуть — да, это причина, — проворчал он. — Ты уж прости меня, но я все-таки вынужден тебе кое-что сообщить…

— Подожди, — попросил я. — Постой-ка.

Мы проходили (ковыляли, если говорить обо мне) мимо бара. Бар благополучно работал, но бармен был новый: срочно вызвали сменщика. Хотя что, собственно, случилось с предыдущим? По-моему, я был с ним вполне корректен. Здесь же трудилась бригада полицейских в количестве трех человек, которая занималась тем, что за стаканом кислородного коктейля обеспечивала порядок в холле. Очевидно, остальные задачи были уже решены. Поддержание порядка протекало на редкость апатично. Полицейские искренне постарались не заметить нас, поскольку Бэла был их начальником, а я — личностью и вовсе темной. Работал стереовизор, вот он-то и привлек мое внимание.

Наконец включили местное вещание и наконец передавали настоящие новости. Прямых жертв нет, рассказывал репортер, только один смертельный случай, и тот — не по вине штурмующих. На холме. Все ведь знают, где это — на холме. От чего человек умер? Эксперты констатировали: от телесных повреждений, несовместимых с жизнью,

причем, полученных вовсе не сегодня. Он умер на руках у главного врача Университета, который пытался человеку помочь. Так что правильнее будет сначала поинтересоваться, каким образом несчастный до этого места добрался, и второй правильный вопрос: не «от чего», а почему он все-таки умер, когда ему стали помогать жить?!

— Послушай, послушай, — толкнул меня Бэла.

Личность скончавшегося не была установлена. Неопознанный труп отвезли в городской морг. К моргу вскоре стянулись люди, людей были толпы, они стояли и молчали. А час назад прилетели сотрудники Службы контроля, которые изъяли труп, отправив его в неизвестном направлении. Так что помолчим и мы, товарищи, трагически закончил репортер. Каждый знает, о ком и о чем нам придется молчать. Помолчим…

— Зеленые галстуки получили его, не живого, так мертвого, — гадливо сказал Руди. Уши лейтенанта были ярко-алыми — масштабное зрелище. Офицер больше не сдерживал свои чувства.

Я стиснул зубы. Друзья уходят, остается молчание. Обсуждать это — с кем? С теми, для кого сочувствие — всего лишь атрибут службы? Но почему я не вернул камни Юрию?! Как это было просто — вернуть! И человек был бы жив, он

вновь, как и много лет назад, сделал бы реальностью свое желание жить. Хотя… Сохранялось ли у него теперь такое желание?

Стать богоравным, оставаясь во плоти — безумье души, сказал поэт Гончар. Ты лишил себя плоти, милый мой Странник, но стал ли ты после этого богоравным?

Я взглянул на затылки полицейских, расслабившихся за стойкой бара, и спросил Бэлу:

— Надеюсь, вы уже допросили нашего «жениха»?

— Какого?

— Только не говори, начальник, что ты не успел побывать на холме, — разозлился я.

— А, ты о психе с ножом, — догадался он. — С ним что-то странное. Показаний дает много, болтает без умолку, но все — на птичьем языке.

— Вы использовали волновой стимулятор, — констатировал я.

— А что? — сказал он. — Психиатр дал санкцию. Ты и сам, помнится, говорил, что это совершенно безвредно.

— Ведомственная медицина только «за», — согласился я. — Чем больше идиотов на койках, тем выше профессиональная спесь… Психиатра вам прислали старшие братья, не так ли?

Мне было не столько обидно, сколько стыдно. Начальник полиции посмотрел на меня, сощурив один глаз: этот глаз, казалось, располагался по ту сторону амбразуры.

— Не надо было лупить его по башке, — сказал он. — К тому же — горшком. Лупил бы в любое другое место.

— Конечно, было бы справедливее и законнее расстрелять гада на месте, — сказал я зло. — Пли!

Очень зло я сказал. Мы долго смотрели друг на друга, и он все понял. Он снял фуражку и протер ее изнутри.

— Мы начали говорить по делу, но отвлеклись, — произнес Барабаш, глядя вбок. — Уполномочен поставить *вас* в известность, товарищ Жилин, что принято решение о *вашей* депортации. Основание: преднамеренная ложь в анкете. *Вы* — нештатный агент, работающий по контракту. Действуете в интересах незаконного образования, называемого Мировым Советом.

— Вы тут что, отслеживаете все международные звонки? — восхитился я. — Впечатляет.

— Мы считаем обвинение доказанным, — ответил он. — *Ваш* работодатель известен — лично генеральный секретарь, товарищ Эммануэл.

— А ты на кого теперь работаешь, комиссар? —

спросил я его. — Неужели все на того же?

— Просто — работаю, — ответил он сухо. — Я всегда и всюду — просто работал, без местоимений и предлогов. Все, что я могу для *вас* сделать, это ограничиться только инцидентом в Университете, я имею в виду неожиданное завершение дела об убийстве сеньориты Вардас. Здесь, по-моему, все ясно, мы уже этапировали подследственного в Большую Европу, на психиатрическую экспертизу. Что касается других инцидентов с *вашим* непосредственным участием… Я придержу эти дела, пока *вы* не уедете. Обещаю. И это все, что я могу сделать.

Он выговаривал словечко «ВЫ», как будто специально готовился, репетировал. Непросто было человеку, пусть и продолжал он служить тайным структурам Управления внутренних расследований. Одно дело — на «вы» с врагом, с начальством, с предавшей женщиной, и другое дело — с боевым товарищем, который тебя любил. Как я мог забыть, что из Службы контроля просто так не уходят, разве что в слегачи или в скандальные писатели!

— Ну что, пора в офис? — он по-хозяйски огляделся.

— А как же вечерняя месса, ваше высокобла-

городие? — невинно справился я. — Разве не должно вам в это время сидеть в костеле?

— Да, насчет костела ТЫ правильно сообразил, — произнес он с непонятным выражением. — Вчера я специально сбежал из Управления, чтобы с ТОБОЙ, засранцем, не встретиться.

— Ты в самом деле веришь в Бога? Ты, бывавший в Космосе?

— Я не бывал в Космосе, — ответил он предельно серьезно. — Как и ты, не обольщайся. Космос и межпланетное пространство — совсем не одно и то же…

Лэна мы заметили одновременно.

Мальчика сопровождали двое в зеленых галстуках. На лицах конвоиров стыло выражение смертельной скуки, и галстуки у них были узенькие, шнурочки: по всему видать — сержантский состав. Процессия появилась из аппендикса, где располагалась служба внутренней безопасности отеля, и направилась к грузовому лифту. Вероятно, в гараже их ждал транспорт. Я обрадовался, как, возможно, никогда еще не радовался — чувство облегчения не с чем было сравнить… ну разве с тем, которое я испытал в далеком детстве, когда в драке между Высшей школой космогации и Всесоюзной учебной кухней мне выбили пер-

вый в жизни больной зуб.

Лэн тоже меня увидел, заулыбался, рванулся подойти. Его довольно грубо придержали. Рванулся и я, но меня придержал Бэла:

— Тихо, тихо. Сами разберемся.

Лэн принялся о чем-то просить, показывая на меня, что-то втолковывать, — ему внимали с тупым безразличием, — и тогда он двинул рукой…

Его кулак, описав крутую дугу, скользнул по первой челюсти, по второй, и оба конвоира вдруг упали. Двойной нокаут. Нового удара не понадобилось. Одним ударом — двоих! Я такого никогда еще не видел. Я стоял, завороженный, рефлекторно примеривая к себе это уникальное движение, прокручивая картинку в уме, а Лэн уже бежал ко мне, загорелый и счастливый, с томиком Шпенглера под мышкой, сияя, как начищенный сапог, а трое полицейских, отпрыгнув от стойки бара, опасливо окружали беглеца. И оказалось, что в холле полно полицейских: кто-то кинулся к бесчувственным телам, кто-то терзал радиофон, вызывая врача…

— Мне предлагали работу, — начал мальчик с главного. Понимал, умница, что у нас нет времени на пустяки.

— Какую? — спросил я.

— Чтобы я вас уговорить взять меня в Ленинград.

— А что тебе делать в Ленинграде?

— Сказали, писателем станешь, а мы поможем публиковаться, — смущенно улыбнулся он. — Сказали, ты же всю жизнь мечтал стать писателем. Будешь учеником Жилина, будешь дружить с Сорокиным, со Снегиревым, с Галкиной, а с нашим резидентом, сказали, будешь встречаться не чаще раза в месяц…

— А ты?

— Отказался, конечно. Работа коридорного мне больше нравится.

Товарищ Барабаш очень внимательно нас слушал. Мне это не нравилось, но выбора не было. Лейтенант Сикорски слушал новости по стереовизору, то есть как бы отсутствовал. Что слушали другие полицейские, окружившие нас, я не знаю, их рапортов мне никто в дальнейшем не показал.

— Вы ведь, если не ошибаюсь, сын госпожи Вайны Туур? — громко спросил Бэла.

— Да, — сказал Лэн.

— Ваша матушка — грандиозная женщина, — сказал Бэла с энтузиазмом. — Не волнуйтесь, я уверен, мы утрясём это недоразумение…

Вечерние новости, кстати, всё не кончались. Теперь там показывали… Стаса! Господин Скребутан произносил какую-то речь, высоко подняв бокал с вином. Не спрашивая разрешения у полиции, я сел на плетеный диванчик.

— Ноги не слушаются, — сказал я умоляюще. — Эй, палачи, дайте отдохнуть.

— Врача вернуть? — наклонился Бэла ко мне.

— Выживу, — сказал я.

Он посмотрел на стереовизор и хмыкнул. Он посмотрел на Сикорски, на Лэна, на своих подчиненных, и принял решение.

— Хорошо, Жилин, я подожду у выхода. Надеюсь, обойдемся без трюков? Руди, проследи за ним.

— Да ты не волнуйся, уеду я отсюда. Вот отдышусь, и тотчас на вокзал.

— Сначала — в Управление, — напомнил мне товарищ Барабаш. — Мы должны оформить ваши показания… а также наши новые отношения… Молодой человек, — окликнул он Лэна, — пойдемте, побеседуем, как цивилизованные люди.

Он ушел, не пожелав мне здоровья.

— Это правда, — быстро стихал его голос, — что ваша матушка заказала для всех женщин, членов яхт-клуба, паруса-спинакеры в форме лифчика,

а всех яхтсменов мужчин обязала сшить спинакеры в форме…

По стереовизору показывали видеозапись, сделанную непосредственно перед взрывом денежного хранилища. Очевидно, ту самую, о которой давеча упоминал европейский канал. Станислав Скребутан, главный фальшивомонетчик планеты Земля, позировал перед телекамерой. «…Приходит врач, осматривает меня и спрашивает: может, у вас почечная колика? — увлеченно рассказывал он. — Минут десять этот врач крутит меня туда-сюда и снова спрашивает: а может, у вас не колика, а прострел, люмбаго? А я ему: может, друг, ты сам выберешь? Так давайте выпьем за то, чтобы наши болезни мы все-таки выбирали себе сами. Надеюсь, все поняли, о чем я?..» Оказывается, это был тост. Стас поднял бокал и чокнулся с лентой аварийного освещения. Что ж ты делаешь, друг, закричал я ему, ты же не выносишь телекамер!.. Снимали в подземелье, в полутьме, на пределе чувствительности: был виден вскрытый силовой щит, проложенные по стенам кабели, а потом изображение, дергаясь и с трудом фокусируясь, пошло гулять по бункеру, и стал виден складной столик, уставленный жратвой и выпивкой. «…Шпроты крупным планом,

пожалуйста, — звучал за кадром деловитый голос Стаса. — Шубу лучше наплывом…» Ах, да, вспомнил я, у тебя же сегодня день рождения. Праздник. «…Кто не знает: мы, немцы, не любим крепкое вино, — говорил Стас, — итальянские вина даже разбавляем, но сегодня не тот день. Конец антиалкогольному террору! Завещаю пересмотреть Естественный Кодекс в сторону здравого смысла, таково мое прощальное слово…» Опять он был в кадре. Театральным жестом он опустил на щите один из силовых переключателей, и подземелье с тяжким вздохом содрогнулось. Бетонная крошка посыпалась Стасу на волосы и в вино, тонкие очки спрыгнули с его носа. Тогда он до краев наполнил второй бокал, взял оба в руки, заглянул в объектив подслеповатыми глазами и улыбнулся: «Чуть не забыл. Если ты будешь пить за упокой моей души, считай, что я сказал тебе „сахар на дне“…» После чего выплеснул содержимое обоих бокалов на предохранители. Всё, конец записи.

Последняя реплика предназначалась мне. У тебя есть две птицы счастья, ответил я, большая и маленькая. И точки счастья в твоей жизни — большие и маленькие. Какая поставлена сегодня? Ты нашел самый простой способ обезопасить волшебные деньги от жадных исследователей, сжег

их — такая у тебя получилась эвакуация. Вечную молодость с одной стороны и тупую алчность с другой ты уравнял собой. Не в тебе ли — точка равновесия, спросил бы профессиональный утешитель Гончар. Да это же подвиг, воскликнул бы пропагандист Жилин. Но смогу ли я теперь хоть что-нибудь выпить даже за упокой твоей души, подумал я. Вот в чем вопрос…

— Их через катакомбы достали, — тяжело произнес Рудольф Сикорски. — Подвезли промышленные скорчеры и пробили завалы.

Он неожиданно оказался рядом: сидел на моем диванчике.

— Что-то в вашем раю сломалось, — позволил и я себе реплику.

Лейтенант нечаянно подвигал ушами, размышляя над ответом.

— Каждому Бог посылает испытание, жаль только, примириться с этим бывает очень трудно.

О чем он в действительности говорил? О судьбах своего мира или всего лишь о своей супруге, быстрой на руку?

— Вы так переживаете, Руди, — посочувствовал я ему. — Но в одном вы ошибаетесь. Может быть не скорчеры и не катакомбы помогли господину

Пеблбриджу вскрыть гнездо фальшивомонетчиков?

Он замер в неловкой позе, глядя на меня черными слезящимися глазами. Глазами большой умной собаки. Я вытащил из кармана скомканную записку, — ту самую, которую Сикорски подложил мне в карман мне возле дома Строгова, — и расправил её на коленях.

— Может, ваше правосудие восторжествовало благодаря этой маленькой дряни?

Долгим взглядом он изучал свой же текст. «ОНИ РЕШИЛИ ВАС УБИТЬ», — шевелились его губы. Потом опасливо взял бумажку, будто опасался обжечься. Потом он встал и пошел на негнущихся ногах — в ту сторону, куда удалился Бэла Барабаш, — потом побежал, сильно наклонив корпус вперед. Он был похож на охотничьего пса, взявшего след, и громадные уши его, казалось, подметали пол…

Зададим себе вопрос. В Парке Грез разве удалось мне сбежать от папы Марии? Нелепо было всерьез рассчитывать на это — меня просто отпустили. Зачем обкладывать зверя, ставить капканы и все прочее, если ловцам и так видно — где их зверь и с кем. Вот она, догадка! Лишь протрезвев, лишь почувствовав, что земля под

ногами опять стала твердой, я понял это. Опять меня пометили. Когда? И явилась догадка номер два, и душа перевернулась, и нашелся ответ на вечный вопрос «кто виноват»... Именно по записке, затерявшейся в широких штанинах, меня нашли у Мигеля Ангуло. А незадолго до этого — определили точные координаты входа в подземный город. О да, боевые археологи тщательно проверили, не излучает ли гость, не проявляет ли хоть какую-то волновую или химическую активность, прежде чем пустить в подземелье. Тем более, меня не мог не проверить полковник Ангуло, как-никак он в Бюро антиволнового контроля служил. Но! Если забытый в кармане мусор абсолютно пассивен, то есть ничего подозрительного не испускает, как распознаешь, что это — самая что ни на есть дрянь?

Забудем про вульгарные маяки. Моя новая метка была не просто пассивна, но и внешний сигнал не отражала (на этом основана работа «пылевого резонатора»). Она, вероятно, вообще никак не искажала сигнал, что также широко используется в системах слежения. Боже упаси! Такие сюрпризы, будь они хоть трижды пассивны, хоть злокачественно фригидны, все равно отлавливаются аппаратурой контр-слежения. А

у меня — бумажка и бумажка, какой с нее спрос? Теперь предположим, что этот комочек бумаги поглощает излучение полностью. Всевозможные детекторы его не видят, зато пара мобильных Z-локаторов, настроенных строго определенным образом, вполне способна засечь маленькую черную дырочку… Каких только деликатесов не припасено у нас для особо почетных клиентов. Ведь знал я о подобных фокусах! И не о таких знал. И Рэй не могла не знать. Что за тьма поглотила наши с ней рассудки?

Еще секунду назад все это было не более, чем логическими умопостроениями. И вот — получено блестящее подтверждение! Набравший скорость лейтенант Сикорски врезался в строй полицейских, как торпеда в борт крейсера. Грянул взрыв, с палубы посыпались чертыхающиеся люди. Из густого смрада воплей и проклятий вылетели два сплетенных тела, проехались по роскошному мозаичному полу до живой изгороди и остановились. Взбесившийся Руди сидел верхом на начальнике полиции и молотил кулаками, куда придется. Бывший комиссар-межпланетник визжал, как поросенок, и пытался достать соперника ногами. А ведь он не мальчик был, Бэла Барабаш, его ведь обучали, как и меня. Записка была наса-

жана на пуговичку на его плече — вместо погона. За все надо платить, подумал я, встал и пошел.

Я пошел к выходу.

Никто не обратил на меня внимания: личный состав в полном составе бросился разнимать дерущихся. Я испытывал к ним жалость. Вот так просто взять и унять благородную ярость? Ну-ну, ребятушки, трудно же вам придется… «Ты что мне говорил!.. — оглушительно шипел лейтенант Сикорски. — Ты что мне пел, рогатый!..» Прощай, хороший человек, мысленно кивнул я ему. Много переживший, если врач Гончар не перебрал с поэтическими преувеличениями. За все надо платить, в том числе за добрые поступки, противоречащие служебным инструкциям. Я понимаю: тебя обманули. Твою порядочность использовали, как и мою мнительность. Тебя раздирали противоречия, но ты доверчив. Записку передал Бэла, тет-а-тет, обставив просьбу правильными словами, и ты поверил… «Поздно!.. — шипел Сикорски. — Теперь всё — поздно!..»

Лэн благоразумно стоял в сторонке, скрестив на груди руки. Он бесстрастно наблюдал. Прежде чем дать деру, я успел перебросить с ним парой слов.

— Как насчет Ленинграда? Не передумал?

— Спасибо, — ответил он. — У вас там и без меня хватает писателей.

— Тогда прощай, дружок.

— А мы еще встретимся?

— Когда-нибудь я проедусь на поезде по твоему Новому Метро, — соврал я. — Учись скорее.

Торжественность момента была смазана. Мальчик с тоской смотрел мне вслед, он все понимал. Я вышел наружу, и никто меня не остановил, не окликнул.

На площади что-то происходило. Неподвижная толпа наполняла парк, группируясь возле взорванного памятника, и оттуда, из молчаливых глубин, неслись одинокое гортанное пение. Полиции не было, вся полиция была внутри отеля. Разрезав скопище зевак выставленным вперед плечом, я добрался до эпицентра.

Голый мужчина, измазанный голубой краской, лежал на вершине каменной груды и просветленным взглядом смотрел на закат. То есть совершенно голый. Голова запрокинута, лицо заклеено биопластырем. Второй мужчина в набедренной повязке и алой накидке поверх плеч стоял возле первого на коленях, он раскачивался, с трудом удерживая равновесие, и тянул голосом нечто заунывное. Алая накидка была

ни чем иным, как украденным из гостиницы покрывалом. А перед ними, раскинув по склону телескопические опоры, вполне устойчиво стоял трехногий этюдник, приобретенный, как видно, в одной из художественных лавок. Коробка этюдника была закрыта, поскольку живописать здесь никто не собирался; эта штуковина выполняла всего лишь функцию подставки.

На которой покоились выброшенные мною Буквы…

Кошмар плодился и плодился.

Тот парень, который лежал, был Куихом, живым богом, предназначенным для заклания. А второй, стоявший на коленях, был, разумеется, этнографом Паниагуа, по совместительству жрецом-накомом. Они не замечали меня, не замечали собравшихся вокруг людей, они видели что-то свое, что-то величественное, грандиозное. Может быть они были сейчас у подножия горы… как там ее… Хакавиц-Чипаль, возле стелы Э, на жертвенных ступенях Храма Маиса? Или, чего уж там, непосредственно в Семи Пещерах, вожделенном индейском рае? Груда обломков была языческой пирамидой, а этюдник… Чем был этюдник с положенными на него камнями? Не иначе, как Владыкой Черепом, чем же еще. Могли

ли они увидеть в камнях что-то другое? Я, значит, их выбросил в приступе мозговой слабости, а эти счастливчики — подобрали. Сбылась мечта очередных идиотов.

Их боги жаждали крови. При огромном стечении туземцев жертва, выкрашенная священной голубой краской, была вознесена на вершину пирамиды и брошена на алтарь из черного камня. Наком Феликс руководил церемонией. Вот-вот наступит время пить и веселиться, веселиться и пить… Эх, коллеги, коллеги, чем вы опоили этих сильных парней? Обычно туземца, которому выпала честь стать богом, охраняет целый отряд соплеменников, чтобы тот не смылся, и на алтарь, понятное дело, человека укладывают насильно… здесь ничего этого не понадобилось, жертва все сделала сама!

Кто-то из зрителей вдруг сказал встревожено:

— А что это у них на треножнике?

— Точно! — отозвался кто-то с другой стороны. — Эй, смотрите!

— Приемник и слег… — прошептали сзади меня.

— У них там что, слег? — с придыханием спросила меня дама в цветастом платье-халате, показывая на этюдник; она была очень взвол-

нована.

И пошел шепоток в толпе, перерастающий в возбужденный гул: «Слег… слег… слег…»

— …Целая коробка!

Думаешь, на всех хватит?

— Простите, что вы сказали? На всех не хватит, да?..

Что с людьми творилось? Люди стояли вокруг, не вмешиваясь в творимое на их глазах безумство, и заворожено смотрели на этюдник с Буквами…

Когда Паниагуа оборвал пение, я прыгнул вперед. В руках этнографа был топорик из зеленого нефрита, взявшийся невесть откуда. Камень, почитаемый индейцами гораздо выше золота, светился в лучах заходящего солнца. Киух блаженно ждал неизбежного — и дождался, счастливец. Натренированным движением наком рассек жертве грудную клетку… Я опоздал. Однако вытащить сердце и окропить им ступени пирамиды — нет, голубчик, этого удовольствия вам испытать не придется! Паниагуа мешком покатился вниз, запутавшись в своем одеяле. «Держите придурка! — швырнул я в пустоту. — Есть тут кто живой?» Тебя спасут, подумал я, стараясь не видеть страшную рану на груди ду-

шевнобольного. Ведь ты совсем еще молодой парень, Киух. «Домой…» — шевельнул он губами, осмысленно глядя мне в лицо. Тебя обязательно вытащат, думал я, рассовывая космические камни по карманам.

Времени не было, ни секунды лишней! Помочь здесь я уже никому не мог, поэтому, разметав бездушные манекены, расставленные на моем пути, — или это были гигантские, в человеческий рост кегли? — я бросился к проспекту Ленина.

Глава двадцать третья

Я ведь не хотел сюда ехать, отчетливо вспомнил я. Операция «Время учеников» не вызывала у меня ничего, кроме недоумения. Однако же — поехал. Зачем? Что-то вдруг потянуло меня в этот город, и Дим Димыч — только повод, кстати подвернувшийся. Если бы не было Строгова с его абулией, я все равно бы сорвался с места. «Вас вызвали…» Я ужаснулся, потому что сомнения исчезли.

Оказывается, я до сих пор не верил. Это невозможно! — хихикал карлик в моей голове. Я не верил в чудо, хоть и числился фантастом. Стас мечтал, чтобы деньги перестали разъединять людей, и однажды он взял Буквы в руки. Оскар тоже, пусть и случайно, подержал Буквы в руках, и теперь тело Странника покоится в ведомственном морге. Наконец, Дим-Димыч с его Пиком Строгова… Все сложилось.

У какого писателя так было? Что ни придумаешь — сбудется, сложится в точности! Писатели, бывало, предсказывали будущее, причем, довольно конкретно, с именами, названиями и местами

действий: взять ту же катастрофу с «Титаником». Предсказывали, и не больше! Но творить будущее самому? Как не сойти с ума, как не потерять голову от собственной власти? Реальность — это паутина, дернешь на одном конце, отзовется на другом. Возможно ли учесть все мельчайшие, невидимые взаимосвязи и взаимозависимости?

Власть творца ограничена его фантазией. Недостающая, третья буква в Слове — это и есть фантазия творца! Разгадка проста. Вот почему никто не мог ее найти. Вот почему солидные, рассудочные люди в галстуках обречены на проигрыш в своих отчаянных поисках. Какое счастье, что абсолютная власть — не для них. Тогда для кого?

Чувство колоссальной ответственности сгибало меня в дугу. Эту тяжесть просто не с чем было сравнить. Хотелось лечь на остывший асфальт, а еще лучше — в противоперегрузочное кресло.

— Вам плохо? — услышал я.

Обращались ко мне. Некто с белой повязкой на рукаве всматривался в мое лицо, не очень надеясь на ответ. Впрочем, это не повязка у него была, а ночной колпак, бинтом примотанный к руке. Из бодрецов, что ли?

— Плохо, — честно сознался я.

— У вас обычно повышенное давление или пониженное? — сразу засуетился он.

— Друг, — сказал я ему, — ты хороший человек, но ты не мельтеши, я справлюсь с этим сам…

Сломанный автопилот вынес меня к маленькой открытой эстраде. Море было где-то рядом, настойчиво билось о берег. На сцене, вцепившись обеими руками в микрофон, изгибалась крючком тощая бесполая фигура. Тоскливый голос разносился над скамейками:

— Неделя заканчивается, а результат далек от ожидаемого. Катастрофа ли это? Конечно, нет! По-другому и быть не могло, слишком глубоко вошли в нас привычки. Надежда на чудо сконфуженно удалилась, зато осталась вера в работу. В каждодневные скучные занятия, требующие большого напряжения воли. Когда мы сражались с хроническим бронхитом и ослаблением иммунитета, мы победили. И теперь победа будет за нами, потому что мы получили в качестве оружия методику, логичность которой не вызывает у нас сомнений…

Кого этот человек пытался убедить? Себя? Скамейки были пусты, ни единого слушателя.

Зажглись уличные фонари. В южных городах темнеет почти мгновенно.

— Я тебе не мышиный король! — фальцетом прокричал кто-то из-за кустов. — Не мышиный!

— Как, кстати, твоя печень? Тоже хвостиком махнула? — ласково осведомился невидимый оппонент.

— Да вы все завидуете мне! Вас пожирает зависть!.. — голос за кустами сорвался. Там была истерика.

А ведь писатель Жилин тоже брал камни в руки, подумал я. О чем ему в тот исторический момент мечталось? О том, что Будущее должно быть простым и понятным! Красивый, целебный сон. Так не нужно ли его закрепить, чтобы вылечить мир наверняка? Сесть на скамеечку, спокойненько, без нервов, достать из карманов ЭТО — проще не бывает... Или, якобы мечтая о Будущем, Жилин представлял на самом деле, как взглянет в глаза пойманному убийце? В испуганные поросячьи глазки. Он хотел взять зверя за горло — и взял. Желание сбылось. А до того Строгов позвонил в отель, *сам* позвонил. Строгов ожил — еще одно желание долой. А разве не хотел скромняга Жилин, чтобы исчез с лица земли этот позорный монумент, этот фальшивый «Идеал», смущавший его рассудок? Желание номер три... Черт возьми, может у меня быть свой Пик Жили-

на, человек я или кто! Но имею ли я право быть творцом, подумал писатель Жилин…

Взору открылась еще одна эстрада, на этот раз побольше. Призывная надпись: «ДУШЕВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» горела впустую, ибо сцена была пуста. Зато на скамейках сидели и лежали люди, много людей, над которыми хлопотал десяток женщин. У каждой был опознавательный знак в виде белого колпака, наспех подвязанного к рукаву.

— Что с ними? — поймал я одну.

— Приступы, кризы, обострения, — устало сказал она. — Вы медик?

— Нет, милая, — ответил я. — Именно эту из множества профессий я не успел освоить.

Здесь был полевой лазарет. А Секта Неспящих, как видно, вся поголовно записалась волонтерами. Мужчины с такими же нарукавными знаками приносили все новых и новых пострадавших. Я вдруг увидел знакомую врачиху, супругу лейтенанта Сикорски, — она сосредоточенно делала кому-то массаж головы. Я подошел. Ее пациентом был представительный мужчина, сидевший с кожаным портфелем на коленях, терзающий пальцами этот свой портфель так, что за вещь становилось страшно. Пациент глядел в одну

точку и тупо повторял: «Только естественное… Только естественное…»

— Привет, — сказал я. — Помощь нужна?

Мадам Сикорски коротко взглянула:

— От вас — нет.

Ведьма без возраста заметно постарела.

— Я умею горшки выносить, — не отступил я. — А еще могу делать уколы и перевязки. Почему вы гоните меня, целительница?

Она никак не отреагировала. Я ждал, ждал, а потом сказал в никуда:

— Вообще-то место пострадавших в больнице. Как и врачей.

— Это не пострадавшие, это вполне здоровые люди, — все-таки ответила она. — Вы что, ничего не понимаете?

— Чего я не понимаю? — спросил я.

— Абстиненция, — сказала она. — У всего города.

— Больницы переполнены действительно пострадавшими, — сказала сбоку другая женщина. — От Университета весь день возили. Мест не хватало, так их в школы, в отели…

— Я только что из «Олимпика», — удивился я. — Ничего не заметил.

— Ваш «Олимпик» приказали не трогать, —

опять подала мадам Сикорски. — Кто приказал — вы лучше меня знаете.

— Вы-то почему не в больнице? Врачей, наверно, тоже не хватает.

— Не ваше дело, — рубанула она. — Я уволилась. Послушайте, вы же мешаете, нервируете нам людей.

Я был здесь не нужен. Девочка, улыбнулся я ей, зачем грубишь старикам? Ведь ты — хороший человек. Вчера ты наградила начальника полиции пощечиной. Эх, знала бы ты, что с ним сегодня сделал твой муж… Я засмеялся. Женщина подумала — над ней:

— Вон отсюда, — сказала она холодно.

Вон — это куда? Туда, куда пешеходная дорожка ведет, решил я, возвращая управление автопилоту…

Да, город сильно изменился. Известие о том, что денежное хранилище сгорело, странным образом повлияло на людей. Безволие затопило побережье — наводнение, зона бедствия. Истерика и вялость, равнодушные лица и вернувшиеся болезни… и еще — люди вновь увидели слег! Или люди вновь захотели слег?

Это была «ломка».

Абстиненция, сказала грамотная врачиха. Зна-

чит, не таким уж эфемерным оказался бумажный организм, рожденный фантазией бухгалтера-романтика! Если есть «ломка», значит, была и токсикомания, это очевидно. Деньги были нервной системой, привязавшей нравственных людей друг к другу, посредником между нами и… чем? К какой субстанции пристрастились праведники, ставшие вдруг здоровыми? Страшный, прямо скажем, вопрос.

Мне-то почему плохо? У меня что, тоже абстиненция? То острейшее чувство вины, которое лишает меня воли к жизни… Кони Вардас, Стас, Анджей, юный таможенник. Теперь — индеец Киух. Феликс Паниагуа был сведен с ума при помощи волнового психодислептика, а я допрашивал его с помощью «отвертки». Применять недопустимо, обронил всезнающий доктор Гончар, а я применил… «Mea culpa» [18], — готово было сорваться с моих уст, хоть и не был я католиком, ни даже христианином.

Сядь на скамеечку, вкрадчиво напомнил мне Странник. Давно пора, Ваня. Вытащи камни из карманов и поправь, что сможешь…

Лист бумаги прибило ветром к моему лицу. Я

---

[18] Примечания: 18
«Моя вина», — слова из исповедальной молитвы (лат.)

смахнул его и обнаружил в нескольких шагах от себя пожилого человека, который сладострастно вырывал страницы из какой-то книги.

— Мерзость обыденности сжевала меня и выплюнула, — сообщил он мне, словно я его о чем-то спрашивал. — Птичку жалко.

— Какую птичку?

— Если мнение существует, то разделяют его только полные идиоты, — отрезал он. — Теперь понял, какую птичку?

Книга, которую он мучительно убивал, имела название: «Даосские уроки. Сексуальная энергия на службе мироздания». Спокойно, это не всерьез, подумал я. Мир переломается, и уйдут дикие симптомы… Два санитара в ночных колпаках тащили кого-то под руки — я рванулся к ним:

— Эй, по-моему, вон тому бедолаге нужна помощь.

Они остановились и посмотрели.

— Ну так помоги! — зло сказал один. Второй просто переводил дыхание.

Я побрел дальше. Как же легко разрушилось царство вечной молодости, созданное Словом с планеты Strugatskia! Достаточно было умереть творцу этого царства. И вообще, когда покойник пытается изменить мир, ничем здоровым это

кончиться не может…

Стоп, стоп, стоп, решительно встряхнулся я. Подойдем к проблеме с другого фланга. Начнем ab ovo[19] — с предложения, сделанного писателю Жилину еще весной — гигантский информационный консорциум, именуемый, как это ни смешно, «Словом»… (Тысячи организаций, контор и даже торговых палаток по всему миру именуют себя точно так же, надеясь, что приобщаются к вечности.) Жилина попросили написать что-то вроде продолжение «Кругов рая», на вкус автора. Рассказать народу, чем сейчас живет эта маленькая страна, в одночасье вставшая, после стольких лет мрака, на светлый путь развития. Ходят слухи о каких-то удивительных изменениях? Посмотрите своими глазами и опишите, уговаривали Жилина в издательстве, ибо читательские массы проявляют живейший интерес… А «Слово», как нам хорошо известно, создано под орлиным крылом евразийского Мирового Совета. В противовес группе «АКТ» (и всем, кто за ними стоит). Оттого — суровые меры безопасности, разведка и контрразведка, конспиративные телефоны в чужих городах и прочие игрушки. Аналитические

[19] Примечания: 19
От яйца (лат.)

центры под видом редакций, разветвленная сеть филиалов и местных отделений. ООН пока еще нас терпит, говорили в кулуарах, война пока еще не объявлена, но…

Ох уж это «но», подумал я, остановившись. Взять бы и овеществить бархатную победу. А что? Всё в этом мире было сначала кем-то придумано, игриво толкнула меня Рэй. Ближайшая скамейка затаилась в тени старой туи, свет фонарей обтекал ее стороной… Подожди, не отвлекайся, одернул я себя.

Не так чтобы Жилин согласился, не было такого. Посмотрю, сказал он, и решу на месте, заключать ли договор на ненаписанную книгу. И тогда дружище Эмми, прослышав, что русский друг Иван все-таки отправляется в эту страну, устроил прощальную встречу. С глазу на глаз, никого лишнего. Он попросил бывшего оперативника разыскать его возлюбленную, канувшую в здешнем соленом воздухе. Конфиденциально. А уж разыскав — передать девушке его искренние извинения и сказать, что он на коленях умоляет ее вернуться. Просьба была несколько необычной, и вовсе не потому, что брошенным мужчиной был глава Мирового Совета, а потому, что возлюбленную звали Рэй. Агент-вундеркинд,

она же — перебежчик, предатель, двойная звезда. Впрочем, простодушный Эммануэл не скрывал ее послужной список, да и с какой стати это скрывать? Давай портрет, потребовал Жилин. А портрета нет, сконфузился Эммануэл. Ни изображения, ни вообще хоть сколько-нибудь внятной информации об агенте по имени Рэй — все стерто. Она исчезла бесследно, уничтожив память о себе с параноидальной тщательностью профессионала, не пощадив данные домашней телеметрии всех резиденций, где бывала. Фоторобот, не сдавался Жилин. Хотя бы рисунок! Э-э, восклицал товарищ генеральный секретарь, она без маскировочной оболочки по гостям не ходила, только в моей спальне вторую кожу сбрасывала, никто ее мордашки не видел, а из меня — какой художник? И вообще, кому доверишь фоторобот делать? Так что, Иван, ничего тебе, кроме просьбы и самых добрых пожеланий…

Зачем Рэй так поступила, и почему Эммануэл развел вокруг ее исчезновения такую бодягу? «Никому не доверишь». Получается, он все знал?

Ну, не все, конечно. Однако с Рэй был знаком близко, источник информации — под боком. Под мышкой. Может, девочка болтает во сне? Так или иначе, но якобы простодушный Эмма неплохо

ориентируется в том, что происходит в чудесной стране, — это факт. Ему вполне могли донести, что Странник к Жилину неровно дышит. То же самое, очевидно, донесли и Оскару. Оба стратега понимали, что неуловимый Странник ловится на Жилина, и оба они использовали известного писателя втемную. Так кто из вас на самом деле организовал это путешествие, этот тринадцатый круг рая?

Эммануэл почему-то был уверен в Жилине. Их и правда многое связывало… но это неважно. Долой прошлое, шагаем в будущее. Итак, чем мы ответим Эммануэлу? А мы, наоборот, не будем его использовать, ни втемную, ни в открытую! Таков наш ответ.

Я чуть не расхохотался. Страшна была придуманная мною месть…

Рядом семенил очередной юродивый, искательно заглядывая мне в глаза. На груди его болталась здоровенная табличка: «ПРОТИВ КАТАСТРОФЫ ТЕЛА».

— …А я скажу, что я просто жить хочу! Если отторгаешь хоть что-то вокруг, значит отторгнут и тебя. Порвешь ниточку, связывающую тебя с Богом, и выпадешь из самой совершенной из систем. Это мучительная, растянутая во времени

гибель. Так почему человек вечно с чем-то не согласен в своей жизни! Почему среди тех семи инстинктов, которые вложил в нас Создатель, не нашлось места самому важному — инстинкту покорности судьбе?

Последнюю фразу человек выкрикнул, конвульсивно дергаясь.

— Вы мне? — спросил я его миролюбиво. — Я ведь согласен. Но чтоб покориться судьбе, разве не надо ее ощутить? Побороться с ней…

— Вы простите, я наблюдал за вами, — тут же сбавил он обороты. — Я слышал, как вы разговаривали с этим сумасшедшим «юным натуралистом», — он не сумел скрыть презрения. — А потом вы разговаривали с бодрецами. Потому я и посмел к вам подойти.

Пожилой кретин, вырывавший страницы из книги, был «юным натуралистом»? В самом деле — «Даосские уроки», «сексуальная энергия»…

— И правильно сделали, что подошли, — сказал я. — К кому еще вам было подходить? Я тоже против катастрофы тела.

Человек на глазах успокаивался. Хоть кому-то мне удалось сегодня помочь.

— Чтобы жить иначе, — доверительно сказал он, — нам нужно было думать иначе. Нужны

иные реакции, иные рефлексы. Вероятнее всего, нужны еще и другие инстинкты. Об одном из них я уже упомянул — инстинкт покорности судьбе. Увы, Создатель не предусмотрел для нас возможности жить и думать иначе… Вы кого-то мне напоминаете, не могу вспомнить, кого…

— Есть такие лица, похожие на все сразу, — сказал я. — А вы, значит, утверждаете, что инстинктов — семь штук? По кому считали, по Юнгу?

— По Гарбузову, конечно, — кивнул он. — Я, простите, совсем ведь о другом хотел… Как вам удается так хорошо держаться? Вы на этой аллее, как будто инопланетянин. Не посоветуете что-нибудь?

— Меня долго учили терпеть и отучали думать, вот и весь секрет, — пошутил я. — Перед вами — бывший солдат.

Человек изменился в лице.

— Солдат… — выдохнул он. — Как красиво…

Его повело вбок, он сошел с дорожки, уперся своей табличкой в шест с указателем и остался стоять, обалдело повторяя: «Солдат… До чего же точно…», и я не стал его дожидаться.

Почему Эмма был так уверен в русском друге Иване? Неужели не знает, какой тип женщин тому нравится? Этого не может быть. Или наш стра-

тег — просто дурак? Может ли быть НАСТОЛЬКО просто? Почему бы нет, если человека раз за разом переизбирают генеральным секретарем. Дурак в кресле председателя — бесконечно удобная величина…

Два молодых подтянутых парня легко обогнали меня.

— А я говорю, на этой стране можно поставить крест, — донеслась из полутьмы энергичная реплика. — Второй попытки не будет.

— Идите вы все в задницу! — ответил оппонент. — Почему вместо «НАША страна» вы вечно говорите «ЭТА страна»? А потом у вас еще хватает совести ныть и жаловаться?

Я посмотрел им вслед. Ни вялости, ни психоза не было в их сильных уверенных голосах. Было остервенение, сжатое в тугую пружину. Я вдруг вспомнил Лэна. Я вспомнил, что тотальная «ломка» никак не затронула моего юного друга, и я изумился: почему я подумал об этом только сейчас? Если Лэн остался прежним, значит, есть и другие, молодые и здоровые духом ребята, которых не подчинила чужая жизненная сила, и таких, вероятно, немало наберется, а значит, и вторая попытка у этой страны будет, а если потребуется, то и третья…

Сомнения исчезли.

Я специально выбираю скамейку глубоко в тени, чтобы никто не увидел, не помешал. Буквы ложатся на сомкнутые колени. Мир вылечит только чудо, это ясно. Что еще я могу предложить, кроме чуда? Если имеешь возможность, значит, имеешь и право, говорит мертвый Странник. Возьми Буквы в руки, добавь к Ним третью, и увидишь, как крутанутся вокруг тебя звезды…

Глава двадцать четвертая

Звезды вдруг крутанулись, и приходится включить маневровые капсулы, чтобы остановить беспорядочное вращение. Странник — жив-живехонек; собственно, Странником он еще не стал, он был просто трудолюбивым мальчиком, одним из тысяч мальчиков пространства, уверенных, что любимое дело — это единственная радость в жизни. Безмолвное пламя, в несколько секунд пожрав гигантскую атриумную конструкцию, перекидывается на все, что рядом. От титановой ячейки, которую бригада так и не успела собрать, остается только космический газ. Болезненно белый язык бежит по силовому кабелю, слизывает аппарат для вакуумной сварки, рвется и к нашему человечку в скафандре, но — не достает… Космос слишком большой, чтобы быть настоящим, он кажется студийной декорацией — обычное чувство, одолевающее изредка даже опытных межпланетников. Маневровые капсулы на бедрах работают на полную мощность. Черный провал… Случайный астероид прерывает бессмысленное движение в никуда. 557 миллионов километров

до Солнца (при средних 465-ти), период обращения — 5 лет и 5,7 месяца. Эксцентриситет 0,198. В настоящий момент здесь астрономическая зима. Ничтожная пылинка в Космосе: если смотреть с Земли, блеск ее составит 16,6 звездной величины. Обреченный сварщик, разумеется, не знает параметров этого небесного тела, не знает он также причин катастрофы. А ведь «Сито» заполыхало из-за того, что офицеры одной из готовых ячеек попытались столкнуть с орбиты именно этот астероид, догнавший исполинскую ловушку. Казалось бы, штатная ситуация. Но кто же мог предположить, что люди в тот роковой час столкнулись с главной планетой Солнечной системы, пусть и считается она «малой»! Небесное тело прошло сквозь блок-поля, сквозь титан и плазму, не заметив преграды, попутно освободив из плена все остальные малые планеты, — и на том завершился проект «Сито». Вот куда волей случая (случая ли?) занесло нашего мальчика. Впрочем, все это он еще увидит, а сейчас он знает только то, что воздушной смеси остается на сто тридцать три минуты. Этот крохотный мир и станет моей могилой, думает он, хватаясь за возникшую под его брюхом твердь. Ужасно обидно…

Очередной провал длиною в месяц. Развернут

поиск тел, упавших в черную бездну: десятки спасательных шлюпок наугад прочесывают пространство. Спасатель Пек Зенай садится на астероид, поймав слабый сигнал аварийного маяка, вмонтированного в скафандр жертвы. Погибший вакуум-сварщик лежит на спине, раскинув руки и сжав гидравлическими перчатками два невзрачных каменных обломка. Манипуляторы переносят жертву в шлюпку, вскрывают скафандр, помещают труп в холодильник, а уже на подлете к кораблю-матке труп самостоятельно выползает из холодильника… Пек впервые в жизни нарушает служебный долг, умудряясь скрыть от всех невероятный факт спасения. Он прячет существо, обнаруженное на астероиде, потому что безоговорочно поверил ему… Чудом выживший мальчик, ставший в один жуткий миг мужчиной, желал забиться поглубже в нору, чтоб быть подальше от людей, принимающих решения. Чтобы никто и никогда не сказал ему с вежливой угрозой: «Заранее благодарим за сотрудничество». Вот почему он живет в спасательной шлюпке Пека до самого возвращения на Землю…

Пек изредка берет камни в руки, рассматривая их. Никаких камней, разумеется, он не видит:

Буквы явились ему в виде роскошной коробки конфет и бутылки шампанского. О чем он в эти сладкие моменты думает и мечтает, какие картины рисует его фантазия? При подходе к Луне спасатель Зенай второй раз нарушает служебный долг, сбросив шлюпку с корабля, за что после месяца разбирательств его и выгнали, навсегда вычеркнув из реестра космопроходцев. Третий и последний раз Пек нарушит долг уже на Земле, но позже, много позже… А крохотный летательный аппарат с тайным пассажиром на борту входит в атмосферу Земли и совершает аварийную посадку на территории Мексики, в густых лесах Юкатана. Артефакты надежно разделены: один камень остался у Пека, второй — путешествует с Юрием по землям легендарных майя. Затонувшая в болоте спасательная шлюпка, нищие индейские деревушки, банды черных археологов, одну из которых возглавляет сотрудник Индеанистского института Феликс Паниагуа, затем долгий плен, — мелькают сюжеты и персонажи, стремительно листаются главы авантюрного романа. Обломок чужой планеты явился индейцам в виде их святыни, потерянной, казалось бы, навсегда. Но ведь этот Холом-Ахпу — ложный, космическая подделка. Где настоящий? И был ли настоящий,

имеют ли легенды реальное основание? Сейчас посмотрим — слегка напрячься… Не отвлекайся, звучит голос строгого наставника. Хватит с нас романов! Но почему, почему? Именно в плену Странника первый раз неудачно убивают, пытаются зарезать, не зная, с кем имеют дело. Спасает его Мигель Ангуло, занимавшийся в то время транснациональной сетью контрабандистов и взявший банду Паниагуа. На целый год Мигель становится лучшим другом русского уникума, бережно доставляет его в Европу, и уже там, на побережье Средиземного моря, травит своего друга новейшим психотропным средством, — неудачно, разумеется…

Что действительно важного есть в этой истории? Слег. Спасатель Пек Зенай. Увы, не смог Странник уберечь первого из своих адептов, ведь в момент их знакомства не был он еще Странником. Пеку Зенаю многое в мире не нравилось. Горячий и агрессивный, он видел для человечества только экстремальные пути выхода из тупика. Нужна селекция, твердил он. Маленькая и удобная машинка иллюзий, которая сильнее любого наркотика подчинит сознание подлецов и выродков. Чтобы убийца лег на диванчик, подключился трясущимися от нетерпения руками

и отправился безнаказанно открывать новые грани жизни — в свою реальность, где он Дьявол. Чтобы душонка его не захотела возвращаться обратно. Чтобы все они, с больными душонками, ушли в свои сны и там тихо передохли. Запросто, радовался Пек, классная идея! Человечество очищается от грязи, остаются только сильные духом и приятные во всех отношениях люди. Рождается Он, Человек Будущего… За все надо платить, в особенности за реализованные мечты. Спасатель Зенай заплатил. После его смерти артефакт попадает в подземное хранилище МУКСа, в руки шальной и крайне любопытной практикантки с мужским именем Рэй…

Вы хотели увидеть прошлое и вы достаточно его насмотрелись, говорит Странник. Не пора ли заняться делом? Вселенная ждет. Что нужно сделать, чтобы человечество объединилось, озабоченно спрашивает Жилин. Нужно, чтобы кто-то этого захотел (приходит ответ). Единое правительство и отсутствие войн, решает тогда Жилин. Начнем с малого: покончим с двоевластием. Ау, господин Оскар! Ты слышишь меня, рыжий карлик? Наш Мировой Совет будет руководящим органом всей Земли — решено. А главными героями Будущего станут дети, это

ведь так естественно и просто. Например вот этот упорный и смышленый мальчуган, который ползает по дому со своей восхитительной самодвижущейся дорогой, который знать не знает, какую ему можно придумать судьбу. Так что Новый Человек нам не понадобится, достаточно того, который есть. Жесткая система естественного отбора, прав был Строгов. Вечная молодость — по одну сторону границы; удовольствия, разрушающие мир — по другую; а ты выбирай, с какой стороны тебе больше нравится жить. Лучший стимул быть нравственным — это выгода. Что ещё? К пику Строгова на Венере мы все-таки прибавим памятники Дим-Димычу по всей Земле — например, здесь, перед гостиницей. Зато памятников Жилину — чтобы ни одного! Ей-богу, это лишнее. И никаких гипноизлучателей на геостационарных орбитах, коллега Банев, оставим твой юмор висельника для книг прошлого века. И нечего рефлексировать, милый мальчик Юра, будто мы навязываем кому-то свои фантазии. Неуверенность в своем праве? Ату ее. Мы с тобой коммунисты или нет? Мы знаем, каким должно быть Будущее, это право дано нам Богом.

Это право дано нам Богом…

— Вам нехорошо? — участливо спрашивает

некая темная личность, с вожделением поглядывая на камни. Что ей там видится, бог весть, ясно только, что вопрос был задан вовсе не с добрыми побуждениями. Время катастроф — это и время мародеров.

— Главное, чтобы вам было хорошо, — кричит писатель Жилин, бесстыдно дурачась. Он решительно прячет камни в карманы. Мародер пятится, трусливо хихикая.

Радость, абсолютно ничем не мотивированная, комом стоит в горле. Эйфория — это, знаете ли, симптом, вспоминает Жилин и озабоченно думает: «Вот что, не сойти бы мне с ума». Когда человек постоянно обращается к себе в третьем лице — это тем более симптом, но когда автор подменяет себя героем, придуманным собой же, — это чревато потерей собственного Я. «Вот что, — озабоченно думаю я, — не забыть бы мне вернуться…»

Что я тут нагородил, с веселым ужасом продолжает думать Жилин. Стоит только помянуть Бога, обязательно находится кто-то, возомнивший себя «богоизбранным», и начинает раскачивать мир, лишая его реальности. Реальность превращается в сон, и почему-то этот сон всегда оказывается кошмаром. Поставим вопрос ребром: придумать

человеческую историю — цель благородного человека или фанатика?

Жилин смеется в голос, пугая бредущую мимо парочку. Парочка обнимается.

Нет, почему обязательно кошмар (возражает он себе). Национализация здоровья — это же так прогрессивно. Большевистский мир вечной молодости. Отобрать у одних и раздать другим — очередной виток исторической спирали. Но как же оно все грустно, как же оно все страшненько… (Жилов вздыхает, тщетно стараясь загрустить или напугаться.) Кстати, в эту логичную схему не вписывается Гончар! Лучший в городе инструктор, который вполне реально изменяет людей даже без помощи волшебных денег. Который внутренне улыбается невеждам — вместо того, чтобы топтать или высмеивать их; который научился наносить повреждения прежде, чем лечить. Почему каждая из противостоящих сторон нуждается в нем? Потому что он — посередине. Шелест листвы он оценивает одновременно и как поэт, и как физик. Он нашел свою точку равновесия, этот простой врач из амбулатории… Не таким ли и должен быть Новый Человек — человеком посередине? Homo Medialis. Не бродит ли уже Новый Человек среди нас и не взирает ли с

внутренней улыбкой на наши тщетные попытки придумать его?

Жилов с надеждой озирается. Из-за блока солнечных батарей, свернувшихся в огромный бутон, осторожно выглядывает знакомая темная личность, но это, увы, не Homo Medialis. Мародер шепотом переговаривается с кем-то по радиофону. Жилов приветливо машет ему рукой и рявкает во всю мощь тренированных легких:

— Освободите, пожалуйста, мне пространство и время!

Затем целится в живую мишень указательным пальцем.

Странная просьба широко разносится по аллеям и тропинкам… и струсившего зрителя больше нет.

Что делать со Словом, вот о чем надо сейчас думать, строго напоминает себе Иван. Оставить камни в своих карманах? Подарить хорошему человеку? Сдать в литературный музей? Вот уже во имя божества по имени Суперслег и человеческие жертвы приносят. Ты этого хотел, Юрик? Безумье души…

Нет, все-таки попробуем серьезно. Давно люди голову ломают, как бы это всем вместе прожить без войн, одной семьей и тому подобное. Социаль-

ное объединение не получается, следовательно, самый очевидный путь — биологическое объединение. Человечество, как единый организм с единым разумом. Однако нужна ли нам конвергенция в таких уродливых формах, останутся ли в результате люди — людьми? Рассмотрим другой вариант. Человечество охватывается физическим полем чьего-то желания, то есть объединяется наподобие электронной схемы. Кванты желаний, соединившись в один пучок, дадут людям Новый Порядок, каким бы он ни был. Пусть кто-то станет в этом схеме Тем, Кто Крутит Ручки. Кто-то один, разумеется. Удобно жить в мире, который является чьей-то мечтой, не правда ли?

Таким образом, поле желания рождает не исполнение желания, а того, кто берется это желание исполнять. Поле желания рождает Бога.

Я, кажется, хотел серьезно? Это трудно. Столько эпох потерянные люди искали своего господина! А Он, оказывается, живет на малой планете с труднопроизносимым именем Strugatskia, которую не вдруг отыщешь в циркуляре. Или этот астероид и есть Бог?

Не ложный ли, спрашивает себя коммунист Иван Жилин. Сколько раз ложные боги бросали людям Слово, а в мире ничего не менялось…

Нескончаемые сомнения — плод болезненной веселости, ибо опять пришло время принимать решение. Что делать с сокровищем? Человек, убивавший других людей — не совсем полноценный человек, острая заноза сидит в его рассудке, с которой ему жить (это бывший агент Иван Жилин о себе размышляет). Можно ли подобным людям доверять божественные рычаги? К кому пойти, с кем разделить чудовищную тяжесть?

Название Strugatskia странным образом перекликается с фамилией Строгов. Значит ли это хоть что-нибудь?

У Дмитрия Дмитриевича я уже был, думает Иван, этот путь пройден. Тогда — на вечерний пляж? Выбросить камни в море, и — прощай сомнения. Пришло время со всеми хочет попрощаться, включая здравый смысл… А что еще ты можешь придумать, старый желчный моралист?

Молодой, опьяненный счастьем Жилин встает со скамейки и шагает в ту сторону, куда дует ветер. Все что мог, он уже придумал. И никто не пугается, не шарахается, головы не поворачивает, когда этот большой и зверский с виду мужчина, наискосок пересекая аллею, озорно восклицает:

— Официант, фруктов! Любых! Только не райских яблок, хватит с меня яблок!

Глава двадцать пятая

Было почти, как вчера, вот только в беседе на этот раз отсутствовала благородная сумасшедшинка, которая так нравится молоденьким барышням и старым эстетам.

— Ты дура, — нашел он подходящее случаю слово. — Болванка ты дубовая.

— Я не из дуба, я из бальсы, — охотно возразила Рэй. — Я изящная и очень легкая.

И на том разбор полетов исчерпался. Не было озвучено ни одно из тех обидных слов, которые витали вокруг, как назойливая мошкара. Бывают ведь ситуации, когда на «дуру» только дуры и обижаются, не так ли? Агент Ведовато сама все понимала, переживания и так терзали ее, никаких слов не требовалось… Жилин придвинулся к ней, обнял и спросил:

— Ты знаешь, что Мария — самое распространенное на Руси имя? У одной моей деревенской знакомой была корова Машка, кошка Машка, внучка Машка, а самые ее любимые конфеты назывались «Марья в пудре». Угадай, как ее саму звали?

— Товарищ доярка? — предположила Рэй.

— Грубо, — удивился Жилин. — Но неправильно.

— Сдаюсь. Я вообще-то не поняла намек. Ты меня что, с собой зовешь?

— Да я просто…

— Тогда я, конечно, согласна, но должна сначала подумать.

Они сидели на влажном остывшем песке. Бриз уже поменял направление с морского на береговой. Пляж в этом месте был скверно освещен — один-единственный фонарь на пару с луной, — но в целом взморье было почти таким же, как и вчера: любителей ночных купаний оказалось не меньше, чем дневных. Люди инстинктивно тянулись к морю, это было хорошо. Вода умеет возвращать нервную систему к норме независимо от того, перевозбужден человек или заторможен (Жилин уже объяснял нечто подобное одному знакомому бармену). С другой стороны, в таком состоянии купаться — верный способ стать жертвой несчастного случая… он спохватился:

— Кстати, ты не замерзаешь? Не хватало еще простудиться.

— На войне не простужаются, Ваня, — сказала

она.

Барышня продолжала жить войной, и нельзя было ей не посочувствовать. Лаборатории были разгромлены. Прежде всего электродинамическая, занимавшаяся квантовыми рассеивателями и геомагнитными генераторами, а заодно биотехнологическая, в которой синтезировали по рецептам Рэй полюбившиеся ей «оболочки». В здешнем Университете трудились головастые ребята, не зря им гостья подарила все разработки, украденные из секретных лабораторий Службы контроля. Они не только превратили научную информацию в кучу полезных мелочей (вроде браслетов-«зонтиков», которые обтягивали сейчас запястья и Жилина, и Рэй), но многое усовершенствовали. Взять хотя бы «костюмчики» нашей царевны-лягушки, ее маскировочные комплекты, которые не смог распознать даже тонкий знаток Оскар Пеблбридж. Так что разгром лабораторий, очень вероятно, был одной из главных целей нападения на Университет, теперь это видится вполне отчетливо.

Какие еще у нас новости, достойные упоминания, подумал Жилин. То, что Феликс Паниагуа прилюдно покончил с собой, и никому не пришло в голову удерживать его? Об этом и так ожившее

радио не уставало сообщать. Зато о том, что автомобиль Рэй чудом уцелел во время штурма — не знал никто! Повезло. Сохранилась, разумеется, и начинка автомобиля, и содержимое обоих багажников. В настоящий момент «фиат-пластик» прятался в парке где-то неподалеку, на стоянке возле одного из гротов. По ту сторону акаций было урочище, то есть древнее кладбище, и грот давно уже обжили археологи. В этой-то пещере Рэй и устроила себе лежбище, наблюдая за пляжем. Долго же ей пришлось ждать: она тут с шестнадцати часов томится. Это называется: встречаемся на том же месте в тот же час…

Была еще одна новость, и вот ее-то не знал никто, кроме Жилина. Поганая тварь, столько лет жившая в его мозгах, сдохла! Уродливый карлик, никогда не спавший и хозяину своему не дававший спокойно спать, был мертв, труп его смыло волной, и морская свежесть наполняла голову, выветривая скопившуюся тухлятину. Это была свобода. «Искупаться…» — расслабленно подумал Жилин.

— Может, расскажешь наконец, как ты догадался? — произнесла Рэй сварливо.

— О чем догадался, солнышко? — спросил он.

— О том, что я — это я.

На неуловимую долю секунды молодая женщина стала старушкой. Так-так, разоблаченному агенту хотелось узнать, где был прокол. Проснулось профессиональное любопытство. Отчего бы не помочь коллеге, подумал Жилин. Как я догадался… Рост? Запах? Любовь к кристаллофонам? Рост я определяю с точностью до миллиметра, это да. С запахами сложнее, но главное, видимо, все-таки в другом. Я к ней неравнодушен, вот в чем разгадка. Неужели это правда, спросил он себя. Неужели впервые в жизни — это правда?

— Все просто, — сказал он. — Твоя бабуля держала ручной детектор точно такой же хваткой, как и фрау Балинская — виброфен. И юная ведьма, которая проколола мне руку, точно так же держала спицу. Ты поджимаешь особым образом мизинец, забываешь контролировать это движение.

— Дьявол, — огорчилась она. — Надо работать над собой.

И все-таки непонятно она вела себя! Никакого траура, никаких слез над телом, которое стащило воронье в пиджаках. Обойдемся без иронии, подумал Жилин, у меня есть свой Учитель, но ведь и у нее был свой. Тот, чьи покалеченные ноги достойны благоговейного лобызания. Или якобы

неопознанный мертвец на холме — это ход, мистификация, высококлассная инсценировка?

— Странник точно умер? — спросил Жилин нейтрально. — Ошибки нет?

— Умер? — с совершенным хладнокровием удивилась Рэй. — Он давно уже был мертв, и ты прекрасно об этом знаешь. Он погиб, когда я еще в гимназию ходила.

— Когда ты к олимпиаде по космогации готовилась, — покивал Жилин. — Но по причине беременности не попала.

Она взглянула на популярного писателя так, что не понять ее было невозможно: покойники эту женщину больше не интересуют. Только живые и настоящие. Только те, у кого есть будущее. Иногда Жилин завидовал мужчинам, на которых ТАК смотрит женщина… Вот поэтому меня теперь интересует настоящее, подумал он с наслаждением. Будущее подождет.

— Кстати, — вспомнила Рэй, — мой сын нашелся! На «Пеликане-10»!

— Откуда узнала?

— Позвонила мужу в Австрию, — с вызовом сказала она. — Товарищу Балинскому. Ты против?

— Он сотрудничает с Эммануэлом? Оказывает мелкие услуги?

— Ой, да какое это имеет значение? Ты что, не понял? Мой сын — на планетолете, в космосе! Пробрался каким-то образом, дьяволенок, и дождался старта.

— Ну ты же сама меня просила, — проворчал Жилин, — чтоб был подальше от людей.

— Почему ты на меня так смотришь? — напряглась она.

— Обдумываю твои слова насчет Странника. Хочешь сбить умного с толку, заговори, как клинический идиот. Так вас учили, агент Рэй? Она же возлюбленная князя Эммы… Мозги сломаешь, распутывая ваши шарады.

— Если я возлюбленная Эммы, тогда ты — его цепной пес, — вспыхнула женщина.

— Князь Эмма — от санкритского слова «Яма», — сказал Жилин. — Это индийской бог, царь усопших. Изображался краснолицым демоном. Ты случайно ничего такого не имела в виду, когда вкручивала мне про мертвого Странника?

— Дурак, — сказала Рэй и засмеялась.

— Я — бывший цепной пес, запомни. Бывший, — повторил Жилин по слогам.

— Все мы в чем-то бывшие, — согласилась Рэй.

— Тогда иди сюда, — позвал он. — Кстати, твой краснолицый демон молил тебя о прощении.

Просил вернуться в лоно прогресса. Чем мы ему ответим?

Женщина поудобнее устроилась на плече у мужчины и шепнула что-то ему на ухо. Тот произнёс ошеломленно:

— Не знал таких слов. Ты мне запиши, а то я не запомню.

— Ты ведь главного до сих пор не знаешь. Эмми, как самый умный, решил получить в свое пользование астероид Strugatskia, весь целиком. Для начала — найти и высадиться. А потом превратить его в режимный объект с несколькими уровнями охраны, закрыв доступ для всех, кроме себя.

Жилов сел.

— Ты не шутишь? — встревожился он.

— А то, — усмехнулась она. — Кто был никем, тот станет всем. Экспедицию товарищ Генеральный намерен возглавить лично.

— Снимать астероид с орбиты и толкать к Земле — это в планах есть? — съязвил Жилов. Он вспомнил, что случилось с теми, кто однажды пытался поймать эту планету космическим «Ситом», — вспомнил и успокоился.

— Насчет буксировки не знаю, но экспедиция в обход МУКСа начала просчитываться с месяц

назад. Вот тогда мне и показалось, что это уже слишком!

Накатившая волна принесла на берег молчание. Кубики сюжета окончательно встали по местам, и конструкция обрела устойчивый, законченный вид. Теперь было ясно, почему Рэй сбежала от своего тайного сеньора, зачем украла артефакт из хранилища и для чего вернула трофей законному владельцу. Теперь было ясно, почему друг Эммануэл нацелил Жилова на поиски своей возлюбленной (русского медведя послали в посудную лавку, чтобы тот побил горшки, а за углом посадили дона Мигеля с клеткой наготове). Теперь была ясна причина спешки, с которой Странник выдернул культового писателя с привычной орбиты: понадобился человек, способный не просто разрушить или подправить, а выстроить всю конструкцию заново… но был ли Жилин таким человеком?

Лечь обратно на песочек он уже не смог.

— О чем ты все время думаешь? — спросила Рэй. — Я же вижу.

— О том, зачем было переодеваться старушкой, — ответил Жилин. — Что за балаган?

— Чтобы ходить ночью по коридорам гостиницы, не привлекая внимания, — объяснила

она. — У пожилых людей редко получалось… я про сны говорю. Трудно изменяться на старости лет, не правда ли, Ванюша?

— Грязные намеки, — восстал он.

— А врать не надо. Ни о каких старушках ты не думаешь. Ментоскоп бы сюда…

— Что-что? — не понял он.

— О-ля-ля. Ментоскоп, самый последний внучок слега. Не знал? Волновой стимулятор, который синхронизирует зрительные образы, возникающие в мозгу, с сокращениями мышц глазного яблока и радужки. Затем механические импульсы переводятся в электрические и получается развертка. Картинка пока очень плохая, но она есть, я сама видела. Секретные службы роют землю от нетерпения.

Исправить, встревоженно подумал он. Срочно активизировать камни. Никакого ментоскопа в Будущем не может быть, не должно быть! Опоздал, опять опоздал…

— На самом деле я вот о чем я думаю, — медленно сказал Жилин. Говорить стало ужасно трудно, язык больно ворочался во рту, как плод во чреве роженицы. — Спросить хочу… Стаса откопали?

Он отдалял и отдалял эту проклятую тему: все надеялся, что ответ как-нибудь сам возникнет.

Рэй тоже села и сказала совершенно спокойно:

— Скребутан жив.

— Где он? — ничем не выдал себя Жилин.

— Наверное, в каком-нибудь закрытом госпитале. На материке. Его сразу погрузили в санитарный вертолет и — фьюить! — Она изобразила рукой восходящую к небу спираль.

— Откуда ты знаешь?

— Человека можно скрыть от прессы, от полиции, даже от исполнительного листа, но не от того, кто ему искусственное дыхание делает, — дернула носиком Рэй.

— Гончар? — сказал Жилин.

Он встал на ноги, отряхиваясь. Женщина встала рядом. Он оглянулся, посмотрел на уходящий к небу, усыпанный огнями амфитеатр города, и продолжил:

— Стаса будут судить?

И тут же понял, что сморозил глупость. Суд крайне невыгоден Службе контроля, кроме того, если бы главаря такой банды хотели судить, давно бы уже предъявили его публике.

Рэй улыбнулась краешками губ.

— Думаю, наоборот, предложат высокооплачиваемую работу. Подальше от тягот цивилизации, вернее, поглубже.

А почему бы не привязать банкира к креслу перед стереовизором и не показать русские порники, подумал Жилин. Чего проще?

Задрав голову, он долго смотрел на луну. Разум был свободен и открыт. По дорожке лунного света спустился кто-то, очень похожий на Жилина, и вошел, не спрашивая разрешения. Не бойся, этого они с твоим Стасом не сделают, возразил второй Жилин. Почему? Потому что Стас — твой друг. Неужели ты не понимаешь, как это важно, что он — твой друг? Ему предложат работу, и он, конечно, согласится. Хм, сказал первый Жилин. На Стаса трудно воздействовать, он одинок и вдобавок не боится смерти. Второй Жилин оскорбительно засмеялся. Смерти не боятся только просветленные йоги и люди с заметными отклонениями в психике, ну еще, до некоторой степени, маленькие дети. Стас, бесспорно, ребенок, пусть и большого размера, однако он по-прежнему любит деньги. Он их любит платонически, обронил Жилин (который из них?). Во-первых, откуда ты это знаешь, ехидно осведомился гость, во-вторых, не имеет значения, как он их любит. Негоже Боевым Романтикам иметь такие слабые места в броне; опытный психолог пробьет в ней дырку одним пальцем — и вытащит душу наружу… Вон

отсюда, закричал единственный и настоящий Жилин, и фекалии свои подбери! Хотя, если быть честным с самим собой (с кем же еще), то мнение непрошеного собеседника принесло ему некоторое облегчение…

— Ты права, — сказал он Рэй. — Будем надеяться.

Я свободен, напомнил он себе, затем пошел вдоль воды, перепрыгивая через языки прибоя. На полуголого Жилина заглядывались, как никогда раньше: сегодня это было для него почему-то важно. Будущего больше не существовало. Прошлого тоже. Иван медленно вынул из карманов штанов божественные Буквы…

Подбежала Рэй.

— Смотри, — сказал он, открывая ладони.

Она и так смотрела во все глаза.

— Нравится?

Она мелко покивала, не пытаясь скрыть восхищение. Как магнитом повлекло ее к рукам мужчины, невидимая сила заставила ее изогнуться и вытянуть мордочку; изо всех сил Рэй хотела увидеть…

— Проигрыватель? — сочувственно спросил он.

— Пара звуковых синхро-капсул. Со сфероэф-

фектом, — она прерывисто вздохнула, не смея дотронуться.

— Смотри внимательно, — предупредил Жилин, забежал по пояс в воду, после чего, один за другим, швырнул камни далеко в море.

Женщина окаменела, ничего не понимая.

Черные снаряды звучно шлепнули о волны и ушли на дно, смешавшись с одинаковой, идеально отшлифованной галькой.

Давно бы так, горько сказал он себе. Никакого суперслега — никому и никогда, ни взрослым праведникам, ни юным гениям! Живи спокойно, Новый Человек, и пусть никто не вложит в твои руки подобную тяжесть…

— Приговор приведен в исполнение, — сурово сообщил Жилин, вернувшись.

Что же ты натворил, недоумок, явно хотела крикнуть Рэй, однако сказала совсем другое:

— Это преступление.

Она едва не плакала. Ну как же так, ну что же это, изнемогала она от обиды. Ее лицо в одно мгновение стало детским, непривычно растерянным; от ее лица, искаженного светом и тенью, невозможно было оторвать взгляд. Бессилие, как выяснилось, красило это удивительное существо не меньше, чем сила.

— Бывшие возлюбленные очень ранимы, — улыбаясь, сказал ей Жилин. — А также легковерны.

Он привытащил на секунду Буквы из карманов и снова спрятал. Сокровище осталось при нем, разумеется. Как же иначе? Могло ли быть иначе?

— Обманул… — с ужасом прошептала Рэй. — Ты меня обманул…

Ужас превратился в ярость. Ярость превратилась в отработанное неуловимое движение, однако писатель был настороже, сегодня он был в ударе: с любовью перехватив этот скороспелый порыв чувств, он придал летящему телу новое направление и мягко положил проигравшего соперника на песок.

— Прием не готов, — голосом инструктора объявил он. — Повторим?

— Когда ты их успел подменить? — пропыхтела Рэй.

— Говорили же тебе — смотри внимательно.

— Обманул! — повторила она уже с восхищением.

Кого он обманул? Только ли влюбленную в него женщину? А как насчет себя самого? Да, выбросить ЭТО в море было бы позором и малодушием. Стремясь избавить случайного человека от со-

блазна стать Богом, на самом деле он всего лишь обезопасил бы собственные сны. Какой же выход? Отдать ЭТО, подарить кому-то — также было малодушием. Впрочем, как и навечно оставить себе… Существовал ли четвертый вариант?

— Пожалуйста, больше не шути так, — попросила Рэй. — А то я подумаю, что у тебя не осталось желаний.

Он оскорбился, с трудом пряча улыбку:

— У меня не осталось желаний?! Это теперь-то, когда я точно знаю, что вчера на пляже ты была права, и все на свете — игра моего воображения?!

Он помог женщине подняться. Потом притянул ее к себе, готовый к тому, что эта сумасшедшая опять станет бороться, но все обошлось, и тогда он признался:

— Помнишь, ты спрашивала, хочу ли я, чтобы ты разделась? Ответ утвердительный. А потом — чтобы раздела меня.

Когда Жилин тащил Рэй к зарослям акаций, она хохотала, как деревенская дурочка, и шаловливо задирала кислотную маечку, под которой ничего кроме загара не было.

Глава двадцать шестая

В доме Горбовских все было открыто: и калитка, и окна, и входная дверь, повсюду горел свет, даже в саду, идиотскими голосами рыдал стереовизор, вот только жизни в доме Горбовских было маловато. Не била у них жизнь ключом. Татьяна лежала на диване в гостиной, с трудом вмещаясь в пространство мягких спинок и подушек. Ноги ее покоились на валике. Рубенса бы сюда, подумал Жилин.

— Прости, — виновато сказал он, — я попрощаться.

Татьяна, кряхтя, привела свое огромное тело в движение. Она села, спустив ноги в тапочки, и рефлекторно запахнула халат. Жилин присел рядом.

— Прости, что так поздно, — продолжал он. — Утром меня здесь уже не будет.

— Тогда чего мы ждем? — хрипло поинтересовалась она, потянулась к гостю и жадно впилась в его губы. Поцелуй был сочен и полон страсти, язык пани Горбовской ворвался Жилину в рот, требуя ответной ласки. Именно так обычно целу-

ются подвыпившие женщины.

— Что ты, что ты… — оторопел Жилин, не сразу высвобождаясь. Объятия у хозяйки были гидравлической мощи. Он непроизвольно кинул взгляд в незашторенное окошко: Рэй ждала его на улице в машине. И вообще, для одного вечера было как-то многовато.

— Я тебя люблю, — сказала Татьяна, выпуская жертву из рук. — Давно, еще с тех пор.

Она была совершенно трезвой.

— С каких-таких пор?

— И ты забыл…

— С тобой все в порядке? — спросил ее Жилин.

— Со мной — о'кей.

С ней, конечно, не было о'кей. Растерзанная упаковка валялась на ковре, все десять капсул были выдраны и, очевидно, проглочены. «Perfugium», транквилизатор. Впрочем, десять капсул перфугиума — это не причина для тревоги, в экстренных случаях допускается и б***О***льшая доза.

Ребенок до сих пор не спал, несмотря на то, что было уже без нескольких минут полночь. Укладывать его сегодня никто не собирался. Леонид Анджеевич лежал тут же на ковре, махая ногой, и смотрел по стереовизору какой-то совершенно

взрослый фильм, пользуясь попустительством взрослых.

— Думаешь, я под балдой? — усмехнулась хозяйка и пнула «perfugium» тапком. — Думаешь, эту дурь я залпом маханула? Не боись, в течение всего дня ее глотала, только не помогает что-то.

По ее щеке ползла одинокая слеза. Как будто капля с потолка упала.

— Вижу, что не помогает, — согласился Жилин, стараясь не встретиться с Татьяной взглядом.

— Была у Анджея в больнице, — сказала она. — С четверть часа, как вернулась.

— И как он?

— Говорят, в шоке, — с пугающим спокойствием сообщила Татьяна. — Врачи все дохлые, ничего путного из них не вытрясешь. В реанимацию не прорваться. Хотела уж силой Анджея забирать, чтоб дома помирал, так девчушка одна отговорила. У нее там тоже муж лежит. Не бросай меня, Ваня.

— Что ты несешь! — рассердился гость. — Что ты из себя вдову-то корчишь? Твой Анджей тебе еще Нобелевскую премию в ноги постелет, в крайнем случае — Ленинскую.

— Ты думаешь, с ним будет нормально?

— Я. Тебе. Обещаю, — произнес Жилин раздель-

но. Хотел было успокаивающе похлопать ее по коленке… но воздержался.

Столь непривычная форма истерики сделала его осторожным в словах и жестах.

Он решительно встал.

— А на кой хрен мне его премия? — спросила женщина саму себя. — Нет в доме мужика. Не было и не будет…

Она опустила плечи и ссутулилась. Жилин только головой покачал. Что тут было ответить? Он подсел к мальчику и сказал:

— Привет.

— Доброй ночи, — вежливо ответил тот, не отрывая взгляд от экрана. — Не обращайте на маму внимания, она из-за папы.

— А ты волнуешься за папу?

— Нет, — изумился он вопросу. — Я сыну главного врача самодвижущуюся дорогу подарил, пусть теперь попробуют папу не вылечить. Они тут недалеко живут.

— Хочешь, я тебе тоже что-нибудь подарю? — осторожно сказал Жилин.

Мальчик соизволил повернуть голову. Гость сидел неподвижно, никаких подарков в его руках не наблюдалось. Правильно ли я делаю, лихорадило гостя. Хорошо, что никто эту предательскую

дрожь не замечал. Понравится ли маленькому пану Леониду играть с красивыми и необычными камушками, которые дарят ему знакомые дяди межпланетники?.. Ну отчего же — глупость, раздраженно подумал гость, споря непонятно с кем. С какой стати мальчик должен жить в мире, придуманном кем-то за него, тем более если этот кто-то — уставший от войны солдат, человек из прошлого. Бывший романтик, бывший циник, бывший коммунист… Леонид ждал. Очень терпеливый он был ребенок, на зависть другим мамам и папам… Ну отчего же — безумная идея? Черновой вариант Будущего мы уже подготовили, настало время проверить этот вариант на прочность. И вообще, для чего я сюда пришел, подстегнул он свою волю, как не для того, чтобы сделать малышу подарок! Для этого и пришел. Не для того же, в самом деле, чтобы утешать спятившую матрону?

И наконец — в который раз за эти сутки — камни были вытащены из карманов…

— Ого! — восторженно сказал мальчик. — Это метеориты?

Что-то сместилось у Жилина в груди, что-то встало не так.

— С чего ты взял?

— Так вы же космолетчик. Папа мне всё про вас рассказал.

Он *видит*, понял Жилин… Неужели он *видит*? Неужели я не ошибся? Ликование распространялось в груди космолетчика, как пожар холодной аннигиляции.

— А ты знаешь, что дареное не передаривают? — строго спросил Жилин. — На тебя можно положиться? Не отдашь внучке главного метеоролога, чтобы погода была хорошей?

— Что я, маленький! — он даже обиделся.

— Тогда держи.

— Оба? — не поверил он.

— Метеориты всегда дарятся парами, это закон.

Леонид Анджеевич вскочил, крепко сжимая камни в руках. Он вытянул руки в стороны — вроде как крылья, — и пошел в пике по комнате, отдавая командирским голосом короткие и ясные распоряжения:

— «Тариэль», приготовиться к прыжку!.. Всем освободить зону старта!.. «Подсолнечник», куда прешь, на пять мегаметров ниже!..

— Зачем ты его балуешь? — укоризненно сказал Татьяна. — Зачем ему такие дорогие игрушки?

Все это время она с улыбкой наблюдала за обще-

нием двух не старых еще мужчин, не вмешиваясь и даже не прислушиваясь.

— Что это у тебя? — поймал Жилин мальчика.

— Звездолеты, разве не видно, — нетерпеливо ответил он. — Пустите.

Я искал спасения, подумал Жилин, и я нашел его…

— Ты не останешься, — констатировала женщина.

— Не могу, Танюша. Меня на улице ждут.

— Тупица. Такой шанс раз в жизни бывает.

Было видно, что ей полегче стало и что теперь она шутит. Вроде бы. А пять минут назад — что это было? Женщины — самые загадочные существа во Вселенной, никогда я их не понимал. Вот и критикессы до сих пор возмущаются, почему в моих произведениях отсутствуют полноценные женские персонажи, полагая это неким демаршем женоненавистника…

— Каких только шансов в жизни не бывает, — постарался улыбнуться Жилин.

— Позвал бы ее сюда, что ли, дал бы мне поглядеть, — показала она на распахнутую дверь.

— Кого? — непринужденно удивился Жилин.

Татьяна надула щеки и разом выпустила воздух.

— Вот кого…

Малыш носился по дому, ничего вокруг не замечая: то он на кухне, то вдруг — топает по лестнице, ведущей на второй этаж. В руках у него были звездолеты Будущего. Большая честь — увидеть их первому, подумал Жилин. Человек должен выйти в Галактику, к иным звездам, — об этом ты не позаботился, этого ты не предусмотрел, профессиональный мечтатель! И человек попадет к иным звездам. Диковинные, ни на что не похожие аппараты в руках этого мальчишки — лучшая тому гарантия.

И за папу он не волнуется. В самом деле, чего волноваться, если папа непременно выздоровеет…

— Да сядь ты снова, не трону я тебя, — сказала Татьяна, совершенно другим голосом. — Ко мне, на диван.

— Давай я лучше Леонида уложу спать, — предложил ей Жилин.

— Наконец-то соизволил своим ребенком заняться.

— Каким ребенком?

— Ко мне, я сказала.

— Подожди, что ты мелешь? — спросил он севшим вдруг голосом. — Ты про какого ребенка?

— Ничего не помнишь, — обиделась она. — Детей строгать — все вы мастера, папы Карлы. Хотя, пьяный ты был, Жилин. Все мы тогда косые были, но Анджей первый свалился. И беседку не помнишь?

Что-то неохотно выползало из запасников памяти: обрывки фильма без начала и конца… нечеткое изображение, отвратительный звук… голый Анджей носится по какому-то пустырю, всаживая в ночное небо сигнальные ракеты — одну за другой… Стас, отражая задницей луну, зарывает свою голову в мокрый песок, а его тогдашняя девица, вся в водорослях, вопит от ужаса и показывает пальцем… беседка…

Да, была и беседка. Кажется…Увитая диким виноградом. С большой дырой в крыше, сквозь которую удобно разглядывать звезды, попутно рассказывая кому-нибудь занимательные истории про действующие вулканы на Ио. Ио — это один из спутников Юпитера. Кому он тогда вкручивал про вулканы? Убей — не вспомнить…

— Кошмарно неудобная была скамейка, — пожаловалась Татьяна. — Узкая, как жердочка для попугаев.

— Это что, правда? — задвигал он деревянным ртом.

— Позорище, — она хрипло закашлялась. — Эх, вы, мужики.

Гость ужаснулся. Она шутит. Или все-таки нет? Татьяна в таком состоянии, что не может себя контролировать, это да, но есть на свете вещи, с которыми ни одна женщина шутить не станет… Почему Леонид — единственный, кто смог увидеть Буквы в истинном их обличье? Почему именно этому пацану я решился оставить камни, какой зов привел меня сюда? Здесь мой сын, подумал Жилин. Вот тебе ответ — на все вопросы. Это мой сын. Кому еще, как не сыну, передать Божий дар в наследство… Получается, я должен здесь остаться. Но как же быть с той, которая терпеливо ждет меня у ворот дома?

Бежать, подумал он. Уносить ноги — пока не закипела кровь, пока испуг не превратился в счастье…

— Ну, так мне ловить твоего сорванца или сама справишься? — сказал Жилин и отвернулся.

Нестерпимая фальшь отравляла в комнате воздух.

— Уложи его, если можешь, а то я что-то совсем… — тихо согласилась женщина. — Я лягу, хорошо? — Она легла боком на диван, поджав ноги. — Спасибо тебе, Ваня…

Леониду между тем надоело играть внутри дома, тесновато стало, пространства не хватало, и тогда он с воплями, с гиканьем поскакал в сад.

— Когда будешь уходить, разбуди меня. Поцелуем, — сказала Татьяна в спину Жилину и засмеялась. — Ты прости меня, Ваня, язык вдруг развязался. Не обращай внимания. Не знаю, что со мной творится. Вернее, знаю, но… Не вашего ума это дело, популярные писатели. Ты не бери в голову, главное, приезжай почаще… — Связная речь быстро превращалась в сонное бормотание. — Вот такие у нас пироги. Всю жизнь думаешь, думаешь о настоящем мужике вроде тебя, а жить приходится с каким-нибудь задохликом. Бабы — это лежачий анекдот. А ты, Ваня, негодяй. А я кто? Я — стерва…

Она уже спала. Жилин накрыл женщину пледом, выключил кричащий стереовизор и пошел в сад — объявлять экипажам звездолетов отбой.

Эпилог

Может мелкое
Породить великое.
Как Фудзи – стихи...

Гончар, сын учителя.

«Экспресс-люкс» уносил его прочь из страны, где люди, не желавшие жить иначе, принялись вдруг думать иначе, и у них все получилось. Где деньги, спрятанные под матрацем, воспитывали не алчность, а бескорыстие; где выгода стала двигателем нравственного перерождения. Где за здоровье пили водку, которой невозможно напиться. И где, наконец, доктор Опир читал лекции по макробиотике с той же страстью, что и призывал дураков семь лет назад быть веселыми.

В так называемом одноместном купе отлично разместились два человека. Пожилая дама, приходившаяся фрау Балинской родной мамочкой, спала в гостиной на диванчике; милая была бабуля, совсем не обременительная для одинокого рефлексирующего супермена. Иван Жилин, увы, не спал, хоть и полагалась ему роскошная

откидная полка, кстати, двуспальная. За окном мелькали неоновые стрелы направляющих линий. Бежать, думал он. Куда? Обратно в космос? В том космосе я уже был, хватит. Прав был Бэла, когда советовал мне не обольщаться. Вовсе не наш космос, в муках осваиваемый героями пространства, управляет этими удивительными людьми и этой планетой, которая пока нам не принадлежит. Так что если и искать спасение, то в настоящем Космосе — в том, которого никто никогда не видел.

А на Земле что мне делать? Какие еще цели может поставить себе человек, у которого было Слово? Если взглянуть на все сверху, бросив внизу никчёмное тело, тогда не придется бежать. Однако не будет ли и это тоже бегством? И не украдут ли мёртвое тело шакалы в зеленых галстуках? Как это уже случилось с одним беглецом, который не пожелал оставаться во плоти…

Кофеварка возле бара слабо жужжала, выдавая эспрессо по капельке. Когда одноразовый стаканчик был почти полон, Жилин встал и остановил процесс. Других звуков, мешающих мыслить, не было, как не было и тряски: абсолютный комфорт. Естественный Кодекс на территории поезда пока не действовал. То ли назло самому себе, то

ли в силу странной привычки закусывать кофе новостями, он включил информационный канал. Голоса Европы ворвались в купе: он сделал потише, однако мысль уже вильнула в сторону.

Сразу от Горбовских он поехал в полицейское управление — сдаваться. Ведомство Бэлы Барабаша, несмотря на ночной час, было полным-полно сотрудников: город все еще корчился в странных судорогах. Жилина приняли без каких-либо строгостей, наоборот, окружили искренней жалостью. Как выяснилось, здесь с особой заботой относились к лицам, подлежащим депортации, была даже предусмотрена специальная комната психологической разгрузки — с психологом наготове. Зачем? Чтобы снимать с нашкодивших гостей стресс, вызванный решением властей. Жилин этого психолога вежливо послушал, откинувшись в бездонном кресле, и в результате поспал полчасика, потому что никто его не будил. Потом его даже уговаривали задержаться до утра, предлагали простыни и ночные тапочки… А до того он мужественно принял постановление о высылке, зачитанное официально, подписал бумаги и прошел медкомиссию. Медкомиссия, как объяснили, нужна для обоюдного спокойствия, чтобы ни у кого ни к кому никаких претензий.

Очевидно, был печальный опыт. Когда Жилин оплатил билет на поезд, который ему тут же вручили (билет, а не поезд), было дано разрешение покинуть здание, никто лжецу и шпиону в этом не препятствовал. Забавно здесь выдворяли! Расписался, получил билет, и свободен. Не уедешь сегодня — завтра процедура повторится в точности, включая повторную оплату билета. Однако Жилин настоял, чтобы его под конвоем, громко и с позором доставили на вокзал. Именно ночью, не теряя ни минуты. И чтобы в поезд усадили, и чтобы убедились: преступник благополучно депортирован. Нельзя же так себя казнить, неловко убеждали его, а он прятал в руках искаженное виной лицо и стонал: я негодяй, товарищи, я должен ответить по заслугам… По ходу всей этой комедии он ощущал себя зверем, который уводит охотников от норы с детенышем. Необычное ощущение. Все-таки романтики, как и агенты, не становятся бывшими. Детенышем, понятное дело, был юный Леонид Анджеевич с его «Тариэлем» и «Подсолнечником»…

Вообще, сотрудники полицейского департамента достойно справились со своими личными проблемами. Жилин сам видел, как многие из них выходили в ведомственный скверик и там,

нисколько не стесняясь, прямо под горящими окнами, обнимали стволы деревьев и подолгу так стояли, сняв форменные панамы. Подзаряжались Мировыми Линиями? Он не спросил.

Новый порядок погиб, едва успев родиться… Возможна ли вторая попытка? Можно принять красивую позу и заявить: пока люди стыдятся своего нездоровья и духовного убожества — все возможно! Но так ли это? Исчез посредник, связавший людей в одну систему, взорван и сожжен в подземном хранилище. Вдобавок проклят жрецами старой веры. Предположим, найдется новый посредник, который не будет ограничен масштабами одной крохотной страны. Например, в порядке бреда… книга, которая есть в каждом доме, которую читают перед сном и кладут на ночь под подушку. Автор: Иван Жилин. Библия грядущих чудес… В порядке бреда ли? Не загадал ли именитый автор и такое желание? Черт возьми, если это так, то чем оно отличается от планеты имени Жилина?!

Пассажир с интересом прислушался к новостям.

Было сообщено, что Саш***А*** Эммануэл, генеральный секретарь Мирового Совета, решением внеочередного заседания Президиума в связи с

ухудшением состояния здоровья и по его личной просьбе отправлен в отставку. Однако по сведениям, полученным из многочисленных источников, истинной причиной отстранения товарища Эммануэла от должности явились неожиданно вскрывшиеся тайные сношения его с господином Рэбией, возглавлявшем в Совете безопасности Управление стратегического планирования. Просочились слухи, что вся текущая деятельность Саш*А* Эммануэла направлялась и координировалась именно Управлением стратегического планирования с целью дискредитации Мирового Совета в частности и Советского Союза в целом. Заявление Президиума в связи с этими слухами ожидается в самое ближайшее время. Выборы нового руководителя Генерального секретаря состоятся на внеочередной сессии, и среди вероятных кандидатов называют совершенно неожиданные фамилии, например, известного литератора Ивана Жилина…

Вот тебе Будущее, наслаждайся, подумал известный литератор Иван Жилин. Жутковато становится, ей-богу. Но неужели у мечтателя, придумавшего людям их новую жизнь, оказалось так много мелких желаний? Увольнение Эмми за шпионаж и вредительство — какая пошлость… И

как же быстро они сбываются! Загадал с вечера, а ночью все уже готово. Или это я еще прошлой ночью загадал, удивился Жилин. Или высшие силы тут вообще ни при чем? Совет Безопасности испугался, что суперслег вот-вот попадет в мохнатые лапы «гениального стратега» и срочно организовал утечку информации в качестве превентивного удара. Логично…

Оставим большую политику мусорщикам и золотарям. Пожалте — новости с научных фронтов. Только что опубликованы результаты грандиозного эксперимента по так называемому «прогрессивному гипнозу», сообщил журналист, сдерживая ликование. Обычным людям, введенным в состояние гипнотического транса, задавали вопросы о будущем человечества, мол, что вы там видите? К исследованиям было привлечено огромное число добровольцев разного пола, возраста и социального положения. И выяснилось, что все они видят примерно одно и то же! Их впечатления, их «воспоминания о Будущем» потрясающим образом совпали. Но… Вечно в хорошее дело влезает это «но». Картины, описываемые спящими людьми, обладали одним серьезным ограничением: датировка начиналась не ранее середины двадцать второго века. До

этого — черный провал, словно некая блокировка срабатывала в памяти всех без исключения подопытных. Вот такой парадокс.

Никакого парадокса, невесело посмеялся Жилин. Творцу скучны средства, Творца интересует только конечная цель…

Так какая у меня теперь цель! — спохватился он, вернув свои мысли к началу. Каков смысл? Смысл чего? Да всего! Боже упаси, только никакого пафоса, испугался он: это устройство, вживленное в мозг каждого писателя, вечно путает обертку с конфетой. Да выключите же пафос!

Жилин сунул голову в гостиную и посмотрел на дрыхнущего без задних ног агента Рэй. «Костюмчик не жмет?» — подмигнул он симпатичной лже-старушке. Рэй пришла в гости недавно, а до того — тихо сидела в своем купе. Она приобрела билет и погрузилась в «Экспресс-люкс», разумеется, отдельно от компаньона. Конспирация, бляха-муха. Но все же рискнула, не выдержала, перебралась в конце концов сюда, и тут же отключилась, не дождавшись кофе. Устала, девочка… Дружище Эммануэл, как выяснилось, решал своей конфиденциальной просьбой множество попутных задач, но пусть это останется на его пролетарской совести. Жилин выполнил прось-

бу, да только Рэй уже не была возлюбленной Эммануэла. И чтобы похитить ее, не понадобились десантники и психоволновые игрушки. Она сама вошла в «Экспресс-люкс», сама спряталась в этом купе…

Так какое желание я загадал на самом деле, пристыдил себя пассажир. В придачу к тем масштабным сценам, где каждый человек грядущего получает свою порцию счастья — что за тень мелькнула на заднем плане? Не отрываясь, он смотрел на Рэй. Честно ли это? Творя чудо, совмещать личное с общественным — достойно ли это богоизбранного коммуниста?

Может ли стать Смыслом обычное купе со спящей в нем женщиной?

Есть все-таки вещи, которые сильнее твоей воли — впервые Жилин узнал это. Он допил кофе, седьмой стаканчик по счету, и спросил непонятно кого: что дальше?

Сбежавшего из интерната маленького Балинского вернут из Космоса на Землю. Обычное дело. Куда еще бегут искатели приключений, не вышедшие из мальчишечьего возраста? Рэй будет заниматься сыном, никуда не денется, кукушка хренова. Пока дети воспитываются без родителей — не ждите Будущего, и никакая фантазия

вам не поможет. А я… Никогда я не вернусь в эту страну, чтобы еще раз увидеть сына. У ребенка и без меня есть папа, которого он любит. Хватит ломать чужие жизни! Бежать, уносить ноги… Я подарил Леониду Анджеевичу божественную власть, не спросив его согласия; но как же это по человечески — передать власть от отца к сыну…

Я напишу новую книгу, сказал себе Жилов. Хочу! «ТРИНАДЦАТЫЙ КРУГ РАЯ»… Только без слова «тринадцатый»: мы, межпланетники, жутко суеверны, чего уж там. Знавал я одного бортинженера, ставшего к старости писателем, который, нумеруя главы своего романа, опустил «Главу тринадцать» (после номера «двенадцать» у него стояло пугливое «четырнадцать»)… Тогда — «РАЙ БЕЗ БОГА»?.. Нет, не годится. Поди потом доказывай у каждого книжного прилавка, что рай без Бога не построишь… «НОЧЬ В РАЮ»? «ПИК ЖИЛИНА»? Или такой вариант: «ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЛУПОСТИ». Приспособиться к окружающей тебя глупости — что может быть важнее для человека, потерявшего Смысл?

Нет более острого чувства, чем дописать в новой книге последнюю главу! Вот он — настоящий Смысл! Какой еще тебе нужен?

Себе ли пишешь, про себя ли читаешь — не

все ли равно, язвительно изрек поэт Гончар, внезапно шагнувший с Холма прямо в купе. Ну, дописал ты в книге последнюю главу, и что дальше? Подаришь рукопись Стасу Скребутану, если разыщешь его?.. Опять этот проклятый вопрос: «Что дальше»! В самом деле, озабоченно подумал Жилин, где печатать будущую книгу? В «Слове», согласно устной договоренности — солидно, чисто и престижно. Но скучно. А то взять и отдать роман…концерну «АКТ»! Да, грязно. Зато скандал, то есть — весело. Что выбрать культовому писателю?

Не о том забочусь, поморщился Жилов. Вопрос на самом деле ставится по-другому: смогу ли я описать прекрасный новый мир так, чтобы не стыдно было потом перед умными людьми? Ох, плохо, когда позоришься перед умными людьми… оттого и тянутся обиженные творцы в разнообразные Империи Комиксов. Подальше от умных людей, поближе ко всеобщему веселью. Чтобы превратить стыд в гордость. Но когда творец меняет Слово на «Масс-турбо» — не означает ли это, что чуть раньше публика сменила одного бога на другого?

Разберемся…

Издатели торжественно клянутся: «Вам

всем *понравится», они пишут в рекламах и на упаковках: «Сделано для* ***всех****»! А что в действительности? Каков истинный смысл этого «для всех»? Для всех — для большинства и только для большинства. С вытекающими отсюда издержками. Делаешь якобы для большинства, а думаешь об идиотах, подстраиваешься под идиотов — адаптируешь, бляха-муха. И в то же время сам успешно адаптируешься. При таком подходе и взять чужое вроде бы не зазорно. Без всяких «вроде бы». Украсть — не зазорно. Точка. Взять у умных их мысли и переложить на язык идиотов — на язык большинства. Воистину божественная цель!*

Опять в купе входит человек с Холма — сует мне под нос какую-то бумажку.

«Простейший способ преодоления глупости – не раскрывать рта…»

Жилин вздрогнул, очнувшись.

Он заснул, сидя за откидным столиком, — уронил голову на локти и провалился во времени. Несколько секунд слабости. В голове была пустота, и вряд ли это была пустота мудрости. Во рту был гадкий вкус. Он попытался открутить назад те несколько мыслей, которые показались ему во

сне такими смелыми и даже святотатственными, но лента рвалась и наматывалась на валики. И чего было огород городить, подумал тогда он. Писательский труд — масс-турбо в чистом виде, кто бы что ни говорил про таинство общения со Словом. И вообще. Беглец решает, где ему публиковать ненаписанную книгу — смешно…

Жутко болела рука, как раз в том месте, где были следы от проколов. Это означало, что поезд давно пересек границу. «Экспресс-люкс» все отдалялся, все отдалялся от созданной кем-то реальности. Это означало конец иллюзиям.

— Зачем я возвращался? — невесело произнес Жилин.

Бежать…

Никак не получалось думать о счастье для всех. Не получалось думать даже о себе. О том, что вот обрел человек на старости лет сына, и тут же отказался от него — растяпа, глупец, эгоист. И будь оно все проклято, ведь теперь вообще ничего не приходило в голову, кроме жестоких слов старца:

«НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ТУДА, ГДЕ ВАМ БЫЛО ХОРОШО, ТЕПЕРЬ ТАМ ВСЕ ИНАЧЕ, А ЗНАЧИТ — НЕ ДЛЯ ВАС. НЕ ДОСТРАИВАЙТЕ ТОГО, ЧТО НАЧАЛИ ДРУГИЕ, ТАМ ЖИВЕТ ЧУЖАЯ ДУША,

А ЗНАЧИТ СЧАСТЬЕ СНОВА УСКОЛЬЗНЕТ У ВАС ИЗ РУК».

Ленинград, 1961—2001 гг.